ГОУ ВПО «ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ДРОЖАЩИХ Наталия Владимировна

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИКОНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание

ученой степени доктора филологических наук

Тюмень – 2006

СОДЕРЖАНИЕ Стр.

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1. ИКОНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА 25

1. 1. Иконичность в языке 25

1. 2. Образная иконичность 29

1. 3. Диаграмматическая иконичность 35

1. 4. Иконическое пространство 37

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1 50

ГЛАВА 2. СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА 53

2. 1. Синергетические аспекты языковых подсистем 53

2. 2. Процесс самоорганизации 66

2. 3. Взаимосвязь / взаимодействие разноуровневых единиц и топологичность смысла 72

2. 4. Интеграция разноуровневых единиц 81

2. 5. Интегративный концепт 85

2. 6. Модель интеграции иконических единиц 88

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2 94

ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ ИКОНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА РАННИХ СТАДИЯХ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА 99

3. 1. Возникновение иконического пространства языка 99

3. 1. 1. Лексические единицы и концепты 99

3. 1. 2. Морфологические единицы и структуральные концепты 110

3. 2. Ностратический праязык 114

3. 3. Интеграция лексических единиц лабиальной зоны 117

3. 3. 1. Сценарий *Аугесцентный переход в природе и организмах* 117

3. 3. 2. Прототипическая ситуация 122

3. 4. Интеграция лексических единиц дентальной зоны 127

3. 4. 1. Сценарий *Созидание* 127

3. 4. 2. Прототипическая ситуация 131
3. 5. Интеграция лексических и морфологических единиц и смыслов 141
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3 148
ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ ИКОНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ПРАЯЗЫКЕ И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 151
4. 1. Общеиндоевропейский праязык 151
4. 2. Динамика иконического пространства 155
4. 3. Древнеанглийский язык 162
4. 4. Интеграция иконических единиц лабиальной зоны 165
4. 4. 1. Интегративный концепт фрагмента лабиальной зоны ([w]-лексика) 165
4. 4. 1. 1. Концепты *пустой, Хаос, вода, женский* 165
4. 4. 1. 2. Концепты *война, чужой* 177
4. 4. 1. 3. Концепты *магия, власть* 182
4. 4. 1. 4. Концепт *движение* 185
4. 4. 1. 5. Структуральные концепты *неопределенно-обобщенная множественность, двойственность* 186
4. 5. Интеграция иконических единиц дентальной зоны 192
4. 5. 1. Интегративный концепт фрагмента дентальной зоны ([s]-лексика) 192
4. 5. 1. 1. Концепт *установление* 192
4. 5. 1. 2. Концепты *творение, созидание*. Структуральные концепты *состояние, положение* 199
4. 5. 1. 3. Концепт *свой*. Структуральные концепты *возвратность, притяжательность* 203
4. 5. 1. 4. Структуральные концепты *указательность, определенность* 207
4. 5. 1. 5. Структуральные концепты *единичность, определенность, дискретная множественность* 210
4. 6. Интеграция иконических единиц велярной зоны 215
4. 6. 1. Интегративный концепт фрагмента велярной зоны ([h]-лексика) 215

4. 6. 1. 1. Концепты *часть / целое, разделение / соединение, лицо / предмет, верх / низ. Структуральные концепты состояние, положение* 215
4. 6. 1. 2. Концепты *множество, обладание*. Структуральные концепты *собирательность, обобщенность* 223
4. 6. 1. 3. Структуральные концепты *неопределенность, вопросительность* 227
4. 6. 1. 4. Концепты *лицо / предмет*. Структуральные концепты *1 лицо / 3 лицо* 229
4. 7. Интегративные концепты лабиальной, дентальной, велярной зон 234
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4 256
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 259
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 270
СОКРАЩЕНИЯ 310
ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЙ 318
ПРИЛОЖЕНИЕ 320

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена проблеме самоорганизации иконического пространства языка.

Актуальность темы исследования определяется разработкой экспланаторной концепции эволюции иконических знаков, вписывающейся в рамки современных междисциплинарных системно-деятельностных подходов, из которых наиболее значимыми являются синергетический и интегративный подходы.

Иконические, или мотивированные единицы, связанные с изоморфизмом формы и содержания, имеют давнюю традицию изучения. Проблематика непосредственной связи звука и значения рассматривалась в рамках фоносемантики [Исхаков, 1951; Пак, 1958; Фазылов, 1958; Журинский, 1972; Аветян, 1979; Лапкина, 1979; Bally, 1940; Bolinger, 1965; Tanz, 1971; French, 1977; Fischer-Jorgensen, 1978; Justice, 1980; Waugh, 1983; Rhodes, 1994; Fisher, 1997 и многие другие работы], психолингвистики [Павлов, 1966; Слоницкая, 1987; Горелов, Седов, 1997; Ertel, 1969], семиотики [Гамкрелидзе, 1972; Якобсон, 1983; Эко, 1998; Барулин, 2002; Сухачев, 2003; Мечковская, 2004; Peirce, 1955; Nöth, 2000], лингвистики текста и стилистики [Пешковский, 1925; Штерн, 1969; Гальперин, 1974; Сигал, 1997; Fónagy, 1961]. Возможность существования прямой, непосредственной связи между формой слова и его значением доказывается в работах по грамматике и онтолингвистике [Шахнарович, 1973; Рябова, 1993; Петухова, 2001; Stern, Stern, 1922; Werner, Kaplan, 1963], существуют попытки теоретического обоснования фоносемантической связи в этимологических исследованиях [Климова, 1986]. Большой вклад в разработку теории звукосимволизма вносят фундаментальные исследования [Спиркин, 1957; Газов-Гинзбург, 1965; Горелов, 1977; Журавлев, 1981; Воронин, 1982; Якобсон, 1985; Левицкий, 1994; Jakobson, Waugh, 1979; Allott, 1989; Voronin, 2005]. Исследования мотивированных знаков

продолжаются в рамках фоносемантики [Михалев, 1995; Павловская, 1999; Зимова, 2005], теории иконичности [Haiman, 1980; 1985], естественной морфологии и синтаксиса [Mayerthaler, 1980; Dressler, 1987], однако в силу чрезвычайной сложности и многообразности предмета исследования данная проблема не получила окончательного решения. Многие вопросы остаются спорными, дискуссионными, нерешенными. К ним, в частности, относятся вопросы о статусе иконических единиц в системе языка, об эволюции фоносемантического содержания слова в процессе развития языка, о возможности передачи корневой лексемой и грамматическим формантом, объединенных одной инициалью, аналогичного содержания. См., например, постановку смежной проблемы о фонолексических и фонограмматических (фономорфемных) классах «лабиальный – лексико-семантическая группа обозначений округлого», «плавный – итеративный формант (суффикс)» в работе [Воронин, 1997]. Вопрос же **об интеграции единиц фонетической, лексической и морфологической подсистем, объединенных согласной инициалью,** в современной лингвистике не поставлен. Между тем, постановка и решение данного вопроса необходимы, так как это способствует раскрытию концептуальных, эволюционно-динамических и процессуально-деятельностных основ языка. Решение указанного вопроса предпринимается в настоящей работе с позиций синергетического подхода.

В рамках *синергетики* – общей теории самоорганизации – рассматриваются процессы самопроизвольного возникновения и динамического поведения коллективных процессов и структур в исходно активной, неустойчивой среде (Дж. С. Николис). Согласно постулатам синергетического подхода, функционирование системы зависит от совместного действия элементов системы и обусловлено комплексом явлений недетерминистического типа – неравновесностью, случайностью, спонтанностью, асимметрией, учет которых представляется принципиально важным для исследования систем, взаимодействующих со средой.

Изучению отдельных аспектов языковой синергетики посвящен ряд работ, выполненных в рамках синергетической лингвистики [Wildgen, 1981; 1990; Nöth, 1983; Altmann, 1985; Köhler, 1987; 1993; Seppänen, 1992; Lee, 2003], лингвосинергетики, динамики текста [Базылев, 1998; Москальчук, 1998; Герман, Пищальникова, 1999; Мышкина, 1999; Герман, 2000; Лингвосинергетика: проблемы и перспективы, 2001], системной лингвистики [Мельников, 2003], глоттохронологии, квантитативной лингвистики [Пиотровский, 1968; Тулдава, 1987; Арапов, 1988; Капитан, 1995; Титов, 2005; Zipf, 1932; Gudshinsky, 1956; Swadesh, 1959; Ballmer, 1985], типологии [Гринберг, 1970; Altmann, Lehfeldt, 1973], концепций взаимодействия, грамматикализации, межуровневых связей языковых единиц, целостности и динамизма языковой системы [Зернов, 1986; Храковский, 1990; Бродович, 1992; Шишкина, 1998; Пушина, 2000; Взаимодействие единиц и категорий в языковых подсистемах, 2002; Лаптева, 2003; Hopper, 1991; Reconnecting language: Morphology and syntax in functional perspectives, 1997], а также в рамках теории перевода [Кушнина, 2003; 2004].

При исследовании проблематики развития лексических / грамматических единиц и их смыслов весьма существенными оказываются работы, проводимые в диахронической лингвистике [Мещанинов, 1940; Жирмунский, 1964; Адмони, 1972; Плоткин, 1972; Хлебникова, 1972; Климов, 1977; Кубрякова, 1978; Гухман, 1981; Андреев, 1986; Hodge, 1970; Approaches to the evolution of language, 1998; Croft, 2000], лингвокультурологии и когнитивной лингвистике [Степанов, 1997; Вежбицкая, 1999; Кубрякова, 1999; Талми, 1999; Болдырев, 2000; Попова, Стернин, 2001; Маслова, 2004; Никитин, 2004; Lakoff, 1986; Langacker, 1990], психолингвистике [Залевская, 2005], антропологии и культурологии [Foster, 1980], однако вопрос о механизмах становления и развития иконического пространства языка, рассматриваемого через призму процессов самопорождения смысла, остается неизученным.

Между тем, синергетика дополняет и уточняет положения диахронической лингвистики, способствует решению вопросов общего и частного языкознания под новым углом зрения, позволяет ответить на вопрос, каким образом возникают самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы, одной из которых является иконическое пространство языка. Привлечение диахронических методов исследования в совокупности идей саморазвития систем позволяет интегрировать естественнонаучное и гуманитарное знание, выявить универсальное в частных проявлениях языка, рассмотреть языковую деятельность в неразрывной связи с факторами динамически развивающейся материи.

Последовательное применение принципов синергетического подхода для естественнонаучной интерпретации иконических знаков в диахронии позволяет обосновать гипотезу о существовании в древнеанглийском языке *зон интеграции иконического характера*, формируемых посредством базовых переменных (фонема-инициаль, корневая лексема, морфологическая единица). Данные элементы языковой системы складываются в древнейшие эпохи развития языка и мышления и в процессе объединения в алфавитные группировки «начинают спонтанно транслировать» информацию о развитии мира и человека.

При интерпретации развития и изменения языка в хронологически сменяющих друг друга периодах как динамической характеристики самоорганизующихся систем выявляются *процессы* самоорганизации и *механизмы* становления и развития иконического пространства. В иконическом пространстве совместное действие разноуровневых единиц и категорий приводит к их интеграции, к *самопорождению* непрерывного смысла. Это самоорганизующаяся система лексических и грамматических единиц, объединенных начальным согласным и передающих континуальный спектр значений, изоморфно закрепленных за определенными означающими.

Объект изучения – иконическое пространство языка. **Предмет** изучения – система концептуальных взаимосвязей иконических единиц фонетического, лексического, морфологического уровней, формирующаяся в этом пространстве.

Цель исследования – моделирование процесса самоорганизации (интеграции) разноуровневых иконических единиц, объединенных по формальному критерию – общности инициали.

В соответствии с поставленной целью **задачи исследования** были сформулированы следующим образом:

– охарактеризовать внутрисистемные зависимости единиц в иконических объединениях и описать их доминантные смыслы;

– определить механизмы самоорганизации интегративных концептов лабиальной, дентальной, велярной зон;

– представить систему топологических взаимосвязей в иконическом пространстве древнеанглийского языка.

Выбор в качестве объекта изучения иконического пространства *древнеанглийского языка* определяется диахроническим характером работы, необходимостью изучения системы языковых единиц, объединенных начальным согласным, на хронологически обозримом отрезке лингвистической истории, в частности, на исходном этапе развития английского языка. Древнеанглийский язык – представитель германской группы индоевропейской семьи языков – сохраняет архаические черты «концептуальной истории» древних сообществ, которые проявляются в лексической и морфологической подсистемах этого языка. Вместе с тем, выбор в качестве объекта исследования определенного языка не является принципиальным, поскольку в диссертации выявляются универсальные закономерности, присущие процессу самоорганизации иконического пространства языка хронологически различных периодов развития. При этом не ставится задача выявить генетическую связь древнеанглийского языка и его языка-основы. Задачу выявления общих

закономерностей самоорганизации структур, как мы полагаем, можно реализовать на материале самых различных языков, как генетически родственных, так и генетически неродственных. В настоящей работе эта задача решается на материале древнеанглийского языка с привлечением данных реконструируемых праязыков, в частности, ностратического и общеиндоевропейского праязыков.

Материалом исследования послужили словари древнеанглийского, среднеанглийского языков: Bosworth J., Toller T. An Anglo-Saxon Dictionary. – N. Y.: Oxford University Press, 1996 [B]; Stratmann F. H. A Middle-English Dictionary Containing Words used by English Writers from the Twelfth to the Fifteenth Century. – A new ed., re-arranged, revised, and enlarged. – Oxford: Oxford University Press, 1995 [Stratmann]; исторический словарь английского языка: The Oxford English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1933; 1989 [OED]; этимологические словари германских языков, (историко-)этимологические словари английского языка: Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: В 3 т. – Черновцы: Рута, 2000 [$Л_{1-3}$]; Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. – Leiden: E. J. Brill, 1986 [Lehmann]; Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. – М.: Издательский дом «Диалог», 1999; Holthausen F. Etymologisches Wörterbuch der Englischen Sprache. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1949 [Holt.]; Skeat W. W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford: At the Clarendon Press, 1936 [Skeat]; The Oxford Dictionary of English Etymology / Onions C. T. (Ed.). – Oxford: At the Clarendon Press, 1969 [Onions] (общий объем составляет 8004 с.).

Привлекались данные словарей и энциклопедий символов; словарей религиозных представлений, мифологии; традиций и обычаев англосаксов: Бауер В., Дюмоц И., Головин С. Энциклопедия символов. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995; Керлот Х. Э. Словарь символов. – М.: Refl-book. 1994; Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских

языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996 [Мак.]; Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Российская энциклопедия, 1994; Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: Фаир-Пресс, 1999; Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов, верований. – М.: ВГБИЛ «Рудомино»; СПб.: Университетская книга, 1997; Britain and Ireland in Early Christian Times AD 400 - 800. – L.: Thames and Hudson, 1971; Folklore, Myths and Legends of Britain. – L.: Reader's Digest Association Ltd., 1973; Vries Ad de. Dictionary of Symbols and Imagery. – Amsterdam; L.: North-Holland Publishing Company, 1974.

Использованы материалы словарей концептов, толковых словарей русского языка: Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 3-е изд., стереотипное. – М.: АЗЪ, 1996.

Лексические и морфологические единицы древнеанглийского языка собраны методом сплошной выборки из словаря Bosworth J., Toller T. An Anglo-Saxon Dictionary. – N. Y.: Oxford University Press, 1996 [B] (общий объем – 1302 с.), а также из прозаических текстовых источников и поэтических источников аллитерирующего[1] характера (общий объем – примерно 3000 с.), в том числе: The Anglo-Saxon Chronicle [ASChr]; The Blickling Homilies [Bl. Hom.]; Wulfstan's Address to the English [Wulf.]; A Portrait of William the Conqueror [Will.]; Bede's Account of the Poet Cædmon [Cædm.]; Beowulf [Beowulf]; Genesis [Genesis]; The Dream of the Rood [Dream]; The Wanderer [Wanderer] и многие другие древнеанглийские памятники (общий объем – примерно 3000 с.).

Анализу подверглись преимущественно корневые лексемы, а также словообразовательные и словоизменительные форманты имени существительного и местоимения. Общая выборка составила около 7630

[1] Исследование текстов аллитерирующего характера приобретает особую значимость при изучении иконических единиц, поскольку *аллитерация* представляет собой закодированную информацию, расшифровка которой связана с декодированием дополнительной информации, выводимой из более глубокого проникновения в смысловое содержание высказывания [Гальперин, 1974: 50; 47].

единиц лабиальной зоны с инициалями [w], [f], [b], [p]; около 7511 единиц дентальной зоны с инициалями [s], [t], [d], [þ] ([ð]); около 7671 единиц велярной зоны с инициалями [h], [k], [g], [j][2] (всего 22812 единиц).

В лексической подсистеме указанные единицы представляют собой **алфавитные группировки иконических единиц,** в форме которых зримо представлен повторяющийся элемент. На базе этих единиц выявляются лексические концепты. В морфологической подсистеме иконические единицы являются конституентами имени существительного и местоимения, интегративный потенциал которых представляется весьма значительным [Эйхбаум, 1985; Решетникова, 1991; 1992]. Это конкретные, абстрактные, собирательные существительные; личные, указательные, неопределенные, вопросительные местоимения; словообразовательные (деривационные) аффиксы существительного и местоимения; словоизменительные форманты этих частей речи. На их основе реконструируются структуральные концепты *предметность, дейксис, собирательность, абстрактность, указательность, единичность, множественность, лицо* и другие.

Невозможность в ряде случаев оставаться в рамках системы номинативных частей речи, в частности, при изучении процессов самоорганизации иконического пространства на ранних стадиях развития языка, предопределяет обращение к лексическим и структуральным концептам, выраженным в подсистеме иных частей речи. Так, в Главе 3 в качестве материала исследования выступают все корни (лексемы) глагольной, номинативной и иной категориальной семантики, фигурирующие в списках архетипов.

Предварительный анализ диахронического среза XV – XVI вв. проводился на материале **средне-** и **ранненовоанглийских** текстовых источников, из которых в качестве основного источника выступили тексты Дж.

[2] Слова, начинающиеся с гласных инициалей, в работе не рассматриваются. На материале древнеанглийского языка исследованы единицы с инициалями [r], [l], [m], [n] (около 3144 единиц), но в текст работы они не включены из-за ограниченного объема исследования.

Чосера и У. Шекспира, в частности**:** Chaucer G. The Canterbury Tales [Chaucer]; Shakespeare W. Romeo and Juliet [Romeo and Juliet].

При анализе интегративных концептов привлекались тексты **древнеисландского языка**, в частности Vafþrúðnismál [Vafþrúðnismál] и Völuspá [Völuspá]. Указанные тексты несут весьма значимую информацию для исследования концептуальной картины мира, поскольку содержат космогенетические сведения, что и предопределяет целесообразность их использования при изучении иконического пространства древнеанглийского языка.

Диахроническое исследование потребовало привлечения данных хронологически разных этапов развития языка. При этом лингвистическому анализу подверглись архетипы: в ностратическом праязыке – 128 единиц лабиальной зоны с инициалями [w], [p], [p□], [b]; 179 единиц с инициалями дентальной зоны, ряд морфологических единиц по лексикографическим данным: The Early Reconstructions of Nostratic by V. M. Illič-Svityč // Reconstructing Languages and Cultures. Abstracts and Materials from the First International Interdisciplinary Symposium on Language and Prehistory. Ann Arbor, 8 - 12 November, 1988 / Shevoroshkin V. V. (Ed.). Bochum: Studienverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1989. P. 131 - 176 [N.]. Данные лексикографические материалы базируются на словаре ностратического праязыка: Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). – М.: Наука. – Введение. Сравнительный словарь (b - K). – 1971; Т. 2: Сравнительный словарь (l - g). – 1976; Вып. 3: Сравнительный словарь (p - q) (по картотекам автора). – 1984 [И].

В общеиндоевропейском праязыке проанализировано 209 корней-архетипов лабиальной зоны с инициалями [w], [p], [b], [bh]; 291 корень с инициалями дентальной зоны [s], [t], [d], [dh] на основе лексикографических данных: Макаев Э. А. Список 3. Индоевропейские корни в германском //

Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. – М.: Наука, 1970. – С. 82 - 117 [М]. Указанный список основан на авторитетных источниках, отражающих общеиндоевропейское языковое состояние. При этом также использовались следующие лексикографические источники (общий объем – 6062 с.):

– Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык / Отв. ред. Э. Г. Туманян. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986;

– Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – Т. I: Хозяйство, семья, общество; Т. II: Власть, право, религия. – М.: Прогресс, Универс, Б. г., 1995;

– Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та. 1984 [Гамкр.];

– Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas. – Chicago: The University of Chicago Press, 1949 [Buck];

– Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. – B., Lpz.: Walter de Gruyter & Co., 1927 - 1932. – Bd. I - III (Unveränderter photomechanischer Nachdruck 1973) [$Walde_{1\text{-}3}$];

– Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. – 2nd ed. – Boston, N. Y.: Houghton Mifflin Company, 2000 [Wat.].

Материал «всемирных этимологий», по данным языков-предков ностратической / американдской макросемей, составил 13 пар архетипов лексической / грамматической семантики лабиальной зоны с инициалями [m], [p], [p□],[b]; 17 пар архетипов дентальной зоны с инициалями [n], [t], [t□], [d], [š] и некоторыми другими. Использованы лексикографические материалы: Ruhlen M. Nostratic-Amerind Cognates // Reconstructing Languages and Cultures. Abstracts and Materials from the First International Interdisciplinary Symposium on

Language and Prehistory. Ann Arbor, 8 - 12 November, 1988 / Shevoroshkin V. V. (Ed.). Bochum: Studienverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1989. – P. 75 - 87 [Ruhlen].

Методы анализа материала включают:

– элементы сравнительно-исторического, типологического и этимологического анализа при изучении пространственно разделенных языковых структур разной диахронической глубины, а также диахронических универсалий и констант;

– методику контекстуального и концептуального анализа (в совокупности фреймового и сценарного подходов) при интерпретации древнеанглийских текстов и словарей; при изучении лексикографических дефиниций слов; при построении фрагментов языковой картины мира и ее концептуальных коррелятов.

Теоретические предпосылки и **методологические основы исследования.** Диссертация представляет собой диахроническое исследование, связанное с вопросами самоорганизации и эволюции подсистем языка, поэтому в качестве важнейших **теоретических предпосылок** работы выступают положения, в которых постулируются:

– равновесие / неустойчивость языковой системы в диахронии (И. Б. Хлебникова);

– инновационные / архаические тенденции в эволюции языка (М. М. Гухман);

– регенерация языковых единиц и значений и компенсаторные явления в целом (В. Г. Адмони, Б. А. Серебренников);

– адаптация системы в диахронических процессах (И. В. Арнольд);

– аттракция и взаимодействие системы / среды (Э. А. Макаев, М. М. Маковский, Г. С. Щур);

– неравновесность языкового знака (С. О. Карцевский);

– языковой дрейф (Э. Сепир);

– динамическая сущность и «творческая сила» языка (В. фон Гумбольдт).

Методологической основой работы послужили исследования:

– непроизвольной связи между означающим / означаемым языковой единицы (Р. Якобсон, С. В. Воронин, Ch. S. Peirce);

– фоно-лексических, фоно-грамматических классов (С. В. Воронин);

– парадигматики / синтагматики алфавита (С. Г. Проскурин, Ю. С. Степанов);

– «нового семантического содержания» языковых элементов, входящих в состав «единой целостной структуры» (Ю. М. Лотман);

– доминантного смысла (В. А. Пищальникова);

– синергетического движения в языке как продуцирования устойчивых смысловых полей (В. И. Аршинов, Я. И. Свирский);

– антропоцентрического характера языка (Г. Гийом, Е. Курилович);

– специфики «допонятийного» мышления, мифа и языка (М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, М. М. Маковский, Е. М. Мелетинский, А. А. Потебня, В. Н. Топоров, О. М. Фрейденберг).

Научная новизна работы предопределяется:

– обоснованием концепции *интеграции* диахронических единиц фонетической, лексической и морфологической подсистем, объединенных консонантной инициалью;

– установлением новой объектной области языка – *иконического пространства* – как единой целостности;

– разработкой методики *синергетического анализа* иконических единиц в диахронии;

– описанием процесса спонтанного самопорождения смысла в объединениях разноуровневых иконических единиц с точки зрения синергетической парадигмы;

– построением и обоснованием принципиально новой интегративной лингвистической модели, органично вписывающей иконическое пространство

древнего лексикона в концепцию сотворения мира, Вселенной, космоса в рамках изначально заложенной формулы *хаос – порядок – хаос*.

Разработанная на материале ностратического, общеиндоевропейского праязыков и древнеанглийского языка, синергетическая модель, представленная как единое семантическое пространство языка, иконически закрепленное в определенных артикуляционных зонах, базируется на объяснении формы и содержания языкового знака как многоаспектной сущности.

Диссертация создает прецедент синергетического подхода к изучению иконических единиц языка в диахронии.

В работе вводятся три новых термина – *иконическое пространство языка, интегративный концепт*, *топологичность содержания*, которые являются ключевыми в предложенном подходе. Представленные термины ориентируют на *континуум* взаимосвязей иконических единиц и единые взаимозависимости в рамках определенной структуры языка и позволяют раскрыть и наиболее адекватно описать эволюцию интегративных фрагментов. При этом выявляются базовые когнитивные схемы, изоморфные универсальным принципам порядкообразования сложных систем; определяются смысловые поля, которые лежат в основе фрагментов лексических и морфологических единиц и отражают процессы восприятия объектов по форме; устанавливается связь смысловых полей с эпистемами.

Положения методики синергетического анализа иконических единиц раскрываются через диахроническую интерпретацию смысловых полей, которые стоят за фрагментами лексикона, начинающимися с определенной инициали, и установление в структурно обусловленных фрагментах лексикона топологических взаимосвязей концептуального порядка. Предложенное описание лексики может послужить корпусной основой электронного этимологического словаря тезаурусного типа как одного из способов репрезентации материала в лексикографии.

Теоретическая значимость работы. Предлагаемая концепция развивает общетеоретические положения, в которых акцентируется:

– многоаспектная сущность языкового знака;

– значимость структуры в лингвистических построениях;

– взаимосвязь языка с человеком как языковой личностью, генетическим кодом, физической реальностью посредством *смысловых полей*;

– языковая интерпретация «самодвижения» концептуальных систем.

При решении вопроса о соотношении формы и содержания языковой единицы целесообразно исходить из многоаспектной сущности лингвистического знака, который может выступать одновременно в разных ипостасях как символ, и как иконический знак, а такие типичные представители индексальных знаков, как, например, указательные местоимения – как символы, как иконические знаки и как индексы в рамках определенной *структуры*.

Схожая идея об отсутствии абсолютно чистого знака-индекса или знака-символа, абсолютно лишенного свойства индекса (принцип *синехизма*), выдвигается Ч. Пирсом. Ср. также идею Ч. Морриса о непрерывной «шкале иконичности» и положение Е. С. Кубряковой о производном слове как мотивированной единице, «где иконичность пронизывает все устройство знака в целом, а символизация относится лишь к внутренней организации его частей» [Кубрякова, 1993].

Совокупности единиц лексической и морфологической подсистем, начинающихся с одинаковой консонантной инициали, т. е. совокупности иконических единиц – в их форме зримо представлен повторяющийся фонетический (графический) элемент – связаны с определенными концептуальными областями. Связь между означаемым / означающим знака в целостных иконических фрагментах, которые в процессе объединения формируют иконическое пространство языка, является *мотивированной*.

В целостных фрагментах лексемы и морфологические единицы являются иконическими знаками, мотивированными структурой. Вне подобных объединений они выступают как немотивированные единицы, лишаются «сверхзначения», формируемого совокупностями единиц. О значимости структуры (в художественном тексте) ср. следующее положение: «художественная структура … позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной собственно языковой структуры. Из этого вытекает, что данная информация (содержание) не может ни существовать, ни быть передана вне данной структуры» [Лотман, 1994].

Таким образом, структура «диахронического» словаря и его фрагментов может приобретать особую значимость и собственный *смысл*, становиться «знаком единого содержания» (Ю. М. Лотман), приравниваться к слову (А. А. Потебня).

Рассмотренные в рамках указанной структуры, лексемы и морфологические единицы транслируют сведения о космо-, социо-, антропогенезе, а язык превращается в надежный хранитель информации: «… в языковом оформлении человеческого опыта мира … обретает голос само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» [Гадамер, 1988].

В этом состоит изоморфизм языка и генетического кода – двух фундаментальных резервов информации, хранилищ молекулярной наследственности и языкового наследия, «двух необходимых предпосылок к культурной традиции» [Якобсон, 1985].

Анализ смысловых полей, стоящих за языковыми единицами иконического характера, показывает, что существует неразрывная взаимосвязь языка и мира, осуществляемая через концептуальную систему: при этом «лингвистическое поле становится частью окружающей среды, в которой

происходит лингвистическая координация действий …» [Матурана, Варела, 2001].

На ранних ступенях развития языка[3] намечается формирование иконического пространства путем возникновения оппозиций *прямой / округлый; один / много; мужской / женский* и некоторых других, представляющих результат обобщения простейших чувственных ориентиров человека в мире и привязки их к определенному языковому означающему. В ностратическом и общеиндоевропейском праязыках иконическое пространство динамично развивается, а в древнеанглийский период происходит процесс упрочения системных взаимосвязей в иконическом пространстве. При этом формируются фрагменты, отражающие многомерные связи объектов в концептуальной картине мира, обнаруживаются концептуальные области, изоморфные фрагментам, ориентированным на инициали лабиальной, дентальной и велярной зон.

Отличительным признаком теоретической значимости реферируемой работы является *экспликация*:

– наиболее древних и устойчивых элементов социального опыта;

– отношений *денотат – концепт – инициаль,* перешедших в глубины интуиции;

– неосознаваемых человеком процессов самоорганизации языка, обусловленных биолого-физиологическими факторами.

Установление посредством моделирования новой объектной области – иконического пространства языка как единой целостности, взгляд на архаическую картину мира как эволюционирующее образование, раскрытие принципа ассоциирования смыслов иконических единиц способствуют дальнейшему развитию частнолингвистических дисциплин: фоносемантики, синергетической и диахронической лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и теорий: грамматикализации, взаимодействия

[3] В качестве исходного пункта эволюции иконического пространства приняты так называемые «глобальные этимологии», или реконструированная лексика крупнейших макросемей мира [Ruhlen].

категорий и классов слов, иконичности языкового знака, эволюции языковых подсистем.

Практическая ценность исследования. Результаты работы, полученные на стыке диахронического и синергетического исследований, могут быть использованы в преподавании теоретических курсов «Древние языки и культуры», «История языка и введение в спецфилологию», «Общее языкознание», «Семиотика», «Культурная антропология», в спецкурсах по теории иконичности, грамматикализации, взаимодействия категорий и классов слов, синергетике, когнитивной лингвистике, а также учтены в дальнейших исследованиях по общему, частному и историческому языкознанию. Предлагаемый в диссертации способ презентации знаний в исторической лингвистике отражает процесс самоорганизации фрагментов лексикона, изучаемого в звукосимволическом ключе, и дает возможность построения виртуальной модели древнего словаря.

Положения, выносимые на защиту:

1. *Иконическое пространство языка* представляет собой самоорганизующуюся систему лексических и морфологических единиц, объединенных начальным согласным и передающих континуальный спектр значений и смыслов, изоморфно закрепленных за определенными означающими. Элементы системы тяготеют к трем аттракторам – совокупностям единиц и доминантных смыслов лабиальной, дентальной, велярной артикуляционных зон, притягивающим и моделирующим языковые единицы и их смыслы.

2. В иконическом пространстве языка фонетические, лексические и морфологические единицы связаны *топологически*; морфологические единицы формируются на базе лексических единиц, связанных общим фонетическим элементом – инициалью.

3. В иконическом пространстве языка существует *зависимость* между звукосимволической семантикой, доминантными смыслами, объемом

лексикона, частотностью лексем, долей заимствований, интенсивностью формирования морфологических единиц, связанных с тем или иным «словарным» фрагментом. *Последовательность* фрагментов иконических единиц в совокупности транслируемых ими смыслов обнаруживает связь с *последовательностью* эпистем и этапами порядкообразования сложных развивающихся систем *хаос – порядок – хаос*.

4. В основе процесса *самоорганизации* (спонтанного возникновения) зон интеграции иконических единиц разных уровней лежит тенденция к формированию изоморфизма (гомоморфизма) формы и значения языковой единицы под давлением доминантного смысла. Синергетический эффект – самопорождение *интегративных концептов* (холистических ментальных образований континуального порядка) – является следствием эволюции топологически организованных областей смысла в точках *бифуркации* системы лексических и структуральных концептов и отражает синхронную сопричастность объектов и явлений действительности, их ментальных коррелятов и соответствующих иконических единиц.

5. Методика синергетического анализа иконических единиц в диахронии включает ряд процедур, посредством которых:

– определяются ментальные корреляты лексем и морфологических единиц;

– вычленяются *дифференциальные* и *интегральные* элементы смысла, объединяющие языковые единицы;

– устанавливаются базовые когнитивные схемы, лежащие в основе совокупностей иконических единиц;

– выявляются базовые *сценарии*, «охватывающие» совокупности лексем и морфологических единиц;

– раскрываются коллективные процессы «самодвижения» лексических и морфологических единиц, приводящие к трансляции эмерджентных доминантных смыслов в зонах интеграции иконических единиц.

Апробация исследования. Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии и Ученого Совета факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета (Тюмень, 1992 - 1993; 1998-2005); на ежегодных межвузовских и региональных научно-практических конференциях, проводимых преподавателями ФРГФ Тюменского государственного университета (Тюмень, 1992 - 1993; 1997 - 2005). Результаты диссертации освещались в докладах и сообщениях на научно-практических конференциях и школах-семинарах различного уровня: на Всесоюзной конференции «Проблемы истории индоевропейских языков» (Тверь, 1991); на I международной школе-семинаре «Когнитивная лингвистика: Современное состояние и перспективы развития» (Тамбов, 1998); на Российской межвузовской конференции «Англистика: современные достижения и традиции» (Санкт-Петербург, 1998); на межрегиональной конференции «Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации» (Уфа, 1999); на региональной научно-практической конференции «Языковая концепция регионального существования человека и этноса», посвященной памяти профессора И. А. Воробьевой (70 лет со дня рождения) (Барнаул, 1999); на Всероссийском семинаре «Проблемы прикладной лингвистики» (Пенза, 2000); на XXXIV международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 2005); на VI международной школе-семинаре «Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах» (Иваново, 2005); на международной конференции «Знак: иконы, индексы, символы», посвященной 70-летию со дня рождения С. В. Воронина (Санкт-Петербург, 2005).

Материалы и результаты исследования легли в основу спецкурсов по когнитивной и исторической лингвистике, взаимодействию лексической / грамматической подсистем, основам семиотики для студентов ФРГФ Тюменского государственного университета, а также включены в соответствующие разделы теоретических курсов «Древние языки и культуры»,

«История языка и введение в спецфилологию», «Семиотика». По теме исследования опубликованы 24 работы общим объемом 32,8 п. л., в числе которых – монография (22,4 п. л.), главы в 3 коллективных монографиях, статьи, тезисы, учебно-методические работы по древним языкам и культурам для учащихся высшей школы (10,4 п. л.).

Структурно работа состоит из введения, четырех глав и заключения, библиографического списка (445 наименований), списков сокращений-источников материала (27 наименований), приложения.

Глава 1 «Иконическое пространство языка» определяет место и роль иконических знаков в языке, Глава 2 «Синергетические аспекты языка» посвящена рассмотрению наиболее общих вопросов теории самоорганизации. В Главе 3 «Становление иконического пространства на ранних стадиях развития языка» и Главе 4 «Развитие иконического пространства в общеиндоевропейском праязыке и древнеанглийском языке» предпринимается анализ процессов самоорганизации иконического пространства древнеанглийского языка на более глубоком диахроническом фоне.

ГЛАВА 1. ИКОНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

1. 1. Иконичность в языке

Проблема *иконичности* языковых единиц разных уровней является одной из важных и актуальных проблем современной лингвистики, поскольку она связана с решением фундаментальных вопросов о природе языкового знака, соотношении формы и содержания знака в процессе семиогенеза [Спиркин, 1957; Газов-Гинзбург, 1965; Горелов, 1977; Журавлев, 1981; Воронин, 1982а; 1982б; 1997; Якобсон, 1983; 1985; Левицкий, 1994; Jakobson, Waugh, 1979; Haiman, 1980; 1985; Allott, 1989].

По справедливому утверждению Е. С. Кубряковой, языковая система характеризуется переплетением различных способов означивания действительности – от иконического кодирования – к сугубо символическому кодированию [Кубрякова, 1993]. Языковой знак[4] при этом является носителем семантических пластов различного семиотического порядка, обусловленных диахронической перспективой. Между компонентами языкового знака – означаемым и означающим – существуют определенные отношения, которые получают неоднозначное толкование в языковедении. Так, в концепции конвенциональности знака Ф. де Соссюра подчеркивается произвольность, немотивированность связи между означаемым и означающим языкового знака [Соссюр, 1977]. Отсутствие прямой связи между означающим / означаемым знака рассматривается в качестве важнейших черт языка и традиционно объясняется фундаментальными общесемиотическими закономерностями. Согласно другой точке зрения, представленной, например, в работах американского логика Ч. Пирса, отношения между означаемым и означающим могут носить не только произвольный, но также непроизвольный (мотивированный) характер. В частности, так называемые иконические знаки,

[4] Под *знаком* в лингвистике традиционно понимается материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности и представляющее собой единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего) [Уфимцева, 1990: 167].

будучи мотивированными в наибольшей степени, формируются на основе подобия означаемого и означающего знака, а символические знаки[5] порождаются установлением связи означаемого и означающего знака по условному соглашению между говорящими, т. е. произвольным образом[6] [Peirce, 1955].

Иконичность (*iconicity, iconism*) определяется как свойство формы языкового знака соответствовать форме / характеристикам денотата знака. В основе иконичности лежит отношение *изоморфизма* (*гомоморфизма*, сходства)[7] означающего / означаемого. В зарубежной традиции наряду с понятием *иконичность* употребляется понятие *естественность* (*naturalness*) (выделяют *естественную фонологию, морфологию, синтаксис*), которое трактуется как содержание правил, отношений, принципов, объяснимых факторами, лежащими вне сферы языка [см. Fromkin, 1970]. *Естественность* и

[5] В качестве иллюстрации произвольных – символических знаков выступает, например, последовательность цветовых сигналов светофора или последовательность фонем в слове. Связь между компонентами символа является конвенциональным правилом и не зависит от физического сходства или реальной смежности между объектами. При интерпретации символа знание этого правила является обязательным условием: интерпретация становится возможной только в том случае, если конвенциональное правило известно коммуникантам [Сигал, 1997]. Кроме того, выделяются еще индексальные знаки – дым (индекс огня), отпечаток ноги на песке (индекс присутствия человека), повышение температуры тела (индекс заболевания). Типичными индексальными знаками в языковой системе являются указательные местоимения. В них четко реализуется индексальное значение – указание на предмет (англ. this *этот*, that *тот*).

[6] Несмотря на то, что иконический знак и символ находятся на различных полюсах знаковой системы, они не образуют замкнутых сфер, а постоянно накладываются друг на друга, т. е. взаимодействуют. При этом один и тот же знак может одновременно выступать в различных отношениях – и как иконический знак, и как символ [Сигал, 1997] и, следовательно, проведение четкой границы между вышеуказанными знаками не представляется возможным. Так, например, ономатопы – это не чисто иконические знаки, но одновременно и символы, тогда как многие символические знаки при более внимательном рассмотрении обнаруживают немало иконических черт. Сложность языковой системы не только манифестируется особой организацией знаков разного типа, но и проявляется в ее гетерогенности, наличии в разных ее участках индексов, иконических знаков и символов [Кубрякова, 1993]. Имеются многочисленные и убедительные доказательства в пользу признания действующих в языке диалектически связанных тенденций символичности / иконичности, произвольности / непроизвольности языковых единиц [Гамкрелидзе, 1976; Воронин, 1997; Chafe, 1967]. По мнению Р. Якобсона, система диаграмматизаций является явной и обязательной для синтаксической и морфологической подсистем языка, а в лексической подсистеме существует в латентном и виртуальном виде [Якобсон, 1983: 115]. В механизме связи между означаемым и означающим задействованы семиотические принципы конвенциональности (символизма) и изоморфизма (иконичности) [Chafe, 1967]. Целесообразно поэтому рассматривать языковую единицу как органичное образование сложной природы.

[7] *Изоморфизм* – соответствие между объектами, выражающее тождество их структуры. *Гомоморфизм* – соответствие между объектами двух множеств, при котором одно множество является «моделью» другого [Советский энциклопедический словарь, 1982: 480; 320]. В настоящей работе четкого разграничения между указанными понятиями не проводится, они рассматриваются как синонимы, отражающие подобие означающего / означаемого. Наряду с понятиями *изо-* и *гомоморфизма* используется описательный термин *одно-однозначное соотношение* между означающим / означаемым знака. Строго говоря, интерпретация «изоморфизма в терминах математики в применении к языку непригодна» [Макаев, 1961: 55]. Нужно лингвистически осмыслить данное понятие.

иконичность выступают в качестве универсальных принципов, которые обусловливают истоки семиогенеза[8]. Нередко сфера приложимости понятия *иконичность* в зарубежных источниках ограничена. Ср. следующее определение: *иконичность* – это свойство семиотических систем (но не языка), согласно которому *форма знака в точности соответствует объекту, с которым этот знак соотносится* (*iconicity* – a suggested defining property of some semiotic systems, but not language, to refer to signals whose physical form closely corresponds to characteristics of the entities to which they refer) [Crystal, 1980: 178][9].

Выделяют несколько типов иконичности, связанных с интерпретацией отношений изоморфизма формы / содержания языковых знаков различных уровней. Так, в концепции О. Фишер [Fisher, 1997] представлены **образная** (imagic) и **диаграмматическая** (diagrammatic) **иконичность**. Последняя включает подтипы **структурной** и **семантической** иконичности. Структурный подтип диаграмматической иконичности включает отношения **изоморфизма** и **иконичности мотивации**, а семантический подтип содержит **метафору (когнитивную** и **грамматическую)** (см. табл. 1.1).

[8] Если удастся показать звукоизобразительность языка в его истоках, при формировании различных языковых подсистем, тогда, очевидно, придется признать *иконичность* (*естественность)* важнейшим принципом семиогенеза наряду с основополагающим принципом символического кодирования действительности.

[9] Здесь и далее переводы с английского языка на русский язык на С. 46 - 47; 57; 82; 101, а также переводы древнеанглийских текстовых и словарных иллюстраций в Главе 4 выполнены нами – Н. Д.

Таблица 1.1

Типы иконичности (по О. Фишер)

<table>
<tr><td rowspan="8">иконичность (iconicity)</td><td colspan="4">образная (imagic)</td></tr>
<tr><td rowspan="7">диаграмма-тическая (diagrammatic)</td><td>структурная (structural)</td><td colspan="2">изоморфизм (isomorphism)</td></tr>
<tr><td rowspan="4"></td><td rowspan="4">иконичность мотивации (iconicity of motivation)</td><td>sequential ordering</td></tr>
<tr><td>markedness</td></tr>
<tr><td>centrality / peripherality</td></tr>
<tr><td>distance / proximity</td></tr>
<tr><td rowspan="3">семантическая (semantic)</td><td colspan="2">когнитивная метафора (cognitive metaphor)</td></tr>
<tr><td rowspan="2">грамматическая метафора (grammatical metaphor)</td><td>analogy</td></tr>
<tr><td>grammatica-lisation</td></tr>
</table>

Классификация типов иконичности О. Фишер базируется на классификации иконических знаков Дж. Хаймана [Haiman, 1980], а последняя, в свою очередь, на триаде иконических знаков Ч. С. Пирса *образ – диаграмма – метафора*[10] [Peirce, 1955]. Мы также придерживаемся ставшей уже традиционной классификации иконических знаков и рассматриваем подробно такие типы иконических единиц, как «образы» и «диаграммы».

[10] Иконические знаки, выделенные Ч. С. Пирсом, неоднородны: степень иконичности уменьшается от «образа» к «метафоре». Отношения сходства в «диаграммах» более абстрактны, а степень их иконичности меньше, чем у «образов». В семантических иконических знаках – знаках-метафорах («метафора» понимается Ч. С. Пирсом как знак, основанный на соотнесенности его означающего с каким-либо элементом в другом знаке [Peirce, 1955]) это сходство оказывается наиболее слабым. В языке многочисленные примеры употребления «метафор» вскрывают аналоговую природу отношения между означающим и означаемым различных знаков. Так, семантическая смежность названия части тела foot *нога* и наименования самой нижней части горы foot *подножие* обусловливает вербализацию аналогичных значений посредством одной и той же материальной формы [Fisher, 1997: 66]. Другие исследователи, напротив, полагают, что чем выше уровень языка, тем **менее произвольны их конституенты** [Bolinger, 1965]. Так, например, комбинируя две произвольные морфемы shoe и box в слове shoebox, получаем «диаграмму» – иконический знак, мотивированный в большей степени, нежели его компоненты, взятые в отдельности.

1. 2. Образная иконичность

Единицей образной иконичности считается «образ», или «икона». Примерами «икон» в действительности могут служить рисунки, картины, фотографии, скульптуры. «Образ» является простым отражением качеств означаемого в означающем. В языке образная иконичность обнаруживается в отношениях между звуком (фонемой, графемой) и значением.

Изучение проблематики соотношения звука и значения имеет давнюю традицию. Ее истоки связаны с философскими спорами о том, является ли связь между словом и вещью и, следовательно, между означающим / означаемым знака отприродной, естественной, прямой связью или конвенциональной, опосредованной связью, которая устанавливается по некоему условному соглашению между людьми. Факты генетической мотивированности компонентов слова отмечаются в трудах Платона [Платон, 1990], философской школы стоиков. Впоследствии идеи Платона подхвачены и развиты в трудах средневековых схоластиков, в работах В. фон Гумбольдта. «Кажется совершенно очевидным, – подчеркивает В. Гумбольдт, – что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о нем можно лишь догадываться …» [Гумбольдт, 1984: 92 - 93]. По мнению ученого, существует несколько способов обозначения понятий, среди которых наиболее важным является непосредственное подражание, имитация звука, издаваемого предметом, и имитация «внутреннего свойства», присущего предмету, т. е. звукосимволизм. Так, слова немецкого языка stehen *стоять*, stätig *постоянный,* starr *неподвижный* вызывают ощущение стабильности, в санскрите lî *плавиться, растекаться* наводит на мысль о текучести, в немецких лексемах Wind *ветер*, Wolke *облако*, wirren *спутывать*, Wunsch *желание* чувствуется неустойчивое, беспокойное движение, выражаемое звуком [w]. Таким образом, предметы,

производящие сходные впечатления, обозначаются преимущественно словами со сходными звуками [Гумбольдт, 1984: 92 - 93].

В исследованиях младограмматиков [Пауль, 1960], в классической английской грамматике [Есперсен, 1958] показано, что различные звуки связаны с разными «денотативными» значениями. Например, с лексическими значениями *маленького, хрупкого, тонкого, острого, красивого, оживленного, быстрого, светлого, отдаленного в пространстве-времени, женского, предметного* соотносятся тоны ударного звука [i]. Низкие тоны безударных [o], [u] и более протяжное произношение, напротив, ассоциируются с представлениями о *большом, многочисленном, массивном, толстом, широком, глухом, неуклюжем, медлительном, мрачном, множественном, собирательном, пространственно-временно близком, грамматически мужском,* о *личностях* и *крупных животных* [Jespersen, 1922, см. также Пизани, 1956; Kronasser, 1952].

Исследования связей *фонема – денотат – значение* продолжаются в целом ряде работ [Климова, 1986; Слоницкая, 1987; Рябова, 1993; Горелов, Седов, 1997; Павловская, 1999; Петухова, 2001; Зимова, 2005; Rhodes, 1994; Fisher, 1997]. Обширная библиография по проблемам звукоизобразительности приводится в работах [Воронин, 1982; Михалев, 1995]. Развитие теоретической мысли приводит исследователей к постановке вопроса о существовании определенных мотивов, которые лежат в основании номинации: звукового мотива (*звукоподражание*) и незвукового мотива (*звукосимволизм*) [Воронин, 1982]. Особое значение в рамках фоносемантики приобретает термин *фонотип*. Акустический или артикуляторный фонотип – тип звука речи, акустически или артикуляторно *гомоморфный* типу акустического или неакустического референта и служащий основой для звукоизобразительной номинации [Voronin, 2005: 23 - 29]. Так, в звукосимволических словах *бублик, боб* фонема [б] символически связана с обозначением *круглых, выпяченных предметов*, а в фонетически мотивированных словах *мяу, тик-так* форма напрямую соотносится с комплексом звуков, которые «порождаются» соответствующими

«объектами» - мяукающей кошкой, часами-ходиками. Зная «характер звучания денотата, можно предсказать фонетическую структуру соответствующего звукоподражательного слова; это – предсказуемость в терминах *акустических фонемотипов* (т. е. акустических типов фонем), но не отдельных конкретных фонем» [Воронин, 1990: 165]. Так, например, можно считать вполне определившимся принцип, согласно которому структура «взрывной + низкий по частоте гласный + носовой» обозначает удар с последующим низким резонаторным тоном: ср. англ. dong *звучать* (о низком звуке большого колокола при ударе) и индонез. bam *бом*. Аналогичным образом объединяются английские лексемы anger, anguish, awe, anxiety, которые восходят к одному и тому же индоевропейскому корню *a(n)gh-. В основу обозначения этих абстрактных значений *гнева, страха, отвращения, горя* положен признак звукоизображения *сдавленности горла*. Для указания на данное значение используются велярные звуки, в частности, согласный [g], а звукосимволическую функцию факультативного участия носовой полости выполняет носовой звук [n] [Воронин, 1997: 158].

С. В. Ворониным развиты метод фоносемантического анализа, обоснованы законы фоносемантики и иконического знака, предложены различные методики изучения связи между означающим / означаемым языкового знака.

Исследованию семантики согласных звуков посвящены работы отечественных и зарубежных ученых, которые приписывают тому или иному звуку, в частности, согласным звукам конкретные семантические признаки. Данные признаки определяются в соответствии с *акустико-артикуляторными* характеристиками звуков, связанными с различного рода движениями активных органов речи относительно пассивных органов речи в произносительном аппарате человека: «…фонетическое значение, или элементарный звуковой символизм, имеет реальную основу – определенные физические свойства звуков» [Павловская, 1999: 20].

Согласно наблюдениям А. Б. Михалева, при семантической интерпретации фонемотипа следует учитывать звукоподражательные, артикуляционно-символические и синестетические потенции. При этом перечень первичных семантических признаков, изображаемых фонемотипами, составляет достаточную базу для развития всей семантической системы языка. Попытки уловить определенные параллели между свойствами речевого звука и символизируемыми им понятиями приводят автора к выводам, имеющим отношение к настоящей работе: в лабиальных взрывных [b], [p] лабиальность указывает на понятие *округлости*, раздувание щек перед выбросом воздуха способно символизировать нечто *объемное, раздутое*. Лабиальность, кроме этого, осмысливается как аспект *речевой деятельности* и закрепляет за собой возможность изображения различных ее проявлений. Щелевые губно-зубные [v], [f], благодаря щелевому способу выхода струи воздуха, создают звукоподражательный эффект воздушной струи, который может развиться в понятия *течения, протекания, выхода* или *входа*. Частичная лабиальность этих согласных дает им возможность замещать звуки [b], [p] по некоторым изобразительным функциям, например, *речевая деятельность.* Дентальные [d], [t], образуемые отталкиванием языка от зубов, символически указывают на *твердость*; сами зубы представляются как *преграда*, а последующий энергичный выход воздуха как *протыкание* преграды; звукоподражание *коротким глухим шумам* (инстантам); сильное напряжение, с которым произносятся эти звуки, устанавливает ассоциацию с понятиями *напряжение* и *давление.* Фрикативные шумные [s], [z], [ʃ], [j] представляют звукоподражание длительным свистящим и шипящим шумам; от конкретного звукоподражания переходят к обозначению *звука* вообще; будучи по способу образования щелевыми, символизируют *щель*, или *проход, вход, выход*, *узкий* (по величине прохода воздуха), *сильный* (по силе выхода), *быстрый* (по скорости выхода). Заднеязычные [g], [k], которые образуются соприкосновением задней части языка с мягким небом, т. е. у самой гортани, изображают горловую

деятельность – *глотание*, *голосовое звукоизвлечение*, собственно *гортань*. Щелевой заднеязычный [h] совмещает черты звуков [s], [z], [ʃ], [j] и [g], [k]; соответственно, плодотворен в звукоподражаниях самых различных видов [Михалев, 1995: 94 - 95].

Расширительная трактовка носителя атомарного фонетического значения, или *символического звукотипа* – совокупной реализации определенной комбинации акустико-артикуляторных признаков – принята в работе И. Ю. Павловской. В качестве звукотипа автор рассматривает: 1) **акустический признак**, например, *компактность*, *диффузность* спектра гласного ([a] – [i]), коррелирующий с символическим значением *большого / малого размера*; 2) **фонему**, или **группу фонем**, объединенных общими дифференциальными **артикуляторными признаками**, например, признак *взрывности* и *глухости* фонем [p], [t], [k] коррелирует со значениями *малый, светлый, высокий, яркий, легкий, мелкий, быстрый;* признаки *звонкости*, *фрикативности* [ð], [v], [r] – со значениями *низкий, тусклый, тяжелый, сложный, грустный, глубокий, сильный, грубый* и т. д.; 3) **сочетание фонем**, например, [gl] связано со значениями *свет, блеск, мерцание*; 4) **морфему** определенного акустико-артикуляторного строения (инстанты, континуанты, фреквентативы); 5) **слово** и словосочетание (ономатопы, междометия, идиомы); 6) **синтаксические структуры** (анафора); 7) **интонемы**; 8) **тексты** [Павловская, 1999: 51 - 52].

По мнению И. Р. Гальперина, способность звуков нести определенную информативность, заключенную в их акустико-артикуляторных характеристиках, становится *информацией* лишь, будучи организованной в систему, где обязательным условием системности является звуковой повтор, или аллитерация. Физические свойства отдельных звуков-фонем являются объективным фактором; задача, следовательно, состоит в том, чтобы определить наиболее вероятные информационные коды, [Гальперин, 1974: 50; 47], которые могут быть связаны с семантикой того или иного звука.

Фактический и теоретический материал, накопленный фоносемантикой, свидетельствует о *возможности* реконструкции непроизвольных, мотивированных примарных связей генетического порядка в единицах «образной иконичности», где отношения изоморфизма устанавливаются:

1) между формой знака (корневой морфемой) и лежащим в основе номинации звуковым, акустическим признаком денотата (звукоподражания, или ономатопы типа moo *мычание*);

2) между формой знака (корневой, аффиксальной морфемой) и лежащим в основе номинации незвуковым, неакустическим признаком денотата (звукосимволические слова типа *бублик, боб*, звукоизобразительные форманты) [Воронин, 1990: 165 - 166].

В целом, «сумма знаний, достигнутых философией, психологией, семиотикой и лингвистикой, неизбежно приводит к выводу о первичности звукоизобразительности в процессе номинации. Артикулируемый звук, являясь отражением чувственно воспринимаемых явлений, представляет собой потенциальную знаковую единицу» [Михалев, 1995: 92]. Все членораздельные звуки участвуют в «закладке» семантической системы языка. При этом наблюдаются как индивидуальные, отличные от других, аспекты значения, так и пересекающиеся семантические функции. Первичные звукоизобразительные элементы смысла находятся на начальной стадии в тесном синкретичном единстве и поэтому не имеют четких ограничительных контуров. Однако подобная синкретичность предоставляет широкие возможности для перетекания значений из одного в другое и создания новых понятийных структур [Михалев, 1995: 96 - 97].

Таким образом, базируясь на основном положении теории иконичности о тесной взаимосвязи звука и значения, о мотивированности звука как ведущей знаковой субстанции языка, мы, вслед за С. В. Ворониным, связываем истоки лингвистического знака с принципом непроизвольности, (звуко)изобразительности номинации [Воронин, 1997: 138]. Вопреки тезису Ф.

де Соссюра о произвольности языкового знака, «связь, соединяющая означающее с означаемым, или, что то же самое, последовательность фонем со смыслом, является необходимой» [Якобсон, 1983: 42, 89]. Представляется возможным установить зафиксированные языком семантические зависимости лексем, начинающихся с определенного звука, и определить возможные пути «*иконизации*» словообразовательных, грамматических и грамматизованных структур. Мы полагаем, что данные структуры связаны с содержанием, истоки которого следует искать в глубокой древности.

1. 3. Диаграмматическая иконичность

«Диаграммы» – единицы диаграмматической иконичности. Примерами диаграмматических знаков являются чертежи, схемы, диаграммы. Специфика «диаграмм» состоит в том, что в них имеет место аналогия между их частями и «частями» обозначаемого объекта. При изучении диаграмматических иконических знаков в языке исследователи, как правило, обращают внимание не на отношения изоморфизма означающего / означаемого, а на отношения *мотивации* (iconicity of *motivation*). Диаграмматические знаки оказываются мотивированными формой и значением. Так, языковые «диаграммы», например, слова с флексией множественного числа (books *книги*) являются более протяженными линейно по сравнению с формами единственного числа (book *книга*) и получают специальный маркер, т. е. становятся *маркированными*. Формы множественного числа «длиннее», а формы единственного числа – «короче». Иконическое кодирование означающего связано с означаемым: значение форм множественного числа сложнее, чем значение форм *единичности* (*один* предмет: *много* предметов). В протяженной форме зримо кодируется семантическая сложность «*множественных*» объектов действительности. Равным образом, более протяженной формой и более сложной семантикой мотивированы флективные показатели прошедшего

времени (jumped), косвенных падежей (their), сравнительной степени прилагательного (stronger).

В лексической подсистеме в качестве примеров «диаграмм» выступают словообразовательные единицы: производные лексемы (teacher *учитель* от глагола to teach *учить*) и словосложения (blackboard *школьная доска*, букв. *черная доска*) также оказываются *мотивированными***.** Так, лексема teacher *учитель* мотивирована семантически и морфотактически при помощи производящего глагола to teach. В этих и других случаях реализуется закономерность, в соответствии с которой отношения мотивации возникают в маркированных формах: «протяженность знака отражает иконически его семантическую сложность» [Кубрякова, 1993: 24]. Немаркированные формы не получают специального маркера (book, jump, they, strong и т. д.) или же снабжены маркером с меньшим числом фонем. Связь иконичности и *маркированности* (*markedness*) проявляется в том, что немаркированные формы используются для нейтральных, контекстуально-предсказуемых концептов [Givón, 1985], например, формы единственного числа по сравнению с формами множественного числа существительных.

В работах [Jakobson, 1965; Greenberg, 1966; Haiman, 1980; 1985; 1994a; 1994b; Bybee, 1985; Givón, 1985; Tai, 1985; Wierzbicka, 1985; Fischer, 1997] вскрыты отношения диаграмматической иконичности на морфологическом и синтаксическом уровнях. Показано, что диаграмматическая иконичность проявляется в мотивированной *последовательности элементов* (*sequential ordering*) и мотивированном *концептуальном расстоянии* (*conceptual distance*; *distance / proximity*) в слове, конструкции, высказывании. Например, чем **ближе** расположен словоизменительный аффикс к корню, тем он более значим по отношению к корневой морфеме[11] [Bybee, 1985]. Чем **контактнее** расположены элементы в конструкции типа red and white ribbons по сравнению с теми же элементами в конструкции red ribbons and white ribbons, тем более они близки

[11] Этот тип диаграмматической иконичности приближается к универсалиям [Haiman, 1994b: 1637].

концептуально: в первой конструкции значение всей фразы интерпретируется скорее как *красно-белые ленты*, а не *красные* и *белые ленты* [Haiman, 1994a]. Равным образом, мотивирован *порядок слов* в языках аналитического изолирующего типа: в фиксированном порядке слов закреплены существующие в этих языках грамматические и лексические отношения [Tai, 1985]. *Последовательность* событий в реальности может быть иконически отражена в простом предложении (Veni, vidi, vici) или в сложном предложении и его придаточных [Jakobson, 1965].

Мотивированным оказывается явление *редупликации* в морфологии, синтаксические *повторы* (*repetition*), грамматические преобразования по *аналогии* (*analogy*), разнообразные типы процессов *грамматикализации* (*grammaticalisation*) [Fischer, 1997: 72-81].

1. 4. Иконическое пространство

Рассмотренные выше трактовки образной и диаграмматической иконичности правильно отражают факты действительности, но при этом остается нераскрытым взаимоотношение и связь звуков, с одной стороны, и лексем, а также грамматических единиц, начинающихся с одной и той же консонантной инициали, с другой стороны. Существует ли единое семантическое пространство лексики с лабиальными, дентальными, велярными инициалями? Передает ли корпус корневых лексем и морфологических единиц единое концептуальное содержание, тяготеющее к доминантному смыслу? Широкие возможности для решения данного вопроса открываются при изучении иконичности через призму диахронического подхода.

Продолжая и развивая линию, намеченную в трудах предшественников, а именно, линию существования непосредственной связи между звуком и значением, мы считаем целесообразным поставить вопрос о новом объекте фоносемантики – *совокупности корневых слов и морфологических единиц,*

начинающихся на определенную консонантную инициаль, т. е. о корпусе лексем и морфологических элементов, организованных по алфавитному принципу.

Иконическое пространство в такой трактовке предстает как **система лексических и морфологических единиц, объединенных начальным согласным.** Рассмотрим основные конституенты иконического пространства: инициаль слова, лексему, совокупность лексем, морфологическую единицу.

Каноническим видом корневого слова, в частности, в германских языках, является звуковая последовательность согласный + гласный + согласный (С + V + С). Три компонента, или конструктивных компонента, называются инициалью, вокалью, финалью [Плоткин, 1976: 105]. *Инициаль*[12], консонантный анлаут, или согласный, структурно занимающий первую позицию в слове, выступает в качестве важнейшей составляющей корневого слова. На протяжении многовековой истории древний корень, будучи семантически нагруженным, «разделяет» часть информативности с инициалью[13]. Сосредоточение в инициальной консонантной позиции наибольшего когнитивного потенциала способствует своего рода *семантической маркированности* начальной позиции в слове, а, следовательно, и информативной *выделенности* инициали. В целом, как известно, консонантный «скелет» слова несет максимальный когнитивный потенциал [Зиндер, Касевич, 1989].

[12] Инициаль значима и в типологическом плане. При рассмотрении материала языков, типологически отличных от индоевропейских, обращает на себя внимание иная организация слога, ориентированная не на фонему, а на инициаль / финаль слога. Так, в частности, лингвистические факты, данные исторической фонетики, результаты экспериментальных исследований показывают, что в китайском языке в качестве минимально значимого элемента языка выступает **тонированный слог – силлабема**, или слогофонема. Китайский слог при этом может быть расчленен не на фонемы, а на структурные элементы иного уровня: инициаль (начальный согласный) и финаль (остальную часть слога) [Спешнев, 1980: 10 – 11]. С точки зрения теории фоносемантики, какой бы уровень сегментации слова мы не брали, существует возможность «привязки», или тяготения определенного содержания к начальному элементу слова.

[13] Ю. М. Лотман справедливо подмечает, что в тексте, равно как и в речевом потоке, сегментированном на слова, семантическая нагрузка распределяется весьма неравномерно: при трансляции смысла составляющие слово фонемы «и – вследствие этого – при образовании сложной системы семантически нагруженных оппозиций не все фонологические элементы, образующие данную лексику, ведут себя одинаково. <…> Экспериментальные данные для русской речи … показали, что в письменной речи «информация целиком сконцентрирована в первой половине слова, в то время как вторая его половина оказывается избыточной» [Лотман, 1994: 144 - 145] (данные Р. Г. Пиотровского).

Инициаль как начальный элемент формы входит в каждое корневое слово, выступая в качестве минимального иконического элемента-«образа», объединяющего лексемы и отображающего свойства, признаки, отношения «собирательного внеязыкового объекта» действительности, стоящего за совокупностями лексем. Инициаль **обеспечивает «вход» в концепт**, или фрагмент концептуальной картины мира древности. Исследование, проведенное ниже, показывает, что определенные зоны речевого аппарата человека, т. е. собственно антропоморфный фрагмент физической действительности задает параметры для аналогово-метафорической концептуализации объектов-денотатов, иконически представленных в лексиконе посредством лексем.

Лексемы являются центральными единицами лексикона и всей языковой системы[14]. Следует особо подчеркнуть, что мы рассматриваем не изолированные лексемы, а совокупности лексических объединений, организованные по алфавитному принципу.

Принцип группировки лексики по алфавиту считается в лингвистике традиционным: слова упорядочены в соответствии с алфавитной последовательностью их графического состава. Они разбиты сначала на небольшие классы в зависимости от букв, начинающих слова. Затем каждый из классов разбит на подклассы по тому же правилу в зависимости от букв, следующих за начальными буквами. Затем выделяются подклассы в зависимости от третьей буквы в слове и т. д., пока классное деление не будет исчерпано последней буквой слова. Каждый из классов, подклассов получает как бы номер, отвечающий номеру буквы в алфавите [Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975: 308]. Исходным номером лексического класса такого рода является первый номер, т. е. номер первой буквы и, соответственно,

[14] Ср. утверждение С.В.Воронина: «Если система вообще – целостное множество элементов и связей (отношений) между ними, то звукоизобразительное слово как элементарный случай системы являет собою целостное элементарное множество двух элементов – звука (форма) и значения (содержание) – и связи между ними. Если слово – центральный «кирпичик» языка, то связь «звук-значение» – это то, что делает этот центральный кирпичик единым целым» [Воронин, 1997: 145 – 146].

первого звука слова – инициали[15]. Иконический элемент прослеживается в корневых и аффиксальных морфемах.

В ходе анализа материала ностратического, общеиндоевропейского праязыков и древнеанглийского языка выяснилось, что совокупности лексем, начинающихся на одинаковую инициаль, объединены инициалью-«образом» не случайно. Можно трактовать фрагменты лексикона как своего рода «диаграммы». Примечательно, что если рассматривать концептуальную картину мира в ее эволюционном аспекте как совокупность «частей», то во фрагментах лексики с инициалями лабиальной, дентальной, велярной артикуляционных зон окажется диаграмматически представлена последовательность этих «частей»: *Хаос, сотворение мира, космизация Вселенной.*

Исследование лексической подсистемы древнеанглийского языка показывает, что в целом лексика обнаруживает обширную систему взаимосвязей, основным принципом организации которой является принцип соотнесения содержания **фонетического (иконического) элемента** с концептуальным содержанием, вербализуемым в лексических объединениях.

Морфологические единицы – аффиксы, форманты грамматических категорий существительного и местоимения (*род, число, падеж, лицо*), а также сами конституенты указанных частей речи (грамматизованные единицы), фигурирующие в иконическом пространстве лексикона, связаны с полнозначными лексемами, начинающимися на определенную инициаль. При этом выявляются отношения *изоморфизма* между означающим / означаемым лексем и морфологических единиц, обладающих одинаковой инициалью. В результате процессов грамматикализации иконичность лексемы может «продолжиться» на грамматическом уровне.

[15] Иконический элемент выявляется в семантике и структуре большинства единиц и категорий, вступающих в интегративную взаимосвязь, хотя следует подчеркнуть, что принципы интегративной организации лексикона к древнеанглийскому периоду были уже утрачены, и выявить семантическую мотивированность всех без исключения единиц не представляется возможным. В лексиконе имеют место эволюционные напластования раннего и более позднего периодов, затрудняющих однозначную интерпретацию иконической интеграции элементов.

При изучении иконического пространства мы рассматриваем особый «**сплав**» образной и диаграмматической иконичности. От корневой лексемы, являющейся единицей анализа в звукосимволизме, «извлекается» только инициальный согласный, причем в фокус внимания попадает система корневых лексем, начинающихся на одинаковый согласный. Признаки денотата, лежащие в основе номинации *автономных* корневых лексем, также не являются центральным предметом изучения. Только с выходом исследования на систему лексических единиц *совокупность* денотативных признаков, будучи рассмотрена системно, обнаруживает системные взаимосвязи более далекого, *концептуального* порядка. При этом мы в известном смысле отвлекаемся от «ближайшего» денотативного значения отдельных лексем и рассматриваем совокупность концептуальных связей, возникающую при анализе «дальнейших» значений лексических объединений. В иконическом пространстве языка существует возможность выявить на базе единиц **фонетического** уровня (фонема-инициаль) и **лексического** уровня (корневые лексемы) взаимосвязи **морфологических** единиц, объединенных той же инициалью, что и соответствующие им лексемы.

Содержание иконического пространства можно представить в виде совокупности концептов. Концепт[16], с одной стороны, базируется на признаках,

[16] При рассмотрении термина *концепт* мы опираемся на работы А. Вежбицкой, Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, В. И. Карасика, В. А. Пищальниковой, М. В. Никитина, С. Г. Воркачева и других исследователей. В **когнитивном плане** концепты представляют собой индивидуально-личностные смысловые образования, замещающие соответствующие значения, объективно закрепленные в коллективном языковом сознании и зафиксированные в толковых и энциклопедических словарях [Лихачев, 1993], а в **лингвистическом плане** являются разновидностями понятийных категорий [Булыгина, Крылов, 1990: 215]. «Концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев, 2004: 36]. Ставшее хрестоматийным выражение, что концепты – комплексные знаки особой природы, элементы лингвокультуры [Карасик, 2001] «парят над языком», не только мыслятся, т. е. принадлежат сознанию, но и переживаются, включают, в отличие от понятия, помимо описательно-классификационных, чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики [Степанов, 1997: 41], указывает на различие **значения** слова и **концепта (понятия)**. Важнейшей характеристикой концепта является его опора на некоторое лексико-семантическое множество, а основными свойствами концепта являются многомерность и целостность смысла, существование концепта в непрерывном культурно-историческом пространстве, предрасположенность к культурной трансляции из одной предметной области в другую [Ляпин, 1997: 19]. Содержание, представленное в концепте, является «закрепленным в памяти информационным рефлексом связей того объекта-денотата, отображением которого является данный концепт … систематизированным обобщенным представлением о структуре возможных связей, отношений, зависимостей и взаимодействий, потенциально прогнозируемых для данного класса объектов … информационной аурой, полем тяготения, окружающим данный концепт и вписывающим его в многомерную систему импликативных связей с другими концептами» [Никитин, 2004: 59].

выводимых из значений лексем, грамматических (грамматизованных, словообразовательных) категорий, фонем-инициалей и древних текстов, а с другой стороны, представляет собой эмерджентное образование, возникающее при формировании интегративных фрагментов лексикона.

Чтобы выявить совокупность концептов, лежащих в основе иконического пространства, обратимся к таким компонентам произносительных фреймов согласных звуков, как признаки *топологического* характера, которые позднее переосмысливаются и формируют область метафорических значений.

При решении вопроса о *мотивированности* знака следует установить не столько физические характеристики звука (*взрывность / фрикативность, глухость / звонкость* и т. д.) или его синестетические потенции, сколько *место артикуляции* звука и *пространственно-топологическую проекцию моторики* активных и пассивных органов речи при формировании звука, которая лежит в основе произносительного фрейма фонемы, т. е. пространственные параметры *артикуляторной конфигурации* звука.

Место артикуляции звуков очень значимо. В ходе языковой эволюции меняется способ артикуляции звуков, их модальности, а место артикуляции, несмотря на действие звуковых законов, не меняется. Эта закономерность не случайна: классификация звуков по артикуляционным зонам является языковой *константой*[17].

Концепт, будучи «ментальной единицей со стохастической (вероятностной) структурой» [Никитин, 2004: 53], членится на многочисленные компоненты, **гетерогенные составляющие концепта.** В качестве таковых выступают предметно-понятийный, образный, ассоциативный, символический, эмоциональный компоненты, представления [Пищальникова, 1999]; образное, понятийное и ценностное измерения [Карасик, 2001]. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Ценностная сторона концепта – его важность для индивидуума и коллектива [Карасик, 2001]. Стохастичность, вероятностность структуры концепта связана с такой особенностью содержания концепта в диахронии, как диффузность и недискретность смысла, переход одних компонентов в другие.

[17] Ср., например, положение: «сходство в артикуляции губных согласных в самых разных языках связано с общностью строения губ у представителей различных народов» [Бурлак, Старостин, 2005: 8]. Это положение можно продолжить и обобщить по отношению к звукам различных артикуляционных зон.

Исследование К. Ходжа [Hodge, 1991], выполненное на материале ностратического праязыка, показывает, что в ходе языковой эволюции исходная фонема определенной артикуляционной зоны претерпевает ряд изменений в родственных языках, но редко выходит за пределы собственной артикуляционной зоны[18]. Так, например (см. рис. 1.1), ностратический [p] имеет глоттализованный (b?, p?), придыхательный (f, bh), назализованный (mb, m) варианты, могут меняться модальности звуков, но основное место артикуляции звука, как правило, не меняется:

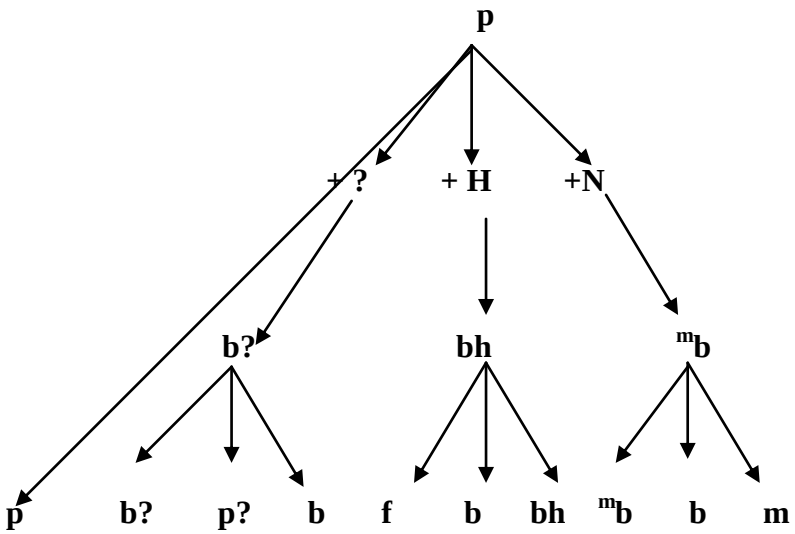

Рис. 1.1. Нелинейный характер звуков (по данным лабиальной зоны)

Можно предположить, что *протофонемы* (*фемемы*, по М. Л. Фостер) *нелинейны*, существует возможность привязки определенного содержания к **пучку** схожих в артикуляции звуков и, соответственно, возможность «тяготения» фрагментов лексики, объединенных инициалями одной и той же артикуляционной зоны, к определенному содержанию.

Пространственно-топологическая проекция моторики активных и пассивных органов речи, которая лежит в основе произносительного фрейма фонемы, важна потому, что связана с *доминантным смыслом*. Положение С. В. Воронина о том, что, зная «характер звучания денотата, можно предсказать фонетическую структуру соответствующего звукоподражательного слова; это –

[18] В сравнительно-историческом языкознании выдвинута гипотеза о существовании классов, или групп звуков. Изменения звуков в классе более вероятны, чем переходы из одной группы в другую. Так, А. Б. Долгопольский выделяет P-, W-, T-, S-, K- и другие классы звуков [Цит. по: Бурлак, Старостин, 2005: 272].

предсказуемость в терминах акустических фонемотипов (т. е. акустических типов фонем), но не отдельных конкретных фонем» [Воронин, 1990: 165], можно существенно расширить. При этом положение приобретет следующий вид: зная фонемную принадлежность инициали корневого слова, ее соотнесенность с определенной артикуляционной зоной, можно предсказать «разветвление» значений слов той или иной зоны, а именно, направление топологических связей в концептуальных полях соответствующей зоны.

Целесообразно, учитывая наиболее релевантные для древнего сознания пространственные формы восприятия и осмысления действительности, искать истоки формирования иконического континуума языка в когнитивных – «пространственных» аспектах моторной программы звука.

При формировании произносительных фреймов фонем важна *пространственная конфигурация*, или *форма*, образующаяся в результате проекции определенных артикуляционных укладов губ и языка на плоскость и представляющая «плоскостную» реализацию *моторной программы* звука [о связи моторики органов речи и программы звука см. Allott, 1989; о значимости *формы*[19] в процессах категоризации, классификации, развитии ребенка см. Кларк, 1984; о языковой концептуализации формы физических объектов см. Гилярова, 2002].

Пространственные фреймы звуков лабиальной зоны обусловлены **округлой** формой, которая образуется в результате проекции на плоскость формы губ, а звуки дентальной зоны – **указательным** жестом вытянутого языка [Воронин, 1982], т. е. проекцией на плоскость **прямой** линии. В основе произносительных фреймов лабиальных и дентальных звуков, таким образом, лежат когнитивные схемы *расширения* и *сужения* соответственно. *Расширение* – движение наружу – сопряжено с пространственными параметрами *круга*, а *сужение* – движение внутрь – с пространственными координатами *прямой линии*.

[19] Особое значение придается форме, т. е. *имманентному* признаку предмета в языках классной типологии: все объекты окружающего мира, помимо прочего, классифицируются как *округлые, вытянутые, продолговатые, прямые* и т. д. [Виноградов, 1990: 174].

Базовые *когнитивные схемы* метафорически связаны с концептами, средством выражения которых являются совокупности лексем и морфологических единиц, начинающихся на инициали лабиальной, дентальной, велярной артикуляционных зон, и фрагментами архаической картины мира. Таким образом, предлагается топологическая модель организации иконического пространства языка.

Моторная программа звуков различных артикуляционных зон связана, далее, с *легкостью* / *трудностью* произнесения этих звуков. Звуки дентальной зоны являются *коронарными* (coronal) [Kohler, 1998: 270 - 271]: для их произнесения требуется минимум усилий. Принимая во внимание *когнитивные* принципы соответствия языковых и когнитивных структур структуре мира и экономии усилий (E. Rosh), минимальное расстояние между кончиком языка и местом артикуляции, присущей этой категории звуков, мы связываем метафорически с концептами *прямой, часть, указание, ближний* и другими. Напротив, *некоронарные* (non-coronal) звуки, например, звуки лабиальной зоны требуют максимум усилий для произнесения, поэтому их моторная программа оказывается связанной с актуализацией противоположных концептов, в частности, *округлый, кривой, рост, множество, дальний.*

Таким образом, семантика звука определяется в соответствии с принципами и механизмами эволюционной синергетики, учитывающей развитие адаптивных[20] свойств языкового знака и принимающей во внимание факт эволюционной эпистемологии о существовании общих паттернов развития языковой и концептуальной картины мира. Коронарные звуки отвечают всем требованиям среды, представляют собой самую успешную адаптацию к среде.

Иконические знаки в такой трактовке представляют собой простейший способ соотнесения формы с когнитивной структурой: кодируемый опыт легче

[20] О более предпочтительных, естественных адаптивных изменениях в фонетической подсистеме см. [Contemporary Linguistics. An Introduction, 1996: 362 - 363].

хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен, т. е. формально подобен этому опыту [Givón, 1985].

Пространственно-отношенческую аналогию (spatio-relational analogy) учитывала М. Л. Фостер при анализе символических репрезентаций человека верхнего палеолита в связи с формированием в языковой системе инвентаря первобытных фемем [Foster, 1980; 1990; 1994]. *Фемемы* – мельчайшие дифференциальные единицы фонологии [Ахманова, 1969: 492], термин для обозначения минимальной лексической и / или грамматической единицы, которая лексически представляет собой фонему, а грамматически – таксему[21] (phememe: a rarely used cover term for the smallest lexical and / or grammatical unit. Lexically, it is the phoneme, grammatically the taxeme) [Pei, Gaynor, 1954: 166].

Фемемы являются предшественниками фонем. Их значение выводится из моторики речевого тракта (the shaping and movement of the articulatory tract) [Foster, 1980: 388 - 390]. На самых ранних стадиях развития языка фемемы выражают значения *пространства* и *движения* (space and motion), будучи совмещены с жестом и мимикой. В ходе эволюции фемемы дифференцируются, появляются новые элементы, пока не оформляется фемемный инвентарь человека верхнего палеолита. Предполагают, что в эпоху неолита аналоговая сущность фемем затемняется, и фемемы превращаются в фонемы (определить абсолютную хронологию этого процесса не представляется возможным).

Значения дентальных, лабиальных и велярных фемем представлены в табл. 1.2.

М. Л. Фостер выделяет такие релевантные признаки звуков лабиальной зоны, как *ограниченный пределом, замкнутый* (circumscriptive), *выступающий* (projective) (= *удаляющийся, дальний*); дентальной зоны – *вертикальный* (vertical), *впускающий, входящий* (intromissive) (= *близкий, приближающийся*), которые совпадают с нашей интерпретацией пространственных значений, заложенных и реализующихся в моторной программе звука.

[21] *Таксемы* – наименьшие элементы как в плане выражения, так и в плане содержания [Лекомцев, 1990: 233]; *Taxeme* – an individual grammatical feature, the smallest unit of form in grammar (L. Bloomfield) [Pei, Gaynor, 1954: 214].

Таким образом, анализ материала позволяет наметить взаимосвязь звуков дентальной артикуляционной зоны с когнитивной схемой *сужения* и концептами *прямой, часть, указание, ближний*, а звуков лабиальной зоны – с когнитивной схемой *расширения* и концептами *округлый, кривой, рост, множество, дальний* (данные концепты выявлены теоретически и подтверждены практически в ходе анализа материала «всемирных этимологий» и ностратического праязыка).

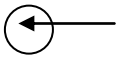
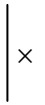
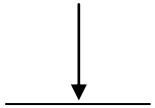
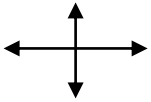
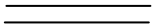
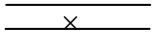
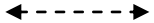
Впоследствии на базе этих концептов, которые в известном смысле можно рассматривать как *протоконцепты*[22], формируются обширные концептосферы, включающие взаимосвязанные лексические и структуральные концепты, организованные по **сценарному** принципу.

Сценарий – термин когнитивной лингвистики, используемый наряду с терминами *фрейм* и *сцена* для репрезентации концептуального содержания. *Фрейм* – это способ организации представлений, хранимых в памяти; рамки, фиксирующие наборы идей, образов, представлений. *Сцены* – это внутренние мысленные образы [Talmy, 1977: 612], предписываемые культурой [Демьянков, 1996: 188].

[22] Термин *протоконцепт* в контексте данной работы достаточно условен, поскольку мы не решаем вопроса об исходных компонентах концептуальной системы (о протоконцептах см. [Вежбицкая, 1999]).

Таблица 1.2

Первобытные фемемы [Foster, 1980: 391]

Первобытные фемемы						
Feature organization	**conterminous**			**lineal**		
	conjunctive		**extensive**		**directional**	
	peripheral	**internal**		**protractive**		**peripheral**
	protrusive (labial)	**intrusive** (dental)	**obtrusive** (alveolar)	**rectilineal** (palatal)	**propuisive** (velar)	**curvilineal** (labiovelar)
stopped	**p**	**t**	**c**	**č**	**k**	**k^{w}**
	projective 	intromissive 	emissive 	clinal 	delative	reversive
spirant	**f**	**ɵ**	**s**	**š**	**x**	**x^{w}**
	abessive 	juxtapositive 	expansive 	vertical	oppositive	apertive
resonant	**m**	**n**	**l**	**y**	**r**	**w**
	bilateral 	interpositive 	disjunctive 	horizontal	sublative	circumscriptive

Если рассматривать иконическое пространство языка и, в частности, лексикона как эволюционирующий «текст» (об этом см. ниже), содержание этого «текста» нельзя представить иначе, как в виде *диахронического сценария*, включающего описание сцен, участников, обстановки.

Эпизоды интерпретируемого «текста» вводят новые сцены, комбинируемые в различных отношениях и связях. Интерпретатор постепенно создает внутренний мир, конкретизируемый с продвижением по «тексту». *Прототипические сцены* составляют багаж знаний человека о мире. Доминантные смыслы «текста» создают *сценарий*, который можно представить в виде *фреймов* [Демьянков, 1996: 189 - 191; 181 - 182]. Последние сопряжены с концептуализацией различных фрагментов и отношений действительности.

Диахроническое изучение фонетической, лексической и грамматической подсистем вскрывает уходящий глубоко в прошлое *синкретизм*[23] единиц протофонетики, протолексики и протограмматики. С синхронной точки зрения иконическое пространство и его компоненты – фонема-инициаль, лексические и морфологические единицы – выступают в качестве «среза» этого синкретичного состояния. Лексические, грамматические и «фонетические» значения – «своего рода умственные «концентраты», сгустки человеческих знаний об определенных фрагментах и сторонах окружающей нас действительности [Кацнельсон, 1986: 12] организованы в систему особого рода, базовой особенностью которой является топологичность смысла, связывающего единицы различных уровней.

[23] Под *синкретизмом* традиционно понимается совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности [Бабайцева, 1990: 446].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Иконическими считаются единицы, в которых план содержания и план выражения изоморфны. Это «образы», «диаграммы» и «метафоры».

2. При изучении явлений образной и диаграмматической иконичности выявлен объект, не попадавший в фокус внимания *фоносемантики* – совокупность корневых слов и морфологических единиц, начинающихся на определенную консонантную инициаль, т. е. корпус лексем и грамматических структур, организованных по алфавитному принципу. Это особый «*сплав*» образной и диаграмматической иконичности.

3. От корневой лексемы, являющейся единицей анализа в фоносемантике, «извлекается» только инициальный согласный, и изучается совокупность корневых лексем, начинающихся на одинаковый согласный. С выходом исследования на систему лексических единиц совокупность денотативных признаков, будучи рассмотрена системно, обнаруживает взаимосвязи концептуального порядка. При этом появляется возможность выявить на базе единиц **фонетического** уровня (фонема-инициаль) и **лексического** уровня (корневые лексемы) взаимосвязи морфологических единиц, объединенных той же инициалью, что и соответствующие им лексемы. Иконическое пространство в такой трактовке предстает как **система лексических и морфологических единиц, объединенных начальным согласным.**

4. Инициаль как начальный элемент формы входит в каждое корневое слово; выступает в качестве минимального иконического элемента-«образа», объединяющего лексемы и отображающего свойства, признаки, отношения «собирательного внеязыкового объекта» действительности, стоящего за совокупностями лексем; *обеспечивает «вход» в концепт*, или фрагмент концептуальной картины мира древности. В иконическом континууме инициаль представляет собой *классификатор* концептуального пространства,

используемый носителем языка для «упаковки» близких в определенном отношении концептов в единую структуру.

5. Семантика звука определяется нами в соответствии с принципами когнитивной экономии усилий и соответствия языковых и когнитивных структур структуре мира (эти принципы были выдвинуты Э. Рош). Иконические знаки в такой трактовке представляют собой простейший способ соотнесения формы с когнитивной структурой: кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен, т. е. формально подобен этому опыту (Т. Гивон).

6. Истоки формирования иконического континуума языка лежат в когнитивных – «пространственных» аспектах моторной программы звука. При этом учитываются наиболее релевантные для древнего сознания пространственные формы восприятия и осмысления действительности.

7. Произносительные фреймы звуков лабиальной зоны обусловлены **округлой** формой, которая образуется в результате проекции на плоскость формы губ, а звуки дентальной зоны – **указательным** жестом вытянутого языка, т. е. проекцией на плоскость **прямой** линии. В основе произносительных фреймов лабиальных и дентальных звуков лежат когнитивные схемы *расширения* и *сужения* соответственно. *Расширение* – движение наружу – сопряжено с пространственными параметрами *круга*, а *сужение* – движение внутрь – с пространственными координатами *прямой линии*.

8. Базовые *когнитивные схемы* метафорически связаны с концептами, средством выражения которых являются совокупности лексем и морфологических единиц, начинающихся на инициали лабиальной, дентальной, велярной артикуляционных зон, и фрагментами архаической картины мира. Таким образом, предлагается топологическая модель «задания» иконического пространства языка.

9. Звуки дентальной зоны связаны с когнитивной схемой *сужения* и концептами *прямой, часть, указание, ближний*. Звуки лабиальной зоны

обусловлены когнитивной схемой *расширения* и связаны с концептами *округлый, кривой, рост, множество, дальний* (данные концепты выявлены теоретически и подтверждены практически в ходе анализа материала «всемирных этимологий» и ностратического праязыка)**.**

10. Моторная программа звуков различных артикуляционных зон связана с *легкостью* / *трудностью* произнесения этих звуков. Звуки дентальной зоны являются *коронарными* (coronal): для их произнесения требуется минимум усилий. Минимальное расстояние между кончиком языка и местом артикуляции, присущей этой категории звуков, мы метафорически связываем с концептами *прямой, часть, указание, ближний* и другими. Коронарные звуки отвечают всем требованиям среды, представляют собой самую успешную адаптацию к среде. *Некоронарные* (non-coronal) звуки, например, звуки лабиального фонемотипа, требуют максимум усилий для произнесения, поэтому их моторная программа оказывается связанной с актуализацией противоположных концептов, в частности, *округлый, кривой, рост, множество, дальний.*

11. Диахроническое изучение фонетической, лексической и грамматической подсистем вскрывает уходящий глубоко в прошлое синкретизм единиц протофонетики, протолексики и протограмматики. С синхронной точки зрения иконическое пространство и его компоненты выступают в качестве «среза» этого синкретичного состояния.

12. Содержание иконического пространства языка, снятого в эволюционном срезе, целесообразно представить в виде *диахронического сценария*, включающего описание сцен, участников, обстановки как систему, придающую связность тому или иному аспекту человеческого опыта.

ГЛАВА 2. СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

2. 1. Синергетические аспекты языковых подсистем

Язык представляет собой самоорганизующуюся и саморегулирующуюся систему, которая в ходе эволюции адаптируется к окружающей среде. Это самонастраивающаяся система, которая приспосабливается к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения своей структуры. Рассмотрение языка как адаптивной системы «соответствует методологическим основам отечественной лингвистики, т. е. пониманию того, что развитие языка и сознания неразрывно связаны с развитием общества, с историей народа-носителя языка. В языке мы имеем дело с частным случаем всеобщей связи явлений в природе и обществе» [Арнольд, 1991: 119]. Важнейшими **принципами** организации языковой системы являются *открытость, нелинейность (неаддитивность элементов, множественность путей развития), неравновесность, иерархия (подчинение)* элементов и уровней. Эти принципы являются общенаучными.

Будучи сложной системой со своими элементами, структурой и функциями, язык вписывается в парадигму синергетики – особой разновидности системного подхода, предметом изучения которого являются процессы самоорганизации – спонтанного возникновения и развития структур из «хаоса» в открытых, нелинейных системах, способных постоянно обмениваться информацией с окружающей средой и усваивать внешние воздействия [Пригожин, 1985; Пригожин, Стенгерс, 1986; Хакен, 1980; 1991]. Как и другие сложные нелинейные системы, язык характеризуется наличием процессов самоорганизации и саморегуляции, которые в совокупности с внешними факторами образуют динамику системы [Адмони, 1972; Плоткин, 1972; Хлебникова, 1972; Гухман, 1981; Шишкина, 1998; Николис, 2000; Ballmer, 1981; Köhler, 1994; Wildgen, 1990].

Основы синергетики – понятия *открытых, нелинейных систем* и *процессов, детерминированного хаоса, диссипативных структур* и многие другие – заложены такими видными учеными, как [Хакен, 1980; Пригожин, 1985] и получили дальнейшее развитие в следующих исследованиях [Курдюмов, Малинецкий, 1983; Князева, Курдюмов, 1994; Аршинов, Буданов, Войцехович, 1995; Князева, 1996; Аршинов, Войцехович, 2000; Майнцер, 2000; Чернавский, 2000; Буданов, 2003 и многие другие]. В настоящее время идеи синергетики находят применение в различных областях естествознания: физике, химии, биологии, (нейро)физиологии, а также в социологии, педагогике, лингвистике и т. д.

Единая теория **эволюционной синергетической лингвистики** не создана, хотя накоплен обширный теоретический материал, свидетельствующий о существовании спонтанного движения языка. Проблематика синергетических аспектов эволюционирующей системы языка, охватывающей хронологически разные периоды, представлена в работах исследователей, изучающих явления самоорганизации языковых единиц в рамках синергетической лингвистики, квантитативной лингвистики и типологии (Г. Альтман, М. В. Арапов, Л. Н. Беляева, М. Г. Борода, Дж. Гринберг, Р. Келер, Б. Мандельброт, А. М. Орлов, Р. Г. Пиотровский, А. А. Поликарпов М. Сводеш, Ю. А. Тулдава, М. М. Херц, А. Хилл, Дж. К. Ципф и другие), теории катастроф В. Вилдгена. В ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов, выполненных в русле лингвосинергетики, рассматриваются синергетические аспекты текста, речевой, психолингвистической и переводческой деятельности (В. Н. Базылев, И. А. Герман, Г. Г. Москальчук, Л. В. Кушнина, Н. Л. Мышкина, В. А. Пищальникова, М. М. Тонкова, Л. С. Шишкина, L. Hřebiček, P. Saukkonen).

Важнейшее положение лингвосинергетики гласит: в настоящее время лингвистика стоит перед необходимостью создания интегральной концепции языка, которая позволит обнаружить общие свойства не только у систем,

функционирующих в единстве (речь, ментальные, психические, нейрофизиологические процессы), но и у принципиально различных систем – семиотических, социальных, физических, ментальных. На смену линейному типу связи, при котором одно вытекает из другого, подчиняясь воздействию внешних причин, предлагается представление об одновременном целостном характере этих связей [Герман, Пищальникова, 1999; Герман, 2000: 18].

Ценный материал, накопленный в сравнительно-историческом языкознании, диахронической лингвистике и типологии, онтолингвистике (В. Г. Адмони, Л. С. Выготский, М. М. Гухман, В. М. Жирмунский, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев, Э. А. Макаев, Ж. Одри, В. М. Солнцев, И. Б. Хлебникова, К. Ходж, Э. Сепир, Т. В. Черниговская, В. Н. Ярцева и многие другие) и свидетельствующий о наличии механизмов самоорганизации и саморегуляции языка, развивающегося во времени, ждет обобщения.

В качестве предмета эволюционной синергетической лингвистики целесообразно определить феномен *спонтанного возникновения – самоорганизации* структур в хронологически разных периодах развития языковой системы, на протяжении ее исторически засвидетельствованной и гипотетически восстанавливаемой истории в совокупности переменных, процессов, зависимостей между переменными и процессами. Речь идет о целостном цикле развития системы – о ее возникновении, развитии, самоусложнении и саморазрушении в аспекте структурного упорядочивания, т. е. о поиске единого знаменателя, под который была бы подведена последовательность этапов спонтанного порядкообразования системы (как, например, в случае с различными современными языками и их далекими предками). В этом случае синергетика, в том числе и языковая, увязана с теорией **эволюционной эпистемологии** [Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы, 1996; Lorenz, 1977; Popper, 1984]. В рамках последней ученый получает уникальную возможность сравнить между собой системы

разных порядков и проследить коэволюцию живой и неживой природы. Одной из задач указанной теории является раскрытие внутренних и внешних законов эволюции системы, поиск и изучение универсальных, свойственных системам самой разной природы – живым существам, социуму, Космосу – закономерностей самоорганизации и спонтанного порядкообразования [Майданов, 1991; Князева, 1991; Меркулов, 1996]. Важным моментом при изучении синергетических аспектов языковой эволюции в рамках эволюционной эпистемологии является поиск *эпистем*[24] [Фуко, 1994] – структур знания, свойственных определенному периоду развития культуры и находящих отражение в языковой системе. По В. Э. Войцеховичу, если в жизни системы выделить начало, середину и конец, то средняя, основная стадия будет являться *фракталом* как переходным, неустойчивым процессом. Эволюционирующая система сама является фракталом, сетью, в которой всегда сохраняется определенная наследственная структура [Войцехович, 2003: 150].

Цель синергетического подхода к эволюционирующей языковой системе состоит, таким образом, в выявлении:

1) **циклов** развития языка и его подсистем;

2) «постоянного взаимодействия между языком и опытом», «взаимопроникновения языкового символа и элемента культуры», которое «выводит язык из неприветливого ряда таких чистых и простых символических систем, как математическая символика и сигнализация флажками» [Сепир, 1993: 228];

3) в обосновании наиболее **общих принципов** самоорганизации языка, эволюционирующего вместе с миром и мышлением.

В рамках настоящей работы мы выдвигаем гипотезу о реализации в эволюционирующей языковой системе формулы синергетического цикла **хаос – порядок – хаос.** Эта формула является общей для сложных открытых неравновесных систем.

[24] Об *эпистемах* в семиотике см. [Dictionary of Semiotics, 2000: 59].

Фундаментальным положением *синергетической лингвистики* (*synergetic linguistics*) [Altmann, 1987; 1992; Wildgen, 1990; Seppänen, 1992; Köhler, 1994] является тезис о неравновесности, неустойчивости, открытости и нелинейности языковой системы. По В. Вилдгену (последователю Р. Тома и его теории катастроф), язык представляет собой *самоорганизующуюся систему*, в которой регулирующую функцию выполняет пространственно-временная граница самодвижения языка. Эта граница и является механизмом, в результате раскрытия которого проявляется внутренняя динамика системы. Различные языковые подсистемы, которым свойственна динамика – непрерывное развитие и изменение, обнаруживают черты роста и упадка и потому являются неравновесно-динамическими образованиями. Процессы роста и упадка, в свою очередь, управляются общими квазитермодинамическими законами языка. «Генезис и функционирование языка, его грамматика обнаруживают черты самоорганизации. Их относительная регулярность и устойчивость могут быть объяснены весьма сильными факторами, имеющими отношение к психофизической базе языковой когниции … Динамический анализ языка показывает, что язык – нечто большее, чем специфическая область когниции. Он имеет отношение к восприятию, контролю над моторикой и косвенно – к структуре окружающей среды» [Wildgen, 1990: 423, 425].

Согласно Р. Келеру, *механизмы самоорганизации и саморегуляции***,** действующие в языковой системе, а именно *флуктуации* и *отбор***,** «трансформируют» ее в сторону оптимального устойчивого состояния и оптимальной адаптации к окружению. **Флуктуации** являются движущей силой языкового развития, именно от них зависит возможность образования новых структур. Как и в биологии, в лингвистике *мутация* (*вариативность*) и *отбор* (*селекция*, выбор одного из вариантов), приводящие к языковому изменению, играют очень важную роль: в процессе коммуникации мы постоянно сталкиваемся с вариантами языковых единиц, отклонениями от инвариантов, из которых только немногие способны «выжить». Важно, что в ходе эволюции в

результате разнообразных флуктуаций сохраняются только те структуры и варианты, которые **соответствуют всем требованиям языкового окружения**, т. е. успешно противостоят давлению среды. Равным образом, в процессе языковой эволюции сохраняются только те вероятностные состояния языковой системы (моды), которые соответствуют **факторам среды**.

К **факторам среды** относятся социум, культура, где используется язык; сам человек, его ментальный и артикуляторный аппарат, слуховые анализаторы, коммуникативные и социальные потребности; механизмы получения и обработки данных, «коммуникативные каналы», их физические характеристики; иные языки, окружающие искомую языковую систему, и многие другие факторы. Все элементы языкового окружения автономно или системно влияют на: 1) процессы формирования языка; 2) реализацию назывной, экспрессивной и других функций языка; 3) достижение системой состояния адаптации и стабильности [Köhler, 1994: 4454 - 4455]. При изучении процессов формирования языка возникает необходимость учета принципов *избыточности* / *экономии*, *минимизации* усилий по производству знака, *минимизации* умственных затрат, *легкости* кодирования / декодирования информации, *оптимального объема* лексикона.

Важным направлением языковой синергетики является, помимо изучения механизмов самоорганизации и саморегуляции, поиск единиц и категорий, способных противостоять факторам среды, и **процессов** в совокупности переменных. Так, в частности, базовыми переменными, которые подпадают под действие законов порядкообразования, являются *размер инвентаря* единиц (*inventory size*), *размер единиц* (*element size*), их *частотность*. Специфическими переменными, характерными для отдельных языковых подсистем, являются, в частности, синонимы, омонимы, многозначные единицы и т. п. **Базовые процессы**, далее, представлены такими универсальными процессами, как *унификация* / *диверсификация* (*unification* / *diversification*). **Частные процессы**, действующие на отдельно взятых участках языковой системы, включают

лексикализацию, спецификацию / генерализацию, глобализацию / централизацию значения.

Проблема обнаружения в языке классов лингвистических единиц, способных «выдержать» давление среды, является одной из фундаментальных проблем синергетической лингвистики. Так, каждая семиотическая система стремится соответствовать коммуникативным требованиям кодирования / декодирования смысла при помощи определенных средств. Язык «выполняет» данное условие посредством различных лексем, морфем, синтаксических конструкций, просодики. Степень использования языком лингвистических средств определенного типа различна для разных языков и, помимо прочего, обусловлена хронологически. Кроме того, она влияет на поведение элементов системы и обусловливает релевантность тех или иных переменных.

В ходе верификации полученных результатов выводятся уравнения функциональной зависимости между переменными. Так, например, чем сильнее представлена в языке тенденция выражать грамматические отношения морфологическими средствами, тем выше зависимость полисемии от длины слова. При этом значение переменной T в уравнении $PL = A\ WL^{-T}$ увеличивается с ростом языкового синтетизма [Köhler, 1994: 4455]. Аналогичные зависимости выводятся для описания соотношения между размером лексикона, набором фонем, частотностью слова и другими переменными. В результате формируется своего рода синергетический цикл, в частности, один из синергетических циклов Р. Келера (см. рис. 2.1).

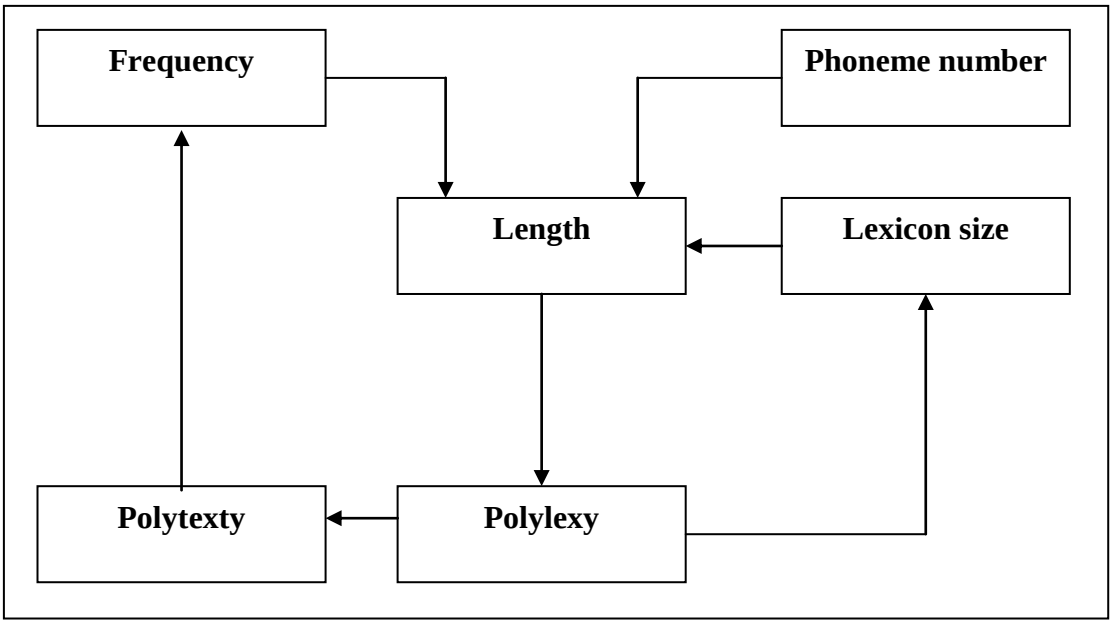

Рис. 2.1. Синергетический цикл Р. Келера

Феномен самоорганизации и саморегуляции языка является объектом целого спектра концепций, разновидностей *динамического подхода* к изучению языковых единиц. Это модели Дж. К. Ципфа [Zipf, 1968], М. Сводеша (глоттохронология) [Сводеш, 1960]; количественные теории изменения словаря во времени [Арапов, 1974; Арапов, Херц, 1974]; квантитативная типология Дж. Гринберга [Greenberg, 1954], а также концепции, в которых обосновывается степень *аналитизма* / *синтетизма* грамматического строя языка [Пиотровский, 1968], изучается этимологический состав словаря [Яношка, 1967; Григорян, Манасян, 1988; Капитан, 1995], *полисемия* [Поликарпов, 1987] и другие явления.

В рамках глоттохронологии выявлены некоторые функциональные зависимости между переменными, в частности, между частотой и возрастом слова: показано, что чем **больше** возраст слова (число лет, прошедших с момента возникновения данного слова в языке), тем **меньше** слов такого возраста мы найдем в словаре современного языка. Получение данной зависимости опирается на «динамическую» филологию, т. е. математическую теорию изменения словаря во времени. Дж. К. Ципф, исследуя частотный словарь английского языка Р. Эльдриджа и ряд других источников, сопоставил

время возникновения слова и частотность его употребления в языке и пришел к выводу о корреляции между частотой (или рангом) и возрастом слова, причем обнаружилось, что среди самых частотных слов больше всего слов древнего происхождения. С увеличением ранга слова доля слов этого возраста убывает тем быстрее, чем больше данный возраст. При этом важнейший вопрос, который поставил Дж. К. Ципф, – вопрос о возможной **связи** между **наиболее частотными словами** и их **семантикой,** не получил решения [Zipf, 1932] (о зависимости наиболее частотных слов древнеанглийской [w]-, [s]-, [h]-лексики и их семантики см. Главу 4 настоящей работы).

Попытка решения вопроса о взаимосвязи между частотностью и древностью слова и его значением предпринимается в теории американского исследователя М. Сводеша, который анализирует процесс изменения лексикона с точки зрения «распада» (выхода из употребления) слов определенного языка. По всей вероятности, наиболее устойчивы, а, следовательно, наиболее частотны и хронологически исходны слова, составляющие *основной список* – стабильную часть лексикона (*core dictionary*). Доля слов из основного списка, которые сохранятся на протяжении интервала времени – постоянна. Все слова, составляющие основной список, имеют одинаковые шансы сохраниться или «распасться» на протяжении этого интервала времени [Swadesh, 1971]. Здесь важна констатация факта сохранения слов, передающих базовые для человека древности смыслы.

Все последующие исследования, проводимые в рамках квантитативной лингвистики, по сути, базируются на динамических законах и принципах, выведенных Дж. К. Ципфом, П. Менцератом, Б. Мандельбротом и их многочисленными последователями и апробированных на материале языков различного типа (Р. Г. Пиотровский, Г. Альтман и многие другие).

В целом ряде работ, относящихся к квантитативной лингвистике, показано, что состояние *равновесности* языковой системы достигается посредством реализации принципов *экономии* / *избыточности* (А. Мартине),

когнитивной *экономии* и *соответствия* языковых единиц структуре мира (Э. Рош и последователи); принципа *минимизации* умственных затрат и *минимизации* усилий по производству знака (Б. Линдблом, К. Й. Колер); принципа *легкости* кодирования / декодирования информации; принципа *оптимального объема* лексикона. Сюда следует отнести и принцип *соответствия* формы содержанию, последовательно проводимый в настоящей работе и базирующийся на законе иконичности знака, сформулированным С. В. Ворониным [Воронин, 1997; Voronin, 2005]. Функциональные зависимости между переменными и процессами включают зависимости между переменными и ростом *аналитизма* / *синтетизма* (Р. Келер, Р. Г. Пиотровский); между возрастом слова, его длиной, полисемией; между рангом слова и его частотностью, степенью сохранности слова и его значением; между степенью интенсивности языковых контактов и ростом однородности / неоднородности лексикона (А. А. Поликарпов); между стабильностью / нестабильностью коммуникативных условий и уменьшением / ростом языковых изменений; между степенью активности и стабильности слова и его частотностью; между семантическим изменением слова и обновлением словаря.

Важнейшей заслугой исследователей, работающих в русле синергетической лингвистики, является постановка проблемы языковой синергетики как *динамического* аспекта языка, изучение которого вскрывает базовые механизмы спонтанного возникновения и развития структур. Вместе с тем, многие вопросы остаются нерешенными, в частности, те из них, которые связаны с формированием в языковой системе объединений иконических единиц и их развитием.

Динамика развития иконических объединений в известном смысле связана с динамикой развития языковых единиц в целом. Эта проблематика представлена в ряде моделей эволюции и развития естественного языка, которые были предложены в лингвистике 19 - 20 вв. В них акцентируется неравновесность процессов языковой эволюции, утверждается наличие

диахронических изменений, предпринимаются попытки выявить общий знаменатель, к которому могут быть приведены процессы изменения языковых подсистем во времени. Это, в частности: 1) модель *деградации* и *прогресса* (Р. Раск, Я. Гримм, В. Гумбольдт, О. Есперсен и другие); 2) *стадиальные* модели (Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов и другие); 3) модель *калейдоскопического развития* (Ж. Вандриес и другие); 4) модель *системной* сущности и эволюции естественного языка как проявления естественных процессов адаптации коммуникативного поведения людей к исторически изменчивым коммуникативным ситуациям общества (И. А. Бодуэн де Куртене, Г. П. Мельников и некоторые другие) [см. Поликарпов, 2002]; 5) модель лингвистического *цикла* (К. Ходж, Ж. Одри); 6) модель *жизненного цикла* слова [Polikarpov, 1993]; 7) типологическая модель *смены* контенсивных доминант (Г. А. Климов), а также модели, предложенные в ряде современных концепций зарубежных исследователей [Bichakjian, 1992; Batali, 1998; Bickerton, 1998; Croft, 2000; Briscoe, 2000 и многие другие].

Следует отметить также труды отечественных лингвистов, в которых четко формулируются проблемы *равновесия / неустойчивости* языковой системы в диахронии (И. Б. Хлебникова), *инновационных / архаических* тенденций в эволюции языка (М. М. Гухман), *регенерации* языковых единиц и значений и *компенсаторных явлений* в целом (В. Г. Адмони, Б. А. Серебренников), *адаптации* системы в диахронических процессах (И. В. Арнольд), *аттракции* (Г. С. Щур и другие), соотношения *системы* и *среды* (Э. А. Макаев, М. М. Маковский). Данные работы составляют методологическую основу диахронического исследования, связанного с вопросами языковой синергетики. И хотя термин синергетика в этих работах не используется, в совокупности имплицируется идея «синергетического цикла», спиралеобразного прохождения языковой системой этапов **хаос – порядок – хаос**.

В рамках *лингвосинергетики*, связанной с исследованием принципов речевой деятельности и функционирования текста как синергетических систем (В. Н. Базылев, И. А. Герман, Г. Г. Москальчук, В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин и другие), выдвигаются несколько важных постулатов, наиболее значимых для изучения языковой синергетики. Это, в частности, постулат о *континуальности* смыслопорождения и *доминантности* смысла (В. А. Пищальникова), о *целостности* как особом состоянии системы, отличном от суммы составляющих ее элементов (семантическая доминанта языка в диахронии раскрывается в работах Г. А. Климова).

Доминантный смысл такого сложного лингвистического явления, как текст[25] синхронизирует его симметричные и асимметричные компоненты, а *спонтанность* изменения системы смыслов текста в процессе рецепции речевого произведения выявляет относительную *самостоятельность* этой системы по отношению к внешним воздействиям. Текст при этом понимается как нелинейная последовательность языковых элементов, сложный иерархически организованный репрезентант смысловой нелинейной целостности [о тексте как «*агрегате*» см. Hřebiček, 1992]. Структура текста может быть рассмотрена как неравновесно устойчивое состояние системы и процесс, способный перемещаться и перестраиваться в среде [Москальчук, 1998; Пищальникова, 1999; Герман, Пищальникова, 1999; Герман, 2000: 18]. Уровень текста, следовательно, может быть признан в качестве интегрирующего для единиц нижестоящих уровней, а положение о нелинейности, неравновесности, открытости, континуальности смысла текста перенесено на конституенты его поверхностной структуры.

[25] При исследовании структуры текста в центр внимания лингвистов попадает форма текста как природного объекта, повтор как феномен речепорождения, циклическая структура текста как способ дистантного разрешения функциональной асимметрии, средние и максимальные флуктуации размера предложения в тексте, точечные и циклические аттракторы, динамические сценарии структурной самоорганизации текста, ритм возникновения и снятия аффекта, запрограммированного автором. При этом выдвигается гипотеза о том, что формообразование текста как смыслового целого осуществляется по физическим законам. Важно, что человек, являясь частью этого мира, неизбежно подчиняется его физическим и биолого-физиологическим закономерностям, что не может не накладывать отпечаток на характер организации структуры текста. Таким образом, текст рассматривается не только как продукт речевой деятельности, но и как результат интегративного синергетического процесса, запечатленного в его структуре вследствие ограниченности параметров восприятия, свойственных человеку [Москальчук, 2003].

Методологически наиболее существенным моментом рассмотренных концепций является постановка вопросов: 1) о существовании механизмов самоорганизации и саморегуляции языка; 2) об *адаптивности* единиц и категорий языка, способных «противостоять факторам среды» (этот вопрос, впрочем, остается еще открытым); 3) о *динамических* процессах в языковой системе, переменных, функциональных *зависимостях* между переменными и процессами; 4) о *доминантности* и *континуальности* смысла языковых / речевых единиц; 5) о стремлении языковой системы в сторону оптимального *равновесия* и *целостности* и, как следствие, *выравнивания* смысла категорий и подсистем по базовым признакам.

Вместе с тем, несмотря на позитивное решение проблем языковой синергетики, многие вопросы по-прежнему остаются нераскрытыми. В частности, не выяснено соотношение формы и содержания языковых единиц, задействованных в процессах самоорганизации; не решен кардинальный для лингвистической синергетики вопрос о **различных типах** знаков, способных «соответствовать требованиям среды»; не решены проблемы соотношения тенденций *иконичности* / *символичности* знака в семиогенезе (иконичность рассматривается нами в качестве одного из ведущих механизмов самоорганизации смысла); не вскрыты отношения комплексных зависимостей между единицами разных подсистем, изучаемых в иконическом аспекте; не определены механизмы и принципы *интеграции* и синхронизации единиц и их смыслов в языковых подсистемах. Вопрос же о самоорганизации иконического пространства языка не поставлен в современной лингвистике. Настоящая работа представляет собой попытку решения этих сложных проблем.

2. 2. Процесс самоорганизации

Базовым синергетическим процессом в иконическом пространстве языка является процесс *самоорганизации* – формирования новых структур и смыслов.

Рассмотрим общенаучный термин *самоорганизация* по отношению к языковой системе в целом.

При анализе термина *самоорганизация* исследователь обращается к понятию *неравновесность*, поскольку самоорганизация структур осуществляется, как правило, в неравновесном состоянии системы. В устойчивом стационарном состоянии[26] самоорганизации не происходит: отрицательный поток энтропии в систему из окружающей среды компенсируется положительным производством энтропии внутри системы; два противоположных процесса уравновешивают друг друга.

Язык представляет собой *изменяющуюся*[27] систему**,** в которой *неравновесность* и *открытость* являются важнейшими параметрами функционирования и развития. Согласно Э. Сепиру, в языке ничего не стоит на месте. «Каждое слово, каждый грамматический элемент, каждое выражение, каждый звук и каждая интонация постепенно меняют свои очертания, подчиняясь незримому, но объективно существующему дрейфу, составляющему суть жизни языка. Все с очевидностью говорит за то, что этому дрейфу присуще некое постоянное направление», «в нем воплощаются, закрепляются только те индивидуальные вариации, которые движутся в определенном направлении … Дрейф языка осуществляется через не контролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределенному направлению» [Сепир, 1993: 157;

[26] *Стационарное* состояние является устойчивым, если при небольшом отклонении от него система возвращается в исходное состояние.

[27] Ж. Вандриес полагает, что в живых языках нет раз и навсегда установленного порядка: главенствующие формы составляют центры аттракции и нередко берут верх над другими формами, и беспорядок сменяет стройный первоначальный порядок. «Логический идеальный язык – это только мечта. Она вызывает образ садовника, который бы вообразил, что, посадив в правильном порядке совершенно одинаковые зерна и дав им одинаковый уход, он увидит в своем саду всегда одинаковые растения, одинакового роста, расположенные одинаково с одинаковым количеством цветов и плодов» [Вандриес, 2001: 158 - 159]. Слишком много причин влияет на изменение языка, и притом причин, ускользающих от власти человека.

144]. Общее направление дрейфа может быть выведено из прошлой истории языка: при этом определенная черта дрейфа, выступая первоначально как тенденция, со временем становится общепринятой. Изменения, которые произойдут в языке в ближайшие столетия, предвосхищаются в тенденциях настоящего. Нередко они являются продолжением изменений, которые совершились ранее. Таким образом, в языке представлен определенный «уклон», способ осуществления потенциальных изменений.

В ходе непрерывного изменения языка процесс *диверсификации*[28] (Дж. К. Ципф) – языковой вариативности, исходящей, как правило, от говорящего, сопровождается противоположным процессом *унификации*, выбора единственно возможной формы / значения, поскольку слушающий стремится свести вариативность к нулю[29] [Altmann, 1987: 235].

Если языковая система находится в неравновесном состоянии, она решительным образом реагирует на флуктуации, поскольку в ней, говоря общенаучным языком, наличествует большое число *сильно взаимодействующих* динамических переменных с сильной взаимной связью скоростей их изменения[30]. В процессе отхода от равновесия при некотором критическом значении пути эволюции начинают ветвиться. Становится возможным развитие системы в сторону одного из трех стационарных состояний, два из которых устойчивы, а третье – неустойчиво. Крайние устойчивые состояния точки бифуркации могут оставаться неизменными – в одном из них элементы системы эволюционируют, удаляясь от равновесия вплоть до макрохаотического состояния (зона хаоса), а в другом – элементы

[28] Процессы *диверсификации* – самого продуктивного, по Г. Альтману, процесса в языке, включают диалектную вариативность, полисемию, ассоциирование значений слов, мультифункциональность, аллофонию, алломорфизм, вариативность стилей [Altmann, 1992: 23] и другие явления.

[29] Ср. в этой связи высказывание Л. В. Щербы: «… интересы понимания и говорения прямо противоположны, и историю языка можно представить как постоянное возникновение этих противоречий и их преодоление», а также: «… история каждого данного языка есть история катастроф, происходящих при смешении социальных групп» [Щерба, 1965: 366].

[30] Так, например, при формировании северного сияния сначала различимы регулярные слоистые структуры, медленно перестраивающиеся со временем. Неравновесность создается высыпающимися потоками электронов, которые взаимодействуют путем столкновения с нейтральными атомами и ионизируют их. Возникающие ионосферные неоднородности – результат сложных кооперативных взаимодействий ионов и электронов. Это далекая от равновесия система сильно взаимодействующих между собой частиц.

системы стремятся к равновесию вплоть до застывшего состояния, в котором флуктуации подавлены и установилась однородность. Эти пути эволюции считаются устойчивыми. В случае же новых воздействий эти ветви возможных путей эволюции начинают дробиться, порождая каскады бифуркаций.

Стохастические[31] процессы диверсификации – *изменения, бифуркации* – приводят к языковой *асимметрии*[32] парадигм, рядов, оппозиций, категорий, форм. Значения и формы подвергаются *дедифференциации*, что ведет к *дезинтеграции* единиц и категорий (процессы *полисемии*, *омонимии*, *синонимии*). Языковые изменения могут быть представлены целым спектром явлений: *переходами* значений и лексем из одной лексико-семантической группы, поля в другую группу, поле; *переходами* слов из одной части речи в другую, из одного лексико-грамматического разряда слов в другой; процессами *грамматикализации*; внутриязыковыми *перестройками*, *реструктуризацией* парадигм, рядов, оппозиций, категорий; *сменой* языковых доминант и, наконец, *преобразованием* грамматического строя языка, семантической системы лексикона.

По утверждению В. М. Солнцева, в языке резкий переход от одного состояния к другому осуществляется тогда, когда языковая система перестает быть тождественной самой себе.[33] Поэтому одним из объективных критериев

---

[31] По справедливому утверждению Р. Якобсона, любое сообщение уже представляет собой *стохастический* (вероятностный) процесс: «Для принимающего сообщение содержит множество неясностей, которые вполне однозначны для передающего» [Якобсон, 1965: 440].

[32] *Асимметрия* понимается как отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия, соразмерности в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка [Гак, 1990: 47].

[33] Согласно Э. Косериу, «язык изменяется непрерывно, но изменение не разрушает его и не отнимает у него свойства «быть языком», которое постоянно сохраняется. … *Язык создается посредством изменения* и «умирает» как таковой, когда он перестает изменяться. … было бы ошибкой полагать, что язык изменяется непосредственно или путем «непрекращающихся флуктуаций». Непрерывно изменяются реализации языка и, следовательно, его равновесие. Однако *система* как «система возможностей» всегда сохраняется и за рамками синхронии; и в каждом конкретном случае она остается «той же самой», до тех пор, пока не произойдет «мутация», полный переворот *нормы* в том или ином направлении. … Именно то, что язык остается частично идентичным самому себе и одновременно включает в себя новые традиции, обеспечивает его функционирование как языка и его характер «исторического объекта» [Косериу, 1963: 342 - 343]. Сопоставление языка на разных временных срезах показывает, что в каждом языке есть относительно *устойчивые* признаки, которые подвергаются очень малым преобразованиям или являются стабильными в течение длительных отрезков времени. Более того, многие элементы и признаки языка остаются неизменными на протяжении всей истории языковой системы. К ним, прежде всего, относятся языковые универсалии, присущие любому языку в любой период, и специфические константные характеристики отдельных языков, неизменные в течение всего его развития. Все эти явления составляют статику в диахронии; они сохраняют

определения тождества системы во времени является сохранение «одних и тех же» отношений между единицами разных уровней системы, т. е. сохранение одних и тех же иерархических отношений в системе [Солнцев, 1978: 39] и наоборот, нарушение тождества системы самой себе связывается с разрушением системных связей.

Критическое состояние системы называется *точкой бифуркации*. Срединное неустойчивое состояние является таковым потому, что судьба эволюции не определена и открыта к изменениям. В решающий момент перехода система должна совершить критический выбор через динамику флуктуаций. Просканировав флуктуационный фон, система совершает несколько попыток и, наконец, определенная флуктуация побеждает. Бифуркационный выбор системы связан с *нарушением* исходной симметрии в системе, так как делает определенный набор состояний более предпочтительным и поэтому вероятностным по сравнению с другими наборами. Возникает внутренняя дедифференциация между различными частями системы или между системой и ее окружением. Именно она обеспечивает включение формообразующих и форморазвивающих процессов [Хлебникова, 1972; Гухман, 1981].

Возможность потери устойчивости состояний, далеких от равновесия, при определенных условиях открывает путь переходным явлениям, приводит к новому режиму функционирования. При этом могут формироваться новые

язык в состоянии, пригодном для коммуникации в течение ряда веков, обеспечивают его **преемственность** [Расторгуева, 1989: 8]. В таких случаях речь идет об ином процессе самоорганизации и саморегуляции, так называемой консервативной самоорганизации [Майнцер, 2000], создающей упорядоченные структуры «с низкой энергией». Языковая система пребывает в равновесном состоянии, в ней действует пассивный хаос: это состояние связано с сохранением и поддержанием порядка, языковой стабильностью, закреплением в языковой системе изменений, не нарушающих системной взаимосвязи элементов. Относительная стабильность, или устойчивость языковой системы проявляется в **малом диапазоне варьирования** (флуктуаций) форм, свидетельствующем о том, что языковое изменение еще не началось или находится на начальной стадии. Разнообразию и изменчивости функционирования противостоит **система** и **норма языка**: они сохраняют устойчивость и регулярность и вносят эту регулярность в варьирование. Именно поэтому возникающие варианты в большинстве соответствуют системе и ее продуктивным моделям [см. Расторгуева, 1989: 15; 30]. Направление действия системы определяется, по словам Э. А. Макаева, «стремлением к сохранению структурного облика конститутивных единиц языка, их парадигматической и систематической конфигурации, отвечающей наиболее типичным приемам моделирования данного уровня, а также стремлением к элиминированию или, во всяком случае, к преобразованию структуры тех языковых единиц, которые уже не отвечают установившимся в данном уровне приемам моделирования» [Макаев, 1962: 57].

динамические состояния, называемые *диссипативными структурами*[34] – стационарными устойчивыми кооперативными состояниями движения [Пригожин, 1985]. В неравновесных открытых системах диссипативные процессы приводят к самоорганизации, в том числе и за счет того, что *диссипация* (*детерминированный хаос*) благодаря малым случайным воздействиям устраняет все неустойчивые стационарные образования, отсекая все лишнее и нежизнеспособное, и оставляет лишь те структуры, которые в данных условиях устойчивы. Формы самоорганизации[35] характеризуются общей глобальной ситуацией – *организацией*. Возникающие в неравновесности дальнодействующие корреляции организуют систему и служат источником порядка.

При преодолении системой некоторого критического порога детерминированный хаос с легкостью «гасит» возникающие флуктуации, и стохастические процессы направляются в единое упорядоченное русло. Таким образом, в неустойчивости языковой системы, динамике и хаотичности развития, разнонаправленности и неупорядоченности действий ее элементов **закладываются предпосылки будущего порядка и устойчивости.** Микрохаос, который обусловливает проявление тенденций вариативности и взаимодействия единиц, работает на созидание нового порядка и новых структур, поддерживающих равновесие языка. Результатом процессов самоорганизации является формирование качественно новых неоднородных единиц.

Спонтанно возникающие структуры в языковой системе обязаны своим происхождением первоначальному «толчку»: раз возникнув, языковая единица (если только она не создается намеренно) подчиняется внутренним механизмам *саморегуляции*, которые не осознаются и не контролируются говорящими [Сепир, 1993: 144; Altmann, 1987: 236]. Вовлечение элемента в систему

[34] Термины *диссипативные структуры*, *диссипация* (лат. *рассеяние*), используемые в физике, означают рассеяние энергии, переход от кинетической энергии к тепловой.

[35] Экспериментально проработанные формы самоорганизации – ячейки Бенара, брюсселятор, образование колоний у коллективных амеб, переход от ламинарности к турбулентности.

сопровождается установлением взаимосвязей языковых элементов, языковой *симметрии*[36] парадигм, рядов, оппозиций, категорий, форм; четкой *дифференциации* значений и форм; *изоморфизма* (*гомоморфизма*) формы и содержания. Таким образом, в адаптивных системах, «к классу которых относятся живые организмы и язык, происходит постоянное согласование структуры и субстанции, как бы подгонка одного под другое. Общее направление такого процесса может быть обычно охарактеризовано как выбор оптимального варианта соответствия структуры и субстанции. Под этим углом зрения могут быть поняты многие изменения в языке, являющиеся следствием перестройки субстанции в связи с требованиями структуры и, наоборот, являющиеся следствием выбора оптимальной структуры для заданной – звуковой и артикуляционной – субстанции» [Кубрякова, Мельников, 1972].

Помимо прочего, в процессах самоорганизации можно выделить *центр* (точку роста[37]) и *периферию* (будущие инновации), а также *остаточные* (архаические) тенденции прошлых этапов развития[38].

В целом, на вопрос Э. Сепира: «Не приписываем ли мы языку **силы по собственному влечению изменяться самому** (выделено нами – Н. Д.), вне и помимо невольной наклонности индивидов колебать установившуюся норму?»

---

[36] *Симметрия* при этом понимается как упорядоченность, регулярность, единообразие, соразмерность в строении и функционировании языковых единиц [Гак, 1980]; о *симметрии* / *асимметрии* в лингвистике см. [Tuldava, 1992: 40 - 43; Jenkins, 2000: 135 - 165].

[37] О *фракталах*, точке *роста*, *искажении*, *расщеплении* в языковой системе и тексте см. [Белозерова, Чуфистова, 2004: 119]: в сложных неравновесных системах «возможно как положительное (поступательное) развитие, так и отрицательное (убывающее). Такие комплексные системы всегда находятся на границе с хаосом и расщепляются, когда становятся нестабильными».

[38] Понятие *центральных, периферийных* и *архаических тенденций* приложимо и к языковой системе. Центральные тенденции характеризуют языковую систему в момент ее непосредственного функционирования. Периферийные тенденции показывают будущий путь развития системы. Архаические тенденции, некогда доминирующие в языке, можно рассматривать как остаточные явления прошлых ступеней развития. Эти тенденции проявляются на всех участках языковой системы. Так, например, исследования Ж. Вандриеса показывают, что морфологическая система всякого живого языка неустойчива. «Даже изучая какой-либо мертвый язык …, мы найдем в его морфологии, как только попытаемся упорядочить ее, большое число неправильностей и противоречий. … Такие остатки есть на всякой ступени морфологической эволюции» [Вандриес, 2001: 151 - 152]. Например, различные способы выражения значений множественного числа с помощью неоднородных флексий: франц. les chacals *шакалы* и les chevaux *лошади*, англ. books *книги* и children *дети*, men *люди*. Эти «неправильности» (остатки слабого и корневого склонения в children *дети*, men *люди*) являлись когда-то частью процессов, происходящих в *центре* языковой системы. Зная об *архаических* тенденциях, можно с большой долей вероятности восстановить *центральные* и *периферийные* тенденции развития. Таким образом, учет *периферийных* (*инновационных*) и *архаических* тенденций представляется важным при постулировании определенных закономерностей функционирования и развития языковых подсистем.

[Сепир, 1993: 143] синергетика дает утвердительный ответ. Да, действительно, язык находит «силу по собственному влечению изменяться самому». Языковой «дрейф», нередко приводящий к полной смене языковой модели, представляет собой не «мистическое свойство» языка, а составляет одну из важнейших составляющих процесса самоорганизации.

2. 3. Взаимосвязь / взаимодействие разноуровневых единиц и топологичность смысла

Важнейшим условием самоорганизации является *взаимосвязь / взаимодействие* элементов системы.

Взаимосвязь / *взаимодействие* как общенаучный феномен представляет собой общую закономерность существования предметов и явлений действительности. Каждое отдельное явление связано с другими множеством переходов, отношений и воздействий. Поскольку связь объектов актуализируется в процессе воздействия одного объекта на другой, правомерно определить связь в философии и логике как отношение, при котором *наличие* (отсутствие) или *изменение* одних объектов есть условие *наличия* (отсутствия) или *изменения* других объектов [см. Алексеев, 1971: 8; Спиркин, 1971: 7; Юдин, 1976: 93].

В языковой системе *взаимосвязь* обычно рассматривают как родовой термин, отражающий системную ипостась взаимоотношений элементов, а *взаимодействие* – как видовой термин, предполагающий воздействие и взаимопереходы одной языковой категории в другую [Зернов, 1986]. Взаимодействие выступает как процесс причинно-следственного воздействия языковых единиц / категорий друг на друга. Процессы *сильных взаимодействий* [см. Пушина, 2001: 13] заключаются во *взаимообусловленности* элементов: наличие определенных языковых единиц выступает обязательным условием

наличия других единиц. При этом формируется система взаимосвязей[39]. Нередко сама система определяется через термин *взаимодействие*, ср.: *иерархическая система* – это «ансамбль взаимодействующих частей, который состоит из последовательности вложенных одна в другую взаимодействующих субъединиц (или может быть разложен или разделен на такие субъединицы)» [Николис, 1986: 1].

В ходе эволюции языка отношениями взаимосвязи / взаимодействия могут быть связаны не только разноуровневые единицы, но и языковые **подсистемы**. При этом выстраивается *топологическая,* или *пространственная* модель языковой системы. При топологическом анализе языковой системы ставится задача определения ее универсальных признаков и глобальной метрики, установления языкового пространства, занимаемого системой и ее отдельными ярусами [Общее языкознание. Внутренняя структура языка, 1972: 72 - 73].

В качестве ведущего принципа построения языковой системы рассматривается ее составленность из *иерархически подчиненных* друг другу частных подсистем. Метрика всей системы определяется числом уровней и их относительной и индивидуальной стратификацией. При топологическом подходе подчеркивается не столько автономность и независимость каждого уровня (*компартментализация*), сколько их *перекрывание*, *наложение* и

[39] Языковая связь имеет самые разнообразные формы проявления, обусловленные сложностью и многосторонностью лингвистических объектов. В традиционной лингвистике процессы *взаимосвязи* / *взаимодействия* категорий наиболее полно описаны в подсистеме частей речи [Пешковский, 1938; Жигадло, Иванова, Иофик, 1956: 18; Гак, 1979; Лукин, 1982; Бабайцева, 1983; Зернов, 1986; 1988; Бондарко, 1996; Адмони, 1988; Козлова, 1999; Пушина, 2001] и частично в грамматике и синтаксисе [Храковский, 1990; Переходность и синкретизм в языке и речи, 1991]. Процессы взаимодействия в морфологической и лексической подсистемах являются предметом специальных исследований [см. Макарова, 1975; Классы слов и их взаимодействие, 1979; Дементьева, 1985; Межкатегориальные связи в грамматике, 1996; Павлина, 1997], взаимодействие в фонетической подсистеме практически не изучено [см. Журавлев, 1990: 243-244]. Вопрос о процессах взаимодействия в подсистеме **имени существительного** и **местоимения** в английском языке не был предметом специального комплексного изучения, хотя интегративный потенциал этих категорий представляется весьма значительным [Эйхбаум, 1985; о связи собирательных имен и местоимений см. Решетникова, 1991; 1992а; 1992б]. Анализ процессов взаимодействия указанных категорий вскрывает семантическую дополнительность местоимений и имен существительных, способность местоимений входить во все семиотические сферы – *пространства* / *времени, Я* / *не-Я, субъективности* [Бадер, 1988], широко распространенную во многих европейских языках *прономинализацию* (*грамматикализацию*) существительного [Шахматов, 1941], генетическую связь между элементами структуры слова в индоевропейских именных классах слов [Одри, 1988] (о *дейктичности* / *индексальности* см. [Кравченко, 1992; Шведова, Белоусова, 1995; Гуревич, 1998]).

взаимопроникновение (*интерпенетрация*). Языковая система интерпретируется как единство негомогенных, перекрывающих друг друга подсистем [Pike, 1959]. При таком подходе учитывается взаимодействие языковых подсистем, сеть *связей* между ними. Каждый элемент системы – единица или уровень – рассматривается при таком подходе как обладающий *интегральными* и *дифференциальными* признаками. *Интегральные* признаки представляют собой общие признаки, изоморфные признакам других единиц или уровней, а *дифференциальные* признаки являются *собственными* (природными) отличительными признаками определенной подсистемы [Общее языкознание. Внутренняя структура языка, 1972: 73 - 74; см. также Зернов, 1986].

Наличие интегральных признаков позволяет говорить об *изоморфизме*[40] уровней языка и, в первую очередь, – о глубоком структурном параллелизме его звукового и содержательного планов, об известной однородности и конформности в общих принципах организации отдельных звеньев системы [Макаев, 1961; Ревзин, 1962; Булыгина, 1967]. Наличие дифференциальных признаков – о специфике и относительной автономности каждого элемента системы и о *гетерогенности* самой системы в целом. Говоря в общем, гетерогенность языковой системы позволяет описывать ее как иерархически организованную совокупность взаимосвязанных ярусов или уровней.

В настоящей работе иерархически подчиненные фонетический, лексический и грамматический уровни языка определяются как *соположенные*. При этом понятия *изоморфизма*, *топологии* и *топологичности* из чисто структурной области переносятся на область **содержания** и, таким образом, приобретают новый смысл [см. Дрожащих, 2001]. Топологичность **содержания** рассматривается нами как *системообразующий* фактор языка, а целостность языковых подсистем трактуется двояко: в синхронии как результат сложных интегративных процессов, связывающих элементы разных областей, а в диахронии – как исходный синкретизм последних. Вывод о *топологичности*

[40] Ср. определение: «изоморфизм – это однотипность структуры конститутивных языковых единиц различных уровней, следствием чего является (или может являться) однотипность отношений между этими единицами на разных уровнях» [Макаев, 1961: 51].

содержания в диахронических подсистемах подтверждается изучением языковых подсистем в синхронном аспекте, ср., в частности, положение лингвосинергетики о *континуальности* смыслопорождения [Герман, 2000: 18, 32].

Вообще *топология*[41] – это раздел математики, изучающий топологические свойства фигур. Это свойства, не изменяющиеся при любых деформациях, производимых без разрывов и склеиваний (точнее, при взаимно однозначных и непрерывных отображениях) [Советский энциклопедический словарь, 1982: 1336; 1094], т. е. *ингерентные* и инвариантные свойства. В общенаучном смысле *топология* – это «геометрия резинового листа» (rubber-sheet geometry) [Topology, 1978: 910 - 911].

Термин *топология* выдвинут в когнитивной грамматике Л. Талми [Талми, 1999] и применен исключительно к природе **грамматических** категорий. По мнению Л. Талми, грамматические референты имеют топологическую природу, т. е. выражают *относительные* понятия (понятия, которые интерпретируются относительно определенной точки отсчета). Они определяют ни что иное, как *структуру* когнитивной репрезентации опыта, поскольку абстрагированы от конкретных свойств предметов.

Как указывает Л. Талми, топологическими, в частности, признаются понятия *единичности* и *точки; множественности* и линейной *протяженности*[42] (евклидова геометрия запрещает подобное отождествление). Напротив, лексические категории характеризуются природой, определяемой евклидовой геометрией. Они выражают *абсолютные* понятия *размера*, *цвета*,

[41] Примером топологических свойств фигур является *размерность*; *число* кривых, ограничивающих данную область и т. п. Так, окружность, эллипс, контур квадрата имеют одни и те же топологические свойства, т. к. эти линии могут быть деформированы одна в другую описанным выше образом. В то же время кольцо и круг обладают различными топологическими свойствами: круг ограничен одним контуром, а кольцо – двумя [Советский энциклопедический словарь, 1982: 1336; 1094]. Языковое наивное сознание, как показывает настоящее исследование, не разграничивает кольцо и круг, но четко разделяет круг и прямую линию, точку (центр) и круг (периферию).

[42] В основе их соположения лежит некий *инвариант*, который мы можем менять как угодно, не выходя за границы его свойств. Идея *множественности* прослеживается в куче объектов, а также в круглых объектах, которые противопоставлены узким, вытянутым, плоским объектам (в их основе, напротив, лежит признак *точки*, *прямой линии* или *единичности*).

величины, *формы*, т. е. «поставляют» большую часть когнитивного **содержания.**

С принципом топологичности сближается новое понимание естественной категории, выдвинутое в философской концепции Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 1958] и получившее развитие в когнитивной лингвистике. Согласно этому представлению, категория представлена *прототипом* – образцом и «топологичными» членами, схожими с эталоном в том или ином отношении, что в значительной степени отличается от трактовки категории в концепции идей Платона [см. Rosh, 1978].

Нам представляется, что принцип топологичности может быть существенно расширен и распространен на область языкового содержания в целом. В отличие от Л. Талми, который ограничивает исследование топологией грамматических форм, мы изучаем:

1) топологическую взаимосвязь **лексических** единиц, объединенных одинаковым начальным элементом (инициалью) и «симпатическими» (по В. И. Абаеву) элементами смысла;

2) топологическую взаимосвязь **лексических** и **грамматических** единиц, объединенных одной и той же инициалью;

3) топологическую взаимосвязь феноменологических, инферентных и структуральных концептов в иконическом пространстве языка.

Топологическая взаимосвязь интерпретируется нами как **взаимообусловленность смыслов, выражаемых языковыми единицами, относительно инвариантного набора признаков в рамках определенной сценарной структуры.** В самом общем виде *механизм* топологической взаимосвязи можно определить как метафорическое *расширение* смысла[43].

В систему топологической взаимосвязи увязаны **лексические** единицы, передающие, например, содержание концептов *рост, округлый, множество, кривой, пустой, рождение, бытие, цикл, тепло, вода, женский, дальний*

[43] Подробно вопрос о *механизмах* топологической взаимосвязи в диссертации не рассматривается, поскольку его освещение связано с проблемой генетических основ лексикона, т. е. с этимологическим анализом лексики. Данная задача не входит в круг вопросов, поставленных в работе.

(ностратическая лексика с лабиальными инициалями). И хотя не всегда ясно, какой из концептов является исходным, а какой – производным (в сущности, это и не столь важно), важно, что концепты образуют систему относительно некоего инвариантного смысла, и система такого рода открыта для аттракции новых **интегральных** элементов смысла.

В систему топологической взаимосвязи наряду с лексическими единицами могут входить и **морфологические** единицы, передающие, например, содержание структуральных концептов *родовая личность* (1 лицо ед. ч.), *широкая родовая группа (инклюзивная множественность), вопросительность* (ностратические морфологические и грамматизованные единицы с лабиальными инициалями).

В качестве *инвариантных* признаков объединений указанных лексических и морфологических единиц выступает совокупность признаков, которую можно представить в виде *сценария вегетации*, *роста*, *аугесцентного* перехода[44] в живой и неживой природе.

Если лексическая и морфологическая единицы, имеющие одинаковую инициаль, связаны *генетически*, можно говорить о топологическом взаимодействии (например, др.-англ. man *человек* > man *некто*), в результате которого один из элементов меняет свой лингвистический статус, т. е. грамматикализуется. Топологический *переход* элементов содержания (лексем) в элементы структуры (морфологические единицы) мы трактуем как *грамматикализацию*[45]. Отношением *грамматикализации* могут быть связаны

[44] *Вегетация* – рост и развитие растений [Ожегов, Шведова, 1996: 68]. *Аугесцентный переход* – период, соединяющий фазы зачатия, роста с фазой рождения (например, начало цветения, рождение ребенка и т. п.) (термин *аугесцентный переход* заимствован из работы [Андреев, 1986]).

[45] Подробно теория грамматикализации в работе не рассматривается. Основные моменты этой теории сводятся к следующему: с точки зрения синергетического подхода, *грамматикализация*, по нашему убеждению, представляет собой процесс самоорганизации, результат топологического взаимодействия лексических и грамматических единиц и «самопорождения» нового смысла. В ходе грамматикализации лексическая единица становится грамматической единицей, меняя дистрибуцию и функцию [Heine, Claudi, Hünnemeyer, 1991; Hopper, 1991], ср.: др.-англ. man *человек* > man *некто*, þing *вещь* > something *что-то*, body *тело* > somebody *кто-то*; hād *личность, ранг, условие, внешность, форма, состояние*, dōm *приговор, закон, правило, власть* > суффиксы абстрактного значения -hād, -dōm. Хотя по многим параметрам грамматические и лексические значения поляризованы – лексические значения специфичны и конкретны, а грамматические значения, как правило, абстрактны, обобщенны, приложимы к большому количеству контекстов, между ними нельзя провести строгую демаркационную линию, скорее они **объединены в непрерывный континуум**. В ходе

грамматические единицы (и.-е. указательное местоимение *se > формант ед. ч. имен *-s). В этом случае происходит переход элемента структуры$_1$ в элемент структуры$_2$. По отношению к древнейшим пластам морфологических единиц, в частности, к личным местоимениям нередко известен только результат грамматикализации, промежуточные звенья процесса могут быть утеряны.

Примечателен и процесс формирования на базе местоимений полнозначных лексем, «продолжающих» исходную семантику местоимений, ср.: др.-инд. sabhā (< *sebhiā) *племенная общность, собрание,* лит. sebras, латыш. sebrs *друг, товарищ,* русск. *особа*, гот. sibja, др.-исл. Sif *жена Тора, богиня семейного очага*, sifjar мн. ч., да. sibb, др.-сакс. sibbia, двн. sippa *родичи, кровное родство* < и.-е. указательное местоимение *se- / so- и формант *-bho- [Сравнительная грамматика германских языков, 1962. Т. 1: 105]. Последний пример особенно ярко демонстрирует топологичность смысла в иконическом пространстве.

Целесообразно полагать, что фонетическая, лексическая и грамматическая подсистемы сосуществуют и функционируют в непрерывном единстве[46], а не разделены непроходимой границей. Мы убеждены в том, что определенная часть лексических значений может быть регулярно выражена, абстрагирована и формализована [см. Дрожащих, 1999]. Вслед за Ю. Д. Апресяном, несколько расширяя объект исследования, мы полагаем, что **фонетические, лексические и грамматические (грамматизованные, словоизменительные, словообразовательные) значения могут**

грамматикализации полнозначные элементы претерпевают фонетическую редукцию, создавая звуковые последовательности, требующие **наименьших артикуляционных усилий** [Browman, Goldstein, 1992; Mowrey, Pagliuca, 1995]. Лексические единицы становятся более обобщенными, абстрактными и впоследствии лексически опустошенными: они начинают использоваться в целом ряде различных контекстов. Так, полнозначная древнеанглийская лексема man *человек*, выступая в качестве ослабленной безударной формы, функционирует в древнеанглийских текстах как неопределенное местоимение, используется в синтаксической функции подлежащего man *один, всякий, любой, они, люди*. При этом частотность употребления грамматизованной единицы в новой для нее функции возрастает, а впоследствии эта единица становится регулярной формой выражения *неопределенного* значения, например: Ædwerd **man forræde** and syððan ācweald and æfter þām forbærnde *Эдварда **приговорили**, затем казнили, а после этого сожгли* [Иванова, Чахоян, 1976: 272].

[46] Ср. принцип *метаморфизма*, выдвинутый в [Степанов, Эдельман, 1976: 226].

рассматриваться как соположенные члены языковой системы[47]: «Когда-то грамматические значения противопоставлялись лексическим как подлежащие обязательному выражению, независимо от того, важны ли они для существа конкретного сообщения или нет. В последние десятилетия было обнаружено, что многие элементы лексических значений тоже выражаются в обязательном порядке» [Апресян, 1995: 39].

В иконическом пространстве языка топологическая взаимосвязь **лексических** и **морфологических единиц**, объединенных одной и той же инициалью, отражает топологическую взаимосвязь *лексических* (*феноменологических* и *инферентных*) и *структуральных* концептов.

Феноменологические лексические концепты напрямую связаны с человеком и окружающим миром[48], они формируются на базе представлений о микро- и мезокосме. Типичным феноменологическим концептом является, в частности, концепт *часть тела*. Познающий субъект-наблюдатель, человек и структуры микрокосма выступают в качестве основания для моделирования мезо- и макрокосма и составляют базу феноменологического знания[49],

---

[47] Этот вывод подтвержден диахронически: облигаторность определенных лексических отношений на ранних стадиях развития языка признается диахронической универсалией. На различную степень участия лексики в формировании грамматически значимых оппозиций указывает Г. А. Климов [Климов, 1977]. Автор приводит неоспоримые доказательства того, что лексические характеристики языков активного строя играют в структуре реализующего его языка во многом определяющую роль. Эти характеристики непосредственно отражают семантическую детерминанту языка, и через их посредство осуществляется воздействие этой детерминанты на синтаксис и морфологию. Те иерархические зависимости, которые существуют между различными уровнями языка, выступают здесь чрезвычайно ярко. Они-то и поддерживают положение о первичности лексического и вторичности грамматического [см. Будагов, 1973; Givón, 1971; Anderson, 1978]. Принципы системной организации лексики в активных языках свидетельствуют о существовании в лексике, как и в грамматике, жестко коррелирующих категорий, которые образуют систему [Климов, 1977: 20].

[48] По А. В. Кравченко, «понятие «мир», модель которого описывается, целесообразно понимать как человека и среду в их взаимодействии; в этом смысле мир есть результат переработки информации о среде и о самом человеке, причем «человеческие» структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий» [Кравченко, 1997: 6].

[49] «Познавательная деятельность первичного уровня, содержательную сторону которой составляет категоризация языковыми средствами феноменологического знания, т. е. знания, извлеченного в результате прямого чувственного опыта, своей отправной точкой имеет непосредственно фигуру познающего реальный мир человеческого индивида. Лингвистами давно признано, что пространственная сущность, определяемая как человеческое тело, служит плодородной почвой для метафорической категоризации опыта» [Кравченко, 1997: 12]. При категоризации мира и представлении его в языке на ранних стадиях развития преобладает стратегия восприятия человеком своего тела и объектов окружающего его мира как сопричастных друг другу явлений. Преобладание концептов, задействованных в представлении картины мира древнего человека, выражается в категоризации мезо- и макрокосма при помощи антропоцентрических образов-прототипов человеческого тела, а также при помощи прототипических образов явлений, объектов, действий, непосредственно доступных человеческому восприятию. При этом зачастую доминируют **ассоциативно-метафорические связи** и

психофизическую базу когниции. Доминирование структур познающего субъекта находит отражение в антропоцентрической природе языковой модели мира [см. Яковлева, 1994; Кравченко, 1997: 12; Пименова, 2004; Kuryłowicz, 1972].

Инферентные лексические концепты связаны с представлениями о макрокосме – Вселенной и Универсуме, с абстрактными понятиями. При формировании последних используется «ментальная образность», т. е. метафора или метонимия, выходящая далеко за рамки зеркально-наглядного отражения внешней действительности. При этом знание о той или иной области действительности выступает как синтетическое, выводное знание. В этом случае мы говорим об *инферентных*, или *выводных* (метафорических**,** метонимических) концептах.

Ярким примером развития концептов на базе представлений о частях тела человека является лексема *палец*; *один* (и.-е. *показывать*): EURASIATIC *tik *finger; one* = AMERIND *tik *finger, one* [Ruhlen: 40]. Концепт *часть тела* (часть *руки*, вытянутой для указания) оказывается связанным с концептами *прямой* (*палец*), *часть* (*один*) и *указание* (см. описание в Главе 3).

Структуральные концепты [см. Кравченко, 1997: 11; о *синтаксических* концептах см. Попова, 2004] являются обобщением чувственно данного, феноменологического знания и выводного знания, выступают как образования высшего уровня абстракции по сравнению с конкретной и абстрактной лексикой, как результат концептуализации множества конкретных и абстрактных отношений. *Структуральные* концепты репрезентированы в языке грамматизованными единицами (лексико-грамматические категории и разряды слов) и собственно грамматическими единицами (словоизменительные и словообразовательные категории). В ходе эволюции иконического пространства определенная часть содержательного когнитивного опыта, в

отношения между предметами, и игнорируются подлинные отношения между ними. Такого рода связи и отношения между предметами реальности лежат в основе иконического пространства языка.

частности, лексические концепты оказываются топологически связанными со структуральными концептами[50].

2. 4. Интеграция разноуровневых единиц

Сильные взаимодействия в языковой системе приводят к *дифференциации* элементов и впоследствии к их системной *взаимосвязи*, или *интеграции*[51], процессу «объединению частей в целое», который проявляется в семантической и / или формальной *целостности* языковых единиц, категорий и подсистем. Системная взаимосвязь такого рода является реализацией особых – *недискретных* качеств языковых категорий и в этом смысле может быть названа *интеграцией*. Логика учит, что интеграция «создает некое единство и принудительность, прибавляя ко всяким связываемым А и В нечто такое, что в них как в таковых не было, и ведет их к внутреннему синтезированию» [Лосев, 1998: 145], т. е. синтетическому единству[52]. *Целостность* в языке рассматривается как особое свойство структурно связанных элементов функционировать как неразрывное единство [Конецкая, 1993: 55]. При этом считается, что свойства интегративного целого не сводимы к свойствам его составных частей. Целостность признается особым состоянием системы, несводимым к свойствам составляющих ее элементов, а законы

---

[50] В процессы грамматикализации часто вовлекаются единицы, связанные с элементарными феноменологическими концептами: *часть тела, женщина* (classifier; female), *ребенок* (classifier; diminutive; partitive), *земля* (down), с инферентными концептами: *пространство* (cause; instead; locative), *центр* (between; in (spatial)), *движение, процесс, время* и т. д. [Heine, Kuteva, 2002: 317 - 326]. Ср.: BACK > AFTER; BEHIND; CAUSE; BAD > INTENSIFIER; BELLY > IN (SPATIAL; TEMPORAL); BODY > INTENSIVE-REFL; MIDDLE; RECIPROCAL; REFLEXIVE; BOTTOM > DOWN (SPATIAL); CENTER > BETWEEN; IN (SPATIAL); CHILDREN > PLURAL; DEMONSTRATIVE > DEFINITE; FOCUS; PERS-PRON, THIRD; RELATIVE; FALL > DOWN; FOOT > DOWN; HEART > IN (SPATIAL); LOVE > AVERTIVE; FUTURE; INTENTION; SHOULDER > UP; SIDE > BESIDE; LOCATIVE; THING > INDEFINITE PRONOUN; WOMAN > CLASSIFIER; FEMALE [Heine, Kuteva, 2002: 317 - 326]. Наиболее распространена схема развития концептов: PERSON > OBJECT > SPACE > TIME > PROCESS > QUALITY [Traugott, Heine, 1991: 4] (*человек* > *объект* > *пространство* > *время* > *процесс* > *качество*).

[51] *Интеграция* определяется как объединение элементов в целое, в единство или восстановление этого единства; в теории систем *интеграция* трактуется как состояние *взаимосвязи* отдельных компонентов системы и процесс, обусловливающий такое состояние. В биологии *интеграция* представляет собой упорядоченность, согласованность и объединение функций и структур, присущих живой природе на тех или иных уровнях их организации [Кондаков, 1975: 203]. Ср. также высказывание Ю. М. Лотмана: «Интеграция смысловых элементов стиха в единое целое протекает по сложным законам, в значительной степени отличным от принципов соединения частей слова в слове» [Лотман, 1994: 184].

[52] Ср. также смежные понятия: *синтез*, *тождество*, *целостность*.

системообразования – отличными от законов синтагматики и парадигматики (недискретность в объективном устройстве речемыслительной деятельности должна исследоваться с помощью соответствующих недискретных принципов [Герман, 2000: 18, 22]). Еще один термин для обозначения новых качеств целого, отсутствующих у его частей, – *эмерджентность* (*emergence*) [Steels, 1998: 384].

Наличие отношений интеграции выявляется при анализе связей между элементами различных языковых уровней. Отношения интеграции связывают: 1) компоненты знака – его форму[53] и значение, 2) лексико-семантические и лексико-грамматические группировки слов; 3) компоненты грамматических категорий; 4) элементы языковых категорий и подсистем; 5) подсистемы в целом.

В процесс интеграции «втягиваются» целостные языковые подсистемы [Успенский, 1965; Конецкая, 1993]. В работе [Reconnecting language: Morphology and syntax in functional perspectives, 1997] утверждается неразрывность связи между лексической, грамматической и другими подсистемами языка. Небезынтересно в этой связи высказывание Р. У. Лэнекера о невозможности строгого разграничения языковых подсистем: «Лексикон, морфология и синтаксис формируют континуум символических знаков, только условно разделенный на отдельные компоненты; в высшей степени бесполезно анализировать грамматические единицы без обращения к их семантической значимости, равно как и составлять словарь, в котором не учитываются значения лексических единиц» [Langacker, 1990: 1]. Принцип атомизма, жесткой детерминированности элементов поэтому не может быть абсолютизирован: он утверждает необходимость строго определенного отношения элементов языка, тогда как онтологически это отношение является лишь одним из возможных [Герман, 2000: 19].

[53] Об интеграции фонем в слове см. [Булыгина, 1967: 83].

С точки зрения синергетического подхода *интеграцию* следует рассматривать как **процесс** кооперативного действия элементов системы и как **результат** этого процесса.

Так, при изучении биологических систем выявляется необычайно высокая степень координации между ее отдельными частями (согласованные процессы в клетке, организме). Все высоко координированные, когерентные процессы становятся возможными только путем *обмена информацией* между различными частями системы. Информация играет роль своего рода среды, из которой эти части получают различные задания относительно того, как им функционировать когерентно, кооперативно. Именно на этом уровне, по Г. Хакену, «в игру вступает семантика».

В ходе случайного обмена информацией между элементами возникает конкуренция или кооперация, и, в конце концов, устанавливается новое коллективное состояние, новый *семантический* уровень, который качественно отличается от неупорядоченного состояния (состояние отдельных частей системы при этом определяется при помощи принципа *подчинения*).

Указанный процесс можно описать как некоторое специфическое согласование активности отдельных частей системы, *самоорганизацию*, в результате которой происходит *сжатие* информации и переход в новое состояние.

И хотя сами клетки «не сознают» смысл получаемой информации, сложная игра увеличения концентрации и диффузии элементов приводит к образованию гармоничного распределения концентрации информации, т. е. к **рождению смысла на более высоком уровне**. Поскольку эта информация порождается кооперативным действием системы, ее можно назвать *синергетической информацией.* Движение частей системы образует своего рода *градиентное поле* (*информатор*), которое отдельные элементы могут изменять и двигаться в сторону наибольшей концентрации в поле. Возникает новый *смысл* и новая *структура* распределения концентрации элементов, которая

направляет элементы к центру «скопления». Коллективное поведение выгодно для всей системы: несмотря на неустойчивость системы, коллективное состояние возникает, но приобретает свой смысл только в соотнесении с окружающей средой и в связи с тем, насколько оно важно для выживания всей системы [Хакен, 1991: 45; 51 - 52].

Распространяя данное положение на язык, можно предположить, что в результате интеграции возникает синергетическое движение, или синергетический эффект – **продуцирование соположенными фонетическими, лексическими и грамматическими единицами устойчивых смысловых полей.** Это некие «силовые» информационные потоки, взаимодействие которых в некоторых ситуациях приводит к структурированию среды [Аршинов, Свирский, 1994; см. Николис, 2000].

Таким образом, в иконическом пространстве лексикона проявляется:

1) топологическая *взаимосвязь* / *взаимодействие* как процесс *взаимообусловленности* языковых единиц / категорий *общими* формальными и / или семантическими элементами (признаками);

2) *интеграция*[54], или взаимосвязь на уровне системы, смысловая *целостность* языковых объединений, базирующаяся на их *формальном единстве*. Системная взаимосвязь характеризует общую сеть взаимозависимостей между элементами системы и одновременно может выступать в динамической ипостаси как системообразующий *процесс*. Возникающая как следствие *сильных взаимодействий* категорий, взаимосвязь языковых единиц по общим формальным элементам рассматривается как *процесс* приобретения группами лексем и грамматических единиц новых семантических признаков целостной подсистемы, отсутствующих у изолированных единиц, и как *результат* этого процесса.

Интеграция разноуровневых единиц в формальном плане (*иконичность* фонемы-инициали); перетекание смысла внутри лексических объединений и

[54] *Дифференциация* выступает как процесс «размежевания» единиц, приводящий к формированию различных единиц с разными свойствами, занимающими определенное место в системе языка.

между объединениями лексических / морфологических единиц (*топологичность* и *континуальность* смысла); формирование эволюционирующих *смысловых* полей в зонах интеграции языковых единиц (*интегративный концепт*); появление упорядоченности, согласованности, когерентности, коллективного поведения элементов при синхронизации пространственно разделенных элементов в зонах интеграции (*синергетический эффект*) являются признаками *самоорганизации* иконического пространства языка.

В ходе его эволюции в процесс интеграции «втягиваются» фонетическая, лексическая и морфологическая подсистемы. Сильное взаимодействие разноуровневых языковых единиц в едином «притягивающем» поле смысла приводит к созданию *синергетического эффекта*, который не замыкается в рамках одного уровня, а распространяется на области различных языковых единиц и их объединений и регулирует «работу» языковых объединений в целом.

2. 5. Интегративный концепт

Перенося представления о синергетическом движении на звукоизобразительную систему языка, мы рассматриваем процесс *самоорганизации* иконического пространства как возникновение *системы взаимосвязей* определенных структур в совокупности их доминантного смысла[55]. Объединение единиц в систему подчиняется определенному

[55] Процесс формирования доминантного смысла можно уподобить возникновению нового смысла в поэтическом произведении: «Знак в литературе остается словесным. Он не воспринимается человеком, не владеющим данной языковой структурой. И все же по принципу соотношения содержания и выражения он приближается к изобразительным знакам … Структура выражения становится, в силу лексико-семантической значимости фонем и морфем в поэтическом тексте, структурой содержания. Возникают семантические оппозиции (которые мы определили понятием «архисема»), невозможные вне данной языковой структуры выражения» и далее: «… в поэтическом тексте, в силу отмеченной раздробленности-нераздробимости слова на фонемы, отношение выражения к содержанию складывается решительно иначе, чем в нехудожественном … устанавливается определенная связь, в силу которой само выражение начинает восприниматься как *изображение содержания*. В этом случае знак, оставаясь словесным, приобретает черты изобразительного (пиктографического) сигнала. Пользуясь терминологией Ж. Мунэна, слово в поэзии будет приближаться к типу

внутреннему механизму: смысловое разнообразие сопровождается подчинением элементов низших уровней доминанте смысла, или параметру порядка. Гетерогенные языковые единицы (или их компоненты) образуют гомоморфные структуры, назначением которых является репрезентация *доминантного смысла* [Пищальникова, 1999; Герман, 2000: 42]. Доминантный смысл «без вмешательства извне» (Г. Хакен) выравнивает и синхронизирует негармонизированные до этого структуры и процессы.

Топологическая взаимосвязь лексических концептов (а также лексических и структуральных концептов) ведет к возникновению «притягивающего» поля смысла, которое мы трактуем как *интегративный концепт*.

Интегративный, или *холистический* концепт представляет собой эмерджентное ментальное образование *континуального* порядка, результат **развития топологически организованных областей смысла**, вскрываемых на основании диахронического анализа лексических и морфологических единиц, объединенных одинаковой инициалью и отражающих сопричастность объектов и явлений действительности.

Интегративный концепт – это *эволюционная* составляющая «допонятийного» (М. М. Маковский) мышления, архаической модели мира, представляющей мир не в виде «объективно-системных, отвлеченных отношений между понятиями», а в виде «непосредственного введения в ситуационный контекст с ярко выраженной субъективизацией». Интегративный концепт сводит смысловые поля «в одну ситуационную плоскость по единому содержательному параметру - личности операнта-носителя коллективного опыта», тем самым располагая «в ряд то, что в объективной действительности имеет иерархию» [Маковский, 1996: 14].

«внутренних знаков» в отличие от чисто «внешнего знака» в обычных языковых системах» [Лотман, 1994: 144; 142].

Содержание интегративного концепта структурировано в виде пучков[56] смысла, расходящихся по полярным полюсам, а моделирование интеграции[57] происходит как «процесс разрастания семиотических рядов, повторяющих тотем» [Пешков, 1997: 442] (*хаос – смерть, хаос – источник порядка, рождения; вода – хаос, вода – потенция, вода – женское начало, вода – мужское начало, вода – синтез мужского и женского начал, амбивалентное состояние; вода – смерть, вода – возрождение*).

Не все, что угодно, может выстраиваться в один ряд и сополагаться в нем. Содержание концептов обусловлено реализацией определенного сценария, в рамках которого концепты интегрируются в целостные пропозиции. Так, например, знание о *водной стихии*, служащей основой жизни, о *женском* и *мужском началах* как принципах *рождения*, о *тепле* и *соединении*, о *росте* и *разрушении*, обобщенное в древнеанглийской лексике с инициальным [w], в эволюционном процессе трансформируется в **интегративное знание** о *начале* и *итогах жизни*, о *Хаосе* и *Возрождении*, о *жизни*, *силе*, *власти* и *преступлении*, *наказании*, *смерти*. При этом формируется интегративный концепт [w]-лексики. Между противоположными полюсами (*Хаос* / (*воз*)*рождение; Хаос / рост; Хаос / порядок*) находятся промежуточные области (ср., в частности, фрагменты *Хаос – преступление, вина, наказание – возрождение*, также *Хаос – магия, сила, власть – рост* или *Хаос – движение* (*переход*) *– порядок*). Сценарная структура, лежащая в основе указанного интегративного концепта, может быть прослежена на материале лексикона ностратического праязыка. По данным [w]-лексики этого языка, вскрывается сценарий *Аугесцентный переход*

[56] Ср.: «Такого рода мышление не может базироваться на понятии, поскольку не вычленяет общих и специфических признаков в объекте и между объектами» [Маковский, 1996: 21-22] (речь идет об архаическом мышлении).

[57] *Интеграция* концептов возникает тогда, когда «в классификационной системе нормативно различающей в каком-то классе К подклассы К1 и К2, обнаруживаются элементы, сочетающие в себе конститутивные признаки К1 и К2, так что осмысление этих элементов требует конъюнкции признаков Р1 (К1) и Р2 (К2). В результате классификационная схема класса К раздвигается вчленением ненормативного подкласса К3 (Р1 ^ Р2) между нормативными подклассами К1 (Р1) и К2 (Р2). На концептуальном уровне это означает интеграцию концептов С1 (К1) и С2 (К2) в новом концепте С3 (К3) посредством конъюнкции признаков: Р3 (К3) = Р1 (К1) ^ Р2 (К2). При этом пересечение (накладывание друг на друга) экстенсионалов К1 и К2 образует новый внеположенный им класс К3, так что об этих элементах можно сказать, что они и принадлежат, и не принадлежат к К1 и К2 и уж точно принадлежат к К3» [Никитин, 2004: 63].

в природе и организмах, базовыми сценами которого выступают на одном полюсе – *Хаос*, на другом – *рождение* или *возрождение*, а в качестве промежуточной области выступает *переход* от хаоса к порядку.

Совокупность интегративных концептов, рассматриваемых в аспекте мифопоэтического ассоциирования значений [Маковский, 1992; 1996; 1999], образует каркас иконического пространства языка, снятого в *динамическом аспекте***.** В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для определенной культуры смыслы, полученные в ходе развития языка и культуры, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. Таким образом, вскрывается *единое концептуальное пространство*[58] динамически развивающегося лексикона, отражающее динамику развития концептуальной картины мира определенного народа.

2. 6. Модель интеграции иконических единиц

Наиболее адекватным способом описания эволюции иконического пространства является *моделирование* результата *интеграции* иконических единиц.

Вслед за Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым, обозначим *модели интеграции* иконических единиц в терминах лабиальной, дентальной и велярной артикуляционных зон [Гамкрелидзе, Иванов, 1984. Ч. 1: 81]. Это родовое наименование модели. Названия моделей получают обоснование в концепции членения аморфной массы фонетико-физиологической области движений на определенные области, границы между которыми проходят в

[58] *Концептуальное пространство* языка представляет собой часть национальной концептосферы, обозначенной языковыми средствами, названной в языке и представленной семемами и семами [Попова, Стернин, 1999: 28 - 29] (в нашей работе – *признаками*). «В семантическом пространстве получаемая извне информация существует в виде лексических и синтаксических значений, которые обрабатываются соответствующим языком. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка» [Панкина, 2004: 146], которое представляет собой не набор семем, а весьма сложную систему, образованную пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структур, организующих концепты то в ряды, то в цепочки, то в поля с центром и периферией, то в ветвящиеся деревья, то в серии с перекрестными отсылками [Попова, 1996: 65].

различных точках. Так, зона, образованная контуром неба от гортани до губ, обычно делится на переднюю p-область, среднюю t-область и заднюю k-область [Общее языкознание. Внутренняя структура языка, 1972: 122] (рис. 2.2).

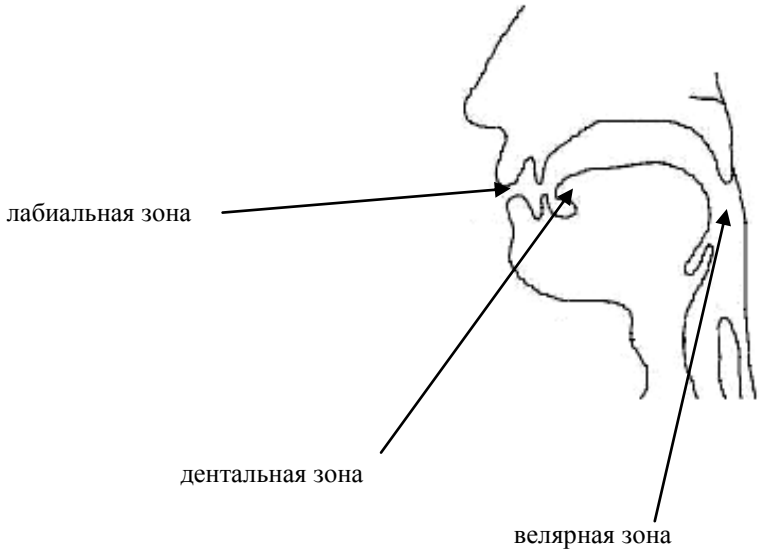

Рис. 2.2. Артикуляционные зоны

Видовые наименования моделей соответствуют инициали, объединяющей лексику и грамматические единицы конкретного фрагмента лексикона, например, модель [w]-лексики.

В качестве базовых уровней взаимодействия и интеграции единиц и категорий, представленных в модели, выступают фонетический, лексический и грамматический уровни. Модель вскрывает содержательные основы иконического пространства языка: совокупность смыслов, имеющих привязку к доминантному смыслу. В непрерывном континууме сополагается фонема-инициаль, лексема и морфологическая единица. Лексемы и морфологические единицы, начинающиеся с инициалей определенной артикуляционной зоны, имеют тенденцию *синхронизировать* свои смыслы, адаптируя их к доминантному смыслу фрагмента лексикона. Доминантный смысл синхронизирует содержание разностатусных элементов, гармонизируя их и приводя в соответствие с общим иконическим пространством.

Структурированное в виде моделей иконическое пространство языка в единстве материального и концептуального содержания представляет собой своего рода **текст** – «языковое предание, идущее из глубины веков» [Гадамер, 1988: 453]. Если понимать *текст* широко как систему «культурных кодов, в соответствии с которыми организуется знаковое многообразие культуры» [Новейший философский словарь, 1998: 704], иконически организованный лексикон и примыкающая к нему морфологическая подсистема могут быть рассмотрены как **совокупность «текстов»** словарных статей, организованных по алфавитному принципу. «Словарная статья» такого рода становится «знаком единого содержания» (Ю. М. Лотман), а текст приравнивается слову (А. А. Потебня) [см. Лотман, 1994: 159]. «Совокупная словарная статья» в этом случае передает единое топологическое содержание – архаическую систему представлений о генезисе и последующем развитии мира, общества и человека, т. е. космо-, социо- и антропогенетический коды, параллельные информации о самоорганизации и саморазвитии языка. «Тексты», вербализованные в иконическом пространстве древнеанглийского языка, принадлежат языковой модели мира и коррелируют с информацией, кодируемой в концептуальной модели мира. *Структура* «диахронического» словаря в совокупности лексем и морфологических единиц, таким образом, приобретает собственный *смысл* [о парадигматике и синтагматике алфавита см. Степанов, Проскурин, 1993], становится синергетическим процессом (ср. концепция [Москальчук, 2003] о структуре текста как синергетическом процессе).

Продолжая мысль Ю. М. Лотмана, следует отметить, что информация, формируемая в структуре словаря, существует только в пределах указанной структуры (иконические фрагменты лексикона + примыкающие к ним морфологические структуры). Информация (поэтического текста) не может ни существовать, ни быть передана вне определенной структуры[59] [Лотман, 1994:

[59] Ср.: «Жизнь, составляющая главное свойство живого организма, немыслима вне его физической структуры, она является функцией этой работающей системы. Исследователь литературы, который надеется постичь идею, оторванную от авторской системы моделирования мира, от структуры произведения, напоминает ученого-идеалиста, пытающего отделить жизнь от той конкретной биологической структуры, функцией которой она

86]. Разрушая структуру, мы разрушаем ее содержание и объем информации, который содержится в определенном «тексте».

Подобный принцип структурирования языковой субстанции – в виде фрагментов, **объединяющих звуки, лексемы, морфологические единицы**, представляется оправданным. И хотя принято считать, что элементы разных уровней языка не могут образовать единого класса: так, не может быть класса, состоящего из фонем и морфем, из морфем и слов, для системы языка, анализируемой с точки зрения иконичности, это утверждение не верно: здесь элементы разных уровней могут образовать единый класс. Например, вполне допустим фонолексический класс «лабиальный – лексико-семантическая группа обозначений округлого». Возможен и фонограмматический (фономорфемный) класс «плавный – итеративный формант (суффикс)» [Воронин, 1982: 118]. Целесообразно распространить вышесказанное к исследованию взаимопересечений формы и значения в иконическом пространстве языка, базирующемся на совокупности **словарных статей** лексикона определенного языка, в частности, древнеанглийского языка, изучаемого в иконическом ключе.

С точки зрения когнитивного подхода модель интеграции иконических единиц является металингвистической системой представления информации, вербализованной в лексиконе и грамматиконе. Модель интеграции отвечает принципам синергетики и выступает в качестве прототипического образца, в соответствии с которым осуществляется иконическое кодирование информации в языке. Нелинейность исходного материала обусловливает нелинейный способ

является. Идея не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре. Исследователь, не понимающий этого и ищущий идею в отдельных цитатах, похож на человека, который, узнав, что дом имеет свой план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – ее реализация. Идейное содержание произведения – структура. Идея в искусстве – всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности. Следовательно, вне структуры художественная идея немыслима. Дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры. Измененная структура донесет до читателя или зрителя иную идею. Из этого следует, что в стихотворении нет «формальных элементов» в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие» [Лотман, 1994: 87 - 88].

презентации фонетического, лексического и морфологического компонентов модели и их смысла.

Иконическое пространство языка, рассмотренное как *автопоэтическая* (самоорганизующаяся) система, соответствует важнейшим синергетическим принципам: *нелинейности, неустойчивости, открытости, подчинения* элементов целому, *нелокальности, полевости.*

Иконическое пространство **нелинейно**, поскольку сформировано элементами разных иерархически подчиненных (и одновременно соположенных) уровней; **неравновесно,** т. е. находится в постоянном движении; **открыто**, потому что составляет часть открытой языковой системы; **нелокально** – в нем связаны воедино разностатусные элементы различных подсистем; **континуально**, характеризуется особыми свойствами иконичности формы и топологичности содержания, позволяющими объединить элементы в целое и направить развитие системы к предустановленным образцам – **аттракторам.** В качестве *аттракторов* – содержательных элементов, притягивающих и моделирующих языковые единицы – выступают доминантные смыслы лексики трех разных артикуляционных зон. Действие детерминированного хаоса в иконическом пространстве языка проявляется в топологической взаимосвязи его элементов.

Интегративные фрагменты, входящие в иконическое пространство, **самоподобны**. Они включают в свою структуру один и тот же повторяющийся *интегральный* элемент – инициаль слова.

Информация о звуках, формируемых в артикуляционных зонах речевого аппарата и играющих важную роль в процессе структурирования лексического материала, выступает в качестве специфической области знания, представленной в моделях интеграции. Интуитивный опыт человека о моторике пассивных и активных артикуляторов в ротовой и назальной зонах речевого аппарата входит на основании единых законов развития и взаимосвязи в общий комплекс архаических представлений об эволюции и функционировании

макро- и мезокосма[60] как «сопричастных» друг другу явлений и, в конечном счете, обусловлено этим комплексом.

Инициаль, рассматриваемая на уровне иконического пространства, представляет собой своего рода *классификатор*[61] концептуального пространства, используемый носителем языка для «упаковки» близких в определенном отношении концептов в единую структуру (М. Ф. Панкина). Группировки концептов определенного рода могут обозначаться одной и той же лексемой, группой взаимосвязанных в ряды и последовательности лексем и, что наиболее важно для нашего исследования, одним и тем же **звуковым сигналом** (!) [Панкина, 2004: 148].

Семантика иконического пространства языка, передаваемая посредством лексических и морфологических единиц, «выходит» на концептуальное пространство, сформированное сетью взаимодействующих концептов, которые могут объединяться по сходству или смежности передаваемых смыслов. Доминирующие концепты формируют *диагностическую зону* смысла различных артикуляционных зон, максимально противоположных по значению. Концепты, входящие в зоны, *когнитивно несовместимы* [см. Никитин, 2004: 63]. Соответственно, диагностическую зону смысла, представленную в той или иной модели, можно определить как **систему когнитивно совместимых признаков (концептов), максимально противопоставленных по значению системе признаков (концептов) других моделей.**

[60] О связи артикуляторов с естественными объектами, их концептуальными и вербальными презентациями [см. Werner, Kaplan, 1963].

[61] Исследования Дж. Лакоффа, Р. М. У. Диксона и других исследователей [Lakoff, 1986; Dixon, 1986] показывают, что классификаторы типа окончаний, служебных слов, формантов играют важную роль в создании семантического пространства языка, организуя его в те или иные структуры. В расширительном смысле, по М. Ф. Панкиной, классификаторы представляют ментальную категорию, порождаемую мышлением человека, и обнаруживаются в семантическом пространстве языка. При этом семантическое пространство каждого языка существует как стремящееся к бесконечности множество концептов, структурированных с помощью классификаторов разного рода в разнообразные группы, классы, ряды и поля, составляющие в конечном итоге определяющее начало устройства системы любого языка [Панкина, 2004: 148].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Язык, как и другие сложные нелинейные системы, характеризуется наличием процессов самоорганизации и саморегуляции, которые в совокупности с внешними факторами образуют динамику системы. Существуют единые механизмы порядкообразования, присущие языку и сложным неравновесным развивающимся системам.

2. В качестве предмета эволюционной синергетической лингвистики целесообразно определить феномены *спонтанного возникновения* – самоорганизации структур в хронологически разных периодах развития языковой системы и целостного *цикла* развития системы, на протяжении ее исторически засвидетельствованной и гипотетически восстанавливаемой истории в совокупности переменных, процессов, зависимостей между переменными и процессами.

3. Интенсивно формирующийся концептуальный аппарат синергетической лингвистики, а также лингвосинергетики включает термины *самоорганизация, самодвижение, саморегуляция, равновесность / неравновесность, порядок / хаос, детерминированный хаос, диссипативные структуры, энтропия, стационарное состояние, нелинейность, спонтанность, неустойчивость, случайность, динамический процесс, адаптивность, аттрактор, точечный, циклический аттрактор, фрактал, самоподобие, самопорождение смысла, целостность, холотропность, эмерджентность, нелокальность, подчинение элементов целому, синергетический эффект* (*коллективное поведение*), *полевость, упорядоченность, согласованность, когерентность, континуальность смыслопорождения, доминантность смысла*, *параметр порядка, бифуркация, флуктуация*, *катастрофа, квазитермодинамические законы, синергетический цикл, гармонизация, синхронизация процессов, унификация / диверсификация* и во многом перекликается с терминосистемой исторической лингвистики: *равновесие*,

устойчивость, стабильность, тождество, преемственность, динамика, открытость, симметрия / асимметрия, эволюция, генезис, изменение, дрейф, адаптация, давление среды, аттракция, контенсивная доминанта, семантические, фонетические законы, законы развития, вариативность / инвариантность, норма, инновация / архаизм, взаимосвязь / взаимодействие, дифференциация / интеграция, дивергенция / конвергенция, лексикализация / грамматикализация, иерархия, уровневость, лингвистический цикл, стадиальность, деградация, прогресс.

4. Иконическое пространство языка образуется в результате процессов самоорганизации – коллективного движения лексем и морфологических единиц, объединенных одинаковой инициалью.

5. Базовыми переменными, которые выделены в синергетической лингвистике и подпадают под действие законов порядкообразования, являются *размер инвентаря* единиц (*inventory size*), *размер* единиц (*element size*), их *частотность*. Мы выделяем базовые переменные иконического пространства языка (*фонема-инициаль, корневая лексема, грамматическая единица*) и выявляем не отмеченные ранее *зависимости* между звукосимволической семантикой единиц лексикона, информацией, передаваемой единицами лексикона, объемом словаря, частотностью лексем в определенной модели, долей заимствований, их включенностью в ту или иную модель и интенсивностью формирования грамматических единиц и формантов, связанных с тем или иным «словарным» фрагментом.

6. Важнейшими признаками самоорганизации иконического пространства языка являются *интеграция* разноуровневых единиц в формальном плане (*иконичность* фонемы-инициали); *перетекание* смысла внутри лексических объединений и между объединениями лексических / морфологических единиц (*топологическая взаимосвязь* и *континуальность смысла*); формирование целостных эволюционирующих *смысловых* полей в зонах интеграции языковых единиц (*интегративный концепт*); появление *упорядоченности,*

согласованности, когерентности, коллективного поведения элементов при синхронизации пространственно разделенных элементов в зонах интеграции (*синергетический эффект*).

7. Наиболее адекватным способом описания эволюции иконического пространства языка является *моделирование* процесса интеграции иконических единиц и результатов действия этого процесса. *Модели интеграции* иконических единиц обозначаются в терминах лабиальной, дентальной и велярной артикуляционных зон. Это родовое наименование модели; видовые наименования моделей соответствуют инициали, объединяющей лексику и грамматические единицы конкретного фрагмента лексикона (модель [w]-лексики). В качестве базовых уровней взаимодействия и интеграции единиц и категорий, представленных в модели, выступают фонетический, лексический и грамматический уровни.

8. Модель вскрывает содержательные основы иконического пространства языка: совокупность смыслов, имеющих привязку к доминантному смыслу. В континууме сополагается фонема-инициаль, лексема и морфологическая единица. Лексемы и морфологические единицы, начинающиеся с инициалей определенной артикуляционной зоны, имеют тенденцию *синхронизировать* свои смыслы, адаптируя их к доминантному смыслу интегративного фрагмента. *Доминантный смысл* синхронизирует содержание разностатусных элементов, гармонизируя их и приводя в соответствие с общим иконическим пространством.

9. Структурированное в виде моделей иконическое пространство языка в единстве материального и концептуального содержания представляет собой своего рода текст, а лексикон в целом может быть рассмотрен как **совокупность «текстов»** словарных статей, организованных по алфавитному принципу.

10. «Совокупная словарная статья» передает единое топологическое содержание – архаическую систему представлений о генезисе и последующем

развитии мира, общества и человека, т. е. космо-, социо- и антропогенетический коды, параллельные информации о самоорганизации и саморазвитии языка. *Структура* «диахронического» словаря и интегративных фрагментов языка, таким образом, приобретает собственный *смысл*, становится синергетическим процессом.

11. Формула синергетического цикла *хаос – порядок – хаос* реализуется в эволюционирующей языковой системе посредством закономерного следования смысловых полей в иконическом пространстве языка. Последовательность фрагментов корневых лексем и морфологических единиц, объединенных консонантной инициалью, изоморфна последовательности *эпистем* – структур человеческого знания. В совокупности фрагментов древнеанглийской [w], [h], [s], [þ] ([ð])-лексики отражена **эпистема родового человека (родового космоса);** во фрагментах [n], [m], [l], [k], [f] ([p]), [d] ([t])-лексики представлена **эпистема социального человека**; в [g], [b], [r]-лексике репрезентирована **эпистема индивида.**

12. В синергетическом описании возникает новый образ открытого и сложноорганизованного мира, не ставшего, а становящегося, непрерывно возникающего и изменяющегося. Синергетику интересует *живая динамика,* взаимопереходы порядка и хаоса, она учит, что сложная система имеет множество возможных путей эволюции; не все, что угодно, может существовать как стабильно устойчивое в нелинейной среде; и путь хаоса, или термодинамическая ветвь является одним из возможных путей эволюции сложных, открытых и нелинейных систем. В языковой системе также обнаруживаются явления и процессы спонтанного, случайного порядка. Малозаметные и незначительные, на первый взгляд, изменения языковых подсистем приводят к формированию сложнейших языковых структур и их объединений. Проблематика языковой *взаимосвязи* / *взаимодействия* должна быть расширена: наиболее актуальным становится вопрос о синергетической интерпретации языковой динамики, включающей исследование **холотропной**

функции языка и его подсистем [Сусов, 1998; Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов, 2000].

ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ ИКОНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА РАННИХ СТАДИЯХ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

3. 1. Возникновение иконического пространства языка

3. 1. 1. Лексические единицы и концепты

Человеческий язык возникает при переходе от некоммуникативных сигналов приматов[62] к качественно *неоднородным* звуковым структурам гоминид и формируется как коммуникативная система, обращенная к слуху, а не к зрительному восприятию[63]. Промежуточной стадией между неязыковым поведением и звуковым человеческим языком является, по всей видимости, кинетическая речь, коммуникативные сигналы-жесты, уникальное средство расширения негенетического канала передачи информации[64].

---

[62] Типичными знаками «языка» животных являются знаки-индексы, целиком обусловленные реальной ситуацией, в которой этот знак возникает (индекс предполагает отношение *a* есть частично *b*). Индексальные сигналы животных являются «самыми природными» классами знаков [Мечковская, 2004: 135; там же многочисленные примеры].

[63] В настоящем разделе рассматривается *протомодель* иконического пространства. Опираясь на данные, полученные в ходе реконструкции «всемирных этимологий» [Ruhlen], мы прослеживаем возникновение **базовых** оппозиций **иконического пространства**, зарождение которых, несомненно, относится к самой глубокой древности. Гипотезу о существовании единого протоязыка – предка макросемей мира разделяют многие лингвисты [Старостин, Бурлак, 2001; Shevoroshkin, 1990; Wright, 1991; Ruhlen, 1996]. Указывается, что реконструкция первых «звуковых» слов праязыка макросемей Евразии может быть осуществлена путем последовательного сопоставления друг с другом праязыков макросемей. И хотя говорить об установленных фонетических соответствиях между праязыками макросемей пока рано, «принципиальную возможность реконструкции единого праязыка человечества следует признать реальной» [Старостин, Бурлак, 2001: 176]. На это указывает сравнительное исследование базисной лексики языков Старого Света: вероятность общего происхождения всех этих языков, восходящих к единому источнику, скорее всего существовавшему 14 – 15 тыс. лет назад в районе Ближнего Востока, весьма велика [Старостин, 2003: 165]. В лингвистике направление, в рамках которого устанавливаются древнейшие соответствия, получило название «глобалистики», или макрокомпаративистики, связанной с именами американских исследователей Дж. Гринберга [Greenberg, 2002] и М. Рулена [Ruhlen, 1989], а восстановление корней слов, общих для всех известных макросемей мира, следует рассматривать как «*всемирные этимологии*» (*global etymologies*).

[64] Существуют различные точки зрения относительно характера происхождения языковых знаков. Согласно одной из них, знаки носят вербально-звуковой характер: они вырастают из естественных вокализаций, характерных для отдаленных предков человека [Hockett, Ascher, 1964]. Согласно другой точке зрения, звуковому языку предшествует жестовый, или «ручной» язык, формируемый на базе кинетических и мимических движений приматов [см. Марр, 1934: 106 - 109], т. е. на базе иконической семиосистемы животных (жестовый язык нелинеен и «пространственен» в отличие от линейного звукового языка). Подобное развитие высвобождает руки («рука, освобождающая слово», A. Leroi-Gourhan), что является немаловажным фактором в борьбе за выживание человека как вида [Kohler, 1998: 267]. Вопрос о том, создается ли язык для удовлетворения потребностей в общении (теория *континуальности, the continuist approach* [Hockett, Ascher, 1964; см. Мартине, 1963: 535], рассматривающая человеческий язык как продолжение «языка» животных и жестового языка), или как побочный продукт развития человека (теория *дисконтинуальности, the discontinuist approach*) [см. Chomsky, 1972], отказывающая языку в какой-либо связи с «языком» животных), не получил окончательного решения. Известным компромиссом при этом могла бы стать концепция, рассматривающая язык не как исходное средство коммуникации, а как некую репрезентативную систему, транслирующую концептуальный образ мира. Как только видимый мир был отображен в знаках и соотнесен с неким смыслом,

Следует предположить, что зарождение единиц *протоязыка*[65] осуществляется в неравновесном состоянии, поскольку процесс самоорганизации может быть «запущен» только при наличии сильно взаимодействующих динамических переменных с сильной взаимной связью скоростей их изменения. Кроме того, чтобы стать лингвистическим полем [Матурана, Варела, 2001: 184 - 187], закрытая совокупность сигналов животных должна приобрести открытый характер (как известно, в естественном языке *неравновесность* и *открытость* являются важнейшими параметрами функционирования).

Первичные знаки протосемиосистемы *холистичны*.[66] В известном смысле их можно уподобить индексам животных (позы + звуки), а также иконическим знакам жестового языка. Это знаки, совмещающие свойства индексов и икон. При этом вокализации часто служат не для того, чтобы передать конкретную информацию, а чтобы привлечь внимание к визуальным, тактильным или иным сигналам [Wallman, 1993: 44] или чтобы указать на интересующий объект в непосредственном контакте с участниками действия, самим действием, общим фоном действия. Холистичность первых «слов» кроется в их соотнесении с целостной ситуацией. Первые «слова», в частности, имплицирует отсылку к ситуации, которую можно было бы обозначить как «Беги, опасно!», где есть

возникает язык, прокладывающий себе путь через канал жеста и вокализаций [Bickerton, 1994: 2881 - 2882; см. Леонтьев, 1963].

[65] Термин *протоязык* (*The Mother Tongue, protolanguage*) используется для обозначения: 1) примитивного досинтаксического языка Homo erectus (1 млн. лет), который маркирует состояние, кардинально отличное от языка Homo neandertalensis (120 тыс. лет) [Bickerton, 1998: 351 - 352] и 2) языка-предка многих макросемей Евразии, в частности, предка ностратической макросемьи языков (доностратический язык-предок, имеющий временную глубину 15-20 тыс. лет) [Хелимский, 1984: 31]; *protolanguage* 16 – 20 тыс. лет [Hodge, 1991: 141]). В настоящей работе термин *протоязык* используется в смысле, вкладываемом в него Д. Бикертоном. Вместе с тем, для иллюстрации положений, относящихся к стадии протоязыка, мы оперируем данными, полученными американскими исследователями при реконструкции языков-предков ностратической и америндской макросемей временной глубины 14 – 15 тыс. лет до н. э. [Старостин, 2003: 165].

[66] Иллюстрацией холистической стратегии кодирования информации является *семантический синкретизм*, который отличает связь значений *актив / инактив* в парах часть тела человека / элемент природы: *кровь – сок растения; ноготь / чешуйка*, номинированных при помощи одного и того же слова [Климов, 1977] в языках активной типологии. Ср. также реконструированные «всемирные этимологии», в которых в рамках одного означающего совмещаются разные означаемые: NOSTR. *to/H/*𝒜 *to give, receive, bring* = AMERIND *atu ~ *ato *to give, take, carry* [Ruhlen: 29]. *Категориальный* синкретизм заключается в совмещении в рамках «лексемы» различных категориальных значений, в частности, в NOSTR. *büK□ a*to bend, be bent* = AMERIND *puku ~ *pɔko *knee, elbow; to kneel* [Ruhlen: 31]) налицо совмещение общекатегориальных значений имени существительного и глагола. Ср. также неразличимость значений *действия* и *предмета-орудия действия* (в частности, сил природы) в предложениях типа *Гром гремит* [Степанов, 1989].

отсылка к объекту-хищнику, императивному действию-инструкции, целостной ситуации опасности-предупреждения [Hauser, 1996]. Холистические знаки соответствуют совокупности *диффузных* значений, или, другими словами, соотносятся с *гештальтом* или *фреймом*[67]. Первые номинации – обозначения людей, животных, растений, артефактов – являются естественным «продолжением» классификаторных способностей животных и их сигналов. Крики-предупреждения об опасности, нарушении порядка и наличии пищи составляют базовый лексикон, в котором осуществляется привязка формы к специфическим ситуациям. Крики-сигналы имеют прагматическую значимость: они предоставляют и запрашивают информацию, дают ответ и т. д. (*The cries of alarm, disturbance and food constitute a basic lexicon with reference to specific situations and they have distinctive pragmatic values, e. g., as asking for, responding to, informing about* [Wildgen: 14]).

Первые высказывания являются диффузными «именами»-предложениями, в которых номинация и предикация слиты воедино. Протоязыковое сообщение семантически сложно, аграмматично, соотносится с произвольной, по А. Рей, формой, которая не может быть расчленена на составляющие смысла. Например, можно сказать tebima *дай ей это* и mutapi *дай это мне*. Между семантически схожими звуковыми последовательностями нет фонологического сходства: в слове tebima нет морфемы, обозначающей *дай* или *ей*. Целое обозначает просто целое [Wray, 1998]. Посредством единого корня передаются разнообразные коммуникативные и когнитивные (содержательные) значения[68]. В протоязыке отсутствуют синтаксические (и

[67] Целостные совокупности диффузных значений можно сопоставить с *понятиями-синкретами*, свойственными первобытному мышлению и мышлению ребенка до 3 лет [Кацнельсон, 1972].

[68] Ср. данные онтолингвистики. Согласно А. Н. Леонтьеву, нулевой цикл владения языком и овладения им образуют **семантические универсалии**, связанные с предметным действием: данные о спонтанной жестово-мимической речи глухонемых детей свидетельствуют о том, что в мимическом языке в большинстве случаев отсутствуют особые обозначения *действия* и *предмета-орудия* действия: *топор, рубить*; *предмета* действия, *признака* действия и *действия*, обозначаемых в русском языке однообразными словами (*чистый – чистить – чисто; храбрец – храбрый*). В ряде случаев, как указывает А. Ф. Понгильская, отсутствуют особые обозначения *действия* и *предмета*, на который направлено действие (*доить - молоко), действия* и *предмета*, обозначающего *место* действия (*мыться – баня*) [Цит. по: Леонтьев, 2003: 183]. Глухонемые школьники, которым было предложено разгруппировать слова по частям речи, безошибочно относили к существительным обозначения потенциальных субъектов действия: имена собственные, имена лиц и одушевленных существ, а

морфологические) структуры, темп речи медленный, «предложение», которое логично назвать *слово-предложением* [Гумбольдт, 1984], состоит из 3 - 5 «слов». Отсутствие частей речи и синтаксических функций обусловливает беспорядочное «нанизывание» «глаголов», «существительных» в рамках слово-предложения. Сообщение проходит из области мозга, контролирующей формирование концептуальных структур, непосредственно в область, отвечающую за репрезентацию фонетической структуры слова. Та область мозга, которая отвечала бы за синтаксическое оформление языковой единицы, не функционирует [Bickerton, 1998: 349]. Семантический и структурный синкретизм целесообразно рассматривать как проявление холистической стратегии кодирования информации[69].

также предметов. Однако в группе предметов исключениями явились существительные, обозначающие *орудие* действия (топор, молоток), предметное значение которых смешивается со значением *действия*, выражаемого глаголом. То же самое можно сказать относительно существительных, обозначающих *силы* природы (гроза, ветер), которые также с трудом отграничиваются от глаголов. Таким образом, *предметность* для глухонемых представляет собой соотносимость слова с субъектом конкретной ситуации, а *глагольность* и глагол, по данным детской автономной речи (Р. Е. Левина), представляют собой не отвлеченную часть речи, а всегда содержат в себе автора, совершающее это действие; *признаковость* также не существует вне предмета: например, синее, как таковое, не существует, существует синий карандаш, синий кубик и т. д. [Цит. по: Леонтьев, 2003: 184].

[69] Холистическая стратегия обработки поступающей информации позволяет сопоставить целостные образы-гештальты и создать многозначный контекст с множественными размытыми связями. Такая стратегия кодирования информации особенно характерна для мифопоэтического мышления, которое по своим когнитивно-информационным параметрам является по преимуществу **пространственным, образным** мышлением, безразличным к семантическим оппозициям и логическим противоречиям. Логико-вербальное мышление, напротив, использует аналитическую стратегию: обрабатывая когнитивную информацию, оно активно выявляет только некоторые, наиболее существенные для анализа признаки и отношения. В результате организуется однозначный контекст, необходимый для успешной вербальной коммуникации [Меркулов, 1996: 25, 27]. Стремление установить между объектами и действиями, например, между человеком и природой, формы сопричастности является наиболее яркой чертой мышления древнего человека и человека средневековья: в этот период он не отделяет себя целиком от природы, и в этом смысле связан с нею. Мифологическое сознание идет по пути переноса социальных форм организации, характерных для кровнородственных отношений, на природу в целом. По словам А. В. Лосева, человеку, «жившему в условиях первобытнообщинного строя, были понятными и наиболее близкими только общинно-родовые отношения. На основании этой понятной ему действительности он и рассуждал о природе, обществе и обо всем мире» [Цит. по: Категории «закон» и «хаос», 1987: 143]. Аналогии между человеком и физической реальностью отражают целостное понимание мира, при котором отсутствует четкая противопоставленность между человеческим телом и остальным миром, и «переходы от одного к другому представляются текучими и неопределимыми» [Гуревич, 1984: 59]. Иными словами, архаическое мышление оперирует не индивидуальным, а общим, не дискретным признаком, а континуальной категорией-архетипом, не изолированным понятием, а целостной пропозицией. На данную связь указывают языковые репрезентации, в которых уподобляются человеческое тело и неживая природа, ср. древнеанглийские существительные tā *палец ноги* и *отросток дерева, растения*; wæt *вода* и «*жидкости*» в организме человека (*кровь, желчь* и др.). Список примеров можно продолжить. Архаическое мышление довольно активно и свободно манипулирует различными представлениями и весьма обширным набором оппозиций, исходным материалом которых обычно выступают конкретные образы животных, растений, предметов, небесных светил и других природных объектов, а также общие свойства (категории), признаки, форма и т.д. Эти оппозиции – а их корни уходят в древнюю магию – располагаются на различных уровнях и между собой взаимодействуют [Меркулов, 1996: 33].

Сопоставляя данные, полученные по изучению протосемиосистем, с результатами онтолингвистических исследований двусловных высказываний, или протопредложений в ранней детской речи, нельзя не отметить определенного эволюционного сходства и с особенностями мифопоэтического мышления. Диффузность и нерасчлененность, свойственная протоязыку, начальным стадиям развития собственно языка и ранней детской речи, схожа с аналогичными структурами первобытного мышления. Это, в частности, проявляется в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, пространственных и временных отношений, начала и принципа. Объекты сближаются не по первичным, сущностным характеристикам, а по вторичным чувственным качествам, по смежности в пространстве и во времени [Токарев, Мелетинский, 1994: 13].

Освобождаясь от индексальности и иконичности «языка» животных, разрывая непосредственную, холистическую связь между звуком, жестом и объектом (ситуацией), звуковая речь не освобождается от «биологических корней». Как известно, все звукоформирующие структуры естественного языка изначально настроены на выполнение незвуковых вегетативных функций, которые обеспечивают выживание человека и связаны с такими органами и частями тела, как *грудь, легкие, глотка, гортань, небная занавеска, язык, зубы, губы, челюсти*. Среди первичных функций, которые они выполняют, можно выделить, в частности, *дыхание, глотание, сосание, жевание* и некоторые другие функции [Kohler, 1998: 267]. (В качестве базовых архетипических элементов звуковых систем могут быть рассмотрены кликсы[70], или щелкающие

[70] По В. Пизани, древние, состоящие только из согласных звуков, слова-корни являются результатом распадения щелкающих звуков. Кликсы, имевшие первоначально значение междометий, получают затем лексическую значимость, заменяя собой жесты или мимику. «Кликсовые» языки могли первоначально служить для общения в темноте или в тех случаях, когда обстановка мешала видеть жест. Гласные же звуки были введены для того, чтобы язык, состоящий из одних только согласных и воспринимаемый в непосредственной близости, можно было услышать и на большом расстоянии [Пизани, 1956: 126 - 127, 141]. Действительно, «кликсовые» языки могли служить для общения в тех случаях, когда обстановка мешала видеть жест: высокой перцептивной значимостью, например, обладают палатоальвеолярные кликсы. В современных коммуникативных системах кликсы занимают периферийную позицию в легочных (pulmonic) механизмах

звуки, поскольку их артикуляция сопряжена с незвуковыми, вегетативными элементами, в частности, с *сосанием* [Kohler, 1998: 267]).

Таким образом, предпосылки самоорганизации звукового языка коренятся в исходной психофизической данности человека. Если признавать, что формирование звукового пространства обусловлено нейромышечными и биомеханическими факторами, то база иконических знаков естественного языка заложена в сфере анатомии и физиологии человека и обусловлена действием наиболее общих **когнитивных** принципов – принципа *соответствия* структуре мира и принципа *экономии* [Rosh, 1978; также Мартине, 1963]. Принцип *соответствия* структуре мира требует, чтобы звуковые подсистемы были максимально приближены к структурам мира, т. е. объектам, отношениям, действиям и т. д., которые объективируются и вербализуются в языке. В процессе коммуникации отбираются и сохраняются лишь те звуки и звуковые системы, которые являются наиболее релевантными, отражают необходимые для успешной коммуникации свойства, обеспечивают максимум информации. Соответствие структуры артикуляторов структуре окружающей действительности способствует *легкости* кодирования / декодирования информации, пониманию и кооперации, быстрому развитиб человека и общества.

Таковыми являются *прототипы* звуков дентальной, лабиальной и велярной артикуляционных зон [Anttila, 1989]. Исследования в онтолингвистике показывают, что при формировании звуков и их произносительных фреймов в первые **шесть** месяцев развития ребенка преобладают звуки велярной зоны (произносительные фреймы этих звуков, как будет показано ниже, совмещают полярную семантику, т. е. характеризуются амбивалентными размытыми признаками) (см. рис. 3.1). Между 6 и 15 месяцами (наиболее важный период с точки зрения онтолингвистики)

звукообразования и выполняют скорее паралингвистические, нежели собственно лингвистические звуковые функции.

преобладают **альвеолярные** звуки[71]. Степень доминирования лабиальных звуков всегда низкая [Smith, Oller, 1981], т. е. лабиальные звуки менее частотны в целом.

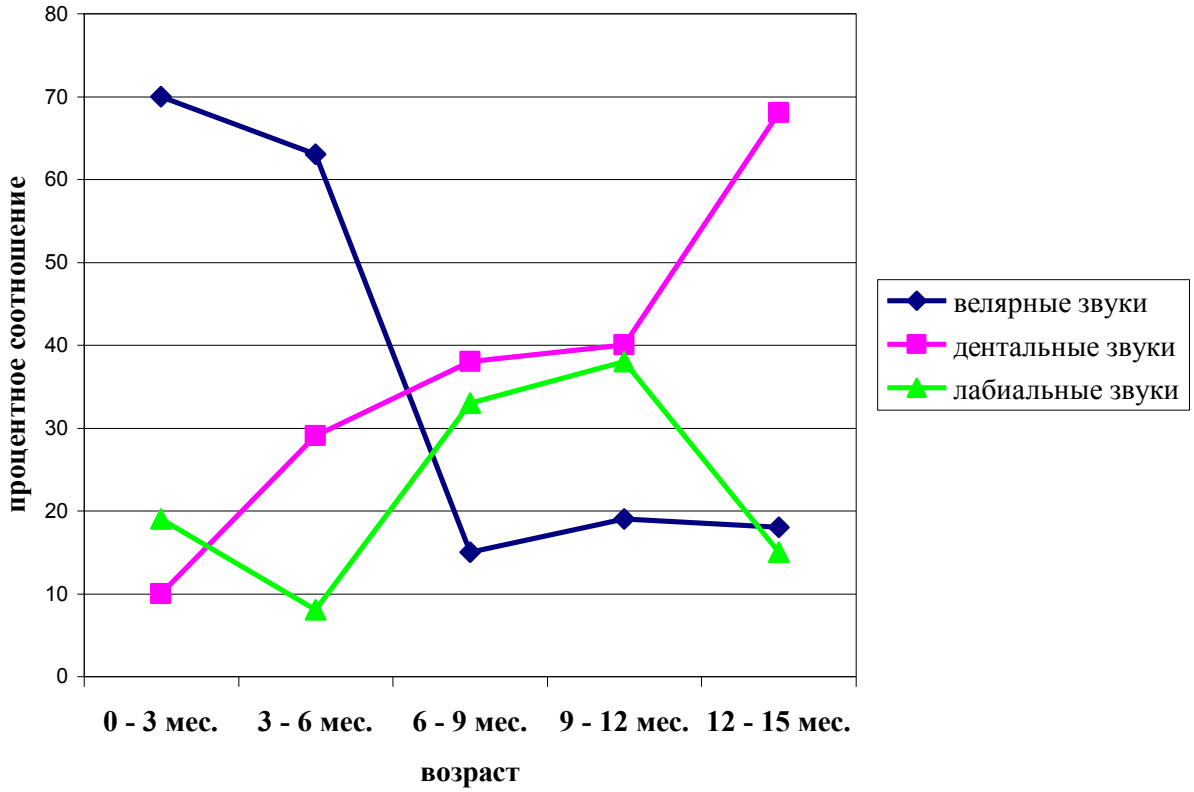

Рис. 3.1. Преобладание согласных звуков у ребенка от 0 до 15 месяцев (по B. L. Smith, D. K. Oller)

Такое распределение фонем объясняется, по всей вероятности, принципом *экономии*. Вследствие асимметрии органов речи «артикуляционные комбинации определенного типа могут быть безупречными, т. е. легкопроизносимыми и не представляющими трудности при идентификации, если они реализуются в определенной точке речевого канала и при определенной степени открытости этого канала, либо могут обладать весьма посредственными различительными качествами, если они реализуются в другой точке и имеют другую степень открытости» [Мартине, 1963: 565].

Ответить однозначно на вопрос о том, сохраняют ли звуковые коммуникативные единицы исходную связь с «иконами» и «индексами» на

[71] О доминировании **дентальных** звуков в различных языках индоевропейской семьи см. [Тамбовцев, 2001а; 2001б].

промежуточном (между *языком животных* и *языком человека*) этапе развития, мы не можем. Вместе с тем, как показывает данное исследование, эта связь сохраняется в наиболее релевантной для звука позиции – в начале слова.

Данные корнеслова М. Рулена [Ruhlen] показывают (см. Приложение), что в восстанавливаемых «всемирных этимологиях» наличествует дифференциация денотатов и смыслов лабиальной и дентальной зон. По данным лексики с инициалами лабиальной зоны, в эту зону входит слово ***дыра, vulva*** (NOSTR. *p□ u/t□𝒜 *hole, vulva, anus* = AMERIND *petV *vagina* [Ruhlen: 39]), денотатом которого являются анатомические компоненты женщины (концепт *округлый*); ***волосы*** (NOSTR. *puč𝒜 *body hair, down, feathers* = AMERIND p'utˡi *hair, feather, bird down* [Ruhlen: 17]) («*растительность*» на теле, концепт *рост*); ***сгибать, изогнутый*** **(**NOSTR. *büK□ a *to bend, be bent* = AMERIND *puku ~ *pɔko *knee, elbow; to kneel* [Ruhlen: 31]) (концепт *кривой*)**,** наименования ***широких*** и ***больших объектов, большого количества*** (NOSTR. *m/o/n𝒜 ~ *m/o/n/g/𝒜 *much, big* = AMERIND *moni *many, large, all* [Ruhlen: 42]; NOSTR. *p□ at□𝒜 *broad* = AMERIND *patˡa ~ *petˡa *broad* [Ruhlen: 43] (концепт *множество*).

Денотатами дентальной зоны являются наименования ***языка*** (NOSTR. *ńan/g/𝒜 *tongue* = AMERIND *ñene *tongue* [Ruhlen: 18]); ***шеи*** (NOSTR. *ñiK□ a *neck vertebra, neck* = AMERIND nuk' ~ nuq' *throat* [Ruhlen: 19]); ***носа, обоняния*** (NOSTR. *čung𝒜 *smell, odor* = AMERIND *čun(k)a *nose; to smell* [Ruhlen: 33]); ***пальца,*** связанного со смыслом ***единственности*** (EURASIATIC *tik *finger; one* = AMERIND *tik *finger, one* [Ruhlen: 40]) и ***указательного жеста*** (***прямая*** линия) (ср. Proto-Indo-European *deik *to show, point*; Eskimo-Aleut: Eskimo: Kuskokwim tik(-iq) *index finger*, Greenlandic tik(-iq) *index finger*, tikkuagpaa *he points to it*; Aleut: Attu tik(-laq) *middle finger*, atgu *finger*, atˡaqan *one*, taɣataq *one*, Atka atakan *one* [Ruhlen: 40]) (концепты *часть, указание, прямой*).

Денотативная и понятийная противопоставленность дентальной /

лабиальной зон обнаруживается также в лексемах, обозначающих ***плечо*** **(верх)** (NOSTR. *talH𝒜 *shoulder* = AMERIND *ta(?)la *shoulder* [Ruhlen: 44]) / ***ступню*** **(низ)** (NOSTR. *p□ at𝒜 *foot, footstep* = AMERIND *pati *foot* [Ruhlen: 20]).

Таким образом, материал «всемирных этимологий» подтверждает наличие **диагностических** концептуальных зон, **закрепленных** за лексикой разных артикуляционных зон, которые включают оппозиции признаков *один / много; прямой / кривой* и, соответственно, **инферентных** концептов *часть / множество; прямой / округлый, кривой*. Как видно, базой для формирования указанных концептов являются **феноменологические** концепты, связанные с частями тела, непосредственно наблюдаемыми объектами и действиями.

Признаки *мужской / женский* (NOSTR. *män𝒜 *man, male* = AMERIND *mano ~ *meno *man, husband* [Ruhlen: 23] / NOSTR. *p□ u/t□𝒜 *hole, vulva, anus* = AMERIND *petV *vagina* [Ruhlen: 39]) вербализованы в рамках одной (лабиальной) зоны, что свидетельствует, по всей видимости, о древнейшем представлении денотатов, связанных с *мужским* / *женским* началами, как входящих в один класс активных деятелей (концепты *мужской / женский*). Аналогичным образом сближаются признаки *давать / получать*, выраженные в рамках дентальной зоны в одном означающем (NOSTR. *to/H/𝒜 *to give, receive, bring* = AMERIND *atu ~ *ato *to give, take, carry* [Ruhlen: 29]) (концепты *отдача / обладание*).

Последние примеры указывают на древнейший синкретизм признаков *мужской / женский*, некогда связанных с *активным* началом и противопоставленных *инактивному, среднему* началу. В ходе развития языка признаки *мужской / женский* дифференцируются (*женское* выделяется из *мужского*), при этом признак *мужское начало* оказывается связанным с *активной* семантикой, а признак *женское начало*, напротив, сближается с признаком *среднее, инактивное начало*, транслируя семантику *инактивности* и *собирательности*. На связь значений *женского* рода, *среднего* рода, *единичности, множественности* и *собирательности* указывал в свое время И.

Шмидт, обнаруживший генетическую связь окончаний единственного числа женского рода (-ā) и множественного числа существительных среднего рода в индоевропейских языках. Значение *множественности* существительных среднего рода представляет собой ни что иное, как *собирательное* значение [Schmidt, 1889]. К. Бругман уточнил положение И. Шмидта, справедливо предполагая, что женский род возникает позднее, чем появляется оппозиция *активный* (= *мужской* + *женский*) / *инактивный* (*средний*), ср. скр. м. р. himás *мороз*, ср. р. himam *снег*, ж. р. hímā *зима* [Цит. по: Lehmann, 1958: 184].

Таким образом, приведенные данные в целом свидетельствуют о «привязке» значений *активного* типа к инициалям **дентальной** зоны и, наоборот, значений *инактивного* типа к инициалям противоположной **лабиальной** зоны (с дополнительной дистрибуцией значений лексем **велярной** зоны к семантике лексем дентальной и лабиальной зон).

Звуки дентальной и лабиальной зон, действительно, максимально дифференцированы, они включены в первичную фонологическую оппозицию *коронарные / некоронарные* звуки [Kohler, 1998: 270]. Как указано выше, при артикуляции *коронарных* звуков, которые формируются посредством передней части языка (the blade of the tongue), тратится минимум энергии. Минимальное расстояние между кончиком языка и местом артикуляции, присущей этой категории звуков, мы связываем с лексическими и структуральными концептами *прямой, указание, часть, действие, разделение, мужской, сильный, острый, ближний, центральный, мышление, обязанность, индивид, узкая родовая группа (эксклюзивная множественность), локация, указательность***,** сопряженными с когнитивной схемой *сужения*.

На артикуляцию *некоронарных*[72], в частности, лабиальных звуков, затрачивается больше артикуляторной энергии, поэтому существует возможность связать произносительные фреймы лабиальной зоны с актуализацией противоположных концептов *округлый, кривой, рост,*

[72] Произносительные фреймы велярных согласных-инициалей **совмещают** концепты лабиальной / дентальной зон.

*множество, пустой, полый, рождение, бытие, цикл, женский, слабый, дальний, периферийный, желание, обладание, соединение, коммуникация, родовая личность, широкая родовая группа (инклюзивная множественность), вопросительность***.**

Данные концепты, которые выделены на основании анализа материала «всемирных этимологий» и лексикона ностратического праязыка, связаны с когнитивной схемой *расширения*.

В качестве прототипических значений, которые впоследствии станут базой иконического пространства языка, закрепляются фоносемантические значения *указательного жеста* и *округлости*, связанные с когнитивными схемами *сужения* и *расширения*.

Итак, процессы самоорганизации иконического пространства сопряжены с формированием неоднородных, противопоставленных друг другу звуков, которые на начальном этапе языковой эволюции еще во многом сходны[73]. По А. Мартине, фонетическая подсистема стремится к **максимальной дифференциации** и **симметрии**, «эволюционирует в направлении установления равнодистантности между входящими в нее фонемами» [Мартине, 1963: 559]. Именно такой характер имеет базовая оппозиция в микросистеме согласных звуков *коронарные / некоронарные* согласные[74] с заложенным в ней максимально противоположным содержанием.

[73] Р. Якобсон уподобляет этапы глоттогенеза этапам эволюции звуковой системы ребенка, развивая важную для осмысления исхода и порядка стратификации фонологических оппозиций идею: «Период детского лепета начинается с неопределенных звуков, которые … еще не являются ни согласными, ни гласными или, что то же самое, являются тем и другим одновременно. Период лепета завершается строгим разграничением согласных и гласных. С моторно-двигательной точки зрения обе категории звуков противополагаются друг другу как сужение и расширение» [Якобсон, 1985: 110]. Произносительные фреймы велярных звуков, которые, как указано в работе [Smith, Oller, 1981], преобладают в первые шесть месяцев развития ребенка, также характеризуются совмещением концептуально различных признаков. Эта аналогия очень существенна, она показывает, что тенденции *сужения* / *расширения* универсальны, свойственны процессам самоорганизации сложных систем.

[74] Вслед за Келером и Штумпфом, Р. Якобсон постулирует наличие в языке двух основных звуковых качеств: хроматических / ахроматических (открытых / закрытых) и темных / светлых (велярных / палатальных), а также формулирует звуковые закономерности, объясняющие, по его мнению, многие эволюционные процессы в области звуковой системы. Эти закономерности таковы: 1) первичность лабиальных согласных и гласного А; 2) первичность расщепления ртовых и назальных согласных на лабиальные и дентальные; 3) первичность высоты А в вокализме (первичность дифференциации гласных по степени раствора); 4) первичность расщепления гласных на велярные и палатальные (и развитие этого расщепления в направлении от закрытых к открытым) [Якобсон, 1985: 113]. Как видно, выводы Р. Якобсона о первичности возникновения **лабиальных** звуков находятся в противоречии с выводами, изложенными в работе [Smith, Oller, 1981]. Однако, важно не то, какая

3. 1. 2. Морфологические единицы и структуральные концепты

Грамматика – система морфологических категорий, форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства является строевой основой языка, без которой не могут быть созданы слова, предложения и словосочетания [Шведова, 1990: 113]. Объединяя все явления формального уровня языка, грамматика имеет дело с различного рода обобщениями:

1) обобщениями способов словесного называния (словообразовательные категории);

2) обобщениями разнообразных отношений (грамматические и грамматизованные категории);

3) обобщениями ситуаций (категории синтаксического уровня).

Такого рода обобщения, или абстрактные категории не могли появиться ниоткуда. Базой для их формирования являются лексическая подсистема и синтаксис.

Вопрос о том, могли ли древние люди выразить временные, динамические, количественные и качественные отношениями между объектами и действиями, остается открытым. Во всяком случае, по мнению Е. С. Кубряковой, формирование структуральных концептов *предмет*, его *часть* и наблюдаемое *изменение* относится к довербальной ступени эволюции человека. Естественное развитие выделенных сознанием обобщений – результатов осмысления сенсомоторного, перцептивного и двигательного опыта – происходит по мере того, как перечисленные понятия получают все большую определенность и большее количество ассоциируемых с ними признаков. Так, например, концепт *предмет* формируется в наглядном опыте человека при выделении им топологических отдельностей и целостностей, компактно организованных в виде обегаемых глазом фрагментов пространства,

---

категория звуков возникает первой, важно, что одной из наиболее **значимых** оппозиций является оппозиция *лабиальные / дентальные* звуки как базовая для развития звуковой подсистемы языка.

обладающих определенными контурами и прочими физическими характеристиками. Данный концепт можно связать цепочкой переходов к феноменам *отдельности*, членимой или же нечленимой *совокупности*. Вещи и тела, лица и предмета, не меняющие долго тождества самим себе во времени и при передвижении в пространстве могут характеризоваться признаками интенционально или неинтенционально совершаемого перемещения (концепты *одушевленность / неодушевленность***)** [Кубрякова, 1995: 221].

По мнению В. Вилдгена, у истоков человеческого языка находится концепт *предмет* (*stable entity*) (наряду с концептом *действие*, фиксирующим динамические аспекты предмета, *движение*, *изменение*[75]). К ранним этапам развития языка следует отнести и появление концептуальной схемы *схватывать, зажимать в руке*[76], соответствующей ранней форме обрабатывающих действий человека (галька или камень были зажаты в руке, от них производились отщепы). Категоризация неподвижных объектов и событий, действий осуществляется в протоязыке посредством протоимен и протоглаголов [Wildgen: 10; 19]. Существительные как обозначающие стабильные сущности, которые легче идентифицируются и опознаются, подходят для того, чтобы акт референции обеспечил остановку внимания на определенной величине. Это единицы статического типа, фиксирующие наблюдаемые положения дел.

Среди первых высказываний ассертивного типа следует предположить как будущие бытийные предложения, так и более сложные пропозиции, объединяющие две разнородные величины. Со становлением концепта *предмет* и его *частей*, составляющих ситуацию, происходит расподобление разных начал в высказывании. Одно из этих начал утверждает и идентифицирует

[75] Глагол или же прилагательное со связкой возникает как единица, которая совмещает в своем значении идею *процессуальности*, и поэтому служат для характеризации предмета речи. Они указывают на временные, видовые, модальные и прочие меняющиеся свойства признака, приписываемого предмету [Кубрякова, 1978: 39].

[76] Такие действия, как х*ватание* и *сжимание* рукой можно рассматривать как базовый сценарий протоязыка (J. Piveteau) [Цит. по: Wildgen].

предмет речи, а другое характеризует его, выделяя в объекте релевантную для ситуации часть: *атрибут* объекта, его *признак* [Кубрякова, 1995: 222].

Проследить подлинную историю местоименных слов и выявить истоки их формирования не представляется возможным. Если рассматривать местоимения, в частности, указательные местоимения, как одно из средств выражения структурального концепта *дейксис*, тесно связанного с концептом *локация*, то, очевидно, придется постулировать для ранней стадии развития языка наличие средств выражения и этих концептов в виде разного рода локативных и дейктических частиц.

По данным словника ностратических и америндских языков М. Рулена, в праязыке-предке макросемей мира зафиксированы неизменяемые ***локативные*** частицы (NOSTR. *na (*locative*) = AMERIND *na ~ *ni (*locative*) [Ruhlen: 10]; NOSTR. *da (*locative*) = AMERIND *te ~ *ta (*locative*) [Ruhlen: 11] (структуральный концепт *локация*), дейктические частицы с ***указательным*** значением (NOSTR. *t□ ä *this, that* = AMERIND *ta ~ *ti *this, that, he, stage III article* [Ruhlen: 3]; NOSTR. *NA *this, that, he* = AMERIND *na ~*ni *this, that, he, here* [Ruhlen: 6] (структуральный концепт *указательность*), с диффузным указательно-определенным значением ***тот, он, другой*** (NOSTR. *mu ~ *mo *this, he, other* = AMERIND *mo *that, he, the* [Ruhlen: 5] (структуральный концепт *индивид*); с ***вопросительным*** значением (NOSTR. *mi *what* = AMERIND *mi-n ~*ma-n *who, what, where, when* [Ruhlen: 8] (структуральный концепт *вопросительность*); частицы с субъективным значением ***Я*** (структуральный концепт *родовая личность*)***, мы***; последние в ***инклюзивном*** и ***эксклюзивном*** значениях (NOSTR. *mi *I*, *ma *we inc.*, Chukchi -m let us = AMERIND *ma *I, we, we inc.* [Ruhlen: 1]; NOSTR. *na *we ex.* = AMERIND *na *I, we, we ex.* [Ruhlen: 2] (структуральные концепты *широкая родовая группа (инклюзивная множественность) / узкая родовая группа (эксклюзивная множественность*)). Заслуживает внимания синкретизм значений *я* и *мы*: одна и та же форма (NOSTR. *mi *I*, *ma *we inc.*) используется для выражения значений *родовой*

личности и *широкой родовой группы* (на древних этапах развития языка личность неотделима от рода).

Категория местоимений, по всей видимости, возникает из частиц дейктического характера одновременно с именем или позднее. Хронологически эта категория такая же древняя, как и категория *предметности* (эта точка зрения оспаривается)[77]. В работе [Николаева, 1990: 535] отмечается, что сначала в индоевропейских языках формируются указательные, личные и вопросительные[78] местоимения и лишь потом – возвратные, притяжательные, неопределенные и отрицательные местоимения. Согласно одной из точек зрения, отсутствие местоимений и флексий может свидетельствовать об архаичном состоянии языка[79], о прагматическом (иконическом) способе представления действительности в высказывании, при котором развертывание действия в порядке слов соответствует развертыванию действия в реальности. При этом само развитие флективной морфологии понимается в связи с развитием местоимений[80].

Сопоставление означающего / означаемого в грамматических структурах

[77] Ср. мнение Вяч. Вс. Иванова: «Согласно воззрениям, унаследованным от Гумбольдта и других ученых XIX в., местоимения считались принадлежавшими к древнейшим частям человеческого языка. Этому, однако, противоречит то, что местоимения усваиваются ребенком позднее других классов слов и утрачиваются ранее других элементов структуры языка при расстройствах речи. … новое понимание природы местоимений как сложных категорий, в которых перекрещиваются код (система языка) и сообщение (высказывание), заставили Р. Якобсона отказаться от традиционного представления об изначальной древности местоимений. Этот вывод согласуется с результатами типологического сопоставления индоевропейского с австралийским языком аранта в работе А. Соммерфельта, показавшего, что в таких языках, как аранта и, возможно, древнейший индоевропейский, местоимения как особый класс слов отсутствуют. Согласно гипотезе Соммерфельта, подобное явление характерно для определенного (очень архаичного) уровня развития культуры» [Иванов, 1958: 42].

[78] Ср., впрочем, мнение академика В. В. Виноградова, который склонен рассматривать вопросительное местоимение лишь как эквивалент неопределенного местоимения [Виноградов, 1986: 274].

[79] Ср. языки глухонемых, в которых нет анафорических и неопределенных местоимений: эти языки, по мнению Т. М. Николаевой, наиболее близки к первичному состоянию языка [Николаева, 1984: 113].

[80] «Флективная морфология есть результат «склеивания» глагольной или именной основы с местоимениями и именами, ставшими местоимениями» [Николаева, 1984: 113]. В такой интерпретации эволюция местоимений предстает как результат активного развития анафорики, кореференции, усложнения сообщаемого текста. Этап, предшествующий формированию флексии, характеризуется: 1) движением порядка слов от топика (темы) к комментарию (реме); 2) паратаксисом, свободной сочинительной связью, отсутствием подчинительных конструкций; 3) отсутствием флективной морфологии; 4) минимальностью анафорики; 5) зачаточным состоянием местоимений как особой категории слов. В пределах первичных текстов с редко меняющимся топиком (темой), например, в последовательном рассказе о поступках одного человека без временных и персонажных отклонений возникают более сложные тексты с делением деятелей на старых и новых, дифференцируемых через местоимения. При этом за именем старого деятеля (анафорическим) закрепляется начальная позиция, возникают конструкции SV, где S-часть выражена местоимением. Из семантического разделения имен на новые и упомянутые вытекает положение: топик не обязательно тождественен агенту, он может быть и пациенсом, и объектом. Так возникает различие топика и субъекта [Николаева, 1984: 113].

обнаруживает распределение значений: смысл *вопросительности* выражен в лабиальной зоне, *указательности* – преимущественно в дентальной зоне; *инклюзивной множественности* – в лабиальной зоне; *эксклюзивной множественности* – в дентальной зоне. Данный факт свидетельствует о дифференциации структуральных концептов в иконическом пространстве лексикона древнейшего этапа развития языка и топологической взаимосвязи с соответствующими лексическими концептами.

Итак, **самоорганизация** иконического пространства языка связана с возникновением диагностических зон гомогенного содержания, с распределением значений *активного* типа в **дентальной** зоне и, наоборот, значений *инактивного* типа – в противоположной **лабиальной** зоне (с дополнительной дистрибуцией значений лексем **велярной** зоны к семантике лексем дентальной и лабиальной зоны).

3. 2. Ностратический праязык

Термин *ностратическая макросемья* языков[81], который объединяет шесть больших языковых семей индоевропейских, афро-азиатских (семито-хамитских), картвельских, уральских, алтайских и дравидийских языков, был впервые предложен Х. Педерсеном в 1903 г. В 1964 г. В. М. Иллич-Свитыч и А. Б. Долгопольский, сравнивая индоевропейские, алтайские, картвельские и индоевропейские, хамито-семитские языки соответственно, пришли к убедительным выводам о родстве языков указанных семей [см. Иллич-Свитыч 1971, 1976, 1984; Иванов, 1984; Bomhard, 1984].

Время формирования ностратической макросемьи историки относят к археологической эпохе верхнего палеолита. При этом к ностратической совокупности[82] с центром в Передней Азии возводят большую часть языков

[81] В настоящей работе мы оперируем данными ностратического словаря В. М. Иллич-Свитыча [И], а также теми же материалами в изложении В. В. Шеворошкина [N.].

[82] На остальной территории Азии выделяют синокавказскую и австрическую совокупность с центрами в Восточной и Юго-Восточной Азии. В Тропической Африке реконструируют конго-сахарскую совокупность с

Евразии, а также Северной и отчасти Восточной Африки [Алексеев, Першиц, 2001: 191 - 192]. Показано, что языковые общности стадии раннепервобытной общины характеризуются так называемой лингвистической непрерывностью (соседние языки близки до взаимопонимаемости, а языки, относительно далеко отстоящие друг от друга, существенно различаются).

У соседних межобщинных систем **нет резко выраженной оппозиции** «*мы* / *не-мы*», которая питала бы их этноцентристское самосознание, поэтому складывающиеся культурно-языковые общности неструктурированны, расплывчаты и являются скорее протоэтническими общностями [Алексеев, Першиц, 2001: 193][83].

Носители одной из таких общностей – ностратической – не имеют земледелия и скотоводства и соответственно обозначений для культивируемых растений и одомашненных животных, кроме наименования собаки, которое также приложимо и к волку (**kujn*𝒜 волк*) [N.: 148], не имеют номинаций для лука и стрел, для обозначения эмоций и цветообозначений [Kaiser, Shevoroshkin, 1988: 314 - 315]. Поскольку лук и стрелы появляются только в мезолите, можно считать, что говорящие на ностратическом праязыке неоантропы-кроманьонцы[84] являются древнейшими охотниками и собирателями. В работе [Shevoroshkin, Ramer, 1991: 182 - 183] время существования носителей ностратического праязыка определено как 10 тыс. до н. э.; в работе [Dolgopolsky, 1994: 2838] – донеолитический период, т. е. 15 - 12 тыс. лет до н. э.

центром в области между Нилом и Нигером. Для Австралии установлено общее праязыковое состояние, но его внеавстралийский источник еще не ясен. Для Америки удалось установить связи некоторых индейских языков с языковыми сообществами Старого Света [Алексеев, Першиц, 2001: 191 - 193; см. Старостин, Бурлак, 2001].

[83] Протоэтническим общностям, тем не менее, свойственна иерархическая структура. Как показывают данные этнологии низших охотников, рыболовов, собирателей, община или ее ядро уже обладают известным культурно-диалектным своеобразием. Следующим уровнем иерархии является система взаимобрачных групп, а высшим уровнем – более широкая культурно- языковая общность ряда таких групп, ограниченная природными рубежами, например, общности яганов, алакалуфов, австралийцев-аранта [Алексеев, Першиц, 2001: 193].

[84] Ср. в этой связи известное высказывание И. М. Дьяконова: «… работа В. М. Иллич-Свитыча открывает нам эпоху верхнего палеолита, … при лингвистической доработке начатого им дела и ее археологической увязке мы узнаем, как говорил кроманьонец, и где он говорил – достижение для исторической науки огромное!» [Дьяконов, 1984: 20].

Грамматическая подсистема ностратического праязыка обладает слово- и формообразованием, синтаксис ряда грамматических элементов (местоимений, глагольных формантов, формантов относительных конструкций) является сравнительно свободным, что подтверждается превращением одних и тех же элементов в суффиксы в одних языках и в префиксы – в других [Дыбо, Терентьев, 1990: 339]. Порядок следования членов предложения относительно устойчив и имеет вид SOV. В то же время, если в качестве субъекта выступает личное местоимение, оно ставится после глагола, о чем свидетельствует наличие постпозитивного спряжения в большинстве ностратических языков. Форманты спряжения восходят, как правило, к генетически тождественным элементам, в целом совпадающим с реконструируемыми личными местоимениями[85]. Слова либо тождественны корню, либо строятся при помощи суффиксов или окончаний. Выделяют случаи словосложения типа **k'/q'awin-gulV *подмышка,* **p'erV-čujXV *палец / ноготь,* **puRa-gaCa *блоха.* Префиксы отсутствуют [Kaiser, Shevoroshkin, 1988: 315].

В категориальной сфере имени существительного в ностратическом праязыке зафиксированы следующие значения и категории:

1) *генитив, аккузатив* **(**об этом свидетельствует наличие косвенной основы на **-n, выделяют служебные слова – постпозитивные форманты **nu – для генитива, **ma – для маркированного аккузатива);

2) *одушевленность* / *неодушевленность*;

3) *множественность* (существуют грамматические маркеры *множественности*) и некоторые другие.

Функционируют показатели субъекта и объекта, локативные и лативные энклитические частицы.

[85] 1 и 2 лицо глагола формируется прибавлением местоимений 1 / 2 лица **mi / **ti к глаголу. Для глаголов 3 лица настоящего времени окончаний нет, а для глаголов 3 лица прошедшего времени существует формант **di. Глаголы делятся на активные, пассивные, каузативные, дезидеративные, рефлексивные (для большинства этих категорий имеются специальные маркеры) [Kaiser, Shevoroshkin, 1988: 315].

Местоимения различают форму прямого и косвенного падежей, категорию *одушевленности* / *неодушевленности*, форму дальнего / ближнего объекта, *инклюзивной / эксклюзивной множественности*.

Большинство исследователей, занимающихся ностратической проблематикой, считают праностратическую систему хорошо развитой, близкой к **агглютинативной** [Иллич-Свитыч, 1971; Shevoroshkin, Ramer, 1991; Kaiser, Shevoroshkin, 1988]. Ср. также мнение А. Б. Долгопольского об **аналитическом** грамматическом строе ностратического праязыка с фиксированным порядком слов: порядок следования членов предложения SOV, дополнение предшествует глаголу, глагол занимает последнее место в предложении, неместоименное определение предшествует определяемому слову, есть особая позиция для неударных местоимений. Грамматические отношения выражены при помощи порядка слов и служебных слов. Впоследствии в индоевропейских языках аналитическая тенденция сменяется синтетической тенденцией [Dolgopolsky, 1994: 2838].

Следует отметить, что интерпретация грамматических отношений ностратического праязыка сохраняет гипотетический характер в силу сложности исследования языковых фактов такой хронологической глубины [Дыбо, Терентьев, 1984: 13 - 14].

3. 3. Интеграция лексических единиц лабиальной зоны

3. 3. 1. Сценарий *Аугесцентный переход в природе и организмах*

В лексиконе ностратического праязыка развивается сложившаяся ранее тенденция соответствия определенной формы (означающего) определенному содержанию (означаемому). Сформировавшиеся еще в древнейшей системе произносительные фреймы звуков различных артикуляционных зон соответствуют определенным концептам.

Формирование концептов лабиальной зоны по данным ностратического праязыка [N.: 131 - 133; 156 - 160; 171 - 173] разворачивается в рамках сценария *Аугесцентный переход в природе и организмах*. В основе сценария и составляющих его фреймов лежит когнитивная схема *расширения* (переход от *небытия* к *бытию*).

Человек верхнего палеолита подмечает, что в природе и организме происходят процессы ***роста***: неодушевленные объекты, например, почки «***набухают***» (**bola *leaf*: IE *bhel- *leaf, to bloom*; Drav. *pol𝐴- *bloom, ripen*; ?Kart. *bal *leaf*; AA ?bl *leaf, grass*; **bonk𝐴 (descriptive) *swell*: IE *bheng□ ḫ (prob. *bhenk□-) *lump, bump, fat*; Alt. *boṇ𝐴 *fat, thick*; *chief, main*; Ural. *poṇk𝐴 / puṇk𝐴 *swelling, lump*; Drav. *ponk- *swell, boil away*; **b𝐴l/H/𝐴 *blow*: IE *bhelH´- / *bhleH´- *blow, swell*; ?Alt. *bylka- *swell, overflow*; Kart. *bēr- / *bēl- *blow, swell*; **p□ uš𝐴 (descriptive) *blow*: IE *peus- *blow, swell*; ?Alt. *pus𝐴- *blow*; Ural. *puš𝐴- *blow*; **p□ uɣ𝐴 (descriptive) *blow*: IE *pu(H)- *blow, swell*; Alt. *pō- *blow*; Ural. *pū/ɣ/a- *blow*; ?Kart. *pūl *puff of wind*; AA *pw/ɬ/ *breathe, blow*); ***расцветают, растут*** (**wi/š/𝐴 *grow*: IE *u̯eis- *grow*; Alt. *ü/s/i- *grow*; ?Ural. *wyša *green, green plants, vegetation*). Ср. также семантику: ***пузыриться*** (**p□ o/k𝐴 (descriptive) *bubble*: Alt. *poka; Drav. *pokk- / *pok𝐴); ***кипеть, бурлить*** (**p□ u(H)j𝐴 *boil, seethe*: IE *speHi- *ripen, manage in time*; Alt. *püj𝐴- / *pöj𝐴- *boil*; Ural. *püj𝐴- *boil, ripen*; Kart. *pu- *boil, rise*); ***природная растительность*** (**bola *leaf*: IE *bhel- *leaf, to bloom*; Drav. *pol𝐴- *bloom, ripen*; ?Kart. *bal *leaf*; AA ?bl *leaf, grass*; **p□ ul𝐴 *poplar:* IE *pel- *poplar*; Alt. *pula *poplar, ash*); ***высокий*** ({**berg/i/} *high, tall:* Ural. *p/i/r𝐴- *high, tall*; Drav. pēr̲ *steep*); ***растительность*** *(на* ***теле)*** (**w/o/md𝐴 *(facial) hair*: IE *uendh- *facial growth*; Ural. *(w)umt𝐴 *facial growth, fuzz*; {**/p/u/n/a} *hair:* Alt. *pünä- *wool, fluffy animal*; Ural. *puna *hair*); ***расширять*** ({**PäC/S𝐴} *widen:* Ural. *päče- *move apart, widen, untie*; Kart. *pec(l)- *open, expose*; AA *pś- *spread out*);

широкий (**p□ at𝒜 *wide*: IE *pet(H)- *wide, spread out*; Alt. *pata- *field*; ?Drav. *pāt(t)𝒜 *plot of land*; AA *pt-/*pt- *wide, open*); ***открытый*** ({*pa(n)č𝒜} *open:* Alt. *pač(𝒜)-; Ural. *pa(n)č𝒜-) – о различных феноменах мира, связанных с признаками ***роста*** (концепт *рост*).

Округлая форма прослеживается в номинациях ***живота*** (**wa/ć/𝒜 *abdomen*: Ural. *waća; Drav. *vac𝒜-) (концепт *округлый*), наименованиях процессов, напрмер, ***сгибать*** (**bu/k/𝒜 *bend*: IE *bheug(h)- (prob. *bheuk-) *bend*; Alt. *bökä- / *bükä- *bend, hump*), которые приводят в формированию предметов, имеющих дугообразную, изогнутую форму без прямых, острых углов (концепт *кривой*). Объекты, имеющие округлую форму, как правило, ***полые*** (**won/k/𝒜 *hole, opening:* Alt. *oṇ𝒜 / *uṇ𝒜 *hole, opening, hollow*; Ural. *woṇk𝒜 *burrow, hole*; Drav. *vank- *hole, opening*); связаны с обозначением анатомических особенностей **женского** организма (**p□ u/t𝒜 *hole:* Alt. *püt𝒜 *hole, vulva*; ?Ural. *put𝒜 *rectum*; Kart. *put□- *hole*; ?AA *pwt *hole, anus, vulva*) (концепты *пустой, полый, женский*).

Рост неотделим от ***большого количества***: (**wol𝒜 *big*: IE *uel- big, many; Alt. *ol𝒜- *many, very*; Ural. *wola *big*; Drav. *val / *val□ *strong, big*; AA *wl- *big*) (концепт *множество*). Увеличение живого в размерах, развитие связывается с ***рождением*** (**b𝒜r𝒜 *give birth to*: IE *bher- *give* birth, *baby*; ?Kart. *ber- *baby*; AA *br *give birth to*). Появление на свет, жизнь, существование составляют ***бытие*** (**bu/H/𝒜 *be*: IE *bheuH-; Alt. *büi-; **woɣ𝒜 *be*: Alt. *bōl- / *ōl- *be, become*; Ural. *wole- *be*; ?Drav. *ul□ (l□-) *be, be present*; AA *wɬ *spend time, be*) (концепты *рождение, бытие*). Процесс рождения осуществляется через определенное время, т. е. представляет собой ***цикличный процесс*** (**w/e/t𝒜 *year*: IE *uet- *year, old*; Alt. *ōtä- *old*; ?AA *w/t/ *year*?) (концепт *цикл*).

Свет (**bal/g/𝒜 *shine*: IE bhelg-; Alt. *balgy-; AA *blg; *b/ä/l𝒜 *light (not dark):* IE *bhel- *white, light*; ?Alt. *b/ä/li- *pale, light*; AA *bl- *light, to shine*), ***тепло***

и ***вода*** (**wet*Ä water*: IE *u̯ed- *water*; Alt. *öd*Ä- rain*; Ural. wete *water*; Drav. *ōt*Ä* / *vet*Ä moist, damp*; ?AA *wd- *moist, damp, flow*) (концепты *тепло, вода*) являются условиями жизни, ср:. *Благодаря воле, осязанию, зрению, заблуждениям, изобилию еды и питья рождается и растет тело* [Шветашватара-упанишада, III, V, VI: 594].

Анализ показывает, что в концептуальной сфере лабиальной зоны осуществляется метафорическая взаимосвязь ***роста***, ***рождения*** и «***плодов***» рождения (*рождать, быть, растить, воспитывать, расти*, *ребенок* = выросшее), ***природной растительности*** (*росток, лист, тополь* = выросшее) и «***растительности***» на теле человека (*волосы на теле* = выросшее), ***полноты***, ***изобилия*** (*большой, много* = полный, значительный) и феноменов мира (*гора*, *высокий* = выросший, «набухший»).

В структуре сценария (рис. 3.2) можно условно выделить сцену *Небытие* (*Хаос*); сцену *Переход*, которая трактуется в терминах *трансформации, метаморфозы*, *роста,* и сцену *Рождение*, интерпретируемую в терминах *рождения, бытия, завершения цикла*. Сценарий изображает *переход* от *враждебного Хаоса* к *освоенному, замкнутому пространству* **бытия.**

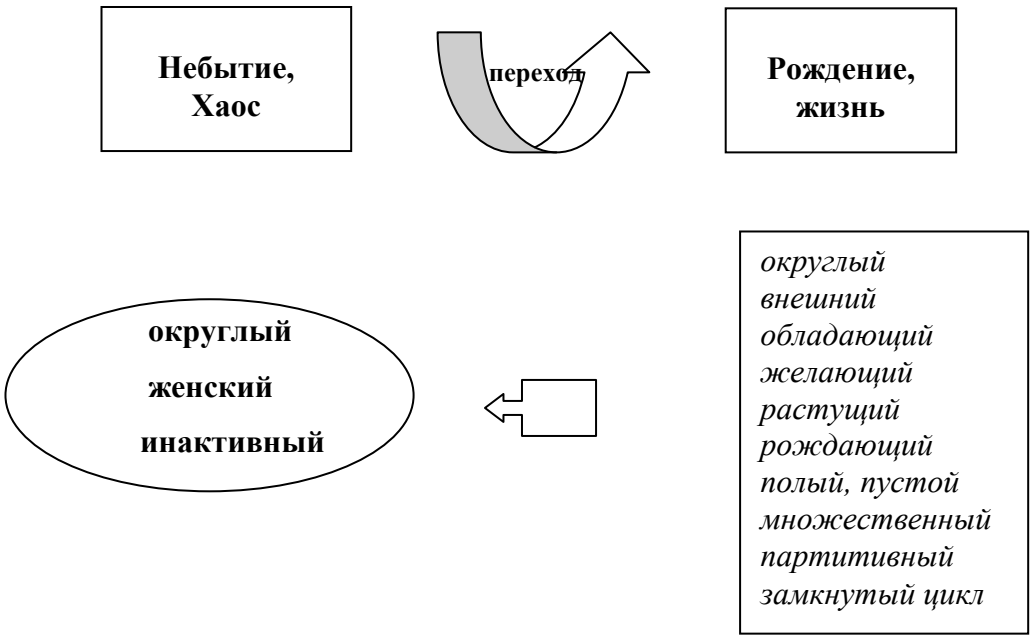

Рис. 3.2. Структура сценария лабиальной зоны

Концепты связаны с идеями *вегетации, роста, начала жизни, бытия,* перехода от «*ничего*», *небытия* к *бытию, сущему, ставшему, проявленному* состоянию и ориентированы на *округлую*[86] *форму, женское, инактивное начало,* семантику *рождения, роста, растительности*.

Специфика лабиальной зоны состоит в совмещении собственных признаков и противоположных признаков, по которым лабиальная зона **сближается с** дентальной зоной. Это обстоятельство порождено *амбивалентностью* древнейшей концептуальной системы. Наличие противоположной семантики в концептосфере лабиальной зоны можно рассматривать как проявление процессов *саморегуляции*. Эта семантика необходима для поддержания оптимального равновесия в моделях.

Противоположные концепты, вербализованные в лабиальной лексике, представлены в табл. 3.1 - 3.2 ниже.

Таблица 3.1

Лексика лабиальной зоны, реализующая содержание концептов дентальной зоны

лексемы с инициалями лабиальной зоны:			
[w]	**[b]**	**[p]**	**[p□]**
wäk*Æ strong **wär*Æ make **wed*Æ chop (with weapons) **wel*Æ battle **wi/H/r*Æ male (of species) **wo/lH/*Æ point, (cutting) edge **woj/H/*Æ force, strength ? **wa/h□ *Æ beat ?woj/k/*Æ straight {**wEC*Æ} throw **wet*Æ lead	**ba/ś/*Æ pulvarize **bič□*Æ pound, crush **bur*Æ bore, drill **b/o/rw*Æ log **ber*Æ give **ba/k□ *Æ look	**pa/k/*Æ (descriptive) burst {**p/a/r/ä} (finger-, toe-)nail {**p*Ærc*Æ} (descriptive) tear	**/p□ /a*Æ tooth **p□ ed*Æ pierce **p□ i/H/*Æ point, (cutting) edge **p□ *Ær*Æ beat **p□ il/*Æ split, splinter **p□ ur(j)*Æ grind **p□ an*Æ put, lay {**p□ *Æ*Hu} (descriptive) chop

[86] Примечательно, что слова типа *круглый, круг* имеются в большинстве как исторически засвидетельствованных, так и реконструируемых языков (термин *круглый* включен М. Сводешем в 100-словный список базовой лексики), тогда как термины *квадрат, прямоугольник* встречаются обычно в языках, отражающих достаточно высокую культуру говорящих на них народов [Милитарев, Шнирельман, 1984: 37].

Таблица 3.2

Концепты дентальной зоны в «лабиальной» лексике

Концепты	**Признаки**			
	[w]	**[b]**	**[p]**	**[p□]**
действие	*делать* *бросать* *битва* *убить* *бить* *вести*	*сверлить* *давать*		*бить* *протыкать* *молоть* *класть*
разделение		*размельчать* *разбивать*	*разрывать* *рвать*	*расщеплять* *рубить*
прямой	*прямой*	*бревно*		

Окончание таблицы 3.2

острый	*острие*		*ноготь*	*острие* *зуб*
сильный	*сильный* *сила*			
мужской	*мужчина*			
мышление		*знать*		

3. 3. 2. Прототипическая ситуация

Прототипическая ситуация, восстанавливаемая по данным лабиальной зоны, описывает занятия древнейшего человека, социальную структуру общины и связана с эпистемой *родового человека* и *родового космоса*[87]. Структурирована в виде фреймов.

Фреймы соединены в систему, отражающую те аспекты человеческого опыта, которые связаны с присваивающим типом хозяйствования. Это – ***собирательство*** (**bola *leaf*: IE *bhel- *leaf, to bloom*; Drav. *pol*Æ- bloom, ripen*; ?Kart. *bal *leaf*; AA ?bl *leaf, grass*; **wot□*Æ take:* Ural. *wotta- *take, gather*; Drav. *ott- *obtain*) (концепт *собирательство*), ***охотничьи транспортировки,***

[87] Термин *родовой космос* употребляется в работе [Яковенко, 2003: 108].

сопряженные с семантикой ***обладания*** (**bar*A take*: IE *bher- *take, carry*; Alt. *bary- *take*; **weg*A carry*: IE *u̯eg□ ɦ *carry, transport*; ?Alt. */e/gä- *carry, drag*; Ural. *wēγ*A-* / *wīγe- *carry, transport*; **/p/it*A hold:* Ural. *pitä- *hold*; Drav. *pit*A- hold, seize*) (концепт *обладание*), ***миграции*** (**wet*A lead*: IE *u̯edh-/*u̯ed- *lead, bring a wife*; ?Alt. *ud*A- follow smb.*; Ural. *wetä- *lead, pull*; **b*A*rd*A to ford, to wade*: IE *bhre/dh/- *ford, wade, wander*; Kart. *bo(r)d- *wander, be in delirium*) (концепт *движение*).

Пространственные ориентиры связаны с удаленными, *периферийными* объектами (**war*A side*: Alt. *bar *opposite side (of river);* Ural. *war*A side, edge*; Drav. *var- *side, edge;* ?AA *br- *side, country*) (концепты *дальний, периферийный*).

Древние люди занимаются обеспечением ***жизнедеятельности*** племени, осуществляют бытовые действия – ***готовят на костре пищу*** (**piš*A prepare (food):* Alt. *biš(*A*)- /*pi/š*A*/- *boil, cook, turn sour, ripen*; Ural. *pišä- *fry*; AA *p(l)š- / *bš- *boil, cook, prepare, ripe*; **p□ at*A (clay) vessel*: IE *ped- *vessel, pot*; Ural. *pata *pot*; Drav. *patal*A pot*) (концепт *пища*), знакомятся с различными функциями ***огня*** (**p□ iγw*A fire*: IE *peHu- *fire*; ?Alt. *p/eb/*A- hot, to dry;* Ural *pīwe *hot, warm;* Kart. *px(w)- *warm*; AA *pſw *fire*; **bal/g/*A shine*: IE bhelg-; Alt. *balgy-; AA *blg; **war*A burn*: IE *u̯er-; Drav. *var- *fry*; **p□ al´*A burn*: IE *pelH- / *pleH- *burn*, ?*(s)p(h)el- *shine*; Ural. pal´a- *burn*; Drav. *pal□*A- sparkle*; **p□ ä/k*A hot:* IE pek̰ᵘ- *fry, boil*; Alt. *p/ä/kü *hot*; Ural. *päkk*A hot*) (концепт *огонь*).

Номинации ***хозяйственной деятельности*** сопряжены с семантикой ***соединения, сгибания*** (**p□ u/nj*A weave*: IE *spen- *weave, spin, draw tight*; Ural. *puna- *weave, twist, spin*, *puńa- *twist, entangle*; Drav. *pun□*A- tie*; AA *pn- *rotate, weave*; **band*A tie together*: IE *bhendh-; AA *bnd; {**baH*A*} *tie together*:

Alt. *bā-; Kart. *b-) (концепт *соединение*).

Примечательны номинации, связанные с ***межродовыми отношениями***, выбором партнера (**wetA *lead*: IE *u̯edh-/*u̯ed- *lead, bring a wife*; ?Alt. *udA- *follow smb.*; Ural. *wetä- *lead, pull*; **wiλ/g/A *desire:* IE *uel(H´)- *want, choose*; Alt. *ylA- *choose*, Ural. *vāδ´A *desire*; ?Drav. *vitA- *desire*; *heat (of animals)*; ?AA *wlg *desire*) (концепт *желание*). Неоантропы осуществляют ***коммуникативную деятельность*** (**watA *speak, talk*: Ural. *wa/t/A *word*; Drav. *vatA- *babble, shout*; **bilA (descriptive) *shout*: IE *bhel- *speak, roar*; Drav. *pil□A- *shout*; Kart. *bir- *sing*), связанную с ***магическим культом*** (**p□ ir(k)A *ask, request*: IE *perk□ / *prek□- *ask, request*; Alt. *pirA- *ask, appeal to a divine being*) (концепт *коммуникация*).

Антропоморфная сфера представлена ***собственными действиями человека*** (**b/o/kA *run*: IE *bheg^{u}-; Ural. *pakA-); наименованиями ***частей тела*** (**p□ atA *foot*: IE *ped- *foot, leg*; Alt. *padak *foot, leg*; Drav. *patA *foot, step*);

семантическим полем ***нездоровья*** (**p□ e/H/jA *be sick*: IE *peHi- *be sick*; Alt. *pöjä *wound, sore*; {**wESA} *tire:* Ural. *wä/s/A-; Drav. *vēcA-; **balA *be sick*: IE *bhol- *be sick*; Alt. *bal´(A) *wound*) (концепт *слабый*); ***эмоциональной*** сферой (**pelA *fear*: IE *pel- *shake, be afraid*; ?Alt. p/e/l(A)- *not dare*; Ural. *pele- *be afraid*; AA *pl- / *bl- *be afraid*) (концепт *страх*).

Здесь же отражены ***географические*** и ***климатические условия*** жизни носителей ностратических языков (**bur(9)A *storm*: IE *bhe(u)r- *rage, storm*; Alt. *bur(g)a *blizzard, storm*; Ural. *purkA *blizzard*; Kart. *burγw- *snowstorm*; ?AA *br- *storm, wind*; **burA *dust*: Alt. *bura *dust, sand, ash*; ?Ural. *pora *dust, ash*; Drav. *purA- *dust, ash*; Kart. *b/u/rγw- *dust*; ?AA *bwr *dust, sand*).

В лабиальном фрагменте лексикона отсутствуют наименования объектов

земледелия.

Таким образом, ностратическая лексика лабиальной зоны стремится к выражению эпистемы ***родового человека***, неразрывно связанного с природой, общиной, матриархатом. При этом отражен тот фрагмент концептуальной картины мира, который связан с непроизводящим типом хозяйствования. Концепты *собирательство, миграции, быт, межродовые отношения, религиозный культ, приготовление пищи, сфера человека, феномены окружающего мира* отражают условия жизни, быт и формы хозяйства в первобытной общине, которые во многом ориентированы на *женское, «вегетативное»* начало[88].

В целом в лексике с лабиальными инициалями представлена диагностическая зона, связанная с обозначениями ***аугесцентного перехода, вегетации, роста*** живых существ и сформированная доминирующими концептами. Здесь же выражены специфические для лабиальной зоны концепты *женский, дальний, периферийный, соединение, желание, коммуникация, обладание, слабый* и некоторые другие**.**

Если представить диагностическую зону лабиальной лексики при помощи когнитивной схемы – *расширения*, она окажется сопряженной со звукосимволическим жестом *округлости* (губ) и с признаками *округлого, круглого*[89] (см. табл. 3.3). В основе этой схемы лежит представление об *увеличении* (размера, объема) объектов, явлений и т. п.

---

[88] Фреймы *война, охота, поселение* и некоторые другие являются общими для лабиальной и дентальной зон в силу большой значимости этих видов деятельности в первобытной общине. Номинации ***охоты*** / ***войны*** (**wel*A battle*: IE *u̯el- *bloodshed, to wound, kill*; Alt. *öl(*A*)- *die*; Ural. *w/e/l*A*- *kill*; Drav. *vel- *harm, kill*; **wed*A chop (with weapons):* IE *u̯edh- *prick, stab, chop (with weapon)*; Drav. *vet□ t□- *chop with weapon*; **p□ ed*A pierce*: IE *bhedh- / *bedh- (prob. < *pedh-) *pierce, stick into, dig*; Ural. *peδe- *pierce*; Drav. *pet□ t□- *stick into, insert*; AA *p(l)d- / *bd- *opening, chop, divide*; {**wEC*A*} *throw*: Ural. *wyć*A*-; Drav. *vīc-), ***временного*** и ***постоянного жилища***, зачатков ***оседлого образа жизни*** (**p□ al/9*A settlement*: IE *plH- *fortified settlement*; Alt. *palga *settlement, fenced-in area, enclosure*; Ural. *palγ*A settlement*; Drav. *pal*A settlement*; **bur*A cover, shield from light*: Alt. *bür*A*- *cover, wrap up, to darken, obscure*; Kart. *bur- *cover, darken, obscure*; ?AA *b/wr/ *night*), ***скотоводства*** (**p□ i/H/n*A graze, to shepherd:* IE *peH^{u}i-; Ural. *p¢ńa-; ?**p/ek/*A cattle:* IE *peku; Alt. *pökär; **p□ en*A dog*: Ural. *pen*A dog*; Drav. *pen□ femaƀ (of species); Kart. *pin- *dog*) и некоторые другие объединяют лексику лабиальной зоны с лексикой дентальной зоны.

[89] О связи семантики *округлого* с лабиальным фонемотипом см. [Газов-Гинзбург, 1965: 78; Воронин, 1982; Слоницкая, 1987]. По мнению ряда ученых, символизм лабиальных фонем связан со **звуковым жестом** органов рта, по возможности изображающим **округлую форму** предмета [Газов-Гинзбург, 1965: 78]. Лабиальные

Расширение как процесс включает начальную и конечную фазы и промежуточную зону между двумя «полюсами» – началом и результатом.

фонемы используются для обозначения округлых и выпяченных предметов благодаря таким чертам их артикуляции, как округление губ или их выпячивание и увеличение объема ротового резонатора [Воронин, 1982]. Ср.: «во множестве языков понятие «круглый, тупой» символизируется … губными согласными [p], [b], [w] – ср. араб. КВВ «стать выпуклым», рус. тупой, н. stumpf «тупой» и т. п. [$Л_2$: 22].

Таблица 3.3

Диагностическая зона лабиальной лексики

Концепты	**Фреймы**	**Признаки (по данным значений лексем)**			
		[w]	**[b]**	**[p]**	**[p□]**
округлый *кривой*	Знание о пространстве, поверхности, месте, объекте, ограниченном замкнутой кривой линией, все точки которой равно удалены от центра; о замкнутых областях; о предметах, не имеющих прямых, острых углов, прямых линий; знание о предметах, объектах, пространстве, имеющих дугообразную, изогнутую форму	*сгибать*	*сгибать*		
женский	Знание о женщине, лице, противоположном мужчине по полу; ее характере, физиологических особенностях				*дыра (vulva) × женский*
вода	Знание о речном, морском пространстве; потоках, струях, волнах, водной массе	*вода* *мокрый* *плыть*	*мыть* *течь* *облако*	*болото*	*пузыриться* *брызгать*
рост *множество*	Знание об увеличении живого организма, отдельных органов в процессе развития; об увеличении в числе, размерах, развитии; усилении, укреплении	*расти* *(о растениях)* *растить* *живот* *большой* *волосы* *гора*	*дуть* *набухать* *кипеть* *много* *растения* *высокий*	*волосы* *расширять* *открытый* scrotum *× мужской*	*дуть* *кипеть* *много* *растения* *волосы* *распространять* *широкий* penis *× мужской*
рождение *бытие*	Знание о появлении на свет ребенка, о жизни, существовании	*рождать* *бытие*	*рождать* *бытие*		*рождать* *ребенок*
тепло	Знание о нагретом состоянии воздуха, тел и т. д.; энергии, излучаемой святящимися газами высокой температуры, пламенем; солнцем и т. п.	*гореть* *светлый*	*светлый* *светить* *сверкать*		*огонь* *горячий* *гореть*
пустой *полый*	Знание о ничем не заполненном, лишенном содержимого объекте (пространстве)	*дыра*			
цикл	Знание о совокупности явлений, процессов, составляющих кругооборот в течение определенного промежутка времени; о законченном, замкнутом ряде (чего-нибудь), каждый раз повторяемом заново	*год*			
желание	Знание о влечении, стремлении к осуществлению чего-либо, обладанию чем-либо	*желание*			
обладание	Знание о наличии в собственности или в числе своих свойств	*собрать* *нести*	*брать* *нести*		
коммуникация	Знание о способности говорить, общении, передаче информации другим людям	*говорить*	*кричать*		*просить*
слабый	Знание о недостатке физических сил, энергии	*утомлять(ся)* *уставать*	*быть больным*		*быть больным*
дальний *периферийный*	Знание о пространстве, месте, расположенном по бокам, краям, не посередине; части чего-либо, удаленной от центра	*сторона* *падать (низ)*		*задний* *половина*	*низ* *падать (низ)*
соединение	Знание о процессе составления из многих частей одного целого; объединении; слиянии воедино		*связывать*		*связывать* *присоединять*

3. 4. Интеграция лексических единиц дентальной зоны

3. 4. 1. Сценарий *Созидание*

Формирование концептов дентальной зоны разворачивается в рамках сценария *Созидание.* В основе сценария и составляющих его фреймов лежит когнитивная схема *сужения*. Она прослеживается в семантике лексем, начинающихся на инициали дентальной зоны (*обрабатывающее действие, созидание, установление порядка*) [N.: 133 - 136; 163 - 170; 173 - 174].

По данным лексики дентальной зоны, при изготовлении орудий труда[90] важен ***осмотр*** материала, ***указание*** на предмет, ***прикосновение*** (**täk*touch:* IE *dēg-; Alt. *täg(-; Drav. *tak-), оценка его свойств ***наощупь*** (**t□ /e/m*feel, grope*: Alt. *tK/e/mi- *feel, grope*; Drav. *tim *smear, chafe skin*; **t□ ap□ *feel, grope*: IE *tep- *smear, dip;* ?Alt. *tKap *dirty*; Ural. *tappa- *feel, mould*; Drav. *tapp- *feel, grope*; AA *t□ pl*coat, to dirty*) (концепт *указание*).

Материал можно ***расщеплять*** (**cal *split, splinter:* IE *skel- *split, splinter, (cutting) edge*; Alt. *čaly *(cutting) edge, point*; Ural. *śale- *split off*; Drav. *cal- *split, splinter*; ?Kart. *cel- *mow*; AA *sl- *split, splinter, point, (cutting) edge*; **ćit *split, splinter*: IE *skeid- *split, splinter*; Drav. *cit *- to damage, break*; ?Kart. *c(l)it- *chop*; AA *śtr *split, splinter*), ***резать*** (**c□ ar *cut:* IE *sker- *cut*; Alt. *čary- *cut, tear*; Drav. *car- *cut, tear*; AA *s□ (j)r *cut, split, splinter*; **č□ ik (descriptive) *cut:* Alt. *čik *- cut, chop*; Kart. *č□ eč□ k□ *cut finely*)**, *разбивать*** (**/ć/ap□ (descriptive) *chop*: IE *skep- *chop, beat*; Alt. *čap *- chop, beat*; Ural. *ćappa- *chop, beat*; Drav. *cav *- chop off*; ?AA *sp- *beat*; {**SUT} *beat*: Ural.

---

[90] Образ жизни человека верхнепалеолитической эпохи связан с очень важными изменениями по отношению к орудиям труда и другим членам общины. В условиях жизни в обществе, основанном на труде, деятельность становится **продуктивной**, т. е. находит свое выражение в некотором вещественном продукте производства. Опыт способов осуществления деятельности с помощью орудий фиксируется не посредством специальных внутренних механизмов, передаваемых в порядке **биологической наследственности**, а фиксируется и передается из поколения в поколение во внешней форме **орудия**, средства деятельности. При этом орудия воплощают в себе способы действия с этими орудиями. Общественное содержание орудий труда наследуется последующими поколениями в порядке усвоения соответствующей общественно выработанной операции, воплощенной в данном орудии [см. Леонтьев].

s/ō/tt*- beat*; Drav. *cutt*- hammer*), ***сверлить, расщепляя*** (**te/l′/*- split, splinter*: IE *del- *split, splinter, rough-hew*; Alt. *tel′- *breakup*; ?Kart. *tal- / *tl- *cut, hew, plane*; ?AA *tl- *drill*) (концепт *разделение*), ***протыкать*** ({**C/i/ng*-} *stick into*: IE *ste(n)gh- *stick into, spike*; Ural. *č/i/ṇkä- *stick into, peck*; {**Ćak□*-} (descriptive) *poke, prick*: Alt. *čoky- *peck, hollow*; Drav. *cakk- *prick, pierce*), ***скрести*** (**t□ ar*- *rub:* IE *ter- *rub*; Alt. *tKar*- *scrape, scratch*; Drav. *tar- *break off, reduce friction*; ?AA *t□ r(r)*rub*), ***разделять*** на ***части*** (**to *two*: IE *due- *two, double*; ?Alt. */t/ö- *two*; Ural. *to-ńće *second*) (концепт *часть*).

Действия в дентальной зоне – ***упорядочивающие***, ***созидательные*** (**d/i/γ*- *put, lay:* IE *dheH′- *put*; ?Alt. */d/ī- *insert*; Kart. *d(w)- *put, lay*; AA *(w)dʃ *put, lay*; **t□ är*- *put into:* Ural. *tär*- *put into, fit in*; Kart. *t□ i(r)- *put into*; AA *?t□ r put into, fence; **t□ äp*- *put, lay*: Alt. *tK/ä/b*- *stand, place, lay*; Drav. *tapp- *put, lay*; **zap□*- *take*: IE *sep- *hold in hands, work on with one's hands*; Alt. *žapa- *take into hands, work on with one's hands*; **ta/k□*- *suitable, appropriate*: IE *dek□- *correspond, suitable, appropriate*; Drav. *takk- / *tak*- *suit, correspond*; AA *tk□ n*put in order*) (концепт *действие*).

В результате операций над объектом образуется предмет определенной формы: ***плоский*** (**t□ al/H*- *flat:* IE *telH- *flat*; Alt. *tKāla- *flat, plain*), ***прямой, вытянутый*** ({**t□ UmP*-} (descriptive) *protruding:* Alt. */tK/omp(*-)- *protruding*; Ural. *tump*- *protruding, hill*; **tel(h□)*- *long:* IE *del(H)- *long*; Alt. */t/el*- *extended, wide*; ?AA *tlh□ *long*; **šup*- *thin, fine*: Alt. *suba- *stretched, oblong*; Ural. *šupa *thin*), ***узкий*** (**t□ ij*- *narrow:* Alt. *tKyja; Ural. *t/y/ja) (концепт *прямой*).

Орудия труда[91] представляют собой рубящие, колющие инструменты – ***камень*** (?**t□ /aj/l*- *stone, rock*: Alt. *tKciāl′- *rock, stone*; Kart. *t□ aɬ *flint*),

[91] Для производства орудий труда используют резец – его употребляют для изготовления орудий из твердых материалов (кости, рога), скребло – им обрабатывают мягкие материалы (кожу, дерево), появляются составные орудия.

резец, скребло (длинная пластина), нож, острие, наконечник копья, острога, дротик и т. п. Эти инструменты имеют острый режущий край (**č□*Ar*Ā *point, (cutting) edge*: Kart. *č□ aꚉ / *č□ eꚉ *cut, chop*; AA *t□r- *point*, (*cutting*) *edge*; **/c/uj(H)*Ā thorn:* IE *sk(h)uoi- / *sk(h)ui- *thorn, pine needle*; Alt. *čüjä *pine needle, thorn, nail*; ?Kart. *cxw*Ā- awn of spike*) (концепт *острый*).

Таким образом, в сценарии *Созидание* вскрываются представления о предметах, явлениях, процессах, действиях, во многом противоположных семантике лабиальной зоны.

Сценарий представлен фреймами, связанными с идеями *действия, труда, порядка, орудийной общественной* и *индивидуальной деятельности, созидания.* Деятельность, которая приводит к удовлетворению потребности через общественные связи, представляет собой целенаправленное действие, в котором важны цель (объект деятельности) и общественно значимый результат (продукт деятельности) [см. Леонтьев].

В указанном сценарии (см. рис. 3.3) можно выделить сцену *Действие*, которая включает план действий с объектом, представление об условиях осуществления действия, и сцену *Осуществление действия*, которая интерпретируется в терминах *творения, результата действия (продукта, продукции, предмета потребления* и т. п.).

Концепты, раскрывающие содержание фреймов, ориентированы на *прямую форму, мужское, активное начало* и семантику *созидания, порядка, деятельности.*

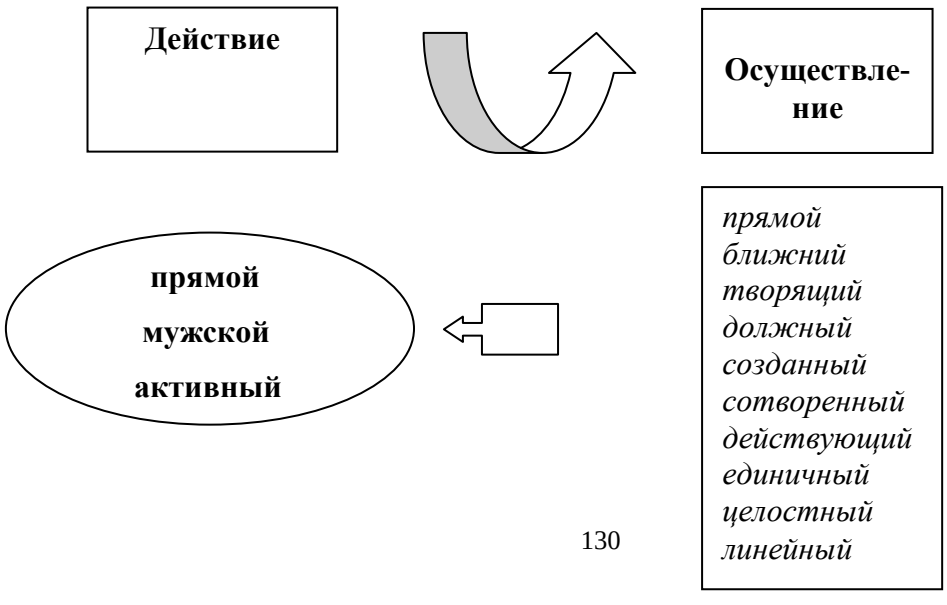

Рис. 3.3. Структура сценария дентальной зоны

Полную картину **сотворения мира** рисует индийская Космогония («Законы Ману»), согласно которой:

5. Эта (Вселенная) существовала в форме Тьмы[92]*, непонимаемой, лишенной отличительных признаков, недоступной рассуждению, умонепостигаемой, полностью погруженной, словно в глубокий сон.*

6. Тогда появился божественный ***Самосущий,*** *неразличимый, (но)* ***творящий*** *(все) это, великие стихии и прочее,* ***различимое*****, - с** ***неодолимой (творческой) силой****, разгоняющей тьму.*

7. Тот, кого может постичь (только) сверхчувственное[93]*, кто* ***тонок,*** *неразличим и вечен, кто содержит все* ***созданное*** *и непостижим, просиял по собственному (изволению).*

8. Желая ***произвести на свет*** *всевозможные существа, первым делом он* ***сотворил мыслью*** *воды и поместил в них [свое]* ***семя.***

*9. Это (****семя****) превратилось в золотое яйцо, сиявшее подобно солнцу; в этом яйце он сам родился как Брахман, прародитель всего мира.*

10. Воды назывались нара … они были его первым жилищем …

11. От этой (перво)причины, которая неразличима, вечна, реальна и нереальна одновременно, произошел на свет тот муж (Пуруша), который славен в этом мире (под именем) Брахмана.

12. Божественный восседал в этом яйце целый год; затем он сам (одной) своей ***мыслью***[94] ***разделил*** *его на* ***две половины****.*

13. И из этих половинок он ***создал небо и землю, между ними срединное пространство, восемь точек горизонта и вечное жилище вод.***

14. Из себя самого он также ***извлек ум***[95]*, который одновременно реален и нереален, а из ума –* ***самостность***[96]*, которой присуще* ***самосознание*** *(и которая)* ***царственна****.*

[92] *Тамас* – телесная и духовная тьма, косность [Законы Ману, I, 5 – 16: 113].
[93] Дух, или ум, «превосходящий чувства» [Законы Ману, I, 5 – 16: 113].
[94] *Дхъяна* – медитация [Законы Ману, I, 5 – 16: 113].

15. Более того, великого, душу и все творения, на которые влияют три качества[97]*, и, **в подобающем порядке**, **пять органов, которые воспринимают чувственные предметы.***

*16. Но **соединив** мельчайшие частички этих шести*[98]*, обладающих **безмерной властью,** с **частичками себя**, он **сотворил все существа*** [Законы Ману, I, 5 - 16: 112 - 113].

Текст и выделенные нами компоненты – *Самосущий, творящий, различимое, с неодолимой (творческой) силой, тонок, созданное, произвести на свет, сотворил мыслью, семя, мыслью разделил на две половины, создал небо и землю, между ними срединное пространство, восемь точек горизонта и вечное жилище вод, извлек ум, самостность, самосознание, царственна, в подобающем порядке, пять органов, которые воспринимают чувственные предметы, соединив, безмерной властью, с частичками себя, сотворил все существа (целостность мира)* – дают яркое представление о созидании, упорядочении, творении мыслью, действии.

3. 4. 2. Прототипическая ситуация

Прототипическая ситуация, по данным единиц дентальной зоны, отражает знание о **трудовой** и **производственной деятельности человека** в рамках присваивающего типа хозяйствования.

Охота (**t□ ap□*hit (the target):* IE *top- *reach a goal, guess*; Alt. *tKapa- *hit target, find, guess*; Ural. *tap(p)- *find, fitting, appropriate*; Drav. *tāpp- *fitting, appropriate time*; AA */t□ /p- *located, be concerned about, watch over*) (концепт *охота*) становится ведущим занятием, оставляя позади собирательство. В некоторых пещерах в период верхнего палеолита обнаружены рисунки, изображающие, скорее всего, ***ямы-ловушки***, ловчие изгороди и сети (**/c/olm

---

[95] *Ум*, или разумение (манас) в отличие от духа (Атман) [Законы Ману, I, 5 – 16: 113].
[96] *Ахамкара*, букв. *созидание Я* (ахам); начало индивидуации [Законы Ману, I, 5 – 16: 113].
[97] *Великий* (махат) – сознание; три качества – космические вещества [Законы Ману, I, 5 – 16: 113].
[98] Классы стихий [Законы Ману, I, 5 – 16: 113].

loop, noose: Alt. *čalma *loop, lasso*; Ural. *śolme *loop, knot*). Такие ловушки экономят силы охотников, делают их работу несравненно более легкой и обеспечивают значительно большее количество добычи [Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век, 1999: 51].

Развивается ***рыболовство*** (**dig*A fish*: IE *g□ hdū; Alt. */d/yga-; AA *dg [N.: 362]; **t□ u*A (fish) roe:* Alt. *tKür*A-*; Ural. *türämä) (концепт *рыболовство*).

Различают пространственные координаты, связанные с «***близкими***» предметами (**dak*A near*: Alt. *daga- / *daka- *near, follow*; Ural. *taka *near*; AA */d/k *near*), важнейшими ***ориентирами*** древнего охотника: ***солнце*** (?{**si??} *sun*: IE *seHu-; Alt. sib*A-*; **dil*A sun:* Alt. *dyl(a) *sun, year*; Kart. *dila *morning*) (концепт *ближний, центральный*); иными векторами (**z/e/w*A left*: IE *seuio-; Alt. *ž/e/b*A*; **c□ *A*r*A across*: IE *sker(t)- *across, through*; Kart. *c□ ar- *across*).

В дентальной зоне лексикона отражаются **предпосылки перехода** *от кочевого образа жизни* к *оседлому*, от *собирательства* и *охоты* – к *земледелию* и *скотоводству*, от присваивающего хозяйства – к производительному типу хозяйствования – земледелию, скотоводству, разделению труда, ремесленничеству.

В данном фрагменте встречаются наименования ***объектов земледелия:*** ***земля*** ({?**diq*A*} *earth, dirt*: IE *dheg□ hom / *g□ hdhōm < dhg□ hōm-*earth*; Kart. *diqa / *tiqa *dirt, clay*; AA *t□ ? / *t□ ɬ/ *earth, clay*), ***удобрять землю*** (**dang*A cover:* IE *dhengh- *cover, fertilize*; Ural. *taṇe- *cover*; AA *dm(n) *cover, fertilize*), ***урожай*** (**zuk*A harvest:* Alt. *žüg*A grain harvest, sustenance*; Ural. *sükeś*A fall*; Drav. *cu/k/*A- harvest, season of fruit gathering (spring)*) (концепт *земледелие*); ***скотоводства***: ***косить траву*** (**t*A*p*A cut off (plants):* Kart. *tip- / *tib- *mow, hay;* AA *tb- *cut off, straw*); ***стадо*** диких животных (**c□ ura *herd:* ?Alt. *sur*A- drive (herd)*; Ural. *śur*A herd of wild deer;* ?AA *s□ wr *herd of wild bulls, cows*; **śo/λH/*A become separated (from herd):* Alt. *salu- *become separated;* Ural.

*śōδa- *become separated from herd during mating season*; Drav. *cōt□Ѧ- *run away*) (концепт *скотоводство*); ***оседлого образа жизни*** и ***строительства*** (**ć□ abѦ *glue:* Alt. *čabѦ-; Drav. *cavѦ *clay for pottery; lubricate*; Kart. *c□ (l)eb- *glue (with a glue made from plants)*; ?AA *s□ bg*paint, dip*; **śiwѦ *smear (with clay):* Alt. *syba- *coat with clay*; Ural. *ś/y/wa- / *śawe *clay*; Kart. *sw- *smear*) (концепты *строительство, оседлость*).

Мужская часть общины (рода) (?**ta/H/jѦ *male relative*: IE *deHi-u̯ēr *husband's brother*; Alt. *tājy *male relative on mother's side*; **t□ inѦ *strong*: Alt. *tKinä-; Drav. *tin□; ?**ź́ѦlѦ *strong*: Kart. *ʒ(l)al- / *ʒ(l)el-; AA *dlĺ) выполняет ***защитные действия*** по ее охране (**šerѦ *be awake, alert*: IE *ser- *guard*; Alt. *ser´ä- *be awake, be concerned about*; Ural. *šerѦ- *be awake, alert*; **ćѦwѦ *guard*: IE *(s)keu- *guard, watch*; Kart. *c(l)aw- / *c(l)w- *take care of, guard*; **č□ѦrѦ *be concerned about, care for, worry*: IE *sterg- / *sterk- *be concerned about, watch over*; Kart. *č□ iґ *be concerned about, need;* AA *t□r, *nt□r *watch over*) (концепты *мужской, сильный, защита, обязанность*); участвует в ***межгрупповых столкновениях*** (**/ś/otѦ *curse*: Ural. *śota- / *śatѦ - *curse, swear; war*; Drav. *cat□Ѧ *swear, frighten*; **durѦ *deceive*: IE *dhu̯er(H)- *allure, deceive*; Drav. *tūr- *to slander, offend*; **š/u/dѦ *violence*: Kart. *šwd- *strangle, drown*; AA *š(w)d- *apply force*; **c□ѦmѦ *maim, cripple*: IE *skem- *mutilation*; Kart. *c□ amґ / *c□ emґ *torment*; AA *s□ mj*perish*) (концепт *война*).

Неоантропы изготавливают изделия, требующие ***специализации*** труда и известного ***мастерства*** (**silѦ *slippery*: IE *(s)lei-, *sleig-, *sleidh- *slippery, smooth*: Alt. *sil(Ѧ)- *rub, make smooth*; Ural- *silѦ- *smooth*), женщины ***шьют одежду*** (**turѦ *pierce:* Alt. *tür´Ѧ- *pierce, to thread*; Drav. *tūr- *go through an opening*; **śi/H/Ѧ *tie together*: IE *seH´i- / *sH´ei- *tie, bind*, *sH´ieu- *sew*; Ural. *ś/i/γѦ- *weave*) из специально выделанных шкур при помощи костяных ***игл***

(**/c/uj(H)*Ā thorn:* IE *sk(h)uoi- / *sk(h)ui- *thorn, pine needle;* Alt. *čüjä *pine needle, thorn, nail*; ?Kart. *cxw*Ā- awn of spike*) с отверстиями для ***нитей*** (***жил***) (**son/H/*Ā sinew*: IE *sneH´-, *sneH´u- *thread, sinew, to twist;* Alt. *sūn*Ā- stretch, extend*; Ural. *sōne *sinew*; **/s/ir*Ā sinew*: IE *ser- *thread, to thread*; Alt. *sirä- *sinew, thread, sew*; Ural. *sär*Ā- sinew, root*; Drav. *cir- *root*; AA *šr- *sinew, root*). Примечательны мотивировки: *прямой, острый, протыкать, связывать* при помощи *узких, прямых жил*.

Развитие межродовых и внутриродовых отношений предопределяет потребность в назывании процессов ***отдачи***, еще неотделимых от ***присвоения*** (**to/H/*Ā give*: IE *deH^{u}-; Alt. */t/ā- *give, receive*; Ural. *tōγe- *give, bring;* Drav. *tā- *give* (to 1st and 2nd person), stem of the imperative) (концепты *отдача / обладание*).

Появляются номинации, связанные с ***оценочной*** семантикой (**t□*Ā*b*Ā suitable, appropriate*: IE *dhabh- (prob. < *tabh-) *suitable, appropriate*; AA *t□ jb, *t□ wb *good, fragrant*; **šuw*Ā good*: IE *sū- *good*; Ural. *šüwä *good*; Kart. *šu- *befit, decorate*; AA *šw- *fitting, appropriate*), ***магическими обрядами*** (**śarn*Ā incantation, spell*: Alt. *sarn*Ā incantation, poetry*; Ural. *šarna *incantation, tale*).

Важны единицы дентальной зоны, обозначающие ***мыслительную деятельность*** человека (**san*Ā think*: Alt. *sana- *think*; Ural. *sana- *think, speak;* ?AA */š/n *speak*; **t□ an*Ā know*: IE *tong- / *tenk- *know, notice*; Alt. *tKany- *know*; Ural. *ton*Ā- know*; **zir*Ā see:* Kart. *zir- *see, find*; AA *zjr / *zrj *see, know*; **ć*Ā*n*Ā know:* Kart. *c(l)an- / *c(l)n-; AA */ś/n, *w/ś/n; **t*Ā*l*Ā deceive*: IE *del- *cleverness, perfidy*; AA *tll *deceive*; **dur*Ā deceive*: IE *dhu̯er(H)- *allure, deceive*; Drav. *tūr- *to slander, offend*; **zal*Ā secret:* Alt. *žaly- *clever, crafty*; Ural. *sala *secret*) (концепт *мышление*).

Диагностическая зона дентальной лексики базируется на когнитивной схеме *сужения* и формируется следующими концептуальными признаками: 1)

указательным пространственным координатным вектором – *прямой линией* (и объектами *вытянутой формы);* 2) сопряженным с ним указательным жестом *прикасания, касания, ощупывания;* 3) признаками *деяния, созидания, порядка, трудовой деятельности.* Здесь же представлены специфические концепты дентальной зоны: *мужской, ближний, центральный, сильный, мышление, обязанность, указание* (см. табл. 3.4).

Таблица 3.4

Диагностическая зона дентальной лексики

Концепты	**Фреймы**	**Признаки (по данным значений лексем)**					
		[s], [ś], [š], [š□], [z]	**[t]**	**[t□]**	**[d]**	**[ʒ], [ʒ́], [ź]**	**[c], [c□], [ć], [ć□], [č], [č□]**
действие	Знание о работе, занятии чем-нибудь, об усилии, направленном к достижению чего-нибудь; о том, что можно что-либо делать, изготавливать своими руками	*перцепция (запах)* *разрешать* *бить* *пронзать* *разбрасывать* *сторожить* *работать (руками)*	*перцепция (трогать)* *обрезать (растения)* *протыкать* *трясти* *давать* *подходящий*	*перцепция (ощупывать)* *бить* *бить (в цель)* *работать* *толкать* *давить* *тереть* *класть* *тянуть* *рождать (созидать)* *подходящий*	*класть*	*перцепция (видеть; ощупывать)* *хватать (пальцами)* *разбрасывать*	*колоть* *охранять* *заботиться*
разделение *часть*	Знание о разъединении на отдельные, обособленные части, распределении частей; о том, что часть отнимают от целого, выделяют из состава целого, нередко путем приложения физической силы	*свободный* *отделенный*	*рвать* *расщеплять* *два (разделение)*	*разбивать* *рубить*			*Расщеплять* *рубить* *отделять* *колючка (ноготь)* *резать*
прямой *острый*	Знание о ровно идущем в каком-либо направлении, без изгибов объекте, имеющем острый конец или режущий край; предмете, явлении, прототипическим образом которого может служить туго натянутая нить	*сухожилие*	*длинный*	*острый* *узкий* *конец (дерева)* *плоский*	*конец*	*плоский*	*острый* *горький*
мужской	Знание о мужчине, лице, противоположном женщине по полу; о его характере, физиологических особенностях		*родственник мужского пола*				
сильный	Знание о способности живых существ значительным напряжением мышц производить физические действия, движения, работу	*жестокость*		*сильный* *быстрый*		*сильный*	
ближний *центральный*	Знание о месте в пространстве, предмете, находящемся в поле зрения говорящего, близко к нему; знание о предмете, занимающем срединное положение, главном, важном для говорящего	*солнце* *сердце*[99] *высохнуть*			*близко* *солнце*		
мышление	Знание о процессах отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях	*думать* *знать*	*обманывать (умный)*	*знать*	*обманывать*		*знать*
обязанность	Знание о круге действий, возложенных на кого-либо и безусловных для выполнения						*заботиться*
отдача	Знание о том, что кто-либо доставил что-либо, принес как результат чего-либо; о предоставлении в пользование		*давать*				
указание	Знание о движении, жесте обратить внимание на кого-либо, что-либо		*касаться*	*ощупывать*		*ощупывать*	

[99] В индийской символике *сердце* рассматривается как **центр**, или жилище Брахмы, находящееся вне круга вещей [Керлот, 1994].

Лексемы, в означаемом которых представлены эти признаки, несут «центробежные», «проникающие», «активные» смыслы: ***трогать, чувствовать, ощупывать, искать, думать, знать; выступающий, острый, конец дерева*** (= *торчащий*) (**t□ ung𝒜 *butt (end of tree):* Alt. *tüṇ𝒜 / *töṇ𝒜 *butt, stump*; Ural. *tüṇe *butt*); ***прямой; плоский*** (= *обработанный*)***; обрезать растения*** (*острым, прямым объектом*), ***протыкать*** (*острым*), ***рубить*** (*острым*); ***разбивать, рвать, отделять, свободный*** (= *отделенный*); ***сердце*** (= *центр*) ({**š□𝒜ʌ𝒜} *heart:* Alt. *s/e/l(ä)mä; Ural. *šüδ´äm)*; узкий, длинный, тонкий; бить, расщеплять, обрабатывать*** (*пальцами, руками*); ***толкать, тянуть*** (**t□𝒜lk□𝒜 *push, pound:* IE *telk- *push, pound*; Drav. *tal□ l□- *push, shove*; AA *t□ lk□ *throw*; **t□ an𝒜 *pull:* IE *ten-, *tend-; Alt. *tKanu-; Drav. *tant□-; **t□ ang𝒜 *pull*: IE *tengh-; Alt. *tKaṇ𝒜-)*; давить*** (**t□ unk□𝒜 *press:* IE *tuenk- *press*; Ural. *tuṇk𝒜- *press, stuff*), ***тереть; быстрый*** (= *быстрое движение*) (**t□ u𝒜 *fast*: IE *tuer-; Alt. *tKür, *tKürgä-; Ural. *türke), ***сильный*** (**t□ in𝒜 *strong*: Alt. *tKinä-; Drav. *tin□; ?**ʒ𝒜l𝒜 *strong*: Kart. *z(l)al- / *z(l)el-; AA *d̲lɬ).

Примечательно, что в словах, обозначающих одинаковые понятия в лабиальной и дентальной лексике, в основу номинации положены разные концептуальные признаки.

Так, например, понятие *рождение* выражено и в лабиальной и в дентальной зонах. При этом в лексике с лабиальными инициалями *рождение* связывается с *рождением ребенка* (ср. **b𝒜r𝒜 *give birth to*: IE *bher- *give birth, baby*; ?Kart. *ber- *baby*; AA *br *give birth to*), а в лексике с дентальными инициалями – с *творением, созиданием* в целом (**t□ u𝒜 *give birth to*: IE *tuer- *create, hold, have*; Alt. *t`örä- *give birth, create*). В лабиальной лексике наименования *воды* (**wet𝒜 *water*: IE *u̯ed- *water*; Alt. *öd𝒜- *rain*; Ural. wete *water*; Drav. *ōt𝒜 / *vet𝒜 *moist, damp*; ?AA *wd- *moist, damp, flow* и другие)

осмысливаются иначе, чем в дентальной лексике, где *вода* предстает как *основа – «сок», содержимое, семя* плода, животного, человека[100] ({**śak𝒜} *sap*: IE *s(u)ek^{u}o- *sap, resin*; Alt. *sak𝒜- / *sag𝒜- *juice, resin, to ooze*; AA *š(w)k□ *drink*; **sul𝒜 *moist, damp*: IE *sulā *juice, a drink*; Alt. *sula *damp, moist;* Ural. *sula- *melt, melted*; Kart. *s(l)wel- *wet, moisten;* ?AA */š/wl *damp, moist, irrigate*).

Аналогичным образом могут быть представлены пары ***связывать, соединять*** *части* ***вместе*** (мотивировка *округлого*) (**band𝒜 *tie together*: IE *bhendh-; AA *bnd) / *плести, ткать, шить,* ***соединять нитью****, жилой* (мотивировка *прямого, острого*) (**son/H/𝒜 *sinew*: IE *sneH´-, *sneH´u- *thread, sinew, to twist*; Alt. *sūn𝒜- *stretch, extend*; Ural. *sōne *sinew*; **/s/ir𝒜 *sinew*: IE *ser- *thread, to thread*; Alt. *sirä- *sinew, thread, sew*; Ural. *sär𝒜- *sinew, root*; Drav. *cir- *root*; AA *šr- *sinew, root*); ***полный – множественный*** (**p□ al𝒜 *many, much*: IE *pl□ u *many*, *pleH´- *more*; Alt. *pölä-/ *pülä- *surplus, superfluous*; Ural. *palj𝒜 *many, thick*; Drav. *pal𝒜 *many*; ?Kart. *pr- *many, more*; ?AA *pl- *very*; ср. также **pał𝒜 *half*: IE *pol- *half, side*; Ural. *päłä / pēłe / *pōłe *half*; Drav. *pāl *part, section*) / ***полный – целый*** (**täng𝒜 *full*: Ural. *täṇe *full, fill*; ?Drav. *tan□- *abound in*; AA *tmm *full, whole*).

В основе когнитивной схемы *сужения* лежит представление об *ограничении* пространства, занимаемого объектом, о *пределах* роста, о небольшом размере, объеме, который занимает объект. Данные представления, равно как и топологическое «перерастание» узких предметов в прямую линию (их одинаковая размерность) изоморфны звукосимволической семантике дентальных звуков: **указательный жест,** производимый во рту языком [Воронин, 1982], репрезентирует *касательную, прямую линию*, связанную с *точкой*. Точка – место пересечения двух прямых [Ожегов, Шведова, 1996: 794]. *Точка*, как известно, олицетворяет во многих концептуальных системах *центр*

[100] Ср. символические признаковые слои концептуальной структуры слов sap *life-fluid* (blood; semen) и seed *the Mystic* ***Centre****; fertility, growth; children, human beings; words* (divine instruction); *wisdom* (the seeds of wisdom) [Vries Ad de, 1974: 400; 409].

микро- и макрокосма. По Дж. Тресиддеру, *точка* – это «центр и источник жизни, символ первичной созидательной энергии. Древний символизм точки как предельно сжатой энергии … чрезвычайно близок к современным физическим и астрономическим теориям о происхождении Вселенной» [Тресиддер, 1999: 373]. На связь *центра*, *точки* и *прямой линии* указывает их единое предназначение: «в функциональном смысле центр – это узел, стержень или ось; точка, на которой сходятся силовые линии или от которой они расходятся. … Центр – символ совокупности в метафизической концепции, согласно которой центральная точка содержит в себе в концентрированном виде энергию и суть всего, центром чего она является» [Тресиддер, 1999: 404].

Связь признаков *труда, порядка, прямой линии* и *точки,* которая прослеживается в вышеуказанных примерах, – метафорическая. Как известно, форма прямой линии издавна считается отличительным признаком организации, порядка. Хаотическая материя упорядочивается в практической деятельности человека, что выражается в придании природным предметам труда необходимой – правильной формы. В природе нет четких и жестких линий. Очевидно, что исток этого – в предметно-практической деятельности человека. Поскольку в основе трудового механизма лежит целеполагающий процесс с его важнейшим принципом – линейностью, постольку порядок стал соотноситься с геометрической правильностью, а беспорядок – с разбросанностью, неправильным соотношением частей [Категории «закон» и «хаос», 1987: 123]. По мнению Е. М. Мелетинского, форма орудий, изготовленных древним человеком, становится пластической реализацией человеческой мысли, идеи, замысла, соответствует формирующемуся эстетическому вкусу. Ощущение пропорций, симметрии порождается наблюдениями человека над техникой и ритмом трудовых операций [см. Мелетинский, 1972: 149 - 189].

Комплекс концептуальных признаков, представленных корнесловом дентальной зоны, приобретает ориентацию на передачу смысла *освоенного*

известного пространства, близости, центра, порядка, созидания, трудовой деятельности. На механизм перехода от хаотичной материи к упорядочивающим действиям указывает целый ряд глаголов схожей семантики: *расщеплять, разрезать* (чтобы упорядочить), *давить, рубить, отделять, отрезать, толкать, разбивать, протыкать, тереть*. Содержательные характеристики собственно *указательности* вскрываются на основе признаков, связанных с жестом указания: *чувствовать, ощупывать, трогать*.

Диагностическая сфера лексикона с дентальными инициалями, следовательно, может быть выражена в терминах *оформления* бытия, акта *сотворения* материи (Космоса, Вселенной, человека, сущего), противопоставленного семантике *небытия*, *Хаоса*, *вегетации*, выраженной в лексике с лабиальными инициалями. При этом можно наметить пучки символических ответвлений, которые сформируются в более поздние эпохи: *оформление, созидание, проявленность, известность, выделенность, указательность, единичность, свои, определенность* и т. п.

В отличие от сценария лабиальной зоны в сценарии дентальной зоны раскрывается та же эпистема родового человека, но **с изменившимися сценами, действиями, участниками, сущностями, отношениями, темами, окружением.** В «созидательном» сценарии представлен новый внутренний мир, направленный на ***созидание, деятельность, творение***.

В целом, сравнительный анализ лексики лабиальной и дентальной зон позволяет выявить намечающиеся оппозиции концептуальных признаков:

- *плоский / набухать*
- *высохнуть / пухнуть, вода, мокрый*
- *обрезать (растения); разбивать, протыкать, рубить, рвать / связывать, присоединять, плести*
- *острый, выступающий, конец дерева, прямой / согнутый, сгибать*
- *бить, расщеплять / быть, расти*

- *резать / расширять, распространять*
- *узкий, длинный, тонкий / широкий, открытый, большой*
- *обработанный (плоский, тонкий, узкий, гладкий, легкий) / необработанный (тяжелый, грубый)*
- *мужской (родственник мужского пола) / женский (дыра, отверстие, vulva)*
- *острие / дыра*
- *свободный (отделенный от группы) / много, два (больше, чем один)*
- *половина / полный*
- *сердце (центр) / сторона (периферия)*
- *близко / сторона*
- *земля / вода*
- *солнце / вода*
- *сильный / быть больным*
- *видеть / слепой*
- *темный / светлый*
- *лысый / волосы (на теле)*
- *молчать / говорить, кричать*
- *давать / брать*
- *солнце (огонь солнца) / огонь (огонь очага)*
- *снег / огонь* и других

и концептов:

- *прямой / округлый (кривой)*
- *мужской / женский*
- *разделение / соединение*
- *отдача / обладание*
- *обязанность / желание*
- *часть / множество*

- *ближний / дальний*
- *сильный / слабый* и других.

Эти и другие оппозиции в совокупности составляют **основу** концептуальной матрицы иконического пространства ностратического праязыка[101].

3. 5. Интеграция лексических и морфологических единиц и смыслов

Интеграция лексических и морфологических единиц лабиальной / дентальной зоны иконического пространства ностратического праязыка состоит в следующем.

Грамматические структуры, относящиеся посредством инициали к **лабиальной** зоне, стремятся к выражению структуральных концептов, «продолжающих» семантику лексических концептов. При этом комплекс лексических концептов лабиальной зоны, базовыми из которых являются *округлый, кривой, рост, множество, пустой, полый, вода, тепло, рождение, бытие, цикл, женский, слабый, дальний, периферийный, желание, обладание, соединение, коммуникация,* интегрируется с основными структуральными концептами категориальной сферы существительного и местоимениями. К последним относятся концепты *родовая личность* (1 лицо ед. ч.), *широкая родовая группа (инклюзивная множественность), вопросительность* (преобладают *инактивные* признаки).

Напротив, морфологические структуры **дентальной** зоны стремятся к передаче содержания концептов *индивид* (2 лицо ед. ч.), *узкая родовая группа (эксклюзивная множественность), локация, указательность,* будучи связанными с лексическими концептами *прямой, указание, часть, действие,*

[101] Характерно, что многие оппозиции признаков могут быть выражены в рамках одной артикуляционной зоны, например, *прямой* / *округлый, давать* / *получать, соединять* / *разделять*. Это свидетельствует о том, что лексикон и концептуальная матрица иконического пространства в ностратическом языке отражает концептуальную систему с известным уровнем **амбивалентности** понятий и представлений, обусловленным принципами категоризации действительности в языках макроколлективов глубокой древности.

разделение, мужской, сильный, острый, ближний, центральный, мышление, обязанность, отдача (/ *обладание*) (в основном представлена семантика *активности*) (см. табл. 3.5).

Таблица 3.5

Основные местоимения ностратического праязыка [Иллич-Свитыч, 1971: 6 - 9], распределенные по артикуляционным зонам

Категория	**Морфологические единицы с инициальными:**		
	лабиальной зоны:	**дентальной зоны:**	**велярной зоны:**
1 л. ед. ч.	****mi**[102] *я:* алт. bi *я (*осн. косв. пад. mina-); урал. mi *я (*осн. косв. пад. mina), и-.е. me *я* (осн. косв. пад. mene), карт. me / mi *я* (осн. косв. пад. *men-)		
1 л. мн. ч. инклюзив	****mä** *мы с вами*: алт. bä- 1 л. мн. ч. эксклюзив (функция вторична) (осн. косв. пад. mä-n), урал. mä- / me- 1 л. мн. ч.; драв. mă̈- осн. мест. 1 л. мн. ч.; и.-е. me-s 1 л. мн. ч.; картв. m- показатель объекта, 1 л. мн. ч.; инклюзив; с.-х. m (n) 1 л. мн. ч.; инклюзив (чад.))		
1 л. мн. ч. эксклюзив		****nA** *мы без вас:* драв. nām *мы (с вами)*; инклюзив (функция вторична); и.-е. ne- / nō *мы* (осн. косв. падежей); картв. naj *мы*, показатель объекта 1 л. мн. ч.; эксклюзив (сван.); с.-х. nah□ nu, n̶ *мы* (самост. и аффикс; эксклюзив (чад.))	

[102] В данной части работы мы анализируем грамматические структуры с инициалями, не являющимися непосредственно объектом изучения, в частности, инициалями [m], [n], [l] по той причине, что эти грамматические структуры релевантны с точки зрения содержания, представляют собой важнейшие местоимения и форманты ностратического праязыка.

Окончание таблицы 3.5

2 л. ед. ч.		****t□ i / ****Si** *ты:* алт. ti- *ты* (монг.); si- / sen- (тюрк.); si- (тунг.); урал. ti *ты* (осн. косв. пад. tū-); драв. -ti суфф. 2 л. ед. ч.; ?-is, суфф. 2 л. ед. ч. (брагуи); и.-е. te (acc.) *ты* (осн. косв. пад. teu̯e); -s, суфф. 2 л. ед. ч. в глаголах; картв. se- / si- (осн. косв. пад., *swe- в притяжат. форме šwen < *č-swen); с.-х. ʾan-t𐤀 *ты;* t-, аффикс 2 л. ед. ч. субъекта в глаголах	
2 л. мн. ч.		****t□ ä** *вы:* алт. ?ta *вы* (монг.); урал. tä *вы*; и.-е. -te, аффикс 2 л. мн. ч.; с.-х. ?t(𐤀) *вы*	
указательное местоимение одушевленного класса		****šä** *он*: алт. ?s_1(ä) осн. притяж. мест. 3 л.; урал. šä- *он*; и.-е. so-, sā *он, она*; картв. ?-s_1-, осн. указат. мест.; ?-s, показатель 3 л. ед. ч.; с.-х. š𐤀 *он*	
указательное местоимение неодушевленного класса		****tä** *этот, тот:* алт. tʿä- *тот;* урал. tä- *этот;* драв. tā-; и.-е. to- / te- *этот, тот;* картв. ?te- / ti- *этот, тот* (мегрел.); с.-х. ?t𐤀- указат. мест. ж. р.	
вопросительное местоимение неодушевленного класса	****mi** *что:* алт. mi- *что* вопросит. частица (тюрк.); урал. mi *что*; драв. ?mida (кайкади), mi (бургенди) *что*; и.-е. mo- осн. вопросит. наречий; картв. maj *что*; с.-х. m(j) *что*; *кто*		

Ностратическое местоимение **mi *я* обозначает *родовую* личность, еще не отделенную от рода, поэтому в индоевропейских языках это местоимение

становится основой **косвенных** падежей, не выделяющих личность как самостоятельное начало. Такая семантика хорошо согласуется с выводами по диагностическому смыслу лабиальной зоны. *Mi – это *Я* как член рода, *зависимый* от него.

Древнейшее значение **инклюзива** (местоимение с инициалью лабиальной зоны [m] **mä *мы с вами*) подразумевает включение слушающих в состав группы (*мы* + *вы*). Речь при этом идет о группе (роде), объединяющей качественно разнородные подгруппы (половины) с включением в состав группы еще и ***чужих*** [см. Савченко, 1960: 13 - 15]. Напротив, семантика **эксклюзивной** группы (местоимение дентальной зоны **n𝐴 *мы без вас*) исключает слушающих из состава группы (*только* ***свои***). Такая трактовка позволяет связать древнейший структуральный концепт *широкая родовая группа (инклюзивная множественность*) с инициалями **лабиальной** зоны, а концепт *узкая родовая группа (эксклюзивная множественность)* – с инициалями **дентальной** зоны.

В различных языках ностратической макросемьи противопоставление *инклюзив* / *эксклюзив* утрачивается, и формативы могут «меняться местами». Так, например, в грузин.-зан. языках показатель *m- вытесняет показатель *n-; в уральских языках также обобщается основа **mä. В индоевропейских языках местоименная основа 1 лица мн. ч. *me- сохраняется в армянском и балто-славянских языках: арм. mek’, литов. mes, ст.-слав. my *мы* [Иллич-Свитыч, 1971: 53; 56]. В целом в индоевропейских языках основы на [m] и [n] сохраняются с **новым распределением функций.** *Mä- выполняет функцию приглагольного местоимения и первоначально используется в **номинативе**, а *n𝐴- используется в **косвенных** падежах.

Сходство ностратической основы 1 лица мн. ч. *mä *мы с вами* с основой 1 лица ед. ч. *mi *я* предполагает весьма древнее родство обеих морфем. Как считает В. М. Иллич-Свитыч, форма 1 лица инклюзивной множественности рассматривалась, по-видимому, как **немаркированная форма**

множественности от местоимения 1 лица ед. ч., а форма эксклюзивной множественности являлась самостоятельной местоименной основой [Иллич-Свитыч, 1971: 56].

При анализе показателей прямой формы *множественности* имен существительных (см. табл. 3.6) обращает на себя внимание тот факт, что *одушевленное* / *неодушевленное* представление *множественности* «привязано» к дентальной зоне. В индоевропейском языке этот показатель категории *множественности* существительных отсутствует – устранение суффикса **NA связано с расширением функций форм с собирательным значением *l/a/ и *SA; в уральских языках формант одушевленного класса **-NA был частично вытеснен показателем *множественности* имен неодушевленного класса **-t𝒜 [Иллич-Свитыч, 1971: 96].

Показатели локатива (локативные частицы) начинаются на инициали **дентальной** зоны.

Таблица 3.6

Основные аффиксы падежа и числа в ностратическом праязыке [Иллич-Свитыч, 1971: 10 - 12]

Категория	**Морфологические единицы с инициальными:**		
	лабиальной зоны:	**дентальной зоны:**	**велярной зоны:**
множественность (прямая форма имен одушевленного класса)		****-NA:** алт. *-na / *-nä суфф. мн. ч. одуш. имен; урал. ?*-N𝒜, мн. ч. обладаемого при притяжательных аффиксах; и.-е. отсутствует; картв. – en / -n, суфф. мн. ч. имен (первоначально одушевленных) в прямом падеже; с.-х. -ān, суфф. мн. ч. имен одушевлен. класса	
множественность (имен неодушевленного класса)		****-t𝒜:** алт. *-t суфф. мн. ч.; урал. –t, суфф. мн. ч. именит. – вин. пад.; и.-е. отсутствует; картв. -t-, суфф. косв.	

		пад. мн. ч. (функция вторична); с.-х. -āt, суфф. мн. ч. имен неодушевлен. класса	

Окончание таблицы 3.6

множественность (косвенная форма)			(и.-е. ***-i,** первоначально косвенная форма мн. ч. местоимений)
падеж субъекта и неопределенного объекта	алт. ø, урал. ø, драв. ø, и.-е. ø (в гетероклит. склон.), карт. ø, неоформл. пад. (др.-грузин.)		
косвенный падеж (суффикс косвенной формы имен и местоимений)		****-n**: алт. суфф. косв. формы имен и местоим.; урал. суфф. косв. формы имен и местоим. (> суфф. gen.); драв. -(i)n, суфф. косв. формы имен (> суфф. gen.); и.-е. *-(e)n суфф. косв. формы имен; с.-х. *-n, показатель gen. и косв. пад. (вост. и зап.-кушит.)	
суффиксальные формы маркированного прямого объекта	****mA:** алт. -ba / -bä , суфф. маркированн. определенн. объекта (тунг.); урал. -m*A*, суфф. определенн. объекта (ед. ч.); драв. -m, суфф. маркирован. объекта; и.-е. *-m, суфф. акк. ед. ч. имен одушевленного класса		
частица направительного значения (латив)			****К□*A***
локативная частица		****na**: и.-е. *en / *n препозитивная и постпозитивная	

		локативная частица	
локативная частица		****da**: и.-е. *-D / *-eD суффикс аблатива местоимения и о-основы	

Сравнительный анализ показывает, что диагностическая зона, реконструированная для ранних этапов развития языка, в лексиконе ностратического праязыка значительно расширилась. Тенденции аттракции – давления системы на новые формирующие структуры – приводят к втягиванию в иконическое пространство схожих по значению лексем и морфологических единиц.

Диагностическая зона лабиальной лексики, включающая лексические концепты *округлый, кривой, рост, множество,* структуральные концепты *родовая личность*, *широкая родовая группа (инклюзивная множественность), вопросительность***,** в процессе аттракции пополняется лексическими концептами *пустой, полый, рождение, бытие, цикл, тепло, женский, слабый*, *вода, дальний, периферийный, желание, обладание, соединение, коммуникация.*

В концептосферу дентальной зоны *прямой, указание, часть, локация, указательность, индивид* (указательно-определенное значение), *узкая родовая группа (эксклюзивная множественность*)) в ностратическом лексиконе втягиваются лексические концепты *действие, разделение, мужской, сильный, острый, ближний, центральный, мышление, обязанность, отдача / обладание.* Структуральный концепт *индивид* дифференцируется (указательно-определенное значение > 2 лицо ед. ч.).

Таким образом, лексические концепты оказываются взаимосвязаны со структуральными концептами. Их топологическая связь может быть рассмотрена как «иконизация» морфологических структур, самоподобие лексического и грамматического в иконическом пространстве языка.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Предпосылки самоорганизации иконического пространства коренятся в исходной психофизической данности человека. Освобождаясь от индексальности и иконичности «языка» животных, разрывая непосредственную, холистическую связь между звуком, жестом и объектом (ситуацией), звуковая речь не освобождается от «биологических корней».

2. База иконических знаков естественного языка заложена в сфере анатомии и физиологии человека и обусловлена действием наиболее общих когнитивных принципов – принципа *соответствия* структуре мира и принципа *экономии* (E. Rosh). Принцип *соответствия* структуре мира требует, чтобы звуковые подсистемы были максимально приближены к структурам мира, т. е. объектам, отношениям, действиям, которые объективируются и вербализуются в языке. В процессе коммуникации отбираются и сохраняются лишь те звуки и звуковые системы, которые являются наиболее релевантными, отражают необходимые для успешной коммуникации свойства, обеспечивают максимум информации. Таковыми являются *прототипы* звуков дентальной, лабиальной и велярной артикуляционных зон (R. Anttila).

3. Возникновение базовых оппозиций иконического пространства обнаруживается на ранних стадиях развития языка в ходе анализа данных, полученных посредством реконструкции «всемирных этимологий» (М. Рулен).

4. Самоорганизация иконического пространства языка связана с возникновением диагностических зон дентальной и лабиальной лексики, с распределением значений *активного* типа в дентальной зоне и, наоборот, значений *инактивного* типа – в противоположной лабиальной зоне. Оппозиции концептов *прямой / округлый (кривой); мужской / женский; разделение /*

соединение; обязанность / желание; часть / множество; ближний / дальний; сильный / слабый и других, закрепленные за лексикой разных артикуляционных зон, составляют **основу** концептуального содержания иконического пространства.

5. Свидетельством дифференциации структуральных концептов в иконическом пространстве лексикона и топологической взаимосвязи с соответствующими лексическими концептами является распределение смысла *вопросительности* – в лабиальной зоне, *указательности* – преимущественно в дентальной зоне; *инклюзивной множественности* – в лабиальной зоне; *эксклюзивной множественности* – в дентальной зоне.

6. В качестве прототипических значений закрепляются фоносемантические значения *указательного жеста* и *округлости*, связанные с когнитивными схемами *сужения* и *расширения*. Впоследствии на базе этих концептов, которые в известном смысле можно рассматривать как *протоконцепты*, формируются обширные концептосферы, включающие взаимосвязанные лексические и структуральные концепты, организованные по *сценарному* принципу.

7. В лексиконе ностратического праязыка развивается сложившаяся ранее тенденция *соответствия* определенной формы (означающего) определенному содержанию (означаемому). Сформировавшиеся еще в древнейшей системе произносительные фреймы звуков различных артикуляционных зон соответствуют определенным концептам.

8. Фрагменты лексикона и грамматикона в иконическом пространстве ностратического праязыка ориентированы на определенное содержание. Наблюдается максимальная *дифференциация* доминирующего смысла дентальной / лабиальной артикуляционных зон**.** Стремление к бинарности и однородности содержания, представленное в рамках лексикона в виде *матрицы коррелирующих дифференциальных признаков* (И. Б. Хлебникова), обеспечивает оптимальное равновесие языковой системы.

9. Формирование концептов лабиальной зоны ностратического праязыка разворачивается в рамках Сценария *Аугесцентный переход в природе и организмах*, а концептов дентальной зоны – в рамках сценария *Созидание*.

10. В отличие от сценария лабиальной зоны в сценарии дентальной зоны раскрывается та же эпистема родового человека, но с изменившимися сценами, действиями, участниками, сущностями, отношениями, темами, окружением. В «созидательном» сценарии представлен новый мир, направленный на *созидание*, *деятельность*, *творение*.

11. Интеграция лексических и морфологических единиц лабиальной / дентальной зон иконического пространства ностратического праязыка состоит в том, что грамматические структуры, относящиеся посредством инициали к определенной зоне, стремятся к выражению структуральных концептов, «продолжающих» семантику лексических концептов этой зоны.

12. Ряд признаков, представленных в рамках одной зоны, оказывается полностью противоположен ее семантике и сближает данную зону с противоположной зоной. Наличие такого рода каналов, через которые поступает «энергия» противоположной зоны, представляет собой компенсаторные, саморегулирующиеся явления в лексике, необходимые для поддержания оптимального равновесия в системе. Архаические тенденции развития системы в виде пересечения полярной семантики в рамках одной зоны сохраняются на всех этапах развития языка. Они, в известной мере, обусловливают возникновение *интегративных концептов*.

ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ ИКОНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ПРАЯЗЫКЕ И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

4. 1. Общеиндоевропейский праязык

Общеиндоевропейский праязык – это язык-основа индоевропейской семьи языков, одной из крупнейших семей языков Евразии.[103] На данном языке индоевропейцы говорили примерно 6 - 5 тыс. лет до н. э. [Дыбо, 2003: 67] (5 тыс. лет до н. э. [Wat.: 144]).[104] Пространственные диапазоны индоевропейских языков охватывают территорию от побережья Атлантического океана на западе до Центральной Азии на востоке и от Скандинавии на севере до Средиземноморья на юге [Топоров, 1990: 189]. Индоевропейцы распространяются в Европу, а через Нижнее Поволжье – также и на восток по степному поясу Евразии и на юг до Северной Индии[105] [Алексеев, Першиц, 2001: 289].

[103] В состав индоевропейской семьи языков входят хеттско-лувийская, или анатолийская, группа (в Малой Азии); индийская, или индоарийская группа (северная половина Индийского субконтинента, о. Ланка); иранская группа; тохарская группа; армянский язык; фригийский язык; фракийский язык; иллирийская группа; албанский язык; венетский язык; греческая группа; италийская группа; романская группа; кельтская группа; германская группа; балтийская группа; славянская группа [Топоров, 1990: 186 - 188].

[104] Абсолютная хронология этапов развития индоевропейского языка и культурной общности индоевропейцев не может считаться окончательно установленной. Гипотеза В. А. Сафронова раскрывает длительные этапы эволюции данного языка в связи с миграционными процессами индоевропейцев и ареалами их обитания. Этапам и ареалам соответствуют археологические культуры – эквиваленты этапов эволюции индоевропейской культуры, генетически связанные между собой: 1) раннеиндоевропейская прародина расположена в Малой Азии с археологической культурой Чатал-Хююк (VII - VI тыс. до н. э.); 2) среднеиндоевропейская прародина – на Северных Балканах с культурой Винча (V - IV тыс. до н. э.); 3) позднеиндоевропейская прародина в Центральной Европе с культурой Ледьел (4000 - 2800 гг. до н. э.) и культурой воронковидных кубков (3500 - 2200 гг. до н. э.) [Сафронов, 1989].

[105] Область достаточно раннего распространения индоевропейских диалектов лежит в полосе от Центральной Европы и Северных Балкан до Причерноморья (южнорусские степи). Вместе с тем, выдвигается гипотеза, согласно которой начальный центр иррадиации этих языков и соответствующей культуры лежит на Ближнем Востоке, в достаточно близком соседстве с носителями картвельских, афразийских (семито-хамитских) языков и, вероятно, дравидийских и урало-алтайских языков. Индоевропейская речь такого раннего локального центра, как Юго-Восточная (или Центральная) Европа или Ближний Восток, должна была представлять достаточно единое лингвистическое образование, которое вполне может претендовать на роль индоевропейского праязыка, или индоевропейского языка-основы [Топоров, 1990: 189]. Регулярные соответствия, которые обнаруживаются между формальными и содержательными элементами индоевропейских языков, могут интерпретироваться как результат существования исходного единства (индоевропейский праязык или совокупность древнейших индоевропейских диалектов) или ситуации языкового союза, возникшего как следствие конвергентного развития ряда первоначально различных языков. Такое развитие могло привести к тому, что эти языки стали характеризоваться типологически сходными структурами [Топоров, 1990: 189].

В ходе неолитической революции осуществляется переход от присваивающего хозяйства (собирательство, охота) к производящему хозяйству (земледелие, скотоводство). Основным занятием индоевропейцев становится пашенное земледелие, земля обрабатывается при помощи упряжных пахотных орудий (рала, сохи). Скот используется в качестве основной тягловой силы, животноводство обеспечивает людей продуктами – молоком, мясом, сырьем. Орудия из камня шлифуются, сверлятся, появляется глиняная посуда, прядение, ткачество [Советский энциклопедический словарь, 1982: 876]. Происходят весьма значительные изменения в концептуальной картине мира, осмыслены значения чисел, семантика звездного неба [Керлот, 1994].

Неолитическая революция становится истоком первого поколения цивилизаций в Египте, Месопотамии, Индостане, Китае (V - III тыс. - конец II тыс. до н. э.), что знаменует прорыв от предыстории к истории.[106] Ранние государства двигают цивилизацию вширь [Пелипенко, Яковенко, 1998]. И хотя первые государства создают индивида, государственность формируется вокруг модели **родового космоса**. Государство осмысливается и переживается как модификация **Рода**, разросшегося и сильно изменившегося, но не утратившего исходных характеристик. Магический космос характеризуется амбивалентными сущностями. Процессы эволюции[107] приводят к невозможности интегрировать

[106] В конце IV тыс. до н. э. классовые общества появляются в Египте и Месопотамии, в середине III тыс. – в Индии, во II тыс. – в бассейне Эгейского моря, в Малой Азии, Финикии, Южной Аравии, Китае, в I тыс. – на большей части территории Старого Света. С точки зрения периодизации всемирно-исторического процесса, появление первых цивилизаций было концом первобытной истории человечества. При этом меняются как социальные отношения (отношения к собственности, праву, трудовой деятельности, родству), так и производственные и культурные формы. Семейная община распадается, уступая место соседской (сельской) патриархальной общине. Важнейшей нормой взаимозащиты и взаимоответственности была кровная месть, развиваются отношения патроната – клиентеллы. Для всех докапиталистических классовых обществ характерны нормы патриархального всевластия главы семьи над домочадцами, а старшей женщины – над женской частью семьи. В семейном быту как древних, так и средневековых обществ существовал своего рода культ мужчин и культ старших [Алексеев, Першиц, 2001: 290; 304-305].

[107] Эпоха самостоятельного развития индоевропейских языков представляет собой **переходный этап** от модели родового космоса к теоцентристской модели, связанный с кризисом средиземноморского мира в результате нашествия «народов моря» (1200 г. до н. э. - VII в н. э.). Он порождает общества переходной эпохи. Мышление меняется, картина мира преобразуется, возникают глобальные оппозиции *добро / зло, свет / тьма, свои / чужие*. Космос выстраивается вокруг полярно разведенных, этически маркированных категорий *Добро* / *Зло*. Манихейская революция (III в. н. э.) фиксирует новую картину мира. Возникают религии спасения, формулируется идея *Абсолюта, добра, должного* – духовной первоосновы сущего. Рождается новый человек (*паллиат*), родовые ценности вытесняются на периферию культурного сознания. В переходную эпоху Ойкумена разделяется на Восток и Запад. При этом формируются мировые религии, христианский, исламский,

картину мира в рамках родовой модели, что и предопределяет упадок ранних цивилизаций [Яковенко, 2003: 107].

Появление классов, неравенства, религии, разделения труда, научных воззрений во многом отражается в лексиконе индоевропейских языков.

Грамматический строй общеиндоевропейского языка уже в значительной мере трансформирован по сравнению с ностратическим. Дофлективный общеиндоевропейский язык состоит из глагольно-именных или местоименно-наречных слов-корней, определяющих друг друга и образующих синтагмы и предложения. При этом используются такие средства, как порядок слов, расстановка ударения и некоторые расширители. Собственно *флексия* и более поздние категории индоевропейского языка к этому времени еще не появились [см. Иванов, 1965; Шмальштиг, 1988; Шилдз, 1990].[108] Аналитическая стадия общеиндоевропейского языка с отдельными чертами изолирующего строя[109] [Топоров, 1990: 189] развивается на основе стадии *аналитизма* и *агглютинации* ностратической системы [Дыбо, Терентьев, 1990: 339; Dolgopolsky, 1994: 2838];

буддистский мир перемалывают варварскую стихию, продвигают государственность вширь [Яковенко, 2003: 108].

[108] Согласно одной из точек зрения на природу общеиндоевропейского языка, выделяются три этапа его развития: раннеиндоевропейский, среднеиндоевропейский и позднеиндоевропейский периоды. В грамматическом строе раннеиндоевропейского языка изолирующего типа корень, состоящий из одной морфемы, равен слову, производное значение формируется в словосочетании с другим корнем или частицей-модификатором. Словоизменение отсутствует, а грамматические значения выражаются или порядком слов, или словосочетанием со служебными словами; части речи не имеют формального различия. В синтаксисе наблюдается структура предложения с указанием взаимозависимости и места его членов, определяемая так называемым законом Ваккернагеля; роль частиц и превербов; наличие полнозначного статуса у слов, позже превратившихся в служебные элементы [Топоров, 1990: 189]. В среднеиндоевропейский период осуществляется переход от агглютинативного строя типа индонезийского к несложно-флективному строю типа древнеегипетского (по некоторым источникам, агглютинативный строй сменяется флективным при переходе от **раннеиндоевропейского** к **позднеиндоевропейскому** [см. Булыгина, Крылов, 1990: 552]). В морфологической подсистеме появляются раздельная флексия имени и глагола, два прямых падежа, общий и средний род. В позднеиндоевропейский период строй языка трансформируется от развито-флективного строя (типа классического арабского) к фузионно-флективному строю (типа древнеиндийского). В морфологии следует говорить о флективном выражении числа в имени, формировании генитива, женского рода, дательного, творительного, местного и отложительного падежей, двойственного числа. В тематических основах происходит фузия темы и окончания [Андреев, 1957: 18].

[109] Против трактовки индоевропейского праязыка как языка изолирующего типа выступает М. М. Гухман: она полагает, что «первоначальная стадия языков, определяемых как индоевропейские, по-видимому, не характеризовалась закономерностями аморфного языкового типа; наоборот, как бы далеко мы ни зашли в нашей реконструкции, известные особенности индоевропейской морфологии образуют предел, далее которого нельзя идти, если мы хотим оставаться в рамках индоевропейской языковой системы» [Гухман, 1947: 103].

ср. другое мнение – на основе *корнеизоляции* и отсутствии морфологии[110] [Андреев, 1957: 18].

Переход от активной стадии общеиндоевропейского праязыка к номинативной стадии связывается с трансформациями в способе кодирования действительности на грамматическом уровне. По мере того, как важность субъекта действия «вызывает к жизни» его маркирование при помощи именительного падежа на дентальный *-s (событийное начало в предложении делается все весомее), перестает ощущаться нужда в репрезентации конкретных прагматических значений, связанных с целостной ситуацией действия. Выделяются переходные / непереходные глаголы, появляется грамматический род (лишенный «естественного содержания») и флексия, маркирующая разнообразные отношения между словами в предложении.

Для категориальной сферы имени и местоимения общеиндоевропейского праязыка характерна относительно простая падежная система с дальнейшим развитием косвенных падежей из ранее непарадигматических образований, например, из синтаксического сочетания имени с послелогом, частицей. Существует гетероклитическое склонение, которое совмещает в одной парадигме разные типы склонения. Вероятно наличие неопределенного падежа (casus indefinitus). Известная близость номинатива на *-s и генитива с тем же элементом предполагает единый источник этих форм – эргативный («активный») падеж, признаваемый многими исследователями. Ср. мнение, высказанное в работе [Beekes, 1985: 203] о том, что в индоевропейском языке генитив-аблатив на -ós функционировал как эргативный падеж [см. также Шеворошкин, 1957: 89 - 90]. Противопоставляются *активный / инактивный* классы, дающие впоследствии трехродовую систему (через стадию двухродовой системы).

Консервация *активного / инактивного* классов засвидетельствована в индоевропейских языках в подсистеме местоимений. В частности, в германских

[110] В смысле отсутствия разветвленной системы флексии.

языках эти концепты реализуются в супплетивных образованиях вопросительных (др.-англ. hwā / hwæt), указательных (гот. so / þæt[111]) и личных (да. ik / me, wē / uns) местоимений.

4. 2. Динамика иконического пространства

Центральные тенденции в процессах самоорганизации иконического пространства общеиндоевропейского праязыка сводятся к формированию **максимально дифференцированных диагностических** зон с четкой закрепленностью одно-однозначного соотношения формы / значения на уровне лабиальной, дентальной, велярной лексики[112]. Эволюция лексикона, обусловленная появлением новых объектов и явлений и новых понятий для них, приводит к коренной трансформации лексико-семантической системы, которая проявляется на этапе самостоятельного развития индоевропейских диалектов.

Концептуальные отношения, сложившиеся в иконическом пространстве ностратического праязыка, в общеиндоевропейском праязыке подвергаются дальнейшей специализации. При этом каждый фрагмент лексикона, начинающийся на определенную инициаль, ориентируется на означаемое, присущее только данному фрагменту. Начинается процесс самоорганизации *интегративных концептов*, который проявляется в виде периферийных тенденций.

В лабиальной зоне **лексика с инициальным [w]** выражает семантику ряда концептов, связанных с диагностической зоной смысла.

Развитие указанных концептов разворачивается в рамках сценария лабиальной лексики. Ср. наличие концептов *округлый* (*u̯endh *вращать*: арм.

[111] Об едином источнике супплетивных форм на [s] / [t] – форме на инициальный [t] см. [Heller, 1956: 7].

[112] В данной главе формирование системных зон в иконическом пространстве общеиндоевропейского лексикона ограничено материалом **лексики на инициальный [w].** Процессы, протекающие в других моделях, аналогичны процессам, изучаемым в анализируемой модели.

gind *кольцо*, др.-англ. windan *крутить* [M: 828]; *u̯eib *кружить*: лат. vibrō *вибрирую*, готск. weipan *увенчивать* [M: 813]; *u̯eip/b *вращать(ся):* др.-инд. vépate *дрожит*, готск. biwaibjan *обвивать* [M: 812]; *u̯erg *вертеть*: др.-инд. vr□ n□ akti*вертит*, нид. werken *коробиться* [M: 837]; *u̯ī̆r *вертеть*: греч. ιᾶριϛ *радуга*, др.-англ. wír *металлическая проволока* [M: 802]; *u̯ī̆t *вертеть*: лат. vītilis *крученый*, готск. kunawida *оковы* [M: 803]; *u̯reit *вертеть*: лит. riẽsti *катать*, др.-англ. wrîðan *вертеть* [M: 847]; *u̯el, u̯lē *вертеть*: арм. gelum *верчу*, готск. walwjan *катать* [M: 821]), <u>*кривой*</u> (*u̯reiĝ *кривой*: греч. ῥ̩αιβόϛ, др.-фриз. wrāk *кривой* [M: 844]; *u̯ăt *сгибать*: лат. vatāx *кривоногий*, ср.-вн. wade *икра (ноги)* [M: 792]; *u̯e(n)k *гнуть*: др.-инд. váñcati *изгибается*, др.-англ. wóh *кривой* [M: 817]; *u̯reiḱ *вертеть*: греч. ῥ̩οιχόϛ *кривой*, ср.-нн. wrîch *изогнутый* [M: 845]; *u̯eik/g *сгибать*: лат. vinciō *связываю*, готск. waihsta *угол* [M: 810]; *u̯eng *согнутый*: др.-инд. váŋgati *хромает*, ср.-вн. winken *качаться* [M: 829]), <u>*рост*</u> (*u̯erdh, u̯redh *расти*: др.-инд. várdhati *растет*, др.-исл. rǫskinn *выросший* [M: 856]; *u̯eis *распускаться*: лат. vireō *зеленеть*, др.-исл. vísir *отросток* [M: 814]), <u>*вода*</u> (*wed-[1] *water; wet* [Wat.: 95]; *u̯eg̑[u], u̯ğ̑[u] *мокрый*: греч. υ̩γρόϛ *мокрый*, др.-исл. vǫkr *мокрый* [M: 798]; *u̯elg *мокрый*: русск. *волгнуть*, др.-сакс. wolkan *облако* [M: 825]; *u̯elk *мокрый*: др.-ирл. folcaim *мою*, др.-вн. welh *мокрый, вялый* [M: 824]; *u̯es[3] *мокрый*: умбр. vesticatu *libato*, др.-англ. wós *сырость* [M: 861]; *u̯eis[3] *течь; жидкость:* лат. vīrus *сок, яд*, др.-исл. veisa *болото* [M: 816]), <u>*тепло*</u> (*u̯er[7] *гореть, жечь*: арм. varim *горю*, готск. warmjan *согревать* [M: 854]), <u>*цикл*</u> (*wet-[2] *year* [Wat.:101]), <u>*бытие*</u> (*u̯es *быть, жить*: др.-инд. vásati *живет,*

существует, готск. wisan *быть* [M: 859]; ср. *wes-[3] *to live, dwell, pass the night,* with derivatives meaning *to be:* Lat. Vesta *household goddess,* Gr. astu *town (< place where one dwells),* OE wæs *was,* Old Norse vesa *to be* [Wat.: 101]).

При этом некоторые концепты, отсутствующие в модели [w]-лексики в ностратическом лексиконе, но свойственные лабиальной зоне в целом, в общеиндоевропейском праязыке регенерируются, например, концепт *соединение* (*(s)u̯er *присоединять*: лит. vérti *вдевать*, др.-англ. weorn *отряд* [M: 830]; *u̯edh *связывать*: др.-ирл. fedan *упряжка*, готск. gawidan *связывать* [M: 795]; *u̯eg *вязать*: др.-ирл. figim *тку*, др.-англ. wice *фитиль* [M: 796]; *u̯ebh *плести, ткать*: греч. ὑφή *ткань*, др.-вн. weban *ткать* [M: 793]). Развивается ряд концептуальных признаков и производных концептов, которых не было на предыдущем этапе, например, формируются концептуальные признаки *высокий* (*u̯ers *выступающий, высокий*: лат. verrūca *бородавка*, др.-англ. wearr *мозоль* [M: 833]; *u̯er *высокий*: лат. varix, др.-вн. werna *узел вен* [M: 831]; *u̯erd *выступающий, высокий*: перс. balū, др.-вн. warza *бородавка* [M: 832]) (концепт *рост*)); *крутить, вращать*[113] и концепт *становление* (*u̯ert *вращать, становиться*: лат. vertō *вращаю*, готск. wairþan *становиться* [M: 843])[114].

В концепте *рост* изменяется признак *большой* (ср. ностр. **wol𝐴 *big*: IE *u̯el- big, many; Alt. *ol𝐴- many, very; Ural. *wola big; Drav. *val / *val□ strong, big; AA *wl- big [N.: 331]). Происходит развитие семантики *большой > сила,*

[113] Указанные признаки (*крутить, вращать*) были выражены в модели лексики с инициальным [p□]: **p□ u/nj𝐴 *weave*: IE *spen- *weave, spin, draw tight*; Ural. *puna- *weave, twist, spin*, *puńa- *twist, entangle*; Drav. *pun□𝐴- *tie*; AA *pn- *rotate, weave* [N.: 354].

[114] Развитие концепта осуществляется на базе признаков *цикл, кругооборот, трансформация в новое состояние* (*to befall, to become < to turn into* [Wat.: 99]). При этом сближаются концепты *цикл* (*период* времени, *год*) и *округлый* (*круг, круго-оборот*). *Круг* очень тесно связан с замкнутым циклом (*год*) посредством признаков *кругооборота* (Земля вращается вокруг Солнца, совершая полный цикл за год), *замкнутости, законченности*: конец года совпадает с началом нового года. Это особенно ярко проявляется в архаической картине мире, где «время воспринимается пространственно, ‘год’ отождествляется с небом, солнцем, землей и т. д. …». «‘Год’ – это не период времени, а вечно светящееся небо…», он «семантизируется как небо, как круг, как солнце и мрак, зима и лето …». Год может восприниматься и в солярном, и в вегетативном смысле, обращаясь при этом «в круговоротный пространственный отрезок увядания и расцвета растительности, смена неизменности становится циклом, т. е. округлым временем» [Фрейденберг, 1997: 72].

власть: и.-е. *u̯al, u̯ald(h) *сила, власть*: лат. valeō *могу,* готск. waldan *господствовать* [M: 789]. Переосмысливаются связи в цепочке *большой > сильный > властный, обладающий физической и / или моральной возможностью активно действовать, распоряжаться кем-либо, подчинять своей воле.* При этом в лексике лабиальной зоны формируется концепт *власть*, связанный с физической и духовной силой[115] [о соотношении *силы* и *власти* см. Buck: 295].

В **тематической** сфере развиваются концепты, связанные с ***религиозными представлениями***: *u̯eik *выделять; священный*: лат. victima *жертва*, др.-вн. wîh *священный* [M: 808]; *u̯at *душевное возбуждение*: лат. vātēs пророк, др.- вн. wuoten *безумствовать* [M: 791] (концепт *магия*). Устные молитвы, обращения к божеству и другие ритуальные акты играют значительную роль в религии индоевропейцев, ср. *weg^{w}h- *to preach, speak solemnly*: Lat. vovēre *to pledge, vow* [Wat.: xxxii; 96].

Возникает концептуальная область социальных отношений, связанных с ***родом*** (*weik-[1] *clan (social unit above the household)*: Lat. vīlla *country hose, farm,* Gr. oikos *house*, and its derivatives oikiā *a dwelling*, oikēsis *dwelling, administration* [Wat.: 97]), ***брачными*** и ***межродовыми*** отношениями в общине и раннем классовом обществе (*u̯ed(h) *вести; жениться*: лит. vedù веду, *женюсь*, др.-вн. widemo *приданое* [M: 794]; *u̯adh *залог*: лат. vas *поручитель*, готск. wadi *залог* [M: 785]) (концепты *род, брак*).

Характерен концепт *движение* и его признак *вести*[116] (ностр. **wet*Ä lead*: IE *u̯edh- / *u̯ed- lead, bring a wife; ?Alt. *udÄ-follow smb.; Ural. *wetä- lead,

[115] По Э. Бенвенисту, развитие значения очень часто происходит от *вздутия* к *силе, господству* или *благоденствию*, например, греч. κυεῶ *быть беременной, носить во чреве,* κῦμα *вздувшиеся (волны),* κῦρος *сила, господство,* κύριος *господин* [Бенвенист, 1995: 345].

[116] «Чтобы сказать, что мужчина ‘берет жену’, в индоевропейских языках употребляются формы с глагольным корнем *wedh- ‘вести’, в частности, ‘привести жену в дом’. Этот особый смысл выявляется на основе близких соответствий между большинством индоевропейских языков; в кельтском ареале это вал. dy-weddio, далее слав. vedǫ, лит. vedù, авест. vádayeiti; а также производные: и.-ир. vadhū- ‘молодая жена’, гр. héedna … ‘свадебный

pull [N.: 333]), на базе которых формируется концепт *брак* (жену «приводят» в дом мужа).

Развивается структуральный концепт *неопределенно-обобщенная множественность:* *we- *we:* OE wē *we* [Wat.: 95]; *wŏs *you* (plural): Lat vōs *you* [Wat.: 102], неразрывно связанный с семантикой ***рода*** и отношениями в ***парной семье***. Примечательна аттракция этого концепта в лабиальной зоне: в ностратическом праязыке фигурирует местоимение с инициалью лабиальной зоны [m] (**mä *мы с вами*), которое выражает структуральный концепт *широкая родовая группа (инклюзивная множественность*).

Кроме того, в модели [w]-лексики в ностратическом праязыке зафиксирована реализация противоположных концептов, свойственных лексике дентальной зоны. В общеиндоевропейском языке концепты, свойственные противоположной дентальной зоне, сохраняются, обусловливая *смешение* и *взаимодействие* концептов двух зон. Их признаки представлены лексемами *u̯eidh *отделять*: лат. dīvidō *отделяю*, готск. widuwo *вдова* [M: 807] (концепт *разделение*); *u̯eik[2] *бороться*: лат. vincō *побеждаю*, готск. weihan *бороться* [M: 809] (концепт *борьба*); *u̯erĝ, u̯reĝ *делать*: греч. εᾶργον *труд*, др.-сакс. wirkian *работать* [M: 857] (концепт *действие*); *u̯es[4] *острый*: лит. usnìs *чертополох*, др.-вн. ort *острие, угол* [M: 862] (концепт *острый*); *u̯eĝ *сильный*: др.-инд. vāja- *сила* , др.-исл. vekja *будить* [M: 797] (концепт *сильный*); *wĭ-ro- *man*: Lat. vir man, OI fer *man*, OE wer *man* [Wat.: 101] (концепт *мужской*). Последнее существительное представляет собой производное от и.-е. корня *u̯ei̯, u̯ī *охотиться; быть сильным:* др.-инд. véti *преследует*, др.-исл. veiðr *охота* [M: 805] (ср. *weiə- *to go after something, pursue with vigor, desire*, with noun forms meaning *force, power* [Wat.: 97]). Фреймы, продолжающие вышеуказанную

подарок’. Такой вид имело выражение в наиболее древний период, и, когда в некоторых языках обновилось обозначение понятия ‘вести’, новый глагол также унаследовал значение ‘жениться’» [Бенвенист, 1995: 164].

семантику, структурируют, в частности, концепты *охота, война* (*u̯el *рвать, ранить, губить*: лит. vėlės *духи умерших*, др.-англ. wæl поле *битвы* [М: 823]; *u̯en *бить*: арм. vandem *разрушаю*, готск. wunds *раненый* [М: 784]). Налицо пересечение концептов *мужской, охота, сильный, власть* и некоторых других, входящих в сценарий дентальной лексики.

Наблюдаются различного рода переходы значений. Так, например, на базе признака *крутить* развивается семантика *обмана, хитрости, обольщения* (*u̯ī̆l *крутить, хитрить*: лит. vielà *проволока*, др.-исл. véla *обольщать* [М: 801]; *u̯reng *крутить, хитрить*: лит. rangùs *гибкий*, др.-англ. wrenc *хитрость* [М: 838]) (концепт *обман*). Последний концепт оказывается связан с концептосферой, отражающей область ***преступления*** и ***наказания*** (*wei-[3] *vice, fault, guilt*: Lat. vitium *fault, vice* [Wat.: 96]; *u̯erg, u̯reg *гнать, преследовать*: лат. urgeō *напираю*, готск. wrikan *преследовать* [М: 867]; *u̯leis *стегать, бить*: др.-ирл. flesc *лоза*, готск. wlizjan *бить, наказывать* [М: 822]) (концепты *вина, преследование, наказание* и другие).

В [w]-лексике топологическая взаимосвязь лексических концептов *округлый, кривой, рост, вода, тепло, цикл, бытие, соединение, становление, власть, магия, род, брак*, структурального концепта *неопределенно-обобщенная множественность* и **взаимодействие** с лексическими концептами *разделение, борьба, действие, острый, сильный, мужской, охота, война, обман, вина, преследование, наказание*, способствуют возникновению **интегративного концепта**, связанного с семантикой *физической* и *духовной силы, власти, рождения, становления*, с одной стороны, и *обмана, преступления, вины, наказания, антагонизма*, ведущего к *смерти*, с другой стороны. Лексика на [w], таким образом, становится рамкой для выражения *начала* и *итога жизни, возрождения* и *смерти, рода*, не выделяющего личность как самостоятельное начало.

Равным образом, прослеживаются изменения во всех фрагментах лабиальной зоны. В целом, **лабиальная** зона представляет несколько изменившийся «вегетативный» сценарий.

В **дентальной** зоне обнаруживаются аналогичные изменения. В целом здесь реализуется «созидательный» сценарий (как и в ностратическом праязыке). Вместе с тем, определенные фрагменты, в частности, с инициальным [dh], реализуя исходный сценарий (ср. *dhē *ставить*: др.-инд. dádhāti *ставит*, др.-англ. dóm *делаю* [М: 131]; *dhēig^{u} *рыть, устанавливать:* лат. fīgō *устанавливаю*, др.-англ. dík *канал* [М: 136]; *dherbh *трудиться*: лит. dìrbti *работать,* др.-англ. deorfan *трудиться, гибнуть* [М: 149]) (концепт *действие*), развиваются по сценарию лабиальной зоны. Последний тесным образом связан с семантикой ***жизни*** (*dhu̯es *дышать*: лит. dvesiù *дышу*, готск. dius *животное* [М: 155]), ***роста*** (*dheb *толстый, плотный*: русск. *дебелый*, ср.-вн. tapfer *толстый, важный* [М: 133]), ***кривого*** (*dhel *изгиб, свод*: русск. *долина*, готск. dals *долина* [М: 138]), ***инактивного*** (*dhē^{2} *ослабевать*: лат. fatīgō *устаю*, др.-исл. dási *ленивый* [М: 132]), ***женского*** (*dhēi *сосать*: др.-инд. dháyati *сосет*, готск. daddjan *кормить грудью* [М: 135]) (концепты *бытие, рост, кривой, слабый, женский*).

Таким образом, в иконическом пространстве общеиндоевропейского праязыка в результате концептуальных трансформаций прежние содержательные связи внутри фрагментов лексикона и между его фрагментами коренным образом преобразуются. Старые связи распадаются, но формируются новые. Процессы самоорганизации приводят к возникновению *согласованности, когерентности, коллективного поведения* хронологически разделенных единиц, функционально разных лексических и грамматических единиц, *синхронизации* процессов концептуального развития.

Сценарии, по которым развивается иконическое пространство ностратического праязыка, в общеиндоевропейском праязыке претерпевают трансформацию, связанную с развитием концептуальной картины мира.

Эволюция иконического пространства приводит к формированию **закрытых** и **открытых** фрагментов лексики, через которые транслируются только определенные виды информации. В конечном счете, переход концептов из одной зоны в другую предопределяют появление *интегративных концептов,* отражающих возросшую сложность кодируемых отношений реальности. В этой связи можно говорить об этапе общеиндоевропейской языковой древности как о своеобразной «точке бифуркации», которая маркирует переход к новой концептуальной картине мире.

Наиболее ярко феномен *интегративности* концептов прослеживается в иконическом пространстве «потомков» общеиндоевропейского праязыка, в частности, в древнеанглийском языке.

4. 3. Древнеанглийский язык

Древнеанглийский язык, возникающий из англо-фризских наречий, которые входили в состав западногерманской группы языков, принадлежит к германским языкам, относящимся к западной ветви индоевропейской семьи языков. Со времени переселения англов, саксов и ютов в Британию (449 г.) их язык оторвался от континентальных германских диалектов и пошел в своем развитии особыми путями. С этого времени (V в.) и начинается история английского языка [Ильиш, 1958: 36; Смирницкий, 1998: 20; Бруннер, 2003; The Anglo-Saxons, 1991].

Концептуальная картина мира, восстанавливаемая по данным древнеанглийского языка, существенно отличается от картины мира общеиндоевропейского и общегерманского праязыков. Тысячелетия, которые отделяют древнеанглийский язык от его далеких предков, включают неолит, бронзовый и железный века, эпоху родовой общины и классообразования. Уже давно зародилась частная собственность, общественные классы и государственность, уравнительное распределение вытеснилось трудовым

[Алексеев, Першиц, 2001: 12 - 13]. Основные этнические общности классообразования – объединения племен как этносоциальные организмы – хорошо известны по античным и раннесредневековым источникам (латиняне, сабиняне древнейшего Рима, германские племена англов, саксов, баваров, тюрингов и других общностей, восточно-славянские племена). В ходе процессов классообразования объединения племен и соплеменности перерастают в первый исторический тип этнических общностей классовых обществ – народности. Его примером являются раннесредневековые государства германцев, например, в Британии или Европе. В них надолго удерживались остатки догосударственного этнического деления, сохранявшие и только очень постепенно изживавшие диалекты, культурно-бытовые особенности и самосознание [Алексеев, Першиц, 2001: 287- 288].

По И. Г. Яковенко, в цивилизациях эпохи паллиата, нового человека (VII – XVI вв.) возникает новая *теоцентристская* модель, построенная на религии спасения. Она приходит на смену модели родового космоса и связана с церковью, призванной быть посредником между человеком и Богом, и новым подспудно формирующимся принципом *личностности*, индивидуального человека. В Средневековье христианская цивилизация разделяется на католический и православный мир, на исходе эпохи паллиата возникает самая рационализированная и индивидуалистическая ветвь христианства – протестантизм [Яковенко, 2003: 109].

Важнейшими вехами на пути развития английского языка, тесно связанного с вышеуказанными процессами в культурной и социальной истории Англии, являются римское завоевание (I в.), скандинавские нашествия (VIII – XI вв.), норманнское завоевание (XI в.). Интенсивные контакты германских племен, переселившихся в Англию, с другими народами налагают свой отпечаток на развитие и последующую эволюцию английского языка [см. Шапошникова; 1999; Jespersen, 1954; The Cambridge History of the English Language, 1992].

В ходе письменной истории английский язык претерпевает структурную эволюцию от флективного синтетического типа к аналитическому типу, совмещающему неяркие признаки *корнеизоляции* и *агглютинации*. Признаки *корнеизоляции* включают развитие моносиллабизма как ядерной характеристики лексической подсистемы; преобладание аналитической техники в соединении означающих в слове; аналитизм в структуре предложения. Признаки *агглютинации* связаны с наличием довольно большого количества аффиксальных моделей; агглютинативной техники соединения морфем в аффиксальных образованиях. «Неяркость структурно-типологических характеристик древнеанглийского языка по сравнению с родственными индоевропейскими флективными синтетическими языками дает основания предположить, что ко времени появления письменных памятников в древнеанглийском языке уже прошли определенные изменения *системного* характера …» [Шапошникова; 1999: 30 - 31]. Несомненно, развитие[117] иконического пространства лексикона в значительной мере связано именно с процессами системной перестройки языка.

[117] В ранненовоанглийский период в XVI – XVII вв. на Севере Европы рождается новое динамичное общество, ядром которого становится *автономная личность*, и соответствующая модель автономного человека утверждается постепенно во всем мире. При очередном изменении картины мира разрушается средневековая теоцентристская парадигма, на ее место приходит личность. Отныне право на выбор составляет ядро культурного космоса личности. Вехами революции личности являются Ренессанс, Реформация, ранние буржуазные революции, Просвещение. Революция личности запускает глобальный процесс перехода от эпохи паллиата к эпохе *личности* [Яковенко, 2003: 110]. Иконические основы лексикона затемняются. В известном смысле можно связать этот процесс с более широкими культурными и межэтническими тенденциями развития английского общества.

4. 4. Интеграция иконических единиц лабиальной зоны

4. 4. 1. Интегративный концепт фрагмента лабиальной зоны ([w]-лексика)

4. 4. 1. 1. Концепты *пустой, Хаос, вода, женский*

Процессы самоорганизации структур в иконическом пространстве древнеанглийского языка связаны, прежде всего, с *аттракцией* – втягиванием в системные зоны схожих лексических / грамматических элементов, а также с процессами сильного взаимодействия топологически организованных областей смысла.

Смысловое разнообразие сопровождается подчинением элементов низших уровней *доминанте смысла*, или параметру порядка. Гетерогенные языковые единицы (или их компоненты) образуют гомоморфные структуры, назначением которых является репрезентация *доминантного смысла*. В результате происходит возникновение устойчивых смысловых полей, или *интегративных концептов,* отражающих сопричастность различных объектов и явлений действительности.

Система интегративных концептов, вербализованных в иконическом пространстве древнеанглийского языка в моделях лабиальной, дентальной и велярной зон, кратко характеризуется в параграфе 4. 7.

Ниже мы рассмотрим три **базовых** *интегративных концепта*, представленные в моделях [w], [h], [s]-лексики. Выбор для анализа именно этих фрагментов обусловлен специфическими закономерностями: лексика с инициальными трех артикуляционных зон – [w], [h], [s] – является наиболее «протяженной» по объему, включает наиболее частотные лексемы

индоевропейского происхождения, отражает информацию, наиболее релевантную для древнего мышления.

Анализ единиц, входящих в совокупность лексики с инициальным [w], показывает, что в древнеанглийском языке в данном фрагменте лексикона выявляются признаки, в совокупности «выходящие» на фрагмент концептуальной картины мира германцев и индоевропейцев, связанный с *началом* и *концом (итогом) жизни*, с *Хаосом, смертью* и *возрождением*. Это та сфера, где мироздание начинается и заканчивается, это *Судьба* и *Рок*, *Личность*, не отделенная от *Природы* и *Рода*, модель формирования *родового Космоса*, возникающего из *Хаоса*.

Хаос[118] – это лоно всех вещей, бесформенное, амбивалентное состояние мира, где перемешаны все будущие потенции и стихии [Василькова, 1999: 87]. Ср. греческую «Теогонию»: *Прежде всего во вселенной* ***Хаос*** *зародился, а следом Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный ...* [Теогония, 116 – 117].

Хаос – это *Бездна*, *Пустота*, *отсутствие* жизни, *Тьма* (др.-англ. wan *want, lack;* wana *want, lack, absence; want of necessaries, lack, want, defect;* wan *wanting, absent; lacking, not possessed of; less;* wana *wanting, lacking, absent; destitute of, without something; not complete, deficient* (концепт *пустой*), ср. производные wan-sceaft *misfortune, misery, unhappiness; some form of disease*; wan-sped *poverty, indigence*; wan-spēdigness *indigence, poor*; wanung *wailing, lamentation*; wanung *a making less, a growing less, a lack, want, defect*; wann *dark, dusty, sable, lurid, livid* (*темный*)) [ср. концепты *бытие* и *бездна* в: Мак.: 34 - 45; 68 - 70]. Абстрактное существительное wan *want, lack* означает *недостаток, нехватка, отсутствие (чего-либо), потребность, необходимость, нужда* и связано с глаголом wanian *to make less, lessen, diminish, curtail; to weaken, impair, injure; to wane, become less, decrease, diminish; to decline, decay* (*уменьшать(ся), убывать, вянуть, погибать*).

[118] О *Хаосе* и *порядке* в науке и языке см. [Шушков, 1999; Арутюнова, 2003; Логический анализ языка. Космос и Хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка, 2003; Пойзнер, 2003].

Признаки *отсутствие, уменьшение, упадок*, ведущие к *исчезновению* (*погибать*), рассматриваемые на макроуровне, составляют существенную черту концепта *Хаос*.

Актуализацию признаков концепта *Хаос* как пустого, незаполненного пространства, оплодотворяемого духом или словом Божьим, находим в древнеанглийском изложении Священного Писания: пустынное пространство – будущая материя изначально скрыта в темноте и лишена жизни: Ne wæs her þa giet nymþe heolstersceado **wiht** geworden, ac þes **wida** grund stod deop and dim, drihtne fremde, idel and unnyt *Не было здесь тогда еще ничего, кроме темной тени сотворено, но эта обширная земля была бездонной и черной, господу чуждой, пустынной и бесплодной* [Genesis: 103 - 111]. Смысл *Пустоты*, связанный с началом всего сущего, в вышеприведенном микротексте имплицируется посредством прилагательного wīd *широкий, обширный* и существительного wiht *вещь, существо*, а также формируется всем контекстом, включая глагол бытия с отрицанием (ne wæs), существительное heolstersceado *a shadow that hides* (< heolstor *darkness, a veil, covering*) и прилагательные негативной семантики (о земле – deop, dim, fremde, idel, unnyt). Характерно прилагательное wīd, восходящее к и.-е. корню *wi- *apart, in half*: OE wīd *wide* (< *far apart*); wiþer *against* [Wat.: 101] и реализующее концепт *разделение*.

Такое представление о *Пустоте* вскрывается на материале фрагмента древнеанглийского лексикона, рассматриваемого с точки зрения иконического кодирования действительности. Но подлинное представление о *Хаосе* как пустынной *Бездне* [Элиаде, Кулиано, 1997: 93] раскрывается в скандинавской «Эдде» посредством лексемы на инициальный [g]:

Ár var alda þar er Ýmir bygði,
vara sandr né sær né svalar unnir,
jörð fannsk æva né upphiminn,
gap var **ginnunga**, en gras hvergi

В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря, земли еще не было и небосвода, ***бездна сияла****, трава не росла* [Völuspá: 3; Вёлюспа: 121] (бездна Гиннунгагап (**gap** var **ginnunga**)).

Хаос – это не только *Мировая Бездна* и бесконечное пространство, но и *мгла*, *туман*, *океан*, *вода* (концепт *вода*) [см. Мак.: 76 - 78]. Вода может «замещать» собой образ первичной неупорядоченной субстанции [Постовалова, 1988: 62]. Так, в скандинавском эпосе вода осмысливается как *Хаос*, с одной стороны, и всеобщий принцип *рождения*, с другой стороны, являясь то ***ключом*** под древом высоким [Велюспа: 122]; то мутною влагой, росой и источником, то морем, волной и ладьей, ср.:

Ask veit ek standa, heitir Yggdrasill
hár baðmr, ausinn hvíta auri;
þaðan koma döggvar þærs í dala falla;
stendr æ yfir grœnn **Urðar** brunni

Ясень я знаю по имени Иггдрасиль, древо, омытое, ***влагою мутной; росы*** *с него на долы нисходят; над* ***источником Урд*** *зеленеет он вечно* [Völuspá: 19; Велюспа: 122]; (*Урдабрунн, источник Судьбы под корнями древа* [Велюспа: 127]); ср.: ***источник*** *славный Мимира* [Велюспа: 123]; Kjóll ferr austan, koma munu Muspells / um lög lýðir, en Loki stýrir … *С востока в* ***ладье*** *Муспелля люди* ***плывут*** *по* ***волнам****, а Локки правит* ... [Völuspá: 51; Велюспа: 125].

Древнеанглийские тексты изобилуют номинациями воды и жидкости, вербализующими концепт *вода*: wæd *брод, мель, отмель, мелкое место*, wæter *вода, поток, ручей, река, озеро, море*, wæg *движение, волна, вода, водоем, море, прилив* и *отлив, паводок*, wēt *сырой, влажный, мокрый, сырой, дождливый (о погоде)*; wæt *влага, жидкость;* wæta *вода, жидкость, жидкости в организме (кровь), сок растения, река, озеро, море;* wll *a weel, a deep pool, gulf;* wætan *мочить*; wæscan *мыть(ся),* wæsc *мытье, стирка*; winter *зима (сырой сезон)*. Ср. также описание морских сражений англосаксов с викингами, где вода представляет собой море: Ac ða þæt **wæter** wæs ahebbad fela furlange from þæm

scipum, þa eodon ða Deniscan from þæm þrim scipum to þæm oðrum þrim þe on hira healfe beebbade wæron *Но когда **вода** отступила на много миль от кораблей, тогда пошли датчане с трех кораблей к другим трем, которые на их стороне были выброшены на берег* [ASChr: 168 - 170]; картины безрадостных пейзажей подводного царства, где вода также представляет собой водоем, озеро: Nis þæt feor heonon mīl-gemearces, þæt se mere standeð; ofer þæm hongiað hrinde bearwas, wudu wyrtum fæst **wæter** oferhelmað *Недалеко отсюда, несколько миль, то озеро лежит; над ним свисают инеистые корни, деревьев гибкие ветви **воду** покрывают* [Beowulf: 1361 - 1364].

Сохранность древнейшей протосемы (ностр. **wet*A вода* [N.: 171]) в рамках англосаксонского фрагмента лабиальной лексики обусловлена сохранением «денотата», который играет исключительную роль в Северо-Западном регионе Европы. Вода и водное пространство, т. е. реки, озера, моря, водоемы в целом представляют неотъемлемую часть ландшафта Англии и являются существенным источником жизнеобеспечения человека раннего средневековья.

Вода может быть представлена и как понятие микрокосма, т. е. «часть» человеческого организма, ср. драматическое описании смерти Спасителя: Geseah ic þæt … beacen wendan wædum ond bleom; hwilum hit wæs mid **wætan** bestemed, beswyled mid swates gange, hwilum mid since gegyrwed *Увидел я то … древо украсилось и в цвете изменилось; временами оно **кровью** орошалось, покрывалось кровавой росой, временами – богато украшалось* [Dream: 21 - 23].

Номинации *воды* как концепта **микро-** и **мезокосма** сополагаются с осмыслением *водной стихии* как понятия **макрокосма**. При этом возможно териоморфное понимание исходной ступени генезиса как мрачной водной стихии в совокупности олицетворяющих ее сил и существ – водных драконов, змей, чудовищ (др.-англ. wyrm *червяк, змея, дракон*). Морские драконы упоминаются Григорием Епископом Турским в «Истории франков», появляются в «Саге о Йомс-викингах» и «Беовульфе» [о *драконах* см. Britain

and Ireland in Early Christian Times AD 400 - 800, 1971: 244 - 261]. Главный представитель этого рода – Змей срединного мира (сканд. Míðgarðs-ormur, «Старшая Эдда», «Младшая Эдда»).

Мировой **Змей Ёрмунганд** из вод Хаоса опоясывает землю («пояс мира»):

Finnask æsir á Iðavelli

ok um moldþinur mátkan dœma

ok minnask þar á megindóma

ok á **Fimbultýs** fornar rúnar

Встречаются асы на Идавёлль-поле, о поясе мира могучем беседуют … [Völuspá: 60; Велюспа: 126].

Также: *Ермунганд гневно поворотился,* ***змей бьет о волны*** *…* [Велюспа: 125].

Древнеанглийская поэма «Беовульф» демонстрирует связь подводного мира и его хранительницы: Grendles mōdor, ides, **āglæc-wīf** yrmþe gemunde, sē þe **wæter**-egesan wunian scolde, cealde strēamas. Flōd blōde wēol – folc tō sægon – hātan heolfre. Gesāwon ða æfter **wætere wurm-cynnes** fela, sellīce sæ-dracan sund cunnian, swylce on næs-hleoðum nicras licgean … **wyrmas** ond **wild-deor** ***Гренделя мать, подводный монстр,*** *зло хранила, та, которая должна была жить в ужасных* ***водах****, в холодных потоках. Поток кровью вскипел, чтобы люди увидели ужасную кровь. Увидели тогда сквозь* ***воду змей*** *множество, хорошо морские драконы были видны, такие подводные чудища на склоне холмов лежали … змеи и дикие звери* [Beowulf: 1258 – 1261; 1422 - 1423, 1425 - 1430]. В описании жилища водного монстра превалируют мрачные, холодные тона: Nis þæt hēoru stōw! Đonon yð-geblond ūp āstīgeð **won** tō **wolcnum**, þonne **wind** styreþ lāð gewidru, oðþæt lyft drysmaþ, roderas rēotað *Это безрадостное место! Оттуда волн водоворот вздымается* ***темный*** *до* ***облаков****, пока* ***ветер*** *приводит в движение ужасные шторма, пока воздух наполняется печалью, небеса проливают слезы* [Beowulf: 1361 – 1364; 1372 - 1376].

Данный отрывок ярко иллюстрирует осмысление небытия как хтонического существа. В микроконтексте употребляются лексемы, связанные с номинацией воды (wætere; wolcnum *облако*), тьмы (won *темный, черный*), ветра (wind), змеи (wyrmas; wurm-cynnes), женского существа (āglæc-wīf *морская женщина*), дикого зверя (wild-deor). Характерен весь контекст, изобилующий негативной семантикой.

Хищный змей Нидхёгг незримо правит в стране, где царит богиня Хель («Берег Мертвых»). По берегам потоков, через которые проходят грешники, вельва видит клятвопреступников и убийц, терпящих жуткую кару в стране мертвых. Их терзает змей, живущий под Иггдрасилем, и волк, вероятно, Фенрир, сын Локки: á hon þar vaða þunga strauma menn meinsvara ok morðvarga ok þanns annars glepr eyrarúnu; þar saug **Níðhöggr** nái framgengna … sleit vargr vera … *шли чрез* ***потоки*** *поправшие клятвы, убийцы подлые и те, кто жен чужих соблазняет;* ***Нидхёгг*** *глодал там трупы умерших, терзал он мужей …* [Völuspá: 38; Велюспа: 124]. Налицо связь единиц *вода, потоки воды* (wæter), *хтонические существа, дракон, змей* (wurm-cynnas, wyrmas), *дикий* (wild), *женское начало* (wīf), *убитые, мертвые, враждебный, необжитой, грех, преступление, наказание, кара*.

Вода – амбивалентна. В недрах Хаоса заключена жизнь: в этом случае *вода* трактуется в качестве главного принципа, среды и агента всеобщего зачатия и порождения, а *Мировой Хаос* предстает как первоутроба, первоматерия и ее вместилище [Евсюков, 1990: 225 - 226] (концепт *женский*). Примечательна в этой связи и мифическая сопричастность водных существ к женскому лону (wamb *a belly, stomach, a womb*). По М. Гимбутас, рыба (ср. wlðe-burne *a fishing-stream*) была осмыслена как символ женского лона, души, или мистического корабля жизни [Gimbutas, 1974: 107; ср. также Мак.: 285 - 288]. Автор подчеркивает связь *воды* как источника жизни и плодородия, женской потенции с териоморфным началом в раннеиндоевропейской культуре, выделяя две основные категории символов древней Европы. Это

символы, связанные с *водой, дождем, змеей* и *птицей*, с одной стороны, и символы, связанные с *луной, вегетативным циклом жизни, сменой времен года, рождением* и *ростом*, значимым для возрождения жизни, с другой стороны [Gimbutas, 1974: 89; см. также Folklore, myths and legends of Britain, 1973: 19]. Очевидно, все они отражают особые условия жизни и культуры древнейшего матриархального общества (см. рис. 4.1).

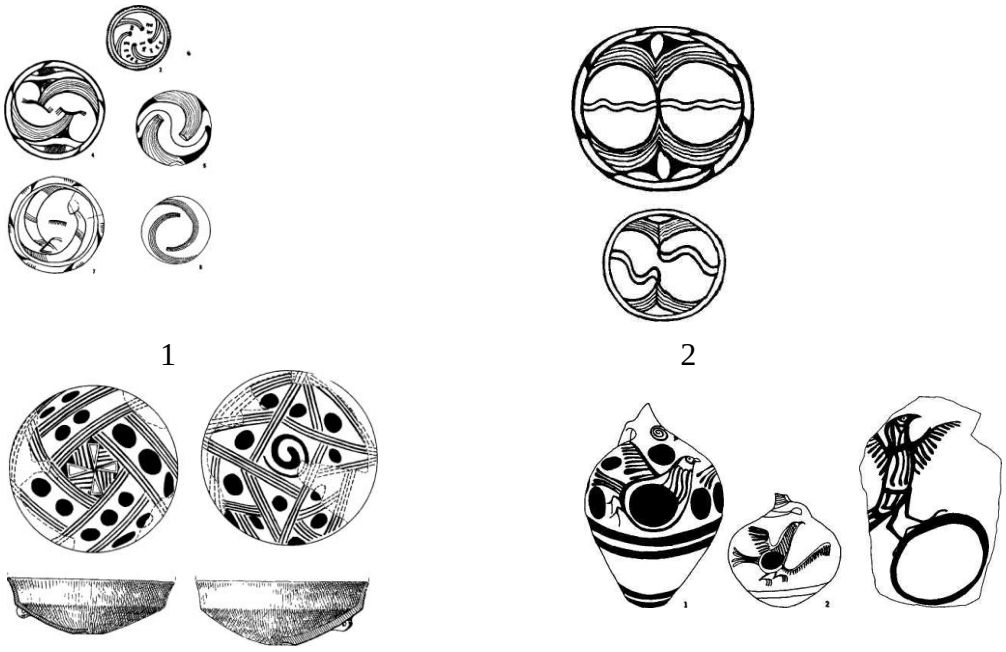

Рис. 4.1. Символы древней Европы, изображенные на тарелках, вазах, чашах: 1. изображения фаз луны. Западная Украина, 4 тыс. до н. э.; 2. мотив извивающихся змей, окруженных водой в двойном яйце. Западная Украина, середина 4 тыс. до н. э.; 3. мотив змеи в центре мироздания. Румыния, 4 тыс. до н. э.; 4. мотивы птицы с яйцом внутри и стоящей на яйце. Греция, 3 тыс. до н. э.

Вода возвращает к исходу, материнскому лону, груди (bearm *the bosom, lap*), откуда вышел и сам человек. По воде отправляется ладья с телом Скильда Скевинга, великого вождя данов. Водная дорога восстанавливает утраченную связь великих предков и их потомков: Him ðā Scyld gewāt tō gescæp hwīle fela-hrōr fēran on Frēan wære. Hē hyne þā ætbæron tō brimes faroðe, … swā hē selfa bæd. … Ālēdon þā lēofne þēoden … on **bearm** scipe *Тогда Скильд отправился в*

назначенный час очень сильный все еще под защиту Господа. Они его тогда отнесли к потоку волн, ... как он сам завещал. ... Положили тогда любимого народом ... на ***грудь*** *ладьи* [Beowulf: 26 - 29; 34 - 35; 38 - 42].

Вода – это начало и конец сущего, начало и конец[119] жизни, **начало** и **конец мироздания.** Конец и возрождение мира отражены в «Эдде»: Sól tér sortna, sígr fold í **mar** … *Солнце померкло, земля* ***тонет в море****, срываются с неба светлые звезды* … [Völuspá: 57; Велюспа: 125]; но скоро все возродится вновь: Sér hon upp koma öðru sinni jörð ór œgi iðjagrœna; falla forsar, flýgr örn yfir, sá er á fjalli fiska veiðir *Видит она: вздымается снова* ***из моря*** *земля, зеленея, как прежде; падают* ***воды****, орел пролетает,* ***рыбу из волн*** *хочет он выловить* [Völuspá: 59; Велюспа: 125] (**рыба** представлена здесь как начало и конец сущего; в христианстве рыба является символом Христа). При возрождении из Хаоса возникнет жизнь: Munu ósánir akrar vaxa böls man alls batna *Заколосятся хлеба без посева,* ***зло станет благом*** … [Völuspá: 62; Велюспа: 126].

Первозданные воды макрокосма интерпретируются как источник мудрости и духовного возрождения. Выступая как символ будущего рождения, *Мировая Вода* заключает в себе информацию о судьбе человека. Три норны Урд (*Прошлое*), Верданди (*Настоящее*), Скульд (*Будущее*) определяют судьбу и жизнь человека около источника Судьбы [Велюспа: 122]. Норны-прорицательницы выступают в женском обличье [Петрухин, 2001]. Так, в одном микрофрагменте картины мира германцев сополагается пучок схожих смыслов: *вода, судьба, женское начало, прошлое, настоящее, будущее***.**

В мифах разных народов герой, прежде чем стать таковым, проходит испытание – омовение в водах [ср. Мак.: 249]. Предназначенный к смерти в водах, он не просто воскресает, а возрождается в ином, более высоком

[119] Ср. обширное словообразовательное гнездо, связанное с семантикой *разрушения, смерти на поле боя, убийства*: существительное wæl *the slain, the dead, a member of a slain; a single corpse, a slain person; slaughter, carnage; destruction* и его производные wæl-bed *the bed of the slain*; wæl-bend *a deadly, mortal bend*; wæl-ceasiga *a chooser of the slain, a raven*; wæl-clam *a fatal bond*; wæl-cræft *a deadly power, power which causes death*; wæl-cwealm *a death-pang, pain of violent death*; wæl-cyrge *a chooser of the slain*; wæl-deaþ *a violent death*; wæl-dreor *the blood of the slain*; wæl-flhþ *deadly feud, hostility that leads to slaying*; wæl-fæðm *a deadly embrace;* wæl-feld *the field of the slain, the battle-field*; wæl-gæst *a deadly guest, a murderous guest*; wæl-gār *a deadly spear*; wæl-scel *slaughter, the slain*; wæl-seax *a war-knife, a sword or dagger used in fight;* wæl-sliht *slaughter in battle, slaughter, carnage*; wæl-stream *a destructive stream*; wæl-sweng *a murderous stroke.*

социальном и духовном статусе. Такова история Ромула и Рема, Моисея, Беовульфа и Чингисхана. Беовульф, поднявшись со дна проклятого озера через девять дней после сражения с мрачным олицетворением Хаоса, символизирует жизненное обновление и начало нового космического цикла. Его победа над чудовищной матерью Гренделя воспринимается как великое нежданное чудо, темные воды проясняются и успокаиваются, воцаряется свет: hēo on flet gecrong, sweord wæs swātig, secg weorce gefeh. Līxte se lēoma, lēoht inne stōd, efne swā of hefene hādre scīneð rodores candel *она наземь упала, меч был в крови, воин деянию возрадовался. Засиял тот свет, сияние внутри появилось, как будто с небес идет сияющий свет свечи Господа* [Beowulf: 1568 - 1572].

Вода представляется германцам важнейшим элементом становления мира и человека, более древним, нежели мужское начало, и связывается с женщиной-матерью, ее чувствами, интуицией. В древних мифах «образ» *воды* ассоциируется с *устойчивостью, константностью* мироздания, *женским началом*, дарующим жизнь всему сущему. В древнеанглийской лабиальной лексике широко представлены семантические мотивировки концепта *женский*, сопряженные с наименованиями *женщины, женских областей деятельности* и соответствующих реалий, в частности, wīf *женщина, жена,* wefan *ткать, плести*, wed-lāc *брак, приданое,* wōgian *жениться*, widuwa *вдова*. Их производными являются существительные wīf-mann *женщина, женское (растение),* wīf-hād *женская зрелость, женственность,* wīfung *женитьба, брак*, wītuma *приданое* и другие.

Примечательна связь, фиксируемая между частями тела, в частности, ее левой стороной (см. рис. 4.2) и указанным концептом.

bodig *тело*, flæsc *мясо, тело, плоть*, feorh *жизнь, душа, дух*

feax *волосы, локоны*

bucc *щека*, weohlas *челюсти*
wlita *лицо*

weleras *губы*

bearm *грудь*
breost *грудь, груди, сердце, ум, мысль*
fæðem *грудь, лоно, сердце, душа, колени*
bælc *желудок*

fel *кожа, шкура*

wamb *живот, матка*
bog *рука, плечо, ветвь*

wer *membrum verile*
folm *ладонь, рука*
winestra hand *левая рука*

finger *палец*

fōg *сустав, сочленение*

bān *кость*

fōt *нога*

fyrsn *пятка, пята*

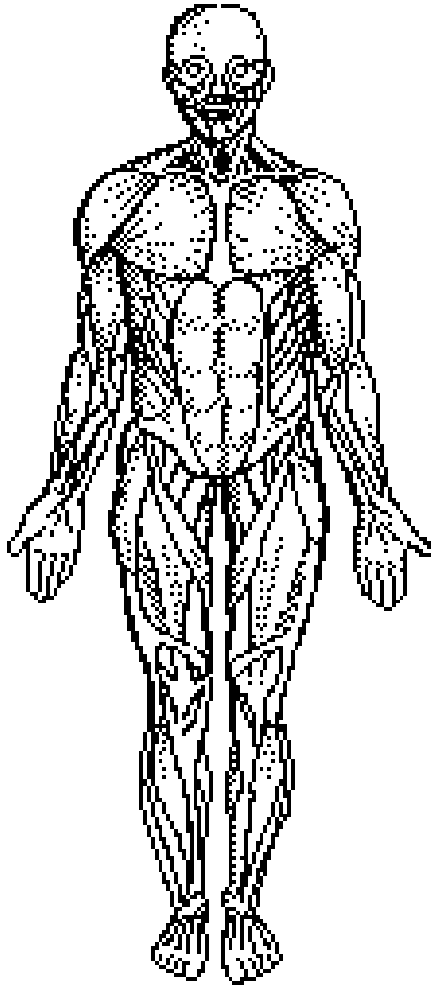

Рис. 4.2. Человек по данным лексики лабиальной зоны

Лексика анатомической сферы включает существительное wamb *живот, желудок, матка* и семантически важное прилагательное winestra *левый* (в субстантивном употреблении – *левая рука*). Связь левой руки или стороны с *женским началом* концептуализирована в модели мира разных народов. *Левая сторона* в отличие от *правой* (др.-англ. swiðra) идентифицируется как *защищающая* (а *не нападающая*, ср. др.-англ. wine *защитник, друг, покровитель*), *прекрасная* (а не *агрессивная*, ср. авест. vamā *левая, прекрасная*), *женская* (а не *мужская*, ср. лат. venus *грация, любовь*) [Проскурин, 1990б: 43], *священная* (а не *профанная*, ср. запрет на использование левой руки для обычных действий) [Мифы народов мира, 1994. Т. 2: 43 - 44].

Иконическая связь древнеанглийских наименований *левой руки* и *женского лона* (winestra / wamb) служит подтверждением мифической сопричастности *пространства* и *субъекта*, не разделенных в архаическом мышлении. Восприятие человеческого тела и его специфических частей оказывается в данном случае антропологической составляющей древних представлений: понятия *женщина*, *части тела женщины* и *рождение* оказываются сопричастными к представлениям о *Богине-Матери*, прародительнице всего сущего [Рабинович, 1994: 180; ср. также Мак.: 146 - 147].

Сополагая признаки, связанные с *женским началом* на уровне микро-, мезо- и макрокосма, можно выстраивать многочисленные ряды и пучки смыслов, в частности, **микрокосм:** wamb *живот, матка,* wīf *женщина, жена* (наименования частей тела, женщины, жены); **мезокосм:** wefan *ткать, плести*, wed-lāc *брак, приданое* и другие (наименования реалий, связанных с женским трудом, браком); **макрокосм:** норны, творящие судьбы, валькирии (wæl-cyrge), «выбирающие павших», монстры, туры женского пола, ср.: *три великанши, могучие девы из Ётунхейма* [Велюспа: 121]; *Скульд со щитом, Скегуль другая, Гунн, Хильд и Гендуль и Герскегуль. Вот перечислены девы Одина, любо скакать им повсюду,* ***валькириям*** [Велюспа: 123].

Наконец, в единый ряд сополагаются значения wiler *губа*, winestra *левая рука* и другие значения, связанные с *женским началом*. Тем самым, интуитивное знание человека о моторике произносительных органов в артикуляционном аппарате входит на основании единых законов развития и взаимосвязи в общий комплекс архаических представлений об эволюции и функционировании макро- и мезомиров как «сопричастных» друг другу явлений и, в конечном счете, обусловлено этим комплексом.

Такого рода «антропоморфные» метафоры, представляющие окружающий мир по аналогии с человеком, широко распространены в картинах мира. Моделями для древнего человека при построении мифопоэтической картины мира служат человеческое тело, жилище, общество, хотя сами древние этого не осознают, так как не могут проводить четкого разграничения между человеком, социумом и природой [Постовалова, 1988: 68].

4. 4. 1. 2. Концепты *война, чужой*

В эпоху патриархата ассоциации *Хаоса* с *женским началом* вытесняются представлениями о борьбе *героя*, *воина* и *Хаоса*. Согласно этим представлениям, порядок достигается только в результате борьбы *героя* или *Бога* с представителями изначального *Хаоса*, например, Беовульфа и монстра: Geseah ðā on searwum sige-ēadig bil; Hē gefēng þā fetel-hilt, freca Scyldinga; bil eal ðurhwōd fægne flæsc-homan *Увидел он тогда среди оружия победой сияющий меч; Выхватил меч из ножен, храбрый Скильдинг, меч пронзил все обреченное тело* [Beowulf: 1557; 1563; 1567 – 1568].

При этом *Хаос* не исчезает полностью, а остается в виде *болезней, безумий, негативных эмоций, войн, смерти, преступлений* и т. п. Ср. концепты, выраженные в лексике на [w]: wrāþ *гнев*, wea-mēt *гнев* (концепт <u>*гнев*</u>); wōd *безумный, неистовый,* wōd *одержимость*, wēding *сумасшествие, безумие*, wēden-heort *сумасшествие, ярость* (концепт <u>*безумие*</u>); wāc *слабый, слабость*

(концепт *слабый*); wan-hælþ *слабость*, *болезнь*, wærc *боль,* wearg-bræde *болезнь,* wōl *мор, чума* (концепт *болезнь*); wea *горе, скорбь, несчастье, страдание*, wræc *горе, страдание, месть,* wea *горе, зло, злоба* (концепт *горе*); wīl *беда, печаль, угнетение* (концепт *беда*); *weas*-gelimp *несчастный случай,* wan-sceaft *несчастье* (концепт *несчастье*); weorr *плохой, горестный* (концепт *плохой*); wīg *битва, война, сила, войска, воин* (концепт *война*); wæl *убитый, мертвый, труп* (концепт *убийство*); wrāþ *сердитый, жестокий, печальный* (концепт *жестокость*); wamm-wlite *рана на лице,* wund *рана* (концепт *рана*); wrecan *гнать, преследовать* (концепт *преследование*)*;* wiþer *противостояние, сопротивление* (концепт *сопротивление*); wrēg *обвинение, ложное обвинение, несчастье, вина, преступление,* wea-dld *позорное деяние*, wamm, wemm *пятно, позор, повреждение*, wamm-dld *преступление*, wamm-sceaþa *грешник, преступник,* wearg *негодяй, подлец, злой дух,* wōh *зло, ошибка*, wlgnere *обманщик*, wrōht *обвинение, беда, вина, преступление* (концепт *преступление*); wīte *наказание, боль, мука, мучение, пытка, болезнь, чума, зло* (концепт *наказание*)*;* wōp *крик, рыдание, вопль,* wanung *рыдание, оплакивание,* wēpan *рыдать, плакать, оплакивать* (концепт *скорбь*); widuwa *вдовец,* widuwe *вдова,* wæd *вдовий траур, траурная повязка* (концепт *вдовство*).

Войны, битвы, кровная месть, преследования, наказания за преступления, страдания – все эти признаки выстраиваются в один ряд, изменяя прототипический сценарий лабиальной лексики.

Война теперь уже не связана с охотой, как прежде, а представляет один из важных социальных институтов средневекового общества [о понятиях *охота, война, враг* в индоевропейской культуре см. Buck: 1374; 1333; Мак.: 256 - 257; 84 - 85; 87 - 88]. В германской культуре фигура *воина* (wīg *война, битва, сражение, войска, воин*) является одной из ключевых [Britain and Ireland in Early Christian Times AD 400 - 800, 1971]. Дети знатных германцев считают за честь продолжить деяния великих предков и наследовать их славу: «нет стыда в том, чтобы поступить на службу к более храбрым и уже испытанным людям и

быть простыми дружинниками». «Если родина томится бездействием и продолжительным миром, большая часть благородных молодых людей идет предлагать свои услуги тем племенам, которые находятся в войне; потому что покой ничего им не приносит, а на войне, среди опасностей, легче блеснуть» [Тацит, 1999: 84]. С детства германцев учат ценить воинскую честь и богатые дары – награду за храбрость, которые князь щедро раздает дружине, чтобы в момент решающего сражения биться рука об руку: Swā sceal geong guma gōde gewyrcean, fromum feoh-giftum on fæder bearme, þæt hine on ylde eft gewunigen wil-gesīþas, þonne **wīg** cume, lēode gelæsten; … *Так должен молодой человек богатство ценить, богатые дары в отца владении, чтобы его в зрелом возрасте потом окружали сотоварищи, когда* ***война*** *придет, князю служили …* [Beowulf: 20 - 25].

Между тем, война приносит не только славу, но и горести: Woriað þa winsalo, waldend licgað dreame bidrorene, duguþ eal gecrong wlonc bi wealle *Разрушен тот пиршественный зал, вождь лежит радости лишенный, дружина вся погибла гордые возле крепости;* Sume **wig** fornom, … sumne se hara **wulf** deaðe gedælde … *Кого* ***война*** *унесла, … кому – серый* ***волк*** *смерть принес* ... [Wanderer: 73 - 74; 78 - 83] (ср. *волк - смерть*). Самое главное для воина – умереть с улыбкой на устах. Саксон Грамматик говорит об одном варварском воине: «*Он упал, засмеялся и умер*» [Цит по: Шатобриан, 1999: 92]. Во всех вышеприведенных микротекстах употреблена широко распространенная лексема wīg *война*. С *войной*[120] связаны признаки *борьба, нападение,*

[120] Общие понятия *войны, воинства, битвы*, отраженные во фрагменте с инициалью [w], связаны с разветвленной структурой военного дела Англии. Параллелью к анализируемой лексике является лексика другого фрагмента лабиальной лексики на [f]. Короли Англии уже в 7 - 8 вв. обладают немалой военной силой, дружиной, состоящей из профессиональных воинов (гезитов, тэнов), а, с другой стороны, основную массу королевского войска составляет ополчение – фирд (др.-англ. fyrd), которое набирается по территориальному принципу. Выполнение военной повинности становится первейшей обязанностью служилой знати [Мельникова, 1987: 29], уклонение от нее карается штрафом: Gif gesīþcund mon, landāgende, forsitte **fyrde**, geselle cxx scillinga and þolie his landes; unlandāgende lx scillinga; cierlisc xxx scillinga; to **fyrd**-wīte *Если гезит, владеющий землей, не выполняет* ***воинскую повинность****, пусть заплатит 120 шиллингов и лишится права на землю; не владеющий землей – 60 шиллингов; керл – 30 шиллингов в качестве штрафа за невыполнение* ***воинской повинности*** [B: 351]. Прототипически древнеанглийская лексема fyrd *войско, ополчение* связана с обозначением пространственных координат и направительных векторов: и.-е. корень *per-[1] *forward, through*, and a wide range of extended senses such as *in front of, before, early, first, chief, toward, against, near, at, around* (*вперед, идти напролом)* [Wat.: 65] выступает в качестве прототипа древнеанглийского глагола faran *идти,*

отступление, атака, преследование, гонение, насилие, засада (и многие другие).

Выходя на уровень макрокосма, *война* приобретают статус вселенских масштабов, превращается в форму разрешения противоречий:

Fleygði Óðinn ok í fólk um skaut,

þat var enn fólk**víg** fyrst í heimi;

brotinn var borðveggr borgar ása,

knáttu vanir vígská völlu sporna

*В войско метнул Один копье, это тоже свершилось в дни первой **войны**; рухнули стены крепости асов, ваны в битве врагов побеждали* (первая в мире война [Völuspá: 24; Велюспа: 122]).

Ср. также: Þórr einn þar vá þrunginn móði *Разгневанный Тор один начал битву* [Völuspá: 26; Велюспа: 122]. Ваны становятся врагами асов (и наоборот). В конце мира настанет *Хаос*, великий блуд, все смешается:

Brœðr munu berjask ok at bönum verðask,

munu systrungar sifjum spilla;

hart er í heimi, hórdómr mikill,

skeggjöld, skálmöld, skildir 'ru klofnir

*Братья начнут **биться** друг с другом, родичи близкие в распрях погибнут; тягостно в мире, **великий блуд**, век мечей и секир, треснут щиты, век бурь и волков до гибели мира; щадить человек человека не станет* [Völuspá: 44; Велюспа: 124].

Анализ лексических значений слов на [w] показывает, что *враги* сополагаются с *чужаками, чужой страной, пленом, рабством*, ср.: wealh *чужеземец, раб, слуга, враг*, weale *прислуга*, weorc-þeow *слуга, рабочий,* wealh-land *чужая страна* (концепт *чужой*). *Вражда* по отношению к покоренному населению, чужакам, иноплеменникам тесно связана с важным понятием *чужаков-рабов по плену* (др.-англ. wealh *валлиец, уиль*). Чужестранцы-уили

путешествовать (последний является производящей основой для анализируемого слова). Помимо лексемы fyrd, слова, относящиеся к военному делу, включают глаголы и существительные feohtan *бороться, сражаться, воевать*, franca *копье*, flæn *копье*, flā *стрела, дротик,* floce band, fēða *сила, войско, битва* и другие.

входят в состав покоренного кельтского населения и представляют промежуточный слой общества с малыми правами на пользование своей бывшей землей [Шервуд, 1988: 136]. Они делятся на три категории с соответствующим вергельдом, который определяется размером земельного надела. В законодательстве Инэ говорится: Gif **Wilisc** mon hæbbe hide londes, his **wer** biþ cxx scillinga; gif he þonne healfes hæbbe, lxxx scillinga; gif he nænig hæbbe, lx scillinga *Если **уиль** имеет гайду земли, его **вира** составляет 120 шиллингов; но если но половину имеет, - 80 шиллингов; если он ничего не имеет – 60 шиллингов* [B: 1205]. За землю уили платят оброк, а не имеющие земли – приравниваются к рабам. Свободные и зависимые уили отличаются равным образом от свободных англосаксов и англосаксов-рабов, поскольку являются чужаками. Раб-англосакс оценивается выше, нежели раб-кельт.

Моральная заниженность иноплеменника, равного по социально-экономической шкале англосаксу, уходит корнями в обычаи первобытного общества, когда под защитой моральных норм находились лишь члены данного рода. По отношению к чужакам эти нормы не действуют. Быть вне племени, значит, быть вне закона [Шервуд, 1988: 151].

В самом деле, в поэме «Беовульф» король Хродгар повествует об отце Беовульфа Экгтеове, который был **изгнан** из родного племени из-за убийства им соплеменника, поскольку племя ужасала возможность кровной мести со стороны родичей убитого: Geslōh þīn fæder **fæhðe** mæste, wearþ hē Heaþolāfe tō hand-bonan mid Wilfingum; ðā hine wāra cyn for here-brōgan habban ne mihte *Развязал твой отец **вражду** великую, стал он Хеатолафа убийцей среди Вюльфингов; тогда его народ из-за боязни распри приютить не смог* [Beowulf: 459 - 462] (в данном контексте привлечены данные лабиальной лексики на [f]). Обычай родственников убитого мстить за него, т. е. *кровная месть* (wrecan *to drive, press; force to move; expel; to wreak anger; to punish; to avenge; to take vengeance (on);* wrecca *one driven from his own country, a wanderer in foreign lands, an exile, a stranger; a wretch, an evil person; a wretched person, a miserable,*

feeble person; wrecend *an avenger*; wrec-scipe *exile, living in a foreign land*) существует в англосаксонском обществе вплоть до 12 в. В целом этот обычай рассматривается как действие, которое разрушает устои и сохранность общества: «выступление против любого общественного дела является началом, нарушающим спокойную жизнь и мир и приводящим к вражде, а следовательно, и к мести» [Шервуд, 1988: 94]. Институт «кровной мести» как одна из локальных форм ведения войны в первобытном обществе широко распространен у англосаксов: «война раньше достигла развитых форм, чем мир». Несмотря на то, что судебники законодательным путем стремятся заменить право кровной мести штрафами и тем самым вытеснить ее из повседневной практики, тем не менее, законы 7 – 9 вв. признают это право в тех случаях, когда убийца или его сородичи не могут выплатить вергельд[121] (Законы Инэ) [Мельникова, 1987: 15].

4. 4. 1. 3. Концепты *магия, власть*

Германская *викка*, отражающая концептуальную область, связанную с *магией*, является отличительной чертой общественной и культурной жизни Британии на протяжении раннего средневековья и хронологически более поздних периодов. Жрецы, прорицатели, колдуньи, маги, мудрые женщины владеют особой силой, позволяющей им общаться с силами Природы – духами земли, огня, воздуха, воды (ср. англосаксонские имена, связанные с языческими духами: Wiht-gils, Wiht-be(o)rht букв. *сияющий вихт*, Wiht-gar букв. *копье вихтов*, Wiht-red букв. *совет от вихтов*). Прорицатели могут предсказывать события, намечать благоприятные дни для совершения того или иного дела, решать исход событий. По свидетельству Вульфстана, в христианской Англии грех волшбы приравнивается к другим тяжким грехам: … her syndan myltestran

[121] К сфере понятия *вергельд* относятся следующие лексемы: wer, wer-gild *the price set upon a man according to his degree*; wer-lād *a lād in which the number of those who supported the accused by their oaths is determined by the wer of the accused*; wer-mlgþ *a tribe or family of men; wer-met a man's measure*; wer-tihtle *an accusation where the crime of which a person is accused involves the payment of the wer, the crime itself.*

and bearn myrðran and fule forlegene horingas manege, and her syndan **wiccan** and wælcyrian … … *здесь есть распутники и убийцы младенцев и грязные неверные прелюбодеи многие, и здесь есть* ***ведьмы*** *и валькирии …* [Wulf.: 146 - 147]. Вместе с тем, в языческой Англии этот культ еще широко распространен[122].

Уникальный феномен германской *викки* входит в древнеанглийский лексикон посредством и.-е. корня *weg-[2] *to be strong, be lively (быть сильным, живым):* Lat. vegēre *to be lively,* vigil *watchful, awake* [Wat.: 95], ср. др.-англ. wicca *колдун, чародей, прорицатель, предсказатель, маг, волшебник* (sorcerer, wizard), wīh *статуя божества.* В некоторых этимологических исследованиях[123] эти древнеанглийские слова возводят к и.-е. корню *weik- *разделять, расчленять* [$Л_2$: 249; Lehmann: W46]; *weik-[2] *consecrated, holy* (in words connected with magic and religious notions in Germanic, German Weihnacht(en) *Christmas* and perhaps Latin: Lat. victima *animal used as sacrifice, victim;* wīgle *divination, sorcery* (although this may belong to another root *(ə)wek- not otherwise represented in English [Wat.: 97]. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой эта лексема и другие, соположенные с ней, соотносятся с и.-е. корнем *weg-[2] *быть сильным, живым* (маг – *тот, кто пробуждает мертвых*) [Wat.: 95]. Область *сакрального, магического* в

[122] Существует много способов гадания – по положению рун и небесных светил, по полету птиц и ржанию лошадей, по внутренностям животных и по исходу битвы между пленным рабом и своим воином. Проведением языческих обрядов, как правило, заняты женщины, которым германцы приписывают особое священное и пророческое значение. Совершаются языческие обряды в священных лесах: германцы не держат богов в стенах храма и не придают им человеческих черт, «они посвящают им рощи и леса; и имена богов выражают ту тайну, которую они созерцают в одном благоговении» [Тацит, 1999: 81]. Сохранению древних языческих культов способствует то обстоятельство, что Британия отрезана от континента. В то время как германские вожди, основавшие династии в континентальных провинциях Римской империи, являются ревностными христианами, англо-саксонские дружины переносят с берегов Эльбы в свои поселения в Британии прежние суеверия и продолжают совершать языческие обряды в святилищах Одина и Тора. Берега Британии, повествует Маколей, являются предметом таинственного ужаса. Там есть одна область, в которой почва кишит змеями, а воздух – такой, что ни один человек, вдохнув его, не может остаться живым. В эту пустыню перевозят в полночь из земли франков души умерших. Эту странную обязанность исполняет особенная порода рыбаков» [Маколей, 1999: 252 - 253]. Культурный контекст обнаруживает сопряженность смыслов *рыбак, духи, умершие, ужас, змеи, гибельный воздух, полночь, тьма* и других.

[123] Германские лексемы готск. weihs *священный*, weihan *посвящать*, weiha *священник*, др.-англ. wīh-dag *священный день*, др.-вн. wih *heilig*, др.-исл. vē *храм, священный участок*, как считает Э. Бенвенист, обнаруживают «очень ограниченные соответствия, причем недостоверные и не поддающиеся уточнению. Единственная форма, которую есть основания сопоставлять, - это лат. victima ‘жертвенное животное’, но словообразование латинского слова неясно … Это сопоставление, тем самым, за пределами корня оказывается неопределенным и неудовлетворительным». Священное в германских языках может быть определено природой «посвященного» объекта, переданного в исключительное владение богов, в отличие от иранских, славянских и греческих форм, в которых святое и священное вычленяются «внутри значения изобилующей и плодоносной силы, способной животворить и увеличивать природную производительность» [Бенвенист, 1995: 346].

древнеанглийском языке мы связываем, поэтому с *ростом, увеличением*, с одной стороны, и *силой, властью*, с другой стороны.

Концепт *власть* социальной сферы англосаксонской культуры (и.-е. *wal- *to be strong:* Lat. valēre *to be strong*, Celtic *walos *ruler* in personal name *dubno-walos, Old Church Slavonic vlasti *to rule over*, Vladimirŭ personal name (*ruling peace*) [Wat.: 95], др.-англ. wealdan *править*, wieldan *управлять*, Ōsweald, др.-вн. Arenwald личные имена) очень тесно связан с концептом *рост*. При этом формируется пучок смыслов *физическая сила* (воин) – *духовная сила* (жрец, колдун) – *социальная сила* (*верховная власть*) (царь, правитель). Правитель выступает в нескольких ипостасях: *Высшего Правителя Жизни, Верховного Судии,* т. е. *Господа Бога* (Wealdend), с одной стороны, и *верховного правителя общества – короля*, а также *вождя*, с другой стороны. Ср. номинации wealdend *правитель*, Bretwalda *бритвальда*, *верховный правитель Британии*[124]*:* sigora Waldend *побед Правитель* [Beowulf: 2874]; Wealdendes treow *Господа крест* [Dream: 17]; Wealdendes hræw *Господа тело* [Dream: 53]; waldend licgað dreame bidrorene, … *вождь лежит радости лишенный* … [Wanderer: 78]; Brytland him wæs on **gewealde**, and he þærinne casteles gewrohte and þet manncynn mid ealle **gewealde** *Уэльс ему был* ***подвластен*** *и он те замки воздвиг и тем населением со всем* ***владел*** [Will.: 48 – 49]).

Фигуры *воина (труженика), жреца* и *правителя* были выделены еще Ж. Дюмезилем при анализе социальной структуры индоевропейского общества [см. Бадер, 1988: 211]. Функции, осуществляемые правителем и жрецом, по Ж. Дюмезилю, считаются синонимичными. Данные же древнеанглийского лексикона позволяют выявить «синонимию» всех функций: по данным лексики лабиальной зоны, ассоциируются признаки *физическая сила - духовная сила –*

[124] Согласно германским обычаям, правитель народа выбирается из среды высшего сословия, он обладает многими правами, а бритвальда – правитель главенствующего королевства – имеет право получать дань и военную помощь от прочих королей [История Европы. С древнейших времен до наших дней, 1992: 173]. Власть короля, между тем, не является безграничной и произвольной. Точно также и степень власти правителя дружины – вождя – определяется личным уважением к нему: «его пример важнее звания; все смотрят на то, находчив ли он, предусмотрителен ли, идет ли впереди строя». Власть религиозная и власть светская еще очень тесно переплетены: короли и вожди «не имеют права ни выговаривать, ни вязать, ни сечь без позволения жрецов, подвластных лишь воле божества, которое, по их убеждению, присутствует во время битв» [Тацит, 1999: 81].

социальная власть (концепты *рост – сильный – власть***)**. Примечательно смещение акцента с потенциальной силы *женщины* на физическую, духовную, креативную силу *мужчины* (wer), *вождя, правителя, защитника*,[125] *Господа Бога* с его атрибутами *силы, власти* (weald).

4. 4. 1. 4. Концепт *движение*

Важными номинациями лексики с инициальным [w] являются наименования *миграций*, *перемещений*, *путешествий,* в частности, weg *путь, дорога, путешествие*,[126] wag *движение, волна, море, вода* (< wagian трястись), wending *поворот, изменение*, wrigian *идти, путешествовать, поворачивать, двигаться*, представляющие сценарий лабиальной лексики. Переходя на уровень макрокосма, семантика *движения* и *изменения* связывается с предпосылками возникновения будущего космогонического акта. Начальный этап генезиса связан с взаимодействием разных жизненных принципов, приводимых в движение разнообразными причинами, в частности, *движением*,

[125] Значения *любви, покровительства*, *кормления, воспитания,* связанные с *мужским* защитным началом, наглядно иллюстрированы древнеанглийской лабиальной лексикой на [f]. И.-е. *pəter- *father* [Wat.: 67], к которому восходят лексемы fæder *отец*, fædera *дядя, брат отца,* faðu *тетя, сестра отца,* отражает новую роль мужчины в большой патриархальной семье, связанную с функциями *защиты* и *покровительства*. По Э. Бенвенисту, существительное fæder обозначает не природное, т. е. кровное родство, а родство иного, классификационного порядка: оно называет высшее существо, в частности, религиозной сферы (*небо-отец*) [Бенвенист, 1995: 148]. Эта древнейшая семантика термина прослеживается в древнеанглийских текстовых иллюстрациях, в которых имплицируется понятие Бога, защитника человека и спасителя душ: We bletsiaþ bilewitne **Feder** *Мы прославляем милостивого* ***Отца*** [B: 262]. С теми же концептами *защита* (племени от врагов) и *любовь* связан и.-е. корень *prā̰i (prī) *любить, щадить:* греч. prays *нежный, мягкий*, скр. priya *любимый*, priya *друг, муж*, prītá- *любимый;* готск. frijon *любить* [M: 502]), на базе которого формируется понятие *свободы* (freo *свобода, дружба, мир, привязанность, добрая воля,* freols *свобода,* friþ (freoðo) *мир, безопасность*, freoða *защитник*). Понятие *свободы* не является исходным: оно развивается от значения *любви* к детям, близким. По Э. Бенвенисту, термин, обозначающий первоначально отношения *приязни* между людьми, *priyos, приобретает значение термина социального института и служит наименованием общности по принадлежности к одной группе общества, а затем и общности по положению в обществе – наименованием *свободных людей* [Бенвенист, 1995: 212; 215]. Таким образом, название общественного положения – *свободного человека* – тесно связано с понятиями *личного* и *индивидуального* (ограниченного, тем не менее, узами большой патриархальной семьи), *любви* и *дружбы,* которые утверждаются между членами узких группировок. Так, в рамках лабиальной зоны формируется фрагмент, сопряженный с *мужским* активным началом и отношениями *любви*, *привязанности* к дому и семье, *свободы*, *мира*.

[126] Ср. обширные связи, которые обнаруживаются у частотного имени существительного weg *a way; a road made for passengers, a path commonly used; space to be traversed, a journey* и его производных: wēg-brāde *way-bread*; weg-fēre̅nd *a wayfarer, a traveler;* weg-fō̅r *a wayfaring, going away*; weg-gedā̅l *a place where roads divides*; weg-gesīþa *a companion or attendant on the road*; weg-nest *food for a journey*; weg-reaf *booty taken on the high road, robbery done on a road.*

перемещением и *изменением*. Концепты *движение* и *изменение* «играют важную роль в древнегерманской концепции развития; они осмысляются как минимальный сдвиг, элементарная единица движения, которые способствуют переходу мира в новое состояние, на принципиально иную стадию эволюции: хаос > космос, космизированная вселенная > гибель мира» [Топорова, 1994: 32]. Статичное положение дел сменяется *движением*, ведущим к зарождению жизни и оформлению Космоса.

Мифопоэтической параллелью к возникновению мира является идея, согласно которой с началом генезиса в недрах *Хаоса* начинают развиваться заложенные в нем два универсальных первородных импульса бытия – *мужское* и *женское* начало, *активное* и *воспринимающее*, *Ян* и *Инь* [Василькова, 1999: 87]. Их соединение выступает в древних космогониях в образе *Мирового Космического Яйца* или двуполого существа (*андрогина*). Чертами андрогина в мифологии наделяются перволюди, мифические предки, боги плодородия (ср. существо Имир в скандинавской мифологии, др.-англ. wlpen-wīfestre *гермафродит*).

4. 4. 1. 5. Структуральные концепты *неопределенно-обобщенная множественность, двойственность*

В лексике с инициальным [w] можно выделить слова со значением *группы,* имплицирующими указание на референциальную *неопределенность* множества*:* wrld *a bandage, band, fillet; a bundle; a band, company, flock (тесьма, повязка; группа)*, wer *a guard, a troop, band (охранник, войско, группа)*, weorod *a host, troop, band, multitude, crowd; a people; army; a body of servants, retainers, followers, associates; a company, assembly (группа людей, компания, отряд, армия)*, weorold *a world: the material world; a state of existence, the state of existence of all men; men, people; earthly things, temporal possessions; a person's lifetime (мир; век, продолжительный период времени)*, weorld *a*

multitude (множество), worn *стая, группа, толпа,* weorn *a multitude (множество)* и другие. Следует рассматривать эти и аналогичные им лексемы в качестве выразителей грамматизованных значений *собирательности* и *неопределенно-обобщенной множественности*, которые являются средством выражения соответствующих структуральных концептов.

История этих образований, в частности, существительного weorold обнаруживает связь с признаками *человек, цикл (возраст, поколение), рост*,[127] *большое количество, соединение*. Традиционно это слово связывается по происхождению с и.-е. *wĭ-ro- *man (человек, мужчина)*: Lat. vir *man;* OE wer *man;* weorold *world* (< Germanic compound *wer-ald- *life or age of man*) [Wat.: 101]) (концепт *мужской*), а через него – с концептами *охота* и *сильный* (*преследовать зверя*, *охотиться:* *weiə- *to go after something, pursue with vigor, desire,* with noun forms meaning *force, power*: Lat. vīs *force* [Wat.: 97]). Элемент *ald- *life or age of man* реализует идею *развития*, *роста* (и.-е. *al-[3] *to grow, nourish* (*расти, выращивать, питать:* Lat. alere *to nourish*, Gr. althein *to get well;* OE ald *old* [Wat.: 3]*;* гот. alan *расти;* alds *человеческий возраст, время;* др.-исл. aldr *возраст, жизнь, время*)[128].

Таким образом, понятия из сферы *пространства* (weorold) и *времени* (*ald-) становятся базой для развития концепта *множественность,* а репрезентирующие их единицы становятся лексическими средствами выражения структурального концепта *неопределенно-обобщенная множественность.*

Ярким примером грамматизованных средств выражения структурального концепта *неопределенно-обобщенная множественность* является личное

[127] Идея *роста* в изучаемой модели реализована в лексемах wæstm *growth, produce, plant, fruit; growth, growing, increase, thriving; growth, condition reached by growing, stature, form*; wæstmblrness *fruitfulness, fertility, productivity*; wæstmblru *fertility*; wæstm-berendness *fertility, fecundity.*

[128] Не исключена возможность соположения существительного wer и соответственно weorold с концептуальным признаком *соединение* через трактовку и.-е. корня *wĭ-ro- *man* как производного от и.-е. *u̯ei̯ *плести, связывать* (ср. русск. *крепкий*, лат. corpus) [Л$_2$: 239]. *Соединение*, как известно, предполагает объединение частей во *множество*, в целое, ср. также и.-е. корень *(s)u̯er *присоединять* (лит. vérti *вдевать*) и его рефлекс в др.-англ. weorn *отряд, множество* [М: 830].

местоимение 1-го лица множественного числа wē *мы*, которое восходит к индоевропейской местоименной основе *u̯e- *мы* [Lehmann: W82] и актуализирует значения:

1) *неопределенно-обобщенной множественности* (я + ты + ты или я + он + он): **Wē** þonne synt þe fylgeaþ ***Мы*** *тогда суть те, кто следует* [B: 1170];

2) *множественности «величия»* (по отношению к королю и его окружению): **Wē** (Ine and the witan) bebeódaþ … ***Мы*** *(Ине и старейшины) приказываем* [B: 1170];

3) *двойственности:* Ic and þæt cild gāþ unc tō gebiddenne and **wē** syþþan cumaþ eft tō eów *Я и дитя собираемся помолиться и* ***мы*** *затем отправляемся вскоре в вечность* [B: 1170];

3) *единичности*: Nū hæbbe **wē** scortlīce gesæd *Сейчас* ***мы*** *кратко рассказали (я ... рассказал)* [B: 1170]; Beowulf maþelode: «**Wē** þæt ellenweorc fremedon» *Беовульф молвил:* «***Мы*** *(я) то славное дело совершили (совершил)*» [B: 1170] (значение указания на королевскую особу вне ее ближайшего окружения).

К нему примыкает местоимение wit *мы с тобой*, которое является средством выражения структурального концепта *двойственность*. Местоимение *мы* указывает на некое множество лиц, включающее говорящего. Для снятия этой *неопределенности* говорящему приходится постоянно обращаться к разным пластам своих фоновых знаний [Филиппов, 1995: 76]. Анализируемое местоимение обладает инвариантным значением *обобщенности*, *целостности* группы субъектов, обозначаемых местоимением [Филиппов, 1995: 73].

На исходную семантику и.-е. местоимения *u̯e- *мы* либо **древнего инклюзива** при эксклюзиве *me- (ср. однако первоначальный ностр. инклюзив **mä *мы с вами*) либо **двойственного числа** со значением *мы с тобой* указывает Вяч. Вс. Иванов [Иванов, 1979: 28]. Первое положение подтверждается совпадением формы 1 лица множественного числа типа хетт.

u̯es *мы* с формами 2 лица множественного числа типа ст.-слав. *вы*, лат. vos (др.-англ. wē *мы* при 2 лице множественного числа ge < *i̯u-), т. е., по сути, *мы* = *вы* (*чужие*). По Г. А. Климову, инклюзивное *мы* оказывается максимально абстрактным, поскольку оно способно подразумевать всех мыслимых участников препозиции (я + ты + они) [Климов, 1977: 301].

Согласно второму предположению, *множественность* восходит к *двойственности*. При этом «двойственное число индоевропейских языков … в известной мере тяготеет к множественному: в корневой оппозиции супплетивных личных местоимений корню единственного противостоит общий корень двойственного и множественного» [Тронский, 1946]. В самом деле, между семантикой *неопределенно-обобщенной множественности* местоимения wē и *двойственности* личного местоимения wit *мы вдвоем* устанавливается тесная связь. Второе местоимение, которое развивается на общегерманской почве, сближается с первым формально и концептуально. Следует подчеркнуть, что наличие остатков двойственного числа у личных местоимений 1 и 2 лица связано с резкими различиями между *единичностью* и *множественностью* в этой категории слов: в отличие от существительных, wē (и wit) не является простой суммой я + я + я, а представляет собой или я + ты или я + вы, я + он. Помимо грамматических различий, в формах этих местоимений есть и лексические различия, что, вероятно, и обусловливает сохранение в этой категории слов особенной системы числовых различий.

Мы рассматриваем семантику местоимения wē с точки зрения подхода, предложенного в настоящей работе.[129] При этом местоимение *we- *we*

[129] Интересную гипотезу о путях грамматикализации полнозначной лексемы, давшей впоследствии индоевропейское местоимение *u̯e, выдвигает Н. Д. Андреев. Он полагает, что местоимение восходит к раннеиндоевропейскому корневому слову WXy- *везти, возить, перекочевье, заготовительный, семейно* [A: 157], т. е. оказывается связанным с семантикой сезонных миграций добытчиков, являясь источником представлений о раннеиндоевропейском роде и о специфике его деятельности. Таким образом, восстанавливается формирование и развитие анализируемого концепта: *везти* > *семейно* > *мы многие* > *мы*. Прономинализация затрагивает потенциальный компонент слова, а именно, значение *группы* лиц, которые осмысливаются сначала как *мы, везущие свое заедино*, а впоследствии – как обобщенное *мы*. В этом случае акцентируется значимость *коллективных связей*. В раннеиндоевропейском языке протосема претерпевает изменения, и слово расширяет свою семантику. При этом осуществляется переход от признаков, связанных с древнейшими *миграциями* кочевников-охотников, к признакам, маркирующим образование родовой общины и

nominative case 1 person plural; suffixed variant form *wey-es [Wat.: 95] относит ко второй половине племени или рода, условно говоря, к *чужим* (внутри одного рода запрещалось вступать в брак). Весь род или племя маркируется при помощи ностр. **mä *мы с вами* (концепт *широкая родовая группа (инклюзивная множественность*)), в которое *we- входит в качестве второй, *чужой* половины (слав. *васъ*, *вы,* лат. vos *вы*, скр. vas *вы*). *Инклюзив* объединяет признаки мы (*наши*) + вы (*не-наши*, *чужие*). Для создания и.-е. *номинатива* мн. ч. *we- была выбрана основа именно такой семантики, которая и представляет в древнеанглийском языке признак *качественной множественности, родовой группы*, слитой с *родом* (или *второй половины племени, фратрии*). При этом развитие концепта *неопределенно-обобщенная множественность* оказывается связанным с концептом *широкая родовая группа (инклюзивная множественность*).[130]

Будучи маркированным инициалью лабиальной зоны, связанной с семантикой *чужого,* местоимение *we- (*мы*, *чужие*) противостоит и.-е. местоимению с дентальным [n] *nes-[2] oblique cases of the personal pronoun of the 1 person plural [Wat.: 58] (*наши*, *свои*). Последнее восходит к ностр.

парной семьи. Родовое общество позднепалеолитической эпохи представляет собой материнскую общину, внутри которой существует особая форма брачных отношений – групповой брак и позднее – парная семья. Парная семья представляет собой новую ступень эволюции брака. Это общественная единица, основанная на браке и отношениях кровного родства по материнской линии [Советский энциклопедический словарь, 1982: 967; 825]. Парная семья объединяет мужчину и женщину, но не является хозяйственной ячейкой общества, поскольку брачная пара не ведет обособленного хозяйства и не имеет своей собственности. Каждый член брачной пары крепко связан со *своей* родовой общиной. Реликты феномена брачных отношений, связанные с переходом невесты из одного рода в другой (или из одной половины рода в другую), отражены в англосаксонском словаре и включают лексемы wedding *женитьба*, wedian *жениться* (< *u̯ed(h) *вести; жениться*: лит. vedù веду, *женюсь*, др.-вн. widemo *приданое* [M: 794]), weotuma *вено (за вторую половину семьи)*. Как видно, раннеиндоевропейская протосема передает комплекс весьма важных смыслов, связанных с представлениями о коллективной деятельности древней общины, отсылает к тому этапу развития человека и общества, когда коллективная жизнь была не просто необходима, а являлась единственным способом существования человека. Человек в его непосредственной близости к роду и Природе в целом осмысливается как *родовая личность*, не самостоятельная в своих личностных проявлениях, а слитая в единый коллектив, состоящий из множества индивидов. В рамках этих представлений и формируется структуральный концепт *неопределенно-обобщенная множественность*. Он тесно связан с так называемой *качественной множественностью*. Следует отметить, что процесс грамматикализации полнозначной лексемы и образования грамматизованной формы множественности личного местоимения воссоздан Н. Д. Андреевым только гипотетически. Вскрыть подлинную картину грамматикализации местоимения *u̯e не представляется возможным.

[130] М. М. Маковский соотносит индоевропейское личное местоимение 1 л. мн. ч. *u̯es- с лат. vir *человек*, ассоциируя концепты *множественность* и *человек* [Мак.: 95].

местоимению **n*Ѧ мы без вас*, являющемуся средством выражения ностратического концепта *узкая родовая группа (эксклюзивная множественность)***.** Местоимение *nes-[2] входит в дентальную зону, ориентированную на семантику *своих*, *узкой родовой группы* или *одной из половины племени* (*фратрии*).

Изложенная точка зрения находит, в частности, поддержку в работе [Савченко, 1960: 15], который, вслед за Э. Прокошем, считает, что местоимение *ves / vos первоначально не было дифференцировано по лицам и не обозначало *множества* индивидуумов. Очевидно, оно обозначало *группу* людей с точки зрения ее принадлежности к родовому коллективу. Основа же *nes / nos / ns (лат. nos, скр. nas, слав. насъ, готск. uns из *ns, кельт. *s-nes), возможно, служила первоначально указанием на *узкую родовую группу* говорящего, в то время как *ves / vos – на более *широкое родовое объединение*.

Таким образом, в модели [w]-лексики осуществляется взаимосвязь лексических концептов *пустой, Хаос, вода, женский, чужой, война, преследование, сопротивление, гнев, безумие, слабый, болезнь, горе, беда, несчастье, плохой, убийство, жестокость, рана, преступление, наказание, скорбь, вдовство, магия, власть, рост, сильный, движение*. Специфическим для [w]-лексики является развитие структуральных концептов[131] *неопределенно-обобщенная множественность* и *двойственность*, формирующихся, по всей видимости, на базе концепта *человек***.** Структуральные концепты *топологически* связаны с лексическими концептами посредством признаков, сопряженных с ***большим количеством***: *увеличение*, *рост*, *значительный* (размер, объем и т. п.), *усиление, много* и других. Эти признаки характеризуют *имманентные* свойства материальных объектов, присущие природе самих предметов и связанные, в частности, со *степенью* выраженности измеряемых свойств

[131] В других моделях лабиальной лексики взаимодействуют иные концепты. Так, в частности, в [f]-лексике взаимодействуют лексические концепты *рост, старшинство* и структуральные концепты *детериоризация, предшествование***.** Следует отметить, что даже если реальный процесс грамматикализации не подлежит реконструкции (как, например, в случае с личным местоимением *мы*), существует возможность установить четкую связь структуральных концептов, в частности, концептов *неопределенно-обобщенная множественность, двойственность* преимущественно с моделью [w]-лексики.

предметов, явлений (*количество*), с мерными характеристиками предмета – *размером*, *объемом*, *протяженностью*.

Подобные концептуальные области являются интегративными. Это означает, что совокупность концептов, выраженных в данной зоне, продуцирует не «сумму» концептов, а новое целостное знание. Формируется интегративный концепт – концептуальная область, связанная с семантикой *физической* и *духовной силы, власти, рождения, становления*, *обмана, преступления, вины, наказания, антагонизма*, ведущего к *смерти*. Это та сфера, где мироздание начинается и заканчивается, это *начало* и *итог жизни*, *Хаос, смерть* и *Возрождение,* Судьба и Рок, *переход от хаоса к порядку*, *родовая личность*, не отделенная от *Природы* и *Рода*, *родовой Космос*, возникающий из *Хаоса*.

4. 5. Интеграция иконических единиц дентальной зоны

4. 5. 1. Интегративный концепт фрагмента дентальной зоны ([s]-лексика)

4. 5. 1. 1. Концепт *установление*

Иконический фрагмент лексики с инициальным [s] сформирован единицами, выражающими идею *устроения мира, установления порядка*. Мифопоэтическая традиция трактует *Космос*, или мироздание как целостную Вселенную, организованную в соответствии с определенным *законом* [Постовалова, 1988: 62].

На уровне мезореальности базовый комплекс концептуальных признаков древнеанглийской лексики с лабиальным [s] соотносится с пространственно-временной системой координат, а именно, с номинацией пространственных конфигураций, а также объектов, занимающих определенное положение в пространстве. Как правило, это *прямые, без изгибов* объекты, занимающие *устойчивое* положение, или *неизменяемые* процессы и т. д.: standan *стоять,*

жить (*находиться в вертикальном положении, не передвигаясь*), steall *вертикальная позиция, место,* stæl *место,* stede *место,* stōc *место,* stōw *место* (*пространство, на котором что-либо находится*). Ср. также существительные stōl *табурет, сидение, трон*, staþol *основание, место,* sweor *колонна, столб,* steng *кол, столб, стойка, подпорка,* staca *кол, столб, стойка, подпорка,* syl *столб* (*бревно, укрепленное стоймя, неподвижный объект*), syll *опора, луч,* stæf *посох, палка, шест*, sticca *палка,* slege *луч, балка, брус*. Как видно, особую роль здесь играют номинации *прямых*[132] *(вытянутых)* объектов.

Собственно временные факторы задаются семантикой существительных, также сопряженной с признаком *постоянства*: spann *промежуток времени,* sæl *время, случай, сезон, возможность, счастье*, stefn *поворот, время*, stund *время, час,* stand *остановка, пауза, задержка* (*краткий перерыв*), sīþ *поздно,* sōna *вскоре, скоро,* sumer *лето,* simbel *вечный, постоянный* (*не перестающий существовать*) и многими другими. Использование одного и того же и.-е. корня, в частности, *sta- *to stand;* with derivatives meaning *place or thing that is standing:* Lat. stāre *to stand,* Old Church Slavonic starŭ *old (long-standing)* (Germanic *stadaz *placed*)[133] [Wat.: 84] для номинации пространственных и временных понятий свидетельствует о неразрывной связи концептов (*пространство-время*). Материальное тождество корня отражает «идеальную взаимосвязь» понятий *пространства* и *времени*. Кодирование разных понятий одним элементом возможно только на определенной ступени сознания, относительно недифференцированной и невосприимчивой к специфическому отличию *пространства* от *времени* [см. Топорова, 1994: 20].

Концепт *прямой*, базирующийся на образах конкретных предметов действительности, ровно идущих в определенном направлении, не

[132] С номинациями *прямых, вытянутых объектов* сопряжены, в свою очередь, наименования *колющих, острых, режущих объектов*, объектов с *зубцами*, например, sweord *меч*, sīþe *серп*, sagu *пила*, seax *нож*, secg *осока*, scēar *плужный лемех*, scēar *ножницы*, sleahe *батан, инструмент ткацкого станка с зубцами*.

[133] О природе германского *stund- следует заметить, что имеется в виду короткий отрезок времени, «стоящий» момент. Перенос пространственных отношений на временные отношения обусловлен метонимически: *пространство > время*. Основные этапы переноса следующие: *столб – окружающее его пространство, место ночлега (войск) – расстояние между стоянками – время, необходимое для преодоления этого расстояния, дневной марш* [Топорова, 1994: 37].

уклоняющихся в стороны, без изгибов и выпуклостей, оказывается сопряженным с концептом *установление*, важной составляющей германской и индоевропейской моделей мира. Концепция *установления* играет исключительную роль в мифопоэтической модели мира, поскольку в расстановке объектов, рассматриваемых на макроуровне, закреплении за ними определенного места заключается космизация Вселенной. Функция *установления* составляет существенный аспект демиургической деятельности, например, в описании акта первотворения в скандинавском эпосе: «*Они (боги) дали место (stað) всякой искорке: одни укрепили на небе, другие же пустили летать в поднебесье, но и этим назначили свое место и уготовили путь*» [Топорова, 1994: 36 - 37]. В англосаксонском эпосе Всемогущий, сотворив землю, окруженную водой, устанавливает солнце и луну как важнейшие пространственно-временные ориентиры: se Ælmihtiga eorðan worhte, wlite-beorhtne wang swā wæter bebūgeð; gesette sige-hrēþig **sunnan** ond **mōnan** lēoman tō lēohte land-būendum *Всемогущий землю сотворил, сверкающее место, окруженное водой, установил победы создатель, **солнц**а и **луны** свет – ламп для людей* [Beowulf: 92 - 98].

Целостное представление о первотворении дает отрывок из «Вёлюспы»:

Áðr Burs synir bjöðum um yрðu,

þeir er Miðgarð mœran skópu;

sól skein sunnan á salar steina,

þá var grund gróin grœnum lauki

Пока сыны Бора, Мидгард создавшие великолепный, земли не подняли, солнце с юга на камни светило, росли на земле зеленые травы.

Sól varp sunnan, sinni mána,

hendi inni hœgri um himinjódyr;

sól þat ne vissi hvar hon sali átti,

máni þat ne vissi hvat hann megins átti,

stjörnur þat ne vissu

var þær **staði** áttu

Солнце, друг месяца, правую руку до края небес простирало с юга; солнце не ведало, где его дом, звезды не ведали, где им ***сиять*** (букв. *где … место*), *месяц не ведал мощи своей.*

Þá gengu regin öll rökstóla,

innheilug goð, kum þat gættusk;

nátt ok niðjum nöfn um gáfu,

morgin hétu ok miðjan dag,

undorn ok aptan, árum at telja

Тогда сели боги на троны могущества и совещаться стали священные, ночь назвали и отпрыскам ночи – вечеру, утру и дня середине - прозвище дали, чтоб время исчислить.

Hittusk æsir á Iðavelli,

þeir er hörg ok hof hátimbruðu,

afla lögðu, auð smíðuðu,

tangir skópu ok tól görðu

Встретились асы на Идавёлль-поле, капища стали высокие строить, сил не жалели, ковали сокровища, создали клещи, орудья готовили.

Tefldu í túni, teitir váru,

var þeim vettugis vant ór gulli;

unz þrjár kvámu þursa meyjar

ámátkar mjök ór jötunheimum

На лугу, веселясь, в тавлеи играли, все у них было только из золота, - пока не явились три великанши, могучие девы из Ётунхейма.

Þá gengu regin öll á rökstóla,

ginnheilug goð, ok um þat gættusk:

hverr **skyldi** dverga drótt um **skepja**

ór brimi blóðgu ok ór Bláins leggjum

*Тогда сели боги на троны могущества и совещаться стали священные: кто **должен** племя карликов **сделать** из Бримира крови и кости Блаина.*

Unz þrír kvámu ór því liði
öflgir ok ástkir æsir at húsi,
fundu á landi lítt megandi
Ask ok Emblu örlöglausa

И трое пришло из этого рода асов благих и могучих к морю, бессильных увидели на берегу Аска и Эмбли, судьбы не имевших.

Önd þau ne áttu, óð þau ne höfðu,
lá né læti né litu góða;
önd gaf Óðinn, óð gaf Hœnir,
lá gaf Lóðurr ok litu góða

Они не дышали, в них не было духа, румянца на лицах, тепла и голоса; дал Один дыханье, а Хёнир – дух, а Лодур – тепло и лицам румянец.

Ask veit ek standa, heitir Yggdrasill
hár baðmr, ausinn hvíta auri;
þaðan koma döggvar þærs í dala falla;
stendr æ yfir grœnn Urðar brunni

Ясень я знаю по имени Иггдрасиль, древо, омытое, влагою мутной; росы с него на долы нисходят; над источником Урд зеленеет он вечно.

Þaðan koma meyjar margs vitandi
þrjár, ór þeim sal er und þolli stendr;
Urð hétu eina, aðra Verðandi,
skáru á skíði, Skuld ina þriðju;
þær lög lögðu, þær líf kuru
alda börnum, örlög seggja

Мудрые девы оттуда возникли, три из ключа под древом высоким; Урд имя первой, вторая Верданди, - резали руны, - Скульд имя третьей; судьбы

судили, жизнь выбирали, детям людей жребий готовят [Völuspá: 4 - 9; 17 - 20; Велюспа: 121 - 122].

При **создании** Мидгарда (др.-англ. глагол scippan *создавать, делать, образовывать, устраивать*) дается указание на «правую руку» солнца (правая сторона и рука – созидающая), указывается точное местоположение объектов[134] (пространство) и их роль («мощь») в творении. Особо значимым становится *установление имен*[135] для всего сущего, установление времени и временных циклов, сооружение построек, подготовка и использование орудий и инструментов. Далее следует подготовка к созданию племен карликов из костей и крови. Примечательна модальность *долженствования*[136] при сотворении мира (skyldi … skepja), а не *желания* (признак лабиальной зоны, отраженный в глаголе willan *хотеть, желать*). Наконец, в первого человека вкладывается дух, дыхание, теплая кровь, голос, стержень. Сами первые люди, сделанные из дерева, уподобляются деревянному древку, или Мировому Древу.

В ходе оформления мира, далее, воздвигается мировая вертикаль – *Мировое Древо* (ясень Иггдрасиль) или *Столп* (*Ось*), разделяющее и одновременно соединяющее небо и землю [Мифы народов мира, 1994. Т. 1: 398 - 406]. По вертикали Мирового Древа осуществляется дифференциация трех мировых зон, а именно: верхнего мира – неба, среднего мира – земли и нижнего мира – подземного царства, преисподней. В горизонтальном плане структура Космоса конституируется четным числом направлений. Установление Мировой

---

[134] Наделение предметов местами интерпретируется как приобретение ими статуса самостоятельного существования, что отражается на языковом уровне в кодировании одним и тем же элементом (и.-е. *stā-, *stə-) лексем со значением *стоять* и *стать*, т. е. *получить новое качество*, например, в русск. *стоять*, *стать*, др.-прусск. stānintei *стоя*, postāt *становиться* [Топорова, 1994: 36].

[135] Примечательно, что древнеанглийский глагол scippan означает не только *созидать, оформлять*, но и *называть, давать имя* (в сочетании naman или tō naman scippan). Созидание неизменно сопряжено с называнием словом, ср., по А. Ф. Лосеву: «Имя сущности присуще самой сущности по ее природе и неотделимо от нее, будучи ее выразительной энергией … творение происходит путем называния имен, «словом» и словами. Назвать для сущности значит сотворить» [Цит. по: Постовалова, 1995: 412].

[136] Мудрые девы-норны возникают в конце творения из источника Судьбы. Они **вырезают** (!) руны, **судят** (!) людей, выбирают жизнь и готовят жребий. Имя для Будущего – Скульд (др.-англ. sceal *to owe; obligation or constraint of various kinds, shall, must, ought, have or am, am bound; duty, moral obligation; shall, ought as being fit, right, proper, in accordance with reason; the necessity of fate; to be forced* (*быть в долгу; быть вынужденным; необходимо; должен*), scyld *guilt, sin, crime, fault; a debt, due* (*вина; долг, дань)*). И существительное, и глагол восходят к корню *skel-[2] *to be under an obligation* (*быть должным*) < Germanic *skal *I owe, hence I ought* [Wat.: 77]. Как видно, в отличие от лексики лабиальной зоны, лексика дентальной зоны сопрягает признаки *действие, ограничение, вина* и *долг, обязанность*.

Оси при сотворении Вселенной дублируется также социогенетически воздвижением культового сооружения – столба – при формировании территории, принадлежащей роду. Угодья, пастбищные земли и загоны для скота отделяются от чужого рода с помощью *ограды, столба, кола*. Таким образом, содержательно маркировка границ племени, по сути, совпадает со смыслом сакральной точки мироздания, – *Мировым Древом*, или *Осью* [см. Мак.: 310].

Как известно, форма прямой линии издавна считается отличительным признаком организованной природы. Хаотическая материя **упорядочивается** в практической деятельности человека, что выражается в придании природным предметам труда необходимой – правильной формы. «В природе нет четких и жестких линий. Очевидно, что исток этого – в предметно-практической деятельности человека». Поскольку в основе трудового механизма лежит целеполагающий процесс с его важнейшим принципом – линейностью, постольку «порядок стал соотноситься с геометрической правильностью, а беспорядок – с разбросанностью, неправильным соотношением частей» [Категории «закон» и «хаос», 1987: 123; см. также Бауер, Дюмоц, Головин, 1995: 25; 35]. Таким образом, одним из вариантов концепта *установление* является мотивировка результата или объекта установления – физического объекта, «занимающего» устойчивое, чаще всего *прямое* вертикальное положение в пространстве, или отвлеченного понятия, связанного с данными признаками. Параметры объектов такого рода – их форма и конфигурации – и выступают в качестве психофизической базы для формирования данного концепта. Космизация Вселенной означает одновременно и установление временных ритмов, которые, согласно архаическому ассоциированию понятий, вербализуются посредством одного и того же элемента.

На лексическом уровне концепт *установление* связан с рядом метафорически смежных концептов: *правило, закон* (sudung *правило,* steor *руководство, правило, направляющий, исправление*, sidu *обычай, способ,*

мораль, поведение, setness *правило, организация, порядок*), *истина* (sōþ *истина, соглашение*) и многими другими. Интересно соотношение номинаций *правой* активной, упорядочивающей *руки*[137] (*мужское начало*), вербализованных в лексике с инициальным дентальным [s],[138] и *левой* пассивной *руки* (*женское начало*), представленных в лексике с лабиальным инициальным [w] (см. рис. 4.2, 4.3, 4.4), а также номинаций *губ* и *языка* (органы речи при артикуляции лабиальных / дентальных звуков соответственно).

4. 5. 1. 2. Концепты *творение, созидание*. Структуральные концепты *состояние, положение*

Семантика *созидания (резания), делания* – диагностическая для лексики дентальной зоны. Важное место в структуре иконического пространства изучаемого фрагмента лексики занимают глаголы, обозначающие различные виды бытовой и производственной деятельности (процессы *разрезания, отделения, очищения*: scēadan *отделять*, scītan *очищать*, sceran *резать*, strīcan *испещрять полосами*, strēowian *разбрасывать*), а также производные существительные, номинирующие инструменты, орудия труда или объекты – результаты деятельности. Они восходят к индоевропейским корням соответствующей семантики (см. табл. 4.1).

Понимаемые в мифопоэтическом ключе, бытовые и производственные действия (уровень мезокосма) приобретают статус космогонических актов (уровень макрокосма).

[137] О *правом – левом* см. [Мак.: 207].

[138] Человек, «восстанавливаемый» при помощи лексем лабиальной зоны, реконструируется в следующем виде: tunge *язык*, tēþ *зубы,* sceaþa *ноготь,* seonu *сухожилие,* sīn *глаз,* seo *зрачок,* swiðra hand *правая рука,* sweor-bān *ключица, шея,* sweora *шея,* sceanca *голень, нога,* spearwa *голень,* sceacga *волосы на голове*, sāwel *душа,* sweota *мошонка,* sceap *a private part.*

Таблица 4.1

Номинации процессов, орудий, результатов деятельности
на дентальный [s]
в индоевропейском праязыке и древнеанглийском языке

индоевропейский корень	**древнеанглийские соответствия**
*sek- *to cut* (*резать, рубить*)*:* Russ. sech' *to cut*, Lat. sēcula *sickle* [Wat.: 74]	sīþe *серп*, sagu *пила*, seax *нож*, secg *осока*
*skei- *to cut, split* (*резать, расщеплять*): Old Irish scīan *knife*, Lat. scindere *to split* [Wat.: 77]	scītan *очищать, испражняться*, scēadan *отделять*, scēaþ *ножны* (< *расщепленная палка*), scinu *голень, большеберцовая кость*
*(s)kel-[1] *to cut* (*резать*): Lat. culter *knife*, Gr. skallein *to stir up, hoe* (> skalenos *uneven*) [Wat.: 77]	sceran *резать*, scēar *плужный лемех*, scearu *разделение, порция*, scēar *ножницы*, sceard *черепок, осколок, скорлупа*, scort *отрезанный, короткий*, scield *щит* (< *доска*), healf *половина* (< вариант *kelp-), scyrte *юбка* (< *отрезанный кусок),* sceorf *струп, корка*, scearp *перхоть, чешуйки*, scrybb *кустарник* (*грубое растение*), scell *раковина*, scelu *скорлупа*
*steig- *to stick; pointed* (*колоть, заостренный*)*:* Lat. stinguere *to quench*, perhaps originally *to prick*, and its apparent derivative dīstinguere *to separate* (phonological and semantic transitions obscure), Gr. stizein *to prick, tattoo* [Wat.: 85]	stingan *жалить, жечь*, stagga *самец*
*streig- *to stroke, rub, press* (*тереть, давить*): Lat. striga *row of grain, furrow drawn lengthwise over the field*, stringere *to draw tight, press together* [Wat.: 87]	strīcan *испещрять полосами*, stricel *инструмент для обработки зерна,* strica *полоса, линия*

Исходное значение древнеанглийского глагола scippan *to shape, form; to create (of the act of the Deity); to shape for one as his fate, to assign as a person's lot; to destine, adjudge;* in the phrases naman or tō naman scippan *to give a name* (*создавать, делать, образовывать, устраивать*) (< и.-е. *(s)kĕp/b(h) *нарезать; создавать*: лат. scabō *царапаю*, готск. gaskapjan *создавать* [M: 609]; ср. *(s)kep- base of words with various technical meanings such as *to cut, to scrape, to hack*: OE gesceap *form, creation* (< *cutting*), sceppan *to form*, sceafan *to scrape, pare away* [Wat.: 77]) обобщается до значения макрокосма *придавать форму, создавать*.

Это прерогатива Творца (*the act of the Deity*). Признаки *творения* (sceōp) и *создателя-творца* (scyppend) актуализируются в космогонических актах англосаксонской традиции, ср.: Nū sculon herigean heofon-rīces weard … Hē ærest **sceōp**, eorðan bearnum … hālig **scyppend** *Сейчас должны мы восславить хранителя небесного царства … Он сначала* ***сотворил*** *людей … святой* ***Создатель*** [Cædm.: 21].

sāwel *душа*

sceacga *волосы на голове*

sīn *глаз*

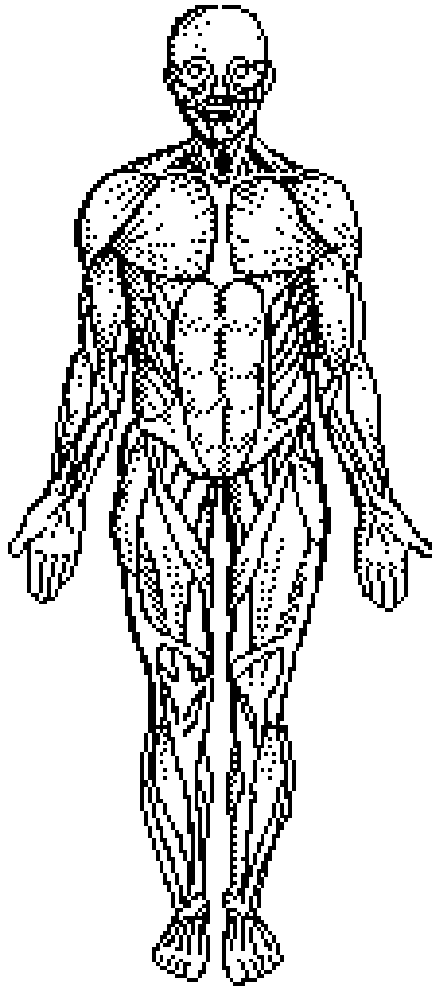
tunge *язык*
sweora *шея*

swiðra hand *правая рука*

sweota *мошонка*

sceaþa *ноготь*

sceanca *голень, нога*

seo *зрачок*

tēþ *зубы*
sweor-bān *ключица*

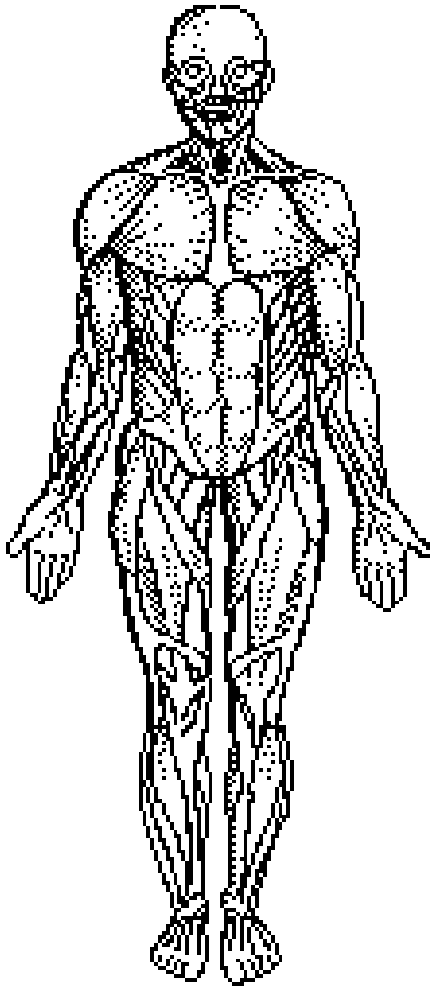
seonu *сухожилие*

sceap *membrum virile*

Рис. 4.3. Человек по данным лексики дентальной зоны

weleras *губы*

tunge *язык*
tēþ *зубы*

winestra hand *левая рука*
wamb *живот, матка*

swiðra hand *правая рука*

Рис. 4.4. Противопоставление лексики дентальной и лабиальной зон по наименованиям частей тела

Однокоренное существительное scipe *pay, stipend; state, condition, dignity, office* (*состояние*, *положение*) реализует признаки *состояния, положения, результата, производного от деятельности*.

Широкая семантическая база имени и частотность использования предопределяет его грамматикализацию, лексическое выветривание полнозначного слова и превращение его в суффикс абстрактных имен существительных -scipe, в котором древняя семантика уже не мотивирована, ср. frēondscipe *дружба*, weorþscipe *честь*, gebēorscipe *празднество* (концепты *действие, созидание* > структуральные концепты *состояние, положение*).

В качестве параллелей к дентальной лексике [s]-фрагмента, реализующей признаки *действия, дела, деяния*, можно привести лексемы с инициальным [d]: dōn *делать; заставлять; класть; сохранять; считать;* dæd *действие, поступок, деяние, подвиг;* deorfan *работать, трудиться;* dreogan *совершать, выполнять, делать, выносить, страдать, вести определенный образ жизни*. Показательна исходная семантика древнеанглийского глагола dōn, который восходит к и.-е. *dhē- *to set, put*: Old Persian dā- *to place*, Sansk. dadhāti *he places*, OE dld *doing, deed* < *dhē-ti- *thing laid down or done, law, deed*; OE dōn *to do*, dōm *judgment < thing set or put down* (< *dhō-mo-)*;* -dōm abstract suffix indicating *state, condition, or power;* dēman *to judge*) [Wat.: 17].

4. 5. 1. 3. Концепт *свой*. Структуральные концепты *возвратность, притяжательность*

Концепт *свой* в рамках оппозиции *свое / чужое* играет исключительную роль в культуре архаических обществ. Рождение и идентификация индивида в группе предполагает изначальную дифференциацию *своего* и *чужого* рода. При этом принадлежность членов сообщества к своему роду осмысливается сакрально-позитивно, а чужаки остаются на периферии, формируя профанные области *негативного, злого, хаотичного, подчиненного*. По данным лексики с

инициальным [s], к своему роду относятся sweostor *сестра*, sweor *свекор,* sweger *свекровь*, snoru *сноха* (которая переходила в «наш род» из чужого рода), sibb *родственник* и другие.

Передача значений *родства* по *свойствý* (*сговору*), т. е. в силу *породнения* является диагностической чертой исследуемого фрагмента лексики. Номинации sweor *свекор*, sweger *свекровь*, snoru *сноха*, а также sweostor *сестра*, денотатами которых являются представители социальных групп, породненных в силу свойствá, принадлежат к лексической сфере, заданной различением внутриродовых отношений. При этом sibb осмысливается как *всем родом* (с чадами и домочадцами), sweostor *сестра* - как стремящаяся привести в *свой* род, sweger с*векровь* - как внутри рода наводящая порядок и snoru *сноха* – как перешедшая в *наш* род [А: 255 - 256]. Отношения *родства по сговору* тесно связаны со значениями *согласия, мира*, ср., в частности, значения прилагательного swes *собственный, дорогой, добрый, согласный*, *приятный* и второе, помимо значения *родства,* значение существительного sib *мир*. Понятием sib охватываются все степени родства в большесемейной общине Англии. Оно включает как близких родичей, так и духовную родню – крестных с крестниками (крестницами) вплоть до дальних родственников. По законам Инэ, «… ни один из христиан не должен был вступать в брак внутри шести поколений в своем собственном роду, ни с вдовой своего родича, который является ближайшей родней, ни с родичами женщины, которой он сам ранее обладал, ни со своими крестницами …». Sib, объединяя всех англосаксов в один мир, подчеркивает их общее происхождение и подготавливает их слияние в единую этническую общность [Шервуд, 1988: 87 - 88].

Э. Бенвенист полагает, что индоевропейское *swesor *сестра* является сложным словом и обнаруживает два элемента: *swe- *социальная группа* и *-sor *существо женского пола*. Исходное значение данного социального термина можно идентифицировать как *существо женского пола*, входящее в социальную группу *swe. Положение сестры при этом определяется именно по

отношению к *swe, социальной подгруппе в рамках большой семьи, вокруг которой группируются лица мужского пола [Бенвенист, 1995: 150]. Производные от *swe- (др.-англ. sweor *свекор,* sweger *свекровь*) относятся к **родству в силу породнения**, а не кровного родства, связывая их носителей с другой половиной экзогамной семьи. В целом анализируемый корень предполагает принадлежность к группе *своих*, а с другой стороны, «конкретизирует себя» как *индивидуальность*. Это то выражение, которым пользуется человек, чтобы определить себя как *индивида* и «замкнуть происходящее на себя» [Бенвенист, 1995: 217 - 219].

В последующем признаки *свой, собственный, своего рода, родство по свойству́, сам, индивид,* выраженные лексически, становятся базой для формирования структуральных признаков *притяжательности*, *возвратности*, выраженных в рамках дентального лексикона.

Характерна в этом плане лексическая семантика древнеанглийского возвратно[139]-притяжательного местоимения sīn *his, her, its, their (его, ее, их)*, содержащего признаки *своего, собственного* и нейтрального к роду и числу. Оно восходит к индоевропейской местоименной основе *seu̯e- / su̯e- / se (герм. *se-), которая служит для выражения *возвратности* по отношению ко всем лицам и без различия числа и не имеет формы именительного падежа (ср. русск. *себе, себя, собой*). Примечательно, что славянские возвратные местоимения *себе, себя, собой* восходят к индоевропейскому возвратному местоимению с s-основой, но русское возвратно-усилительное *сам* восходит к и.-е. *sem- *один* (концептуальная связь *единичности, определенности, возвратности*). В семантическом плане возвратное местоимение указывает на *лицо*, представляющее в предложении *производителя действия* [Грамматика русского языка, 1960: 27], а точнее, выражает тождество *субъекта* и *объекта* действия, например: He criticized himself [Жигадло, Иванова, Иофик, 1956: 57].

[139] Наиболее полно возвратное местоимение сохранилось в готском и скандинавском языках, ср. готск. род. п. ед. ч. seina, дат. п. sis, вин. п. sik, др.-исл. род. п. sín, дат. п. sér, вин. п. sik [Сравнительная грамматика германских языков, 1963: 308].

В рамках древнеанглийского периода местоимение sīn заменяют падежные формы личных местоимений 3 лица, и оно сохраняется лишь в составе притяжательных местоимений наряду с лексемами his *его*, hire *ее,* hiera *их*.

Развитие возвратного местоимения осуществляется сравнительно поздно. Исходная семантика местоименной основы *s(w)e[140] включает значения *отдельно, сам по себе* (применительно к своему роду), т. е. базируется на концептах *родства по свойству́, самости, своего, собственного*. Лишь позднее слово превращается в возвратное и адъективное притяжательное местоимение. При этом социальное понятие *свойства́* поставляет личное понятие (*сам*): происходит взаимодействие общественных институтов и понятия *лица*, замыкающего речь на себя. В известном смысле здесь наблюдается более широкая взаимосвязь *родства, социального лица* (*свой*), *группы* (*сам*), местоименного значения 3 лица (*s(w)e pronoun of the 3 person (*он*) [Wat.: 87]; др.-англ. возвратно-притяжательное местоимение sīn *his, her, its, their*, сосуществующее наряду с притяжательными местоимениями **3 лица** *his, hire*, мн. ч. *hiera*), *указательности* (и.-е. *so- / sā-) и других значений. Когнитивной базой для формирования структуральных признаков *возвратности* и *притяжательности* выступает содержание лексем, объединенных значением *самости, своего рода*. Признак *лица* как феноменологического понятия подготавливает возникновение на более высокой ступени абстракции категорий *грамматического лица* и *возвратности*. Постепенно *юридическое родство* и *самосознание*, *община* и *личность* развиваются в самостоятельные понятия. Сопоставление терминов вскрывает их первоначальное единство и обнаруживает общественное происхождение категорий *сам, свой, среди своих* [Бенвенист, 1995: 217 - 219].

[140] Pronoun of the 3 person and reflexive (referring back to the subject of the sentence); further appearing in various forms referring to *the social group as an entity, (we our-)selves* (*сами*): Lat. sēd, sē, sē(d)- *without, apart (< on one's own),* sōlus *by oneself alone,* sodālis *companion* (< *one's own, relative*); suī (genitive) of oneself; Sansk. svāmī *one's own master, owner, prince* < sva- (< *swo-) *one's own;* Gr. ethnos *band of people living together, nation, people* (< *people of one's own kind*); OE self *self, same;* sib *relative* < Germanic *sibja- *one's own, blood relation, relative;* Old Norse -sk reflexive suffix < sik *oneself* (reflexive pronoun) [Wat.: 87] (*s(e)u̯e *свой*: русск. *свой*, готск. swes *собственный* [M: 557].

4. 5. 1. 4. Структуральные концепты *указательность, определенность*

Древнеанглийские указательные местоимения мужского рода sē *тот*, женского рода sīo, sēo *та*[141] являются наиболее распространенными указательными основами, имеющими относительно слабое *указательное* значение. Инициаль [s], принадлежащая к дентальной артикуляционной зоне, иконически связывает признаки *установления, прямой линии,* пространственных векторов *твердо установленного, известного местоположения* и подобные им признаки с признаком *определенного*, *известного* объекта (концепты *определенный, известный*), а также признак *указания*, включающий знание о *жесте* обратить на кого-либо внимание; *показать* (на объект) для приобретения сведений об объекте, *установить*, *определить* параметры объекта. Грамматизованные значения *определенности* и *указательности* «вырастают» на базе этих и подобных им концептуальных признаков.

«Встроенность» в концептуальную структуру указательных местоимений признака *определенность* подтверждается эволюцией древнеанглийских демонстративов – последующим развитием их в **определенный артикль** и использованием в различных служебных функциях [Сравнительная грамматика

[141] Указательные местоимения мужского и женского рода с инициальным [s] коррелируют с местоимением среднего рода þæt *то*, которое восходит к индоевропейской основе *te- / to- *это, то* (германское *þe- / þa). Совмещение в парадигме склонения местоимений мужского и женского родов sē *тот*, seo *та* и среднего рода þæt *то* разных основ, т. е. основ с разными инициалями для номинации местоимений различных грамматических родов свидетельствует: 1) о гетероклитичности склонения данных местоимений. Этот способ восходит к ранней эпохе развития морфологии активного типа, когда семантически разнородные и материально различные слова впервые сочетались в системе склонения [Кацнельсон, 1986: 161]. В основе прямого и косвенных падежей местоимений лежит противопоставление *актив / инактив, одушевленный / неодушевленный*, т. е. способы представления субъекта и объекта действия; 2) о происходящем перераспределении значимостей в рамках лексикона / грамматикона индоевропейского периода. Спонтанное формирование грамматических структур на базе лексического значения *активности* дентальной зоны приводит к перераспределению значений *активность / инактивность* в рамках грамматизованной лексики с дентальными инициалями. В общеиндоевропейскую эпоху лексика с дентальными инициалями, как правило, передает значение *активности.* Вместе с тем, интенсивные процессы самоорганизации нередко приводили к нарушениям гомогенного содержания дентального фрагмента. Флуктуации могли привести к формированию оппозиции *активный* / *инактивный* и внутри одной зоны, как это бывало и прежде, а языковая система могла «законсервировать» подобный сдвиг. Как известно, местоимения представляют собой архаический слой лексики с известными особенностями склонения. *Указательность* (местоимений среднего рода, своего рода «пассивная» указательность) оказывается связанной и с категорией 2 лица единственного числа личных местоимений (древнеанглийское þu *ты*). Базой для их сближения служит дейктический признак *другой, собеседник*.

германских языков, 1963: 318] (этому способствует также нечеткость, *ослабление* указательного значения, что объясняет преимущественное употребление их в качестве анафорических местоимений). Подобный путь грамматикализации указательных местоимений, осуществляющийся в среднеанглийском языке, однонаправлен: развитие слова ограничено рамками дентальной зоны с ее доминирующим смыслом *действия, упорядоченности, ограничения, определенности, известности* и т. п.

В системе четырех типов указания индоевропейского языка древнеанглийские демонстративы sē, sēo реализуют слабое указательное значение *удаленности* от говорящего (Jener-Deixis, *тот*): **Se** steorra stōd ofer ðær ðæt cild wæs ***(Та)*** *звезда стояла там, где лежал тот младенец* [B: 848]. В этом значении местоимения уже приближаются к семантике определенного артикля: **Se** Hælend *Спаситель* [B: 848]. С их помощью говорящий выделяет объект из ряда подобных и **привлекает к нему внимание** собеседника, т.е. актуализирует значения *выделенности* и *определенности* объекта. Несмотря на реализацию указательной функции, древнеанглийские указательные местоимения sē, sēo специализируются по-преимуществу на анафорическом употреблении при именах существительных, упоминавшихся ранее и известных из контекста. Нередко древнеанглийские местоимения замещают имена существительные: **Se** wæs betera ðonne ic ***Он (тот)*** *был лучше, чем я* [B: 849]. Замещение существительных, как правило, является функцией местоимений 3 лица, поэтому древнеанглийские указательные местоимения совмещают функцию *указания* и *анафорическую* функцию с функцией *замещения* имени.

При решении вопроса о происхождении указательных местоимений[142] указывается на их сходство с указательными, усилительными (эмфатическими)

[142] Одним из наиболее релевантных ориентиров в пространстве служит *солнце*. Вполне вероятно, что наряду с ночным светилом (которое служило ориентиром во времени, др.-англ. mōna луна < и.-е. *me- *мерить* [Wat.: 50]), солнце определяет центр сетки пространственных координат германцев. Это дало основание Н. Д. Андрееву возвести указательные местоимения *so- *этот, тот* / *sā- *эта, та* непосредственно к самым древнейшим обозначениям дневного светила. Корень SX- *солнце, посолонь, припекать* при этом дает начало производным *посолонь, ориентироваться, направляться,* далее *выслеживать (посолонь, на подсветку*) (др.-

и наречными частицами [Сравнительная грамматика германских языков, 1963: 316; Майтинская, 1969: 49 - 50].

Следы близости первичных (указательных) частиц и местоимений сохраняются во многих индоевропейских языках. Г. Хирт полагает, что готск. sa, др.-инд. sa исконно обозначают *здесь*, *там*, а не *этот*, *тот*, т. е. **наречия**, не имеющие никаких формантов, превращаются в местоимения, а не наоборот. При этом происходит отбор дейктических слов с указательным значением, затем они получают флексию и тем самым прономинализируются [Цит. по: Сравнительная грамматика германских языков, 1963: 316]. В этом случае наблюдается переход значений *локус* > *лицо* (а не наоборот; вопреки мнению Е. Куриловича о примате индекса *лица* над индексом *места* [Kuriłowicz, 1972]). Соположение полнозначных слов и местоименных основ в индоевропейских языках – вполне закономерное явление. Указательные местоимения первоначально возникают от полнозначных слов, но происходит это **задолго** до образования языка-основы. Какими бы ни были по значению полнозначные лексемы, ясно, что на пути развития в указательные местоимения они проходят путь от слов с конкретным вещественным значением через стадию дейктических частиц или наречий пространственной ориентации (типа *здесь / не-здесь*) – к местоимениям. Слова, выражающие значения, связанные с пространственной ориентацией, могут происходить от номинаций *нижнего места* (*показывать*, *внизу*), *верхнего места* (*показывать*, *вверху*), *наружного места* (*показывать*, *снаружи*), *внутреннего места* (*показывать*, *внутри*).

англ. sōkan), *чуять* (лат. sentiō), *ощущать* (лат. sapio), *преследовать* (лат. secūtus), *следовать, высматривать* (др.-англ. scēawian), *видеть* (др.-англ. sēon) и, наконец, *показывать* (др.-англ. scēawian). Связь признака *показывать* с указательным жестом, указательными основами *этот / тот* (лат. sīc *так, таким образом*, др.-англ. sē *тот*) и местоименными основами 3 лица ж. р. *она* (др.-англ. sēo) естественна [А: 254]. Возможность иконического кодирования процессов выслеживания и преследования крупного зверя, граничащих с определением *пространственных* координат и *местоположения* объекта, и сферы *указательности* посредством одного и того же фонетического элемента вполне вероятна. При этом следует исходить из конкретных условий жизнедеятельности охотника в первобытной общине, реальных действий, которые требуются от группы охотников при преследовании зверя (нужно знание о местоположении в пространстве, умение выбрать правильные ориентиры; при этом обычны жесты рукой в направлении кого- или чего-либо с целью обнаружения интересующего предмета и т. п.). Вместе с тем, следует еще раз подчеркнуть, что реконструкция процессов грамматикализации древнейшего слоя местоимений очень условна и может рассматриваться исключительно как одна из *гипотез* семантического выветривания слова.

Соответственно прототипами последних могут выступать слова *море, берег, дом, гора* [Майтинская, 1969: 49] и другие.

4. 5. 1. 5. Структуральные концепты *единичность, определенность, дискретная множественность*

Как указано выше, в рамках дентальной зоны актуализируется система взаимосвязанных концептуальных признаков *установления, творения, деяния, своих, самости, известности, выделенности* и других. При этом весь комплекс «активных» характеристик «выходит» на семантику *определенности, единичности* в противоположность семантике *неопределенности, множественности, инактивности* лабиальной зоны.

Характерно, что грамматические значения *единичности, именительного* и *родительного падежей*, категориальные значения *предметности*, *определенности* также представлены в дентальной зоне, поскольку этими значениями обладают грамматические форманты с инициальным [s].

Рассмотрим значения *единичности* и *определенности*, связанные с индоевропейской морфемой *-s, нагруженной семантически и функционально: она принимает участие в оформлении нескольких падежей именной парадигмы, в частности, *номинатива* одушевленных существительных единственного числа *-s и *номинатива* одушевленных существительных множественного числа *-es [Одри, 1988: 46 – 48]. В древнеанглийском языке данный показатель *номинатива* единственного числа не сохраняется, но восстанавливается в германских языках: формант -*z именительного падежа ед. ч. существительных мужского и женского рода в основах на -a, -i, -u, -nd соответствует и.-е. *-s. Существительные среднего рода в общегерманском языке не имели формы именительного падежа (первоначально они не могли выступать в роли подлежащего), поэтому для них реконструируется индоевропейское и германское окончание винительного падежа *-m [$Л_1$: 33].

Этимология индоевропейской морфемы *-s является предметом длительной дискуссии. Согласно классической точке зрения на происхождение указанного показателя (К. Бругман, Г. Хирт, Г. Якоби, Е. Курилович), окончание *-s представляет собой редуцированную форму более раннего *-so – формы *номинатива* единственного числа **указательного местоимения**, сочетающегося с одушевленными именами [Lane, 1951: 372 – 373]. В основу именительного падежа мужского и женского рода указательных местоимений легла неизменяемая указательная частица наречного типа *se *вот, здесь* [Сравнительная грамматика германских языков, 1963: 333]. Й. Бизе [Biese, 1950: 6] возводит анализируемое окончание к индоевропейской частице *-su-, используемой для сочинения предложений. А. Эрхарт и У. Леман считают эту форму рефлексом более древнего деривационного суффикса, который обладает функцией *индивидуализации,* или *выделения* [Erhart, 1967: 15; Lehmann, 1958: 188 - 192]. Ф. Шпехт считает *-s дейктической частицей, которая превращается в указательное местоимение [Specht, 1947: 354]. При помощи суффикса номинатива одушевленных имен *-s указывается, что соответствующее **субстантивное понятие** в предложении выдвигается на первый план [Майтинская, 1969: 137], т. е. является показателем категорий *предметности* и *определенности* имени.

По К. Шилдзу, индоевропейский показатель *-s выводится из согласования между анафорическими местоимениями и их именными антецедентами. Явление связи двух классов слов относится к ранней – активной (или эргативной) стадии развития индоевропейского праязыка. На отношения согласования между местоимениями и существительными указывает структура индоевропейских исторически засвидетельствованных анафорических местоимений, которая отражает, по всей вероятности, следы ранней активной (или эргативной) природы индоевропейского праязыка. Так, местоименная форма на *so (греч. το̧, готск. sa, скр. sa), используется по отношению к существительным в том случае, когда необходимо передать

функцию *эргативности* (*агентива, производителя действия, одушевленного деятеля*), а форма *tod (греч. το, скр. tad, лат. is-tud, ст.-слав. *то*) – когда необходимо указание на абсолютный падеж. Согласование существительных с местоимениями актуализируется путем использования разных лексических форм местоимений: их выбор зависит от падежной функции существительных (эргативного или абсолютного падежей). После преобразования индоевропейского строя предложения в номинативно-аккузативный строй и морфологического оформления категории рода, старая система местоимений перестраивается в соответствии с новой структурой предложения: местоимение *so грамматикализируется, переосмысливается как *флексия* – показатель *номинатива* одушевленных имен, а *tod используется для оформления *аккузатива* одушевленных имен и *номинатива-аккузатива* имен среднего рода [Шилдз, 1988: 239]. Л. Г. Герценберг связывает образование форматива единственного числа с присоединением к древним корням указательного элемента *-s, который *конкретизирует* их, а позднее развивается в показатель именительного падежа единственного числа [Герценберг, 1979: 41 - 47]. Таким образом, взаимосвязь грамматического форманта *-s с указательным местоимением позволяет установить связь *номинатива* и категории *единичности* с концептами *указательность* и *определенность* – отличительными признаками диагностической зоны дентальной лексики. Важнейшей функцией анализируемого суффикса является оформление *отдельного* слова, противостоящего неоформленному компоненту сложного слова [Герценберг, 1979: 41 - 47].

Формирование на базе указательного местоимения формы *дискретной множественности* (др.-англ. показатель *множественности* имен существительных мужского рода на -a -ās), семантика которой в известном смысле «противоречит» доминирующему содержанию лексики дентальной зоны, находит свое объяснение в многочисленных примерах развития показателей *множественности* на базе уже существующих формантов

единственного числа. Индоевропейский суффикс номинатива *-o-s [Одри, 1988: 56] (*-es [Савченко, 1974: 196]) в результате слияния с тематическим гласным приобретает форму *-ōs или *-ēs [Савченко, 1974: 196] (*-o-es [Одри, 1988: 58]) (ср. суффикс *множественности* имен существительных готск. -os, скр. -āh и хетт. -es) и впоследствии становится экспонентом существительных именительного падежа множественного числа.

Дискретная множественность, будучи молодой категорией в индоевропейских языках, развивается только в классе активных (одушевленных) деятелей. На активной (или эргативной) стадии развития общеиндоевропейского языка показатель именительного падежа единственного числа одушевленных существительных *-s переосмысливается как показатель *множественности* *-es. Поскольку оба форманта – первичный и вторичный – несут идею *одушевленности* активного класса лиц / животных, различие двух показателей по линии противопоставления *единичности / множественности* закрепляется за разной ступенью количественного аблаута флексии – нормальной ступенью и ступенью удлинения. Слова с грамматическим значением *единичности* имеют окончание с кратким гласным + -*s, а слова со значением *множественности* оформляются показателем с долгим гласным + -*s [Бабаев, 2000]. «Множественность основной структурной формы именных образований активного класса на *-s // *-os выражается простым аблаутным преобразованием окончания *-s // *-os ⇒ *-es, в чем, впрочем, и видна вторичность форманта множественности в подобных структурных образованиях» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984. Ч. 1: 281]. При этом происходит диаграмматическое «удвоение», редупликация форманта *единичности*, отражающая в соответствии с принципами иконического кодирования сложность денотата: семантическая сложность денотата актуализируется посредством более протяженной формы.

Таким образом, в рамках лексики с инициальным [s] (отчасти [þ] ([ð]), [d]-лексики) обнаруживается разветвленная система топологических

взаимосвязей лексических концептов *действие, творение, созидание, прямой, установление, пространство-время, суд, правило, закон, истина, свой, определенный, известный*, структуральных концептов *определенность, указательность, единичность, дискретная множественность, возвратность, притяжательность, состояние, положение* и некоторых других. В результате формируется интегративный концепт – концептуальная сфера, в которой сополагаются *работа, труд, созидание, упорядочение* через *разделение, действие*, *социальная жизнь личности*; *род, родство,* отношения *своих* в роде, *долг, истина.* Здесь раскрывается «*самость*» человека, *индивида*, противопоставленного коллективу. Это *творение, деятельность, созидание* в целом; жизнь и рождение человека как *социальный* феномен; *сотворение* мира, установление *пространственно-временных* координат.

Структуральные концепты *топологически* связаны с «лексическими» концептами посредством признаков, сопряженных, как правило, с ***мыслительной деятельностью человека***, с фондом его знаний об объектах действительности: *определенном*, уже известном объекте (*определенность*); о положении, тех обстоятельствах, в которых находится предмет или человек (*состояние*), об отношении принадлежности к кому-либо (*свои*, *возвратность*, *притяжательность*) и т. п. Эти признаки не характеризуют *имманентные* свойства материальных объектов, а связаны с ментальной деятельностью индивида.

4. 6. Интеграция иконических единиц велярной зоны

4. 6. 1. Интегративный концепт фрагмента велярной зоны ([h]-лексика)

4. 6. 1. 1. Концепты *часть / целое, разделение / соединение, лицо / предмет, верх / низ*. Структуральные концепты *состояние, положение*

Лексика с инициальным [h][143] выражает идею *устроения мира, порядка* через *установление частей* и *целого*. Мифопоэтическая традиция трактует *Космос*, или мироздание как целостную Вселенную, организованную в соответствии с определенным законом и противопоставленную хаотической дезинтеграции [Постовалова, 1988: 62]. *Космос* возникает благодаря упорядоченному разделению и последующему соединению частей в целое. Само понятие *Космос* включает такие составляющие, как *расчленение* и *порядок*. Выделение из хаоса элементов, из которых в дальнейшем формируется целое, является первым космогоническим деянием - образцом для последующего устройства мира. Разделение при этом тесно связано с соединением: «члены бинарной оппозиции «отделять – соединять», характеризующей двуединую природу космогонического акта, скрепляет общая идея созидания космоса, нового состояния по сравнению с предшествующим» [Топорова, 1994: 30].

Возникновение *Космоса* и *Вселенной* связывается с разделением двуполого существа, в котором нераздельно слиты небесная – «мужская» – и земная – «женская» – половины [Тайлор, 2000]. Акт сотворения мира запечатлен в картине мира древних германцев.

[143] При смысловой интерпретации концептов [h]-лексики целесообразно привлечь лексемы с инициальными [k], [g], [j], поскольку «диагностическая» информация, транслируемая в велярной зоне, прослеживается во фрагментах лексики с различными велярными инициалями.

В «Старшей Эдде» Óдин вопрошает старого турса Вафтруднира:

Segðu þat it eina,

ef þitt æði dugir

ok þú, Vafþrúðnir, vitir,

hvaðan iörð um kom

eða uphiminn …

Дай первый ответ, если светел твой ум и все знаешь, Вафтруднир: как создали землю, как небо возникло …?

Segðu þat annat …

hvaðan máni um kom,

svá at ferr menn yfir,

eða sól it sama

Второй дай ответ, луна как возникла во тьме для людей, как создано солнце?

На что ему был дан ответ:

Ór Ymis holdi

var iörð um sköpuð,

en ór beinom biörg,

himinn ór hausi

ins hrímkalda iötuns,

en ór sveita siór

Имира плоть стала землей, стали кости горами, небом стал череп холодного турса, а кровь его морем.

Mundilfæri heitir,

hann er mána faðir

ok svá Sólar it sama;

himin hverfa

þau skolo hverian dag

öldom at ártali

Мундильфёри зовется отец солнца с луною; небо обходят они каждый день, то времени мера [Vafþrúðnismál: 20 - 23; Речи Вафтруднира: 20 - 23].

Мироздание формируется в результате расчленения первого существа, у германцев – гиганта Имира, в Древней Индии – Пуруши, представляющего собой и высшее существо, космос и собственно человека, принесенного в жертву ради творения [Космическое жертвоприношение, 1998: 222]. В древнеиндийской космогонии Пурушу также расчленяют, «пластают», делят на части:

Из духа месяц был рожден, из глаза – Сурья-солнышко,

Агни да Индра – изо рта, а Вайю – из дыхания.

Пупок его стал воздухом, и небом – голова его,

Ступни – землей, простором – слух: так боги мир изладили [Ригведа, X, 90: 223].

Возникновение мира также может быть представлено антропологически: слияние двух половинок андрогина осмысливается как сакральный брак земли и неба, а их разделение, или введение опосредующего звена – хронотопа – представлено как рождение мира.

Наглядное представление об устроении макрокосма дает «универсальный человек»[144], или микрокосм. Микрокосм принадлежит «среднему началу», поскольку представляет собой рассеченное человеческое целое в физическом и духовном смысле слова.

В древнеанглийской лексике велярной зоны широко представлена антропоморфная денотативная сфера, а именно, тело человека и его *части.* При этом ряд лексем, выступающих в качестве наименований *целого*, служит обозначением тела человека или человека как *личности*. Это лексемы

[144] Нередко «универсальный человек» трактуется не на уровне микрокосма, а на уровне мезокосма, поскольку он существует между человеком как конкретным индивидом и универсумом, символизируя целостную модель явленного мира, т. е. полный ряд возможностей, открытых для человечества [Керлот, 1994: 568]. В индийской символике Вативангара «универсальный человек» делится на семь основных частей: 1) высшие, светлые сферы в целом, или высшие формы бытия, 2) принципы солнца и луны, отраженные в правом и левом глазу, 3) принцип огня – рот, 4) направления пространства – уши, 5) атмосфера – легкие, 6) промежуток между небом и землей – желудок, 7) земля – естественные функции нижней части тела. Сердце – **центр**, или жилище Брахмы рассматривается как находящееся вне круга вещей [Керлот, 1994].

конкретной семантики hræw *тело*, hold *тело*, абстрактной семантики hād *личность*, hiw *форма, вид, внешность* (ср. также признаковую семантику прилагательного hāl *здоровый, целостный, святой*). Семантика указанных слов фиксирует «равновесие» двух сторон человека – физической и духовной сущности: существительное hād, например, совмещает значения *личность* и *сущность* (также hāl – *здоровый телесно* и *здоровый духовно, святой*) (концепт *целое*).

Лексемы, реализующие значения партитивного характера, номинируют: компоненты верхней половины тела: hnecca *шея, затылок*, hnol *макушка*, hracce *затылок,* heals *шея*, hrycg *спина*, hreðer *грудь,* greada *грудь*, hyge *ум, сердце, душа*, heorte *сердце*, hand *рука*, haþoliþa *локоть*; элементы головы и лица heafod *голова*, hafela *голова*, hærn *мозг*, hær *волосы*, hion *кость головы*, hioful *лицо*, hnifol *лоб*, hleor *лицо, щека*, hrace *глотка*, hūf *часть рта, верхняя часть глотки*, cin *подбородок*, gōma *небо, связки*, geaflas *челюсти*, ceafl *челюсть*, *щека (*также *клюв, рыло),* ceace *челюсть, щека*, ceole *глотка, челюсть*; нижней половины тела: cneo *колено,* hrif *живот, матка*, cwiþ *матка*, halan (hamlan) *плацента*, hype *бедро*, ham *внутренняя часть колена, бедро*, herþan *testiculi*, hēla *пятка*, hōh *пятка, поджилки,* а также анатомические компоненты вне указания на расположение, элементы секреции, соматизмы в целом: hyd *кожа*, clā *ноготь, коготь,* cnucel *сустав*, gristel *хрящ*, geotende *артерии, вены*, gealla *желчь*, horh *мокрота, слизь*, hrāca *слизь*, hleoðor *слух, звук* (концепт *часть*).

Данные лексемы – конкретны и вещественны (gealla *желчь*, horh *мокрота, слизь*, hrāca *слизь*), абстрактные имена – малочисленные (hleoðor *слух, звук*) (ср. рис. 4.5).

hād *личность,* hiw *вид, внешность,* hræw *тело,* hold *тело*
heafod, hafela *голова,* hnol *макушка*
hnecca *шея*, *затылок*, hær *волосы*
hleor *лицо щека,* hūf *часть рта, нижняя губа*
gōma *небо*, *связки*, geaflas *челюсти*, ceafl *челюсть*, *щека*
heals *шея*

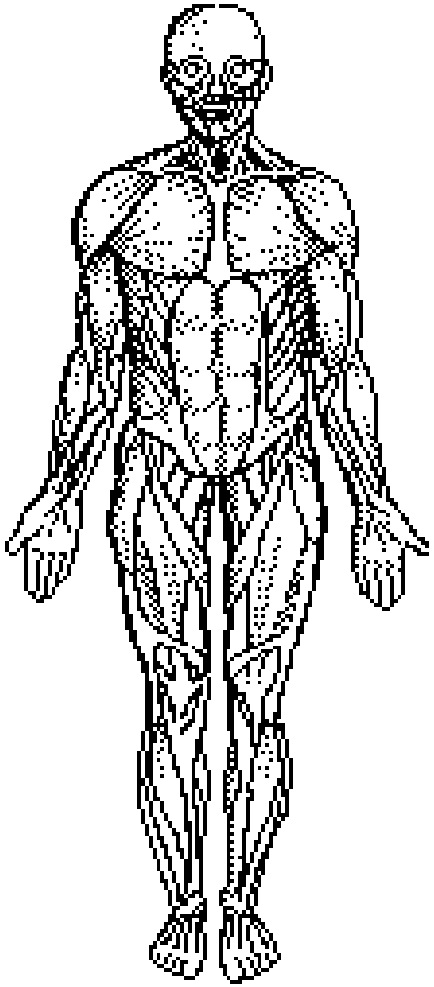
hrycg *спина*, hreðer *грудь,* greada *грудь*

haþoliþa *локоть*

halan (hamlan) *плацента*
herþan *testiculi*
hype *бедро*
hand *кисть, рука*

cneo *колено*
cnucel *сустав*, gristel *хрящ*

hōh, hēla *пятка, поджилки*
gealla *желчь*, horh *мокрота, слизь*, hrāca *слизь*, hleoðor *слух, звук*

hærn *мозг,* hion *кость черепа*
hnifol *лоб,* hracca *затылок*
hyge, hrace *глотка*, cin *подбородок*
ceace *челюсть, щека*, ceole *глотка, челюсть*
hioful *лицо*

heorte *сердце,* hyge *ум, сердце, душа*

heolfor *кровь*

hrif *живот, матка,* cwiþ *матка*

hyd *кожа*
clā *ноготь*

ham *внутренняя часть колена*
geotende *артерии, вены*

Рис. 4.5. Человек по данным лексики велярной зоны

Среди древнеанглийских существительных, направленных на передачу абстрактных значений, выделяется имя существительное с широкой семантической базой hād *person; sex; degree, rank, order, condition; state, condition, kind, nature, form*. Вовлечение этого существительного в процессы вторичной номинации приводит к делексикализации этого слова и постепенному формированию на его основе словообразовательного форманта абстрактных существительных -hād: cildhād *детство*, manhād *зрелость, мужественность*, werhād *мужской род*. Базой десемантизации существительного hād становятся наиболее отвлеченные значения *state, condition, kind, nature, form* (*состояния, положения, формы*) (> структуральные концепты *состояние, положение*). Германские языки знают немало случаев формирования словообразовательных формантов на базе полнозначных слов, и развитие лексемы hād является ярким подтверждением этого процесса.

Концепты *часть / целое* выявляются в англосаксонских литературных памятниках. Король Хротгарт в «Беовульфе» является главой данов, а Эсхере – его правой рукой: … nū seo **hand** ligeð, sē þe eow wēl-hwylcra wilna dohte *сейчас* ***рука*** *исчезла, та, которая вам радости праведные доставляла* [Beowulf: 1343 - 1344]. Здесь сопоставляются *общество* и *личность*, с одной стороны, и *часть тела* и функция *человека* в обществе, с другой стороны. Действительно, «существует имплицитная аналогия между человеческим телом и совокупностью людей, составляющих враждующую группу» [Chikering, 1989: 336].

Анализ и *синтез*, сопровождающие процессы мироустройства, взаимосвязаны. *Человек*, *общество* и *Космос* представляются целостными и неделимыми, несмотря на то, что создаются из отдельных частей. Негармоничная дискретизация тела, социального или мирового пространства воспринимается как «неоформленность» живого существа, общества, Космоса или же разрушение таковых. Данный тезис хорошо иллюстрируют разнообразные поэтические описания борьбы *героя* и *Хаоса*. Беовульф в

поединке с Гренделем отсекает лапу монстра, которую затем выставляют на всеобщее обозрение: hilde-deor **hond** ālegde, earm ond eaxle – þær wæs eal geador Grenles grāpe – under geapne hrōf *храбрец **руку** положил, кисть и предплечье – здесь все было вместе Гренделя плечо – под высокую крышу* [Beowulf: 834 - 836]. Чудовищную руку вывешивают под высокой крышей. Противопоставление отсеченной лапы и целостного здания иллюстрирует момент дезинтеграции и разрушения. Ощущение несовместимости дискретной части и целого вызывает вводимый автором поэмы атрибут золотой крыши (hrōf goldne fāhne), несопоставимой с ужасающей лапой Гренделя: hæþenes **hand-sporu** hilde-rinces egl unheoru *язычника кинжалоподобная **рука** воина оружие – кисть* [Beowulf: 982 - 987]. Хеорот пострадал от разрушений, учиненных чудовищем, но самый верх здания остался невредим: **hrōf** āna genæs ealles ansund ***крыша** одна осталась вся невредимая* [Beowulf: 999 - 1000]. (концепты *часть / целое, верх / низ*).

Широко разветвленная сеть представлений об устройстве человеческого тела, с одной стороны, и возведении жилища, с другой стороны, объективируется, по данным велярного лексикона, как аналоговая. В рамках отношений *смежности* сближаются такие сущности, как человек, его тело (концепт *лицо*) и жилище (концепт *предмет*). Этимологический анализ вскрывает существенную взаимосвязь между наименованиями *частей тела* и номинациями *жилища* в лексике с инициалью [k]. Существительное ceole *глотка, челюсть* (др.-вн. kola, лат. gula *глотка*, gluttere *глотать*, греч. delear *приманка, наживка*, русск. *глотать*) сополагается с существительными ceol *киль,* cēol *лодка, судно* < *g^{w}elə-^{3} *to swallow* [Wat.: 34] (в последнем случае осуществляется перенос названия по форме [Л$_2$: 7]).

В группе существительных др.-англ. cot *хижина*, др.-норв. kot *хижина*, ср.-вн. kūz *яма (место казни),* гот. qiþus *желудок* (лат. guttur *глотка*, греч. goda (диал.) *кишечник, кишка*, скр. guda *кишка, внутренности, прямая кишка*) посредством переноса названия по *изогнутой* форме (< *gēu̯ *гнуть* [Л$_2$: 23])

оказались ассоциированы анатомические компоненты – *внутренние органы* человека и человеческое *жилье*.

Процесс переработки пищи, вербализованный при помощи номинаций с инициальным [k]: ceafl *челюсть, щека (клюв, рыло),* ceace *челюсть, щека,* ceole *глотка, челюсть*, cud *жвачка*, глаголы ceowan *жевать,* cwolsten *глотать,* может быть ассоциирован с социальными представлениями об изготовлении и обработке изделий в ремесленничестве, а также накоплении и переработке знаний: cunnan *знать, мочь*; cnāwan *знать,* cræft *сила, мастерство*.

При формировании организованной материи определяются четыре сакральные точки – *верх / низ* и *правое / левое*, т. е. осуществляется структурирование хронотопа.

Лексика велярной зоны сопрягает признаки *верха / низа:* выделяется, с одной стороны, область лексем со значением *низа:* hal *тайное убежище, угол*, hel *ад*, heolstor *мрак, вуаль, тайное убежище*, hlæw *могильный курган*, hol *нора, лощина, пещера, берлога, логово*, holh *лощина, нора, впадина* (концепт *низ*), а, с другой стороны, область лексем с противоположным значением: hādor *ясное небо*, hægel *град,* hæwen *голубой, пурпурный, бесцветный*, heofon *небо,* hwiða *ветер,* heafod *глава, голова, вождь, источник, высокое место ручья, поля*, hnol *верхушка,* heah *высокий*, hālga *святой*; hlutor *ясный, чистый*, hæle *герой,* hēr *благородный, святой* (концепт *верх*).

Дифференциация нерасчлененного ранее хронотопа на две составляющие – *пространство* и *время* – представляется весьма существенным моментом творения. *Пространство* выступает в качестве объективной области существования физических тел, а *время* – в качестве временных рамок последних. Тем самым вводится система координат и точек отсчета для рождающегося мира и человечества. Установление координат мира сопровождается оформлением ландшафта и появлением тварных созданий, среди которых особо выделяется человек и его потомство. Именно последний становится точкой отсчета для моделирования мира. Модель говорящего

субъекта выступает в качестве образца для структурирования космогонических и социальных процессов. *Личность – эго* (древнеанглийское личное местоимение ic *я*) приобретает статус центра координации событий, фактов, действий, осуществляемых в социо- и космогенетических рамках (концепт *1 лицо*).

Таким образом, древнеанглийская лексика велярной зоны актуализирует концепты *часть / целое, разделение / соединение, лицо / предмет, верх / низ*. Концепт *целое* оказывается связанным со словообразовательным значением *состояние, положение* абстрактных имен существительных (структуральные концепты *состояние, положение*).

4. 6. 1. 2. Концепты *множество, обладание*. Структуральные концепты *собирательность, обобщенность*

Формирование древнеанглийской категории *собирательности* существительных – древнейшего, наряду с *редупликацией*, дограмматического способа передачи количественных значений, наиболее тесным образом связано с лексическими структурами индоевропейского периода развития. *Собирательность* предшествует становлению грамматической категории числа [см. Тронский, 1946; Пауль, 1960; Schmidt, 1889], т. е. является грамматизованной категорией, выраженной именами существительными. В удвоении основы или слога зримо, изобразительно, как бы графически достоверно воспроизводятся непосредственно воспринимаемые отношения действительности – *повторяемость, ритмичность* или *цикличность* действия, *интенсивность* признака или свойства, *качественная множественность* предметов и явлений в многообразных пространственно-временных формах проявления [Дегтярев, 1982: 40; см. Немировский, 1945: 153 - 156]. На повторении звуков строится система, которая отличается удивительным многообразием и тончайшими оттенками смысла. Чувственное впечатление

«множества вообще» сначала распадается на выражение *коллективного* и *дистрибутивного множества*[145] (E. Cassirer).

Тесная связь собирательных значений с лексическими способами выражения обеспечивает в процессе формирования грамматизованной категории *собирательности* переход от лексических структур к грамматизованным структурам, связанным с категориальным значением *предметности*.

Наиболее четко грамматизованное значение *собирательности* проявляется в древнеанглийской лексике велярной зоны. Слова с инициальным [h] передают значение *собирательности* **лексически**, ср. существительные *собирательного* значения: ham *поселение*, hype *куча, груда,* heap *куча, груда, большое количество, группа, войско, толпа*, help *помощь,* heord *стадо, стая*, here *войско, множество, вражеская армия, банда*, hird *свита, двор*, hīwen *семья, домашнее хозяйство*, hlæd *куча, груда, курган, насыпь*, hreac *куча*, hrīðer *рогатый скот*, hundred *сотня,* hynden *сотня* (территориальное объединение), hūs *дом, семья*, hlōþ *награбленное, нажива, войско, группа разбойников, грабителей*.

Понятия, выраженные посредством существительных *поселение, куча, стадо, множество, домашнее хозяйство, семья*, являются собирательными

[145] Хронологически *собирательность* древнее *дискретной множественности*: широко известно, что множественное число является результатом грамматикализации первой. Это очевидно, поскольку по своему происхождению множественное число должно являться субкатегорией единственного числа и обозначать вследствие этого и особый вид искусственного *единства* (подобно тому, как прошедшее или будущее время несомненно восходят к специфическим видам настоящего времени) [Kuryłowicz, 1964: 204]. В самом деле, *множественность*, «выражаемая в индоевропейских языках одной лишь флексией, – сравнительно молодая категория, которой в дофлективном состоянии индоевропейских языков могла предшествовать только собирательность» [Тронский, 1946: 62]. В древнейших формациях *множественность* представляется именованно-качественно, а не универсально и не количественно-односторонне. Это весьма важное свойство *множественности* того времени. Каждое множество конкретно, замкнуто и не может быть приравнено другому множеству. А это значит, что *множество* дано как качество, понимается как качество, как *качественное множество*. Каждое множество – это особая единица, особая индивидуальность. А это и есть то, что называют *собирательностью* [Холодович, 1979]. По свидетельству В. И. Дегтярева, качественному восприятию количества в наибольшей мере соответствует собирательное представление множества лиц или предметов по образу и подобию отношений в архаических обществах – в первобытной общине, племени, семье. Поэтому в его выражении активную роль играют собирательные имена [Дегтярев, 1982: 56]. Основное отличие *собирательности* от *дискретной множественности* состоит в способе представления субъекта / объекта: категория *дискретной множественности* могла возникнуть только в классе одушевленных субъектов (общий род), тогда как *собирательность* всегда маркировала коллективные объекты как *инактивные* (средний род). Вот почему в истории различных индоевропейских языков аффиксы *дискретной множественности* восходят к собирательным формантам.

понятиями, включающими в свое содержание значение *множества*, *группы*, *совокупности* объектов, обладающих особым качеством *целостности, единства*. Категория *собирательности* существительных сопряжена здесь с *обобщенностью*, которая предполагает отвлечение от конкретных качеств индивидуальных членов группы. Не случайно, поэтому многие собирательные существительные являются абстрактно-собирательными, денотаты которых в действительности не существуют. Степень абстрактности собирательных имен является разной: сравнительно низкой у видовых собирательных (hūs *семья*) и весьма высокой в родовых собирательных (в лексике с инициальным [h] представлены только видовые собирательные, называющие совокупности с ограниченным объемом множества). Близка к указанным значениям семантика *обладания*, тесно связанная с *собирательностью*, которая реализуется в единицах habban *иметь, владеть, схватить, держать,* hæfen *обладание, собственность, владения,* hæft *пленник, раб*, healdan *владеть, держать, схватить, удерживать*, heald *владение, опека, защита* и многих других (концепт *обладание*, структуральный концепт *собирательность*).

Собирательность, выраженная при помощи словообразовательных средств, реализуется в общегерманском языке, ср.: готск. ga-skōhi *обувь*, др.-вн. ga-roubi *одеяние*, gistriuni *сокровища*. При этом сохраняется тесная связь между предлогом ge *вместе, совместно, однако* и приставкой ge- с собирательным значением. На базе предлога осуществляется процесс грамматикализации – превращения предлога в префикс. В древнеанглийском языке анализируемый префикс сохраняет этимологическую связь с предлогом, развивая при этом ряд производных значений, в частности, значение *усиления* (genoh *достаточно*) и видовое значение *совершенности действия* (giswom *приплыл*). В целом, можно выделить несколько ступеней развития значения префикса: 1) значение *совместности, схожести, соответствия* (gebedda *супруг*, gefēra *товарищ,* gemet *мера*, gemæc *подходящий*); 2) значение *собирательности*; 3)

результативное значение [см. De la Cruz, 1975]. Последнее также связано с лексическим значением *обладания.*

Корпус древнеанглийских собирательных имен на ge- образует сравнительно небольшая группа существительных, представленная именами getimbru *здания*, gewæde *одеяния*, gesylhþe *упряжка,* ge-tyme *упряжка,* ge-fylce *дружина*, ge-tyne *собрание*, ge-broþor *братья,* gedohter *дочери* и другими. Все они обладают денотативным значением *множества лиц / предметов* и сигнификативным значением *общности, единства* собирательной группы. Категория *собирательности*, вместе с тем, прослеживается и в группе неопределенно-обобщающих местоимений и наречий: gehwā *каждый, всякий, любой,* gehwilc *каждый,* gehu *любым образом,* gehwær *везде*.

Производные gehwā (м. р.), gehwæt (м. и ср. р.) *каждый, кто-либо, любой* сохраняют связь с общегерманским корнем *hwa-, *hwi-, но восходят к более сложной, образованной при помощи префикса *ga-, основе *gahwa, которая указывает на признак *собирательности* в семантике этих слов [$Л_2$: 251 - 252]. Значение местоимений развивается в сторону большей отвлеченности, а *собирательность* при этом служит универсальным средством передачи *качественной тождественности* денотатов (= *любой*). Таким образом, лексика с велярными инициалями обнаруживает взаимопересечение значений *обобщенности* и *собирательности* имен существительных и местоимений. Формирование «собирательных» местоимений на базе собирательных существительных является ярким примером спонтанного возникновения грамматизованных структур высокой степени сложности (структуральные концепты *обобщенность, собирательность*).

4. 6. 1. 3. Структуральные концепты *неопределенность, вопросительность*

Фрагмент лексикона велярной зоны совмещает противоположную семантику. С одной стороны, это *лицо, часть*, а, с другой стороны, *предмет, множество* предметов*, целое.* Совмещение этих признаков в рамках лексики велярной зоны демонстрируют древнеанглийское неопределенно-личное местоимение мужского рода hwā *кто, некто, кто-либо, кто-нибудь* и неопределенно-предметное местоимение мужского и среднего рода hwæt *что, нечто, что-то, что-либо*. Данные местоимения восходят к германским неопределенным основам *xwa- и *xwi- (и.-е. *kwo- и *kwi-) и соотносятся с вопросительными местоимениями[146] hwā *кто?* hwæt *что?*

[146] Вопрос о семантическом инварианте категорий *неопределенности* / *вопросительности* местоимений не получил окончательного решения. Какая основа – неопределенная или вопросительная – является первичной, в настоящее время установить трудно. Э. Прокош, в частности, первоначально считал, что ни одна из названных основ не предшествует другой, поскольку их значения тесно связаны. Однако анализ структуры неопределенных местоимений различных языков, проделанный лингвистом, показал, что в большинстве языков вопросительные основы часто расширяются дополнительными аффиксами (ср.: лат. aliquis, quisque, quicumque, греч. ὁςτις, нем. etwas). Поэтому впоследствии Э. Прокош склоняется к мысли о вторичном развитии неопределенной функции, поскольку «легче представить себе язык без неопределенных, чем без вопросительных местоимений» [Прокош, 1954: 303]. Точка зрения Э. Прокоша находит поддержку и в современной лингвистической литературе. Образование неопределенных местоимений от основ вопросительно-неопределенных слов рассматривается в [Майтинская, 1969: 251]. В некоторых индоевропейских языках энклитическая частица kwe *и*, присоединяясь к вопросительно-неопределенным основам, придает им ясно выраженное *неопределенное* значение (др.-инд. kas-ca, арм. o-k *кто-либо*). Г. Хирт связывает первоначальную семантику индоевропейских основ *kwo- и *kwi- с анафорическим значением, из которого развивается сначала *неопределенное*, а затем *вопросительное* значение. В первоначальности анафорического употребления местоимений неопределенной семантики Г. Хирт видит причину связи названных основ с индоевропейской частицей-союзом *kwe *и* [Hirt, 1927: 41]. По Ж. Одри, частица *kwe в дописьменный период выступает в функции фразовой частицы, т.е. относится ко всему предложению и имеет конкретные функции соединительной (*и*) и обобщающей (ср. лат. quisque *каждый*) частицы. Впоследствии она-то и дает в индоевропейских языках соединительный союз *kwe *и* [Одри, 1988: 77, 93]. По мнению Г. Хирта, индоевропейский *и* сначала развивает *неопределенное*, а потом – *вопросительное* значения. Вполне вероятно и то, что одна и та же первичная индоевропейская дейктическая частица могла иметь как анафорическую функцию (от нее развивается союз *и*), так и неопределенно-вопросительную функцию, на основании которой развиваются вопросительно-неопределенные местоимения [Майтинская, 1969: 232]. В целом, генетическая общность корней вопросительных и неопределенных местоимений прослеживается во многих языках мира. Очевидно, одни и те же местоименные основы в индоевропейских языках используются в функции вопросительных и неопределенных местоимений, различаясь только по интонации [Сравнительная грамматика германских языков, 1963: 328]. На пути прономинализации и.-е. основы *kwo- и *kwi- минуют стадию анафорического употребления, на базе которой впоследствии и развиваются *неопределенное* и *вопросительное* значения. Значение *соединения*, выраженное в союзе и.-е. *kwe *и,* сближается в этом случае с анафорическим употреблением местоимений неопределенной семантики [Hirt, 1927: 41].

Древняя семантика анализируемого разряда слов указывает на реализацию данными местоимениями структуральных концептов *лицо / предмет, актив / инактив***.**

При этом *лицо* связывается с классом существ мужского и женского рода, деятелями (концепт *актив*), а *предмет* – с классом не-деятелей, т. е. с предметами (концепт *инактив*). В самом деле, « … в парных местоимениях: кто-что; некто-нечто … значения родов мужского и среднего сливаются с различными категориями лица или живого существа и предмета-вещи, которые как бы противопоставляются друг другу. Формами кто, … некто обозначаются живые существа мужского и женского пола … Предметное что (нечто) неизменно сочетается с представлениями о среднем роде, хотя бы оно относилось к животным, например: Что-то возилось в углу» [Виноградов, 1986: 279]. В древнеанглийском языке родовые различия неопределенно-личного местоимения hwā *кто, некто* (мужской род) и предметного местоимения hwæt *что, нечто* (средний род) также сливаются с различиями лица и предмета, например: Gif þonne **hwā** ne recð hwæðer hē gesælþa hæbbe … Если когда ***кто-то*** не говорит, имел ли он счастье …; … **hwæt** niwes ***что-нибудь*** из нового … (Примеры заимствуются из [Решетникова, 1992б: 137]). В первом высказывании формой мужского рода неопределенно-личного местоимения hwā обозначено *человеческое существо* (концепты *лицо, актив*), во втором – посредством формы среднего рода предметного местоимения hwæt выражено значение *неодушевленного предмета* (концепты *предмет, инактив*).

Кроме того, исследуемые местоимения совмещают воедино семантику *единичности* / *множественности*. У них нет формы множественного числа, но *множественность* может быть выражена посредством формы единственного числа (это особенность концепта *собирательность*). Ср.: «местоимения кто, …некто… имеют формы только ед.ч., но они могут обозначать и несколько лиц. В таком случае при них возможно мн. ч. глагола и имени. Например: «Кто такие и какие они, эти компаньонки, Пьер не знал и не помнил», «По средам у

ней собираются кое-кто из старых знакомых» [Виноградов, 1986: 276]. В древнеанглийском языке местоимения hwā и hwæt не имеют форм множественного числа [Sweet, 1940], что указывает на их парадигматическую ущербность.

Во фрагменте велярной лексики местоимения hwā *кто, некто, кто-либо, кто-нибудь* / hwæt *что, нечто, что-то, что-либо* выражают концептуальные признаки *актив / инактив, одушевленный / неодушевленный*, *лицо / предмет*, *часть / целое*, подтверждая релевантность совмещения этих противопоставлений в рамках данного фрагмента древнеанглийского лексикона. Эти оппозиции поддержаны противопоставлением и личных местоимений 1 / 3 лица (см. ниже).

4. 6. 1. 4. Концепты *лицо / предмет*. Структуральные концепты *1 лицо / 3 лицо*

Противопоставление структуральных концептов *1 лицо / 3 лицо* наиболее ярко демонстрируют древнеанглийские местоимения 1 лица ic *я* / 3 лица hē *он*, hēo *она*, hit *оно*. Личное местоимение 1 лица единственного числа ic *я* является полноправным представителем сферы Ich-Deixis. Оно указывает на самого говорящего, обозначая собственно 1 лицо (концепт *лицо*).

Значение *лица*, понимаемое в узком смысле слова, в местоимениях 3-го лица противоречиво: слова этой категории не являются собственно личными местоимениями в смысле местоимений 1, 2 лица. Анализируемые местоимения указывают на лицо, не являющееся ни говорящим, ни собеседником. Более того, местоимения 3 лица могут указывать на предмет и обладают родовыми различиями. Местоимение среднего рода hit *оно* вообще выводят за сферу *лица*: оно обозначает все то, что не относится к понятию *лицо* (концепт *предмет*). Вследствие этого данное местоимение приобретает значение слова, выражающего указание анафорического или предваряющего характера. Эта

семантика не свойственна собственно личным местоимениям. Нередко поэтому местоимения 3 лица[147] определяют как лично-предметные местоимения (или личные местоимения в широком смысле слова) [Майтинская, 1969: 141].

Генетический же срез вскрывает противопоставление местоимения 1 лица местоимениям 2 и 3 лица.

В. Я. Мыркин восстанавливает варианты уральских корней t / s в качестве основы для местоимений 2 и 3 лица (др.-англ. þū *ты*, русск. *ты, тот*), исконно указывающих на сферу *не-Я,* т. е. других индивидов, отличных от *Я* (концепт *индивид*), а также на сферу предметов в противовес основам местоимений 1 лица. Впоследствии t обобщается в местоимениях 2 лица, а s – в местоимениях 3 лица. Такой же путь развития проделали индоевропейские местоимения [Цит. по: Майтинская, 1969: 141]. Аналогичным образом, анализ индоевропейской системы глагольных флексий выявляет наличие более тесной связи между 2 и 3 лицом, чем между 1 и 2 лицом. Общим для 2 и 3 лица является использование элемента *-t-, тогда как в 1 лице используются элементы *-m- и *-u- (косвенные падежи личного местоимения др.-англ. mē *меня*, мн. ч. русск. *мы*; др.-англ. wē *мы*). Элемент *-s- выполняет функцию личного показателя во 2 и 3 лице. По К. Уоткинсу, индоевропейское окончание глагола 2 лица ед. ч. *-s(i) восходит к старому показателю 3 лица ед. ч., вытесненному из 3 лица новой флексией *-t(i) [Watkins, 1962: 195]. С формальной точки зрения логично объединить в одну категорию **2** и **3** лицо, противопоставив их **1** лицу. Иначе говоря, в основе фундаментального психологического различия лежит оппозиция *Я / не-Я*[148] [Шмальштиг, 1988: 277; см. Erhart, 1970: 58].

---

[147] Подобное положение дел объясняется генетически: в этимологическом плане местоимения 3 лица развиваются из анафорических (указательных) местоимений, денотаты которых лежат целиком в области предметного мира. В этом случае проблемы указательных и личных местоимений 3 лица оказываются тесно переплетены. Их объединяет указание с ориентацией на *сферу говорящего (собеседника*). Местоимения 1, 2 лица по своим языковым функциям резко отличаются от указательных местоимений, нежели личное местоимение 3 лица, поскольку они указывают собственно на самого говорящего или собеседника. Эта языковая особенность и функция способствуют более раннему оформлению местоимений *я, ты* по сравнению с местоимением *он* [Майтинская, 1969: 196].

[148] Примечательно указание М. М. Маковского на соответствие личных местоимений 1 лица *микромиру, человеку*, а местоимений 2 и 3 лица – тому, что лежит *за пределами* микромира [Мак.: 94].

Элементы *-s и *-y, по В. Шмальштигу, могли быть показателями *ближнего дейксиса*, но, скорее всего, они обозначали соотнесенность с одушевленным участником действия. Элементы *-m и *-t могли быть местоимениями *дальнего дейксиса*, но более вероятно, что они обозначали соотнесенность с **неодушевленным** участником действия. Подтверждением этому служат противопоставления таких местоименных форм, как лат. is / id, хет. -as / -at [Шмальштиг, 1988: 277]. В этой связи нельзя не отметить наблюдения О. Семереньи по формированию морфологических категорий в детской речи: первыми появляются формы 3 лица глагола, затем – 1 лица, 2 лицо при этом регулярно заменяется 3-им и, наконец, употребляются формы 2 лица единственного и позднее – множественного числа [Szemerenyi, 1972: 157]. Очевидно, для ребенка одним из наиболее важных шагов в развитии познавательной деятельности является осознание различия между своим Я и остальным миром [Шмальштиг, 1988: 277]. Э. Бенвенист также отмечает центральное положение, т. е. немаркированность 3 лица единственного числа в системе личных местоимений. В отличие от местоимений 1, 2 лица местоимение 3 лица не указывает на момент речи, а 2 лицо, по его мнению, выглядит скорее маргинальным [Benveniste, 1971: 195 - 204].

Таким образом, в концептуальном и генетическом плане местоимения 1 и 3 лица противопоставлены по признакам *лицо / предмет; актив, одушевленный / инактив, неодушевленный; Я / другой индивид, не-Я; часть / целое*. Они являются выражением структуральных концептов *1 лицо / индивид, 3 лицо*. Это противопоставление поддерживается соображениями морфологического порядка. Морфологический анализ[149] дифференцирует местоимения 1 лица, с одной стороны, и 3 лица, с другой стороны.

[149] Морфологически местоимение 1 лица ед. ч. ic *я*, по сравнению с местоимениями 3 лица hē, hēo, hit *он, она, оно*, древнее. Более древним, фактически, оказывается и склонение местоимения 1 лица: оно выделяется как особый морфологический тип лексем в общей системе местоимений благодаря типологически древнему склонению, отличному от склонения других местоимений [Сравнительная грамматика германских языков, 1963: 304]. Это подтверждается анализом парадигмы слова: именительный падеж местоимения ic представляет собой чистую корневую основу (восходит к и.-е. *eg или же к *eg-om (с окончанием)). В косвенных падежах находим другой корень: род. п. min, дат. п. me, вин. п. mec (< и.-е. *mē). Как известно, гетероклитичность парадигмы склонения, а именно, функционирование разных основ в качестве основы им. п. и основы

Формирование местоимений 1 / 3 лица и, соответственно, развитие структуральных концептов *1 лицо / 3 лицо* связано с их дальней реконструкцией – нерешенным и во многом спорным вопросом, целиком находящимся в области гипотетических построений. Существует несколько путей решения поставленного вопроса. Во-первых, можно связать происхождение личного местоимения 1 лица с функционированием дейктической указательной частицы. В процессе развития языка возникает необходимость дифференцировать указательные местоимения и местоимения 1, 2 лица. Путем приобретения разного звукового оформления основы, разных местоименных, выделительных и других формантов, дифференцированных моделей формообразования первичные указательные частицы, с одной стороны, превращаются в указательные местоимения, а, с другой стороны, – в личные местоимения 1, 2 лица. При этом указательные и личные местоимения могли развиться от разных или тождественных первичных указательных частиц. Следы, подтверждающие тождество основ указательных местоимений и личных местоимений, сохраняются во многих языках [Майтинская, 1969: 196 - 197].

По предположению К. Бругманна и позднее К. Бюлера, местоимения 1 лица восходят к указательным местоимениям (концептуальное развитие

косвенных падежей, присущая лишь немногим местоимениям, свидетельствует о большой древности личных местоимений. Последнее обстоятельство связывается с отсутствием у этого разряда развитого склонения в индоевропейском языке. На отсутствие у древних личных местоимений склонения в собственном смысле слова указывают различные авторы (Г. Хирт, В. Штрайтберг, А. Мейе, Э. Прокош, В. Педерсен). По мнению В. Педерсена, в индоевропейском языке существует некоторое количество основ со значением того или другого лица, которые употребляются либо самостоятельно, либо в сочетании с различного рода частицами и имеют минимальную дифференциацию по падежам. Г. Хирт, сопоставляя личные местоимения с другими типами местоимений, констатирует отсутствие у первых единой индоевропейской системы флексии при общности корневого состава в противоположность другим местоимениям. В этом он видит доказательство особой древности системы личных местоимений, сложившейся, по его мнению, в дофлективный период развития индоевропейских языков. Основы косвенных падежей личных местоимений рассматриваются Г. Хиртом как остатки неопределенного падежа, а окончания отдельных косвенных падежей – как распространение этих основ посредством различного рода частиц или детерминативов [Сравнительная грамматика германских языков, 1963: 305]. Местоимения 3 лица морфологически просты. Простота морфологической парадигмы этих слов, отсутствие супплетивности в формах падежей и числа связываются с более поздним формированием данной категории слов на базе индоевропейских указательных местоимений [Сравнительная грамматика германских языков, 1963: 309]. Так, в готском языке личные местоимения 3 лица развиваются на базе и.-е. основы указательных местоимений *i- / *e- / *o-, в других германских языках используются основы *sio- / *siā- / *sī-, а в древнеанглийском языке – *ki- / *kio- / *ko-. Индоевропейская основа *eno (русск. *он, она, оно*) прослеживается в контаминации с основой *i- в др.-англ. geon [Сравнительная грамматика германских языков, 1963].

указательность, определенность > *1 лицо*). Так, из и.-е. *gho развиваются слова как со значением *здесь*, так и со значением *я* [Bühler, 1965]. В [Николаева, 2004: 172; см. также Топоров, 1992] утверждается факт связи **указательной** местоименной основы и.-е частицы *ghe, *gho в составе и.-е. местоимения *eg(h)om *я*.

Второй путь развития местоимения 1 лица, по сути, связанный с первым, – от первичной дейктической частицы, указывающей на сферу говорящего [Майтинская, 1969: 205]. В этом случае и.-е. *eg(h)om оказывается сопряженным с эволюцией полнозначной лексемы[150], очевидно, связанной с процессами *коммуникации*, стремлением более точно обозначить участников акта коммуникации.

Категория местоимений 3 лица – хронологически более поздняя, поскольку предполагает соотнесенность с более широким кругом лиц и предметов. И хотя вопрос об источнике грамматикализации местоимений 3 лица[151] не был положительно решен лингвистами [см. Герценберг, 1979], обращает на себя внимание тот факт, что древнеанглийские местоимения 3 лица hē *он*, hēo *она* происходят от указательной основы и.-е. *ko *этот,* реализующей значение сферы Ich-Deixis (*указательность, определенность* > *3 лицо*).

---

[150] Хотя никаких прямых или косвенных свидетельств грамматикализации местоимения *я* не сохранилось, наиболее древнейший корень – источник прономинализации местоимения – реконструируется как XyXw- *говорить, слышно, молва* (концепт *коммуникация*). Прежде чем достигнуть этапа прономинализации, исходное слово подвергается ряду семантических трансформаций. Первичная дейктическая основа формируется в рамках следующих переходов: *рот ... губы ...* > *слышать ... ухо ...* > *сказать ... выкрик* > *называть ... имя, я* > *речь ...* > *взывать ...восхвалять ... молиться ...* > *ругать ...* > *эй, слушай!* [A: 269].

[151] Дальняя реконструкция позволяет обнаружить прототипические содержательные слои местоимений 3 лица. Они складываются из суммы лексических элементов, связанных с самыми разнообразными конкретными оттенками *указания* на все то, что окружает говорящего [Майтинская, 1969: 144 - 145]. Смелая гипотеза Н. Д. Андреева позволяет связать происхождение местоимений 3 лица с двумя исходными семантическими полями: *охотничьей* лексикой и кругом означаемых, денотирующих *человеческое жилье*: Ky-Y- *гнездо, нора, логово, переносное жилье, ставить переносное жилье, связывая его части в целое* (ср. эвен. cōlbok *гнездо* (беличье, птичье), вед. cayā *место отдыха, ложе*, хетт. kiītta *лежит* [A: 80], ср.: др.-англ. ham *жилище, загон*, hām *дом, жилище, поместье,* hāmettan *обеспечивать жильем*. Позднее возникает ветвь семантического дерева рассматриваемого корня, которая связана со становлением семьи. Ее отражают древнеанглийские лексемы hīwan *домочадцы*, hīwen *семья*. К еще более позднему времени относится формирование на базе корня указательных местоимений и личных местоимений 3 лица. Связь последних с номинациями жилища и семьи значима: человеческое жилище издревле служит важным ориентиром в пространстве. Оно маркирует территорию рода, отделяет своих от чужих. В целом прототипическая семантика корня утверждает важность пространственно-временных отношений *здесь, сюда, сейчас* и коммуникативных отношений *этот, эта*, т. е. отношений сферы *Я*.

Таким образом, посредством местоимений ic / hē, hēo, hit выражено концептуальное противопоставление *лицо / индивид, предмет.* Дифференциация этих лексем сопряжена с моментами концептуального синкретизма (структуральный концепт *лицо*), общим направлением эволюционного развития (*указательность, определенность > 1, 3 лицо*).

Таким образом, в рамках фрагмента [h]-лексики обнаруживается разветвленная топологическая взаимосвязь лексических и структуральных концептов: *часть / целое; лицо / предмет; разделение / соединение; верх / низ; множество, обладание, коммуникация, состояние, положение, собирательность, обобщенность, 1 лицо / 3 лицо, указательность, определенность / неопределенность, вопросительность.*

4. 7. Интегративные концепты лабиальной, дентальной, велярной зон

Процессы самоорганизации структур в древнеанглийском языке приводят:

1) к возникновению **макроскопической упорядоченности** внутри фрагментов и между фрагментами лексических и морфологических единиц при сохранении микроскопической разупорядоченности на уровне отдельных лексем (порядок на макроуровне уживается с хаосом на микроуровне);

2) к появлению *согласованности, когерентности, коллективного поведения:*

а) хронологически разделенных лексических единиц,

б) функционально разных лексических и грамматических единиц в моделях лексикона, когда происходит синхронизация пространственно разделенных процессов.

При формировании новых единиц или организации уже существующих слов происходит потеря индивидуальных качеств лексем: их семантика

адаптируется к доминантному смыслу модели, что способствует формированию зон интеграции иконических единиц с новыми (*эмерджентными*) качествами и закономерностями, которых не было в простом наборе слов.

Возникновение упорядоченности и коллективного поведения элементов моделей осуществляется посредством формирования неоднородных языковых структур и смыслов, которые стремятся к *однородности* и *выравниванию* содержания по образцу *доминантного смысла*. Дедифференциация и дезинтеграция единиц, категорий сменяется их максимальной дифференциацией и последующей *интеграцией*. При этом происходит образование различного рода симметричных отношений как между фрагментами лексикона, так и внутри них.

В итоге формируется единое *иконическое пространство,* сформированное единицами лабиальной, дентальной, велярной зон и передающее совокупность доминантных смыслов, к выражению которых стремятся единицы. В каждой зоне выделяется *доминантный смысл,* соответствующий определенному *интегративному концепту*.

Интегративные концепты **не сводятся к составляющим их концептам, а представляют целостные фрагменты концептуальной картины мира англосаксов**, поэтому проблема имени такого концепта в работе не поднимается.

В **лабиальной** зоне актуализируются следующие интегративные концепты (ИК):

ИК [b]-лексики: концептуальная область, связанная с *телесным началом* (bān *a bone*; boh *arm, shoulder; branch; progeny*; bærm *a bosom, lap*; breost *the breast, the breasts; the breast as the seat of the vital powers, feelings, the heart, mind, thought*; būc *belly, stomach*; blōd *blood, gore*; bodig *bigness or height of body, stature*), *материальными* и *духовными ценностями* (borh *security, pledge, loan, bail*; bōt *help, assistance, remedy, cure; boot – compensation due to an injured*

person; bin *a manger, hutch*; bærn *a barn*; būr *bower, cottage*; burcg *city*; bold *building, house*; bord *board, plank; ship*; bēn *a praying, prayer, petition, demand*; blōt *sacrifice*); *пищей* (bacan *to bake*; brīw *thick pottage made of meal, pulse*; beorma *bam, leaven, yeast, froth*; brēad *bit, morsel, bread*; bēor *beer, mead*); *водой* (bæþ *a bath, a font*; bec *a brook , small rapid stream*; brim *surf, sea, ocean*; burn *bubbling water, stream, river*); с *рождением* (beran *to bear, carry, suffer, bring forth*; byrd *birth, issue*; bearn *a child, son, issue, offspring, progeny*); *бытием, жизнью* (bēon *to be, exist, become*; blld *blowing, life, mind, breath, spirit; success*; bū *dwelling, habitation*); *ростом* (brōd *growing together; brood*), *процветанием* (blæd *leaf*; blld *flower, fruit*; blōsma *blossom*); *двойственностью* (begen, bā *both*);

ИК [m]-лексики: концептуальная область, ориентированная на *человека как земное, смертное существо, неодушевленную природу, смерть, духовность, духовные трансформации, наследство;*

ИК [f] ([p])-лексики: отношения *родства по отцовской линии* (fæder *a father*; faðu *a father's sister, paternal aunt*; fædera *an uncle, a father's brother*); *воспитания, кормления, заботы, опеки* (fōster *a fostering, nourishing, rearing, feeding*; feorm *food, provision, substance*; fēster *food, nourishment, foster*; fōda *food, nourishment*; fōdder *fodder, dry food for cattle, hay corn*; færm *a supper, feast*; fea *fee, money, goods*; fyll *fullness, satiety, gluttony*); *помощи* (fultum *help, aid, assistance, support*); *дружеских привязанностей, свободы, любви, мира* (freo *free, having, liberty or immunity, noble, glad*; freod *affection, good-will, friendship, peace*; freond *a friend; frig love, affection, favour*; friþ *peace, freedom from molestation; security*; frōfes *comfort, solace, consolation*); *творчества, увлечений, игры, радости* (frætwe *ornaments, adornment, decorations*; færs *a verse, sentence, title*; fidele *a fiddle*; fit *a song, poem*; plega *play, quick movement, sport, game, applause*; fea *joy*; fagen *glad*); *риска, опасности* (flr *fear, danger, peril*); *жизни* как *биологического феномена, передачи генетической информации* (feorh *life, soul, spirit; a living being, person*; ferþ *the soul, spirit, mind, life*). Осуществляется интеграция признаков *странствия, пути* (fæt *a journey, going, path*; faru *a going,*

journey, passage; fer *a going, journey*; fera *a companion*; fōr *a going, setting out, journey, course*; feðe *the power of going on foot, motion, pace*; fūs *a hastening, progress*; fleam *flight*; flēge *a fly*; floga *one who flies or flees, a fugitive*; pæþ *a path, track*); *первого в племени, роде, старшинства, родителей, предков* (fyrn *ancient, old*; frum *original, primitive, first*; fruma *a beginning commencement, origin; an originator, author, founder*; forma *the first, earliest*; freo *a lord, master*), *рождения, потомства* (fæsi *offspring, progeny*)*;*

ИК [w]-лексики: концептуальная область, связанная с семантикой *физической* и *духовной силы, власти, рождения, становления*, *обмана, преступления, вины, наказания, антагонизма*, ведущего к *смерти*. Этот та сфера, где мироздание начинается и заканчивается, это *начало* и *итог жизни*, *Хаос, смерть* и *Возрождение, Судьба* и *Рок*, *переход от хаоса к порядку*, *родовая личность*, не отделенная от *Природы* и *Рода*, *родовой Космос*, возникающий из *Хаоса*.

Лексика **дентальной** зоны представлена интегративными концептами:

ИК [r]-лексики: *индивид, личность**;***

ИК [l]-лексики: концептуальная область, связанная с *обществом, партнерством, вторым «я»; красотой, гармонией мира;*

ИК [n]-лексики: *отрицание старого, новое, духовность**;***

ИК [d], [t]-лексики: концептуальная область, связанная с *традициями* (tyht *way, manner of conducting one's self, usage, practice*)*; домом* (tūn *an enclosed piece of ground, yard, court*); *родом, рождением, потомством, семьей, матерью* (tān *a twig, sprout, shoot, branch*; telga *a branch, bough*; team *a line of descendants, offspring, progeny, family; a team*; ticcen *a kid*; tūdor *a child*; tit *a teat, breast*); *работой, трудом, служением* (til *use, service, convenience; goodness, kindness*; til *good at anything, apt, capable, competent*; tilian *to strive after or for some object*; tōl *that by which one makes things; tools, machinery*; tilia *a husbandman, cultivator of land*; tilþ *labour*; timber *material for constructing a house, ship*); *властью* (dryhten *the lord*; dōm *dominion, power, authority, property, right, office, quality, state,*

condition); *судом* (dōm *doom, judgment, judicial sentence, decree, ordinance*; tihtan *to charge (a person with an offence)*; tiht *a charge, an offence with which one is charge*; toll *toll, tax, custom, duty, due*); установлением *пространственно-временных* координат (tīd *time, date, hour; time, a period of time; tense*; till *a fixed point, station*; tīma *time; a period of time; quantity*; tungol *a heavenly body*);

ИК [s], [þ], [ð] (частично [d], [t])-лексики: сфера, в которой сополагаются *работа, труд, созидание, упорядочение* через *разделение, действие*, *социальная жизнь личности*; *род, родство,* отношения *своих* в роде, *долг, истина.* Здесь раскрывается «*самость*» человека, *индивида*, противопоставленного коллективу. Это *творение, деятельность, созидание* в целом; сотворение мира.

Лексика **велярной** зоны является средством вербализации интегративных концептов, связанных с *родственниками, потомством, семьей, рождением* (cyn *kind, race, family, kin*; cneo *a knee; a generation, relationship;* cnōsl *a race, progeny, offspring, kin, family;* cwēn *a woman, a wife, a queen;* cwiþ *the womb;* cennan *create, bring forth*); *знанием, информацией, мастерством, умением, коммуникацией* (cnāwan *to know;* cræft *power, might, strength as of body or externals; an art, skill, trade, work; craft of mind, cunning, knowledge, science, talent, ability, faculty;* cunann *to be able, have power*); *иерархией, разделением / соединением* (ceorfan *to cut /* ge- *префикс собирательных имен*) (**ИК** [k], [g], [j]-лексики).

Под давлением доминантного смысла в результате аттракции происходит выравнивание значений отдельных слов и лексико-семантических групп. При этом большая часть лексем, которые входят во фрагменты лексики лабиальной, дентальной и велярной зон, составляют ядро иконического пространства, поскольку принимает участие в формировании симметричных оппозиций. Определенная часть лексем подобную закономерность не обнаруживает.

Таким образом, выявляется симметрия и интеграция смысла на уровне целостных языковых подсистем. В рамках отдельных моделей лексемы и морфологические единицы стремятся к максимальной дифференциации и

гомогенности доминантного смысла, а на уровне языковых подсистем происходит их интеграция: лексикон и грамматикон предстают не как хаотический набор единиц, а как упорядоченные целостные системы, передающие смыслы, релевантные для древнего мышления. Важно отметить, что подобная организация возникает спонтанно, без внешних упорядочивающих воздействий на систему, являясь в подлинном смысле слова **самоорганизацией**.

Интегративные концепты формируют **симметричные бинарные оппозиции.**

В лексике с лабиальными [b] / [m] противопоставлены *материальные / духовные ценности; живое / неживое*. Эта оппозиция является базовой, связанной с противопоставлением одушевленного / неодушевленного начал в мире.

В лексике с инициалями [r] / [l] противопоставлены *личность* / *общество*;

В лексике с дентальными [s] ([þ], [ð]) / [d] ([t]) противопоставлены *семья / работа, власть; личное / общественное;*

Лексика велярной зоны не организована в оппозиции, находится в отношениях семантической дополнительности к лексике дентальной и лабиальной зон, выражая смыслы, зависимые от лексики двух других зон и заполняя образовавшиеся лакуны в иконическом пространстве.

Последовательность фрагментов древнеанглийского лексикона обнаруживает закономерность следующего рода: в совокупности фрагментов [w], [h], [s]-лексики отражена эпистема *родового человека*, *родового космоса*. Лексика с инициальным [w] «начинает» развертывание концептуального содержания, выражая соответственно семантику *начала и конца сущего, перехода от хаоса к порядку,* лексика с инициальным [h] «продолжает» концептуальное развертывание, фиксируя этап *сотворения Космоса* и *мира* через *разделение / объединение,* и лексика на [s] отражает *установление порядка*.

В совокупности фрагментов [n], [m], [l], [k], [f] ([p]), [d] ([t])-лексики представлена эпистема *социального человека* и, наконец, в [g], [b], [r]-лексике репрезентирована эпистема *индивида*.

Фрагменты лексики с инициальными [w], [h], [s] являются максимально нагруженными семантически: при анализе концептов этих фрагментов на первом плане оказываются ассоциированные смыслы и пересечения концептов, которые отражают фрагмент концептуальной системы архаических представлений о *генезисе* сущего, *переходе* от *хаоса* к *порядку*. Лексика с инициальными [p], [t], [k], будучи противопоставлена фрагментам лексикона на [w], [h], [s], несет противоположную информацию.

По данным древнеанглийских текстов[152], фрагменты с лабиальным [w], дентальными [s] и [þ] ([ð]), велярными [g][153] и [h] являются наиболее объемными фрагментами лексикона (их количественное соотношение представлено на рис. 4.6). Аналогичным образом, общее количество слов с указанными инициалями в древнеанглийском словаре Дж. Босворта и Т. Толлера также является наибольшим. Наименьшими по объему являются фрагменты лексики с инициальными [p], [t], [k].

---

[152] Для верификации зависимости между семантикой иконических моделей, объемом фрагментов лексикона и частотностью лексем, входящих в модель, отобраны древнеанглийский текст «Беовульф» [Beow.], тексты среднеанглийского периода «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера [Chaucer] и ранненовоанглийские тексты, в частности, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира [Romeo and Juliet]. При этом определяется общее количество слов, начинающихся с определенной инициали, и их частотность. Полученные результаты сопоставляются с данными по частотности слов в современном английском языке.

[153] Большой объем фрагментов лексики с инициалями [g] и [þ] ([ð]) связан с зависимостью следующего рода. Лексемы с инициальным [g] содержат весьма продуктивный древнеанглийский префикс ge-, который присоединяясь к словам, модифицирует их семантику и существенным образом увеличивает размер фрагмента. Лексика с инициальными [þ] ([ð]), в свою очередь, содержит частотные указательные местоимения (и частицы с относительным значением), которые уже в древнеанглийский период имеют тенденцию употребляться в функции определенного артикля. Высокая частотность лексем с указанной инициалью сохраняется в современном английском языке: по данным [Corpus], наиболее частотными английскими словами являются определенный артикль и, помимо прочего, указательные местоимения, а также связанные с ними наречия: **6.18% the;** (4.23% is, was, be, are, 's (= is), were, been, being, 're, 'm, am; 2.94% of; 2.68% and; 2.46% a, an; 1.80% in, inside (предлог); 1.62% to (маркер инфинитива); 1.37% have, has, have, 've, 's (= has), had, having, 'd (= had); 1.27% he, him, his; 1.25% it, its; 1.17% I, me, my; 0.91% to (предлог)); **0.86% they, them, their;** (0.86% not, n't, no (interjection); 0.83% for; 0.83% you, your; 0.70% she, her; 0.65% with; 0.64% on; 0.62% that (союз)); **0.58% this, these; 0.57% that** (указательное местоимение), **those;** (0.55% do, did, does, done, doing; 0.51% we, us, our; 0.50% by; 0.47% at; 0.45% but (союз); 0.44% 's (показатель родительного падежа); 0.41% from; 0.40% as (many parts of speech); 0.37% which; 0.37% or; 0.31% will, 'll; 0.28% said, say, says, saying; 0.25% would; 0.25% what); **0.23% there** (вводное); (0.23% if; 0.23% can; 0.22% all; 0.22% who, whose; 0.21% so (наречие / союз); 0.20% go, went, gone, goes; 0.20% more; 0.19% other, another; 0.19% one (числительное); 0.18% see, saw, seen, seeing; 0.18% know, knew, known, knows, knowing). Вышеуказанные единицы в совокупности составляют 43 % всего словаря.

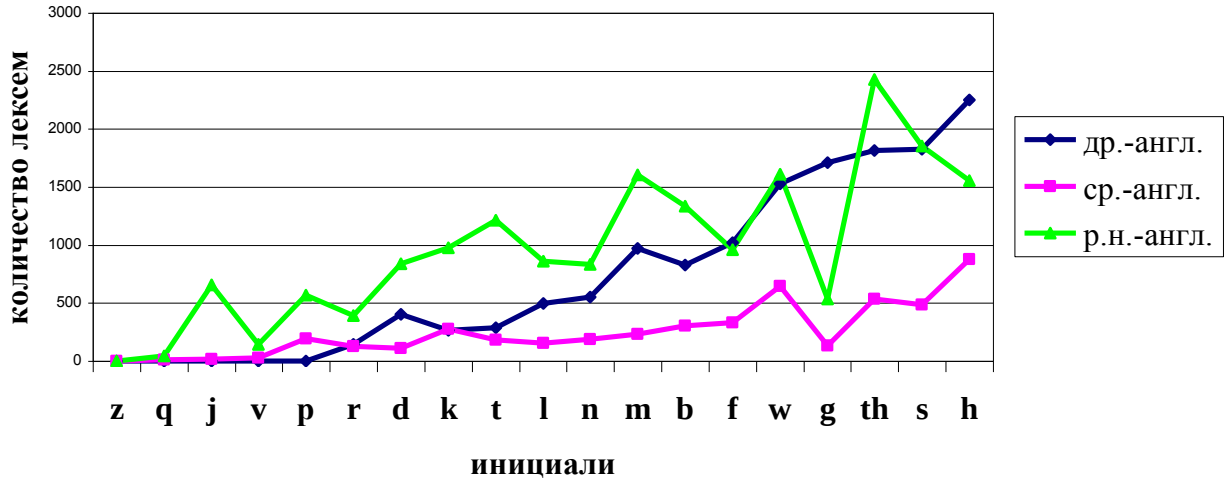

Рис. 4.6. Количество лексем, начинающихся с различных инициалей в поэме «Беовульф» (древнеанглийский период), в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера (среднеанглийский период), в «Ромео и Джульетте» У. Шекспира (ранненовоанглийский период)

Фрагменты лексики с инициальными [w], [h], [s] представлены наиболее частотными лексемами – словами с наиболее древней историей. Ср., например, слова, употребляющиеся в тексте поэмы «Беовульф» [Beowulf] 10 раз и более: **с инициальным [w]:** willan *желать* и его формы, wudu *лес*, wund *рана*, wíg *война*, wind *ветер*, wél *колодец, вода*, wæter *вода*, weard *страж*, wyn *радость* и его производные, wyrd *судьба,* winter *зима, год*, witan *знать* в различных формах, worold *мир, вселенная*, waépen *оружие*, wíde *широкий*, wundor *чудо* и его производные, wiht *существо, вещь*, wyrm червь, wearðan *становиться*, word *слово*, wesan *быть* в различных формах, а также местоимения we *мы*, wit *мы оба*, наречие и префикс wið *по направлению к, рядом, вместе, против* и некоторые другие; **с инициальным [h]:** hafela голова, héan *низкий*, hýrde *услышал*, holm *холм, курган*, hléo *укрытие,* heorot *Хеорот* (название здания), hám *дом, поместье, собственность*, hraþe *быстро, вскоре, сразу*, hyrde *вдохновил, укрепил*, hring *кольцо* (вместе с производными), heard *твердый, суровый, храбрый*, hwíle *промежуток времени*, hand *рука, кисть руки*, hord *сокровище* (вместе с производными), hild *война, битва* (поэт.) (вместе с производными), hæleð *человек, воин, герой* (поэт.), hātan *приказывать,*

повелевать (вместе с формами), healdan *держать, хватать* (вместе с формами), helm *шлем*, habban *иметь, обладать* (вместе с формами), а также имена собственные Hygelác *Хигелак*, Hróðgár *Хротгар*.

Иконические фрагменты, наиболее «протяженные» по объему, а именно, лексика с инициальными [w], [h], [s] не только включают наиболее частотные лексемы индоевропейского происхождения, но и отражают информацию, наиболее релевантную для древнего мышления.

Лексика с инициальными [p], [t], [k] демонстрирует зависимость иного рода. Сравнительный анализ заимствований[154] в древнеанглийском лексиконе показывает, что наибольшее количество латинских, кельтских и прочих заимствований встречается именно в лексике с инициальными [p], [t], [k], тогда как количество исконных лексем индоевропейского происхождения в этом «секторе» лексикона минимально. Очевидно, что подобное распределение лексики каким-то образом обусловлено, и существует определенная закономерность, лежащая в основе этого явления. Мы полагаем, что лексика с инициальными [p], [t], [k], будучи семантически прямо противоположной лексике с инициальными [w], [h], [s], менее частотной и наименьшей по объему единиц, является наиболее открытой зоной лексикона, подверженной влиянию чужеродных элементов, т. е. служит своего рода «каналом» для проникновения заимствований.

Исконная номинативная лексика с инициальным [p] представлена небольшим количеством имен существительных, восходящих к индоевропейским корням, причем, многие из них обладают, по всей вероятности, звукоизобразительным характером и выражают значения *надуваться, раздуваться*: pudd *канава*, puduc *бородавка, жировая шишка,* pusa

[154] *Заимствование* определяется как элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс этого перехода [Добродомов, 1990: 158]. Анализ теоретического материала показывает, что, несмотря на большое количество работ, посвященных проблематике языковых контактов и лексических заимствований [см. Амосова, 1956; Вайнрайх, 1979; Лотте, 1982; Иванов, 1990: 237], определение степени интегрированности заимствованных слов в целостной системе древнеанглийского лексикона, изучаемого в звукосимволическом ключе, не поставлен в современной лингвистике. Между тем, постановка и рассмотрение этого вопроса позволяют наметить пути решения проблем, связанных с древнейшими корреляциями согласных иконического характера в германских языках.

заплечный мешок, сума, peord *vulva* (< *bu- *aufblasen* (*надувать, раздувать)* [Walde$_1$: 114]); росс *язва, оспина, щербина, прыщ* (< *beu- probably imitative rot, appearing in words loosely associated with the notion *to swell* [Wat.: 7]) с семантическим развитием *выступ, острие*: pintel *virilitas, membrum virile,* penn *загон для скота*, pund *загон* (< *bend- *protruding point;* possible root, found only in Celtic and Germanic [Wat.: 6; Walde$_1$: 109]) (такое происхождение penn *загон для скота* считается спорным [Onions: 663]).

Во фрагменте лексики с инициальным [p] происхождение спорно у целого ряда лексем, в частности, pott *горшок, котелок, кружка* (неясно, восходит ли слово к и.-е. *bu- *aufblasen* (*надувать, раздувать)* [Walde$_1$: 114] или является заимствованием из кельт. pot [OED$_{VII}$: 1180] или из лат. *pottus [Onions: 700]). Аналогична ситуация с др.-англ. pohha *мешок, сумка* (? < * bu-schallnachahmend für dumpfe Schalleindrücke (звукоподражание *глухому звуку*) [Walde$_1$: 112]) или ? < кельт. poc [B: 776]); pytt *яма, углубление, могила* (? < *bud- *stechen* (*колоть)* [Walde$_1$: 119] или ? < лат. puteus [Holt.: 145; Onions: 684]); pinn *булавка, прищепка, кнопка, колышек, гвоздь* (? < *bend- *vorspringende Spitze* (*выступ, острие)* [Walde$_1$: 110] или ? < лат. pinna [B: 774]); pægel *ведро* (? < * bak- *Stab als Stütze* (*опора, столб, подпорка*) [Walde$_1$: 104] или ? < лат. patella ([OED$_{XI}$: 65]; < ст.-франц. paella *a pan, liquid of measure* [Holt.: 136; Skeat: 610]).

Затемнена этимология др.-англ. plōg *плуг, пашня* (? < лат. plaustrum [Onions: 689; OED$_{VII}$: 1004]); plega *игра, быстрое движение, спорт, аплодисменты* [Onions: 687 - 688; OED$_{VII}$: 972] и многих других лексем (pening *пенни, английская серебряная монета*, pæþ *путь, след*, pleoh *опасность, риск*, piþa *сердцевина растения*, plot *участок земли*). Неясна этимология и слова pōl *лужа, прудок, заводь*, поскольку существуют аналогичные формы в кельтских языках: W. pwll, Corn. pol, Gael. poll (*hole, bag, pond, pit, mire*) *пруд, яма, болото, дыра, сумка* [Holt.: 145; Onions: 696; OED$_{VII}$: 1112]. По мнению В. В. Левицкого, германисты традиционно связывают герм. *pōl- с русск. болото,

лит. balà; однако в славистике выступают против такого сопоставления: слав. *bolto связывается с и.-е. *bhel- / bhol- *белый* (герм. [*p] не может восходить к и.-е. [*bh]). Не исключено иллирийское происхождение герм. pōl- [$Л_2$: 86].

Большинство лексем исследуемого фрагмента лабиального лексикона составляют заимствования[155] различных семантических групп. Среди них выделяются:

1) латинские заимствования раннего «континентального» периода (до V в. н. э.): pise *горох*, pipor *перец*, plume *слива*, popig *мак*, panne *сковорода*, pyle *подушка,* pīpe *труба, музыкальный инструмент*, pic *смола, вар, деготь,* pund *фунт, деньги,* pundar *отвес,* pīle *кол, столб*, pīl *заостренная палка,* pīle *мортира*, port *порт, гавань, город*, port *ворота, вход*, pāwa *павлин*, post *столб, подставка* и другие;

2) латинские заимствования англосаксонского периода (VIII - начало XI вв.): palm *пальма*, pin *сосна*, pere(u) *груша,* petersilige *петрушка,* plante *растение, ветка*, perwince *барвинок*, porr *лук*, panic *просо*, peonia *пеон*, persoc *персик*, polente *высушенное зерно*, popul *тополь*, pollegie *мята болотная*, pæll *мантия, облачение, плащ, покров*, purpure *пурпур, порфира*, pilece *длинная мантилья*, pāpa *Папа*, postol *апостол,* prāfost *должностное лицо,* philosoph *философ*, preost *священник*, prior *приор*, *настоятель*, psealm *псалом*, prim *заутреня*, palent *роскошное здание, особняк*, plæce *место, открытое пространство, улица,* portic *подъезд, портик*, pellican *пеликан*, plaster *штукатурка, пластырь*, platung *тарелка,* pumic *пемза*, press *пресс для прядения*, purs *кошелек*, paper *папирус, бумага*, pistol *послание, письмо*, pāl *кол, столб*, part *часть*, pynca *точка, острие, вершина,* pryt *гордость, помпа*, plett *загон*, punt *плоскодонный ялик* и другие;

3) кельтские заимствования: prætt *ремесло, ловкость, хитрость, уловка, обман*, pīc *острие, пика, копье*, prica *острие, пятно, точка, малая часть*, pricel

[155] Данные приводятся по словарю Bosworth J., Toller T. An Anglo-Saxon Dictionary. N. Y., 1996. [B]. О ранних и более поздних заимствованиях в английском языке см. [Kastovsky, 1992: 306 - 338].

шип, колючка, pūcel *домовой*, preon *булавка, брошь, застежка*, pearroc *огороженное место, ограда* и другие.

Будучи заимствованными словами, рассматриваемые лексемы не связаны метафорически по смыслу и не формируют областей со звукосимволическим значением. Кроме того, значим факт отсутствия в исследуемом фрагменте древнеанглийского лексикона грамматических элементов с инициальным [p].

Непродуктивность лексики с инициальным [p] подтверждается ее отсутствием в системе аллитерирующих текстов древнеанглийского языка. По данным англосаксонской поэмы «Беовульф», слова с инициальным [p] в тексте поэмы не встречаются. На малозначимую информацию, передаваемую данной лексикой, указывает отсутствие обширных словообразовательных гнезд с этой инициалью. Немаловажным фактом, объясняющим внедрение в сферу анализируемого фрагмента лексики большого числа заимствованных слов, является несамостоятельный, неавтономный характер семантики данного фрагмента словаря, который, по сути, дублирует содержание древнеанглийской лексики с инициальными [b] и [f]. Исконные лексемы на [p] передают семантику *набухания, увеличения, роста* (семантические варианты: *выступ, выпуклость, округлое, острие* < *выступ*), свойственную лексике с инициальным [b], а лексемы на [p], развившиеся на германской почве и передающие значения *развлечения, удовольствия, хобби, азарта*, *риска,* дублируют часть значений лексики с инициальным [f].

Как отмечает И. Б. Хлебникова, индоевропейская фонема [*b] не встречается ни в одном суффиксе или окончании (слова с этой фонемой часто носят звукоподражательный характер, например, лат. bibo *пить*, barbarus *варвар*). Соответственно, и в германских языках [p] редко встречается в исконных словах индоевропейского происхождения: «Почти полное отсутствие исконных германских слов на [p] в готском заставляет предположить более позднее возникновение слов на [p] в германском. Можно предположить, что

начальное [p] появилось непосредственно на общегерманской почве. **Заполнение пустой клетки на месте [p] (из и. е. [*b]), по-видимому, объясняется стремлением к равновесию системы** (выделено нами – Н. Д.)»[156] [Хлебникова, 1996: 35 - 36].

Во фрагменте велярного[157] лексикона также отчетливо выделяются две противоположные сферы исконной и заимствованной лексики.

Среди единиц исконной лексики велярной зоны значимы лексемы, восходящие к индоевропейским корням, в частности: *geiə- *to sprout, split, open* [Wat.: 25], *ĝembh- *кусать* [M: 170], *ĝer- *стареть* [M: 176], *geph-, gebh- *jaw, mouth* [Wat.: 26], *gal-[2] *to call, shout* [Wat.: 25], *g[w]elə-[3] *to swallow* [Wat.: 34], *gel- *замерзать* [M: 168], *genu-[2] *jawbone, chin* [Wat.: 26], *ĝene- *производить на свет* [M: 172], *glei- *clay* [Wat.: 32], *gleubh- *рубить, резать* [M: 182], *gen- *сжимать* [M: 171], *genu-[1] *knee; angle* [Wat. 26], *gēu, gū- *изгибаться* [M: 179], *g(e)u-lo- *a glowing coal* [Wat.: 27], *gerbh- *царапать, нарезать* [M: 177], *ger-[2] *cuving, crooked* [Wat.: 27], *g[u]ou̯- *рогатый скот* [M: 226], *g[w]en- *woman* [Wat.: 34], *g[u]er[2]- *тяжелый* [M: 222], *g[u]ei̯ə- *жить* [M: 217] и другим (общее количество этих корней сравнительно небольшое).

К указанным архетипам восходят древнеанглийские лексемы cīne *щель, расщелина* (<*geiə- *to sprout, split, open* [Wat.: 25]); cyning *король*, cnōsl *потомство, род, семья*, cynn *вид* (<*ĝene- *производить на свет* [M: 172]); cradel *колыбель*, cricc *костыль, опора*; croft *пашня,* crog *бутылка,* cruma *крошка, кусок,* crop *побег,* cryb *колыбель, кровать, стойло*, crycc *костыль*, crypel *калека* (<*ger-[2] *cuving, crooked* [Wat.: 27]) и другие.

---

[156] Этому процессу способствует существование [p] в неначальном положении. Следующие примеры иллюстрируют наличие слов с начальным [p], которое не связано с индоевропейским [*b]: др.-англ. prættig *хитрый*, ср.-нн. prattich *хитрый*, нидерл. prettig *радостный*; др.-англ. pūca *дух, гном*, др.-исл. puki *карапуз*; др.-англ. prēōn *шило, игла*, др.-исл. prjonn *булавка, острие* [Хлебникова, 1996: 36]. Примечательно, что лексемы prættig, pūca, prēōn, которые И. Б Хлебникова рассматривает как не связанные с индоевропейским языком, в словаре Дж. Босворта, Т. Толлера [B] рассматриваются как кельтские заимствования.

[157] То же, хотя и в меньшей степени, справедливо и относительно фрагмента лексики с дентальным [t].

Между тем, латинские заимствования представлены массивом слов разнообразной семантики: canon *правило*, cælc *чашка, кубок*, cærpe *чашка*, cæren *сладкое вино*, cæster *город*, cāl , calc *сандалии*, calend *месяц*, camel *верблюд*, camp *состязание, война, битва*, camp *цепи*, canceler советник, cancer *рак*, candel *свеча*, canne *кружка*, cantic *песня*, capitol *глава*, *раздел,* carc *тревога*, carte *бумага*, castel *город, замок*, casul *сутана*, cāsus *падеж*, cat *кот*, caul *корзина*, cawel *капуста*, ceac *кувшин*, cealc *мел*, ceap *скот*, ceder *кедр*, celender *кориандр*, cēse *сыр*, cest *шкаф*, cetel *чайник*, chor *танец, хор*, cicene *кухня*, circul *круг*, cirice *церковь*, clauster *монастырь*, clerc *священник*, clūs *тюрьма,* cōc *повар*, coccel *плевелы*, comēta *комета*, consolde *окопник аптечный,* consul *консул*, coorta *когорта, отряд*, copor *медь*, cost *хризантема*, cræsta *султан, хохолок*, creda *вера*, crisma *елей, помазание*, cristalla *кристалл*, croh *шафран*, cuculer *ложка*, cucumis *огурец*, cuffie *чепец*, cugele *султана с капюшоном*, culfre *голубь*, culpa *вина*, culter *кинжал*, cunelle *чабрец*, cuppe *кружка, сосуд*, cylen *печь*, cyll *фляжка*, cyrtel *платье, пальто*, cystel *каштан*, cytere *арфа*.

Малое количество исконной лексики, отсутствие грамматических единиц с инициальными [p] и [k] (в меньшей степени – с [t]) можно с большой долей осторожности[158] связать с идеей Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова о признании индоевропейских звонких [b], [d], [g] глоттализованными согласными, а индоевропейского [b] – *редким* в силу невозможности сочетания признаков *глоттализованности* и *лабиальности* в одном звуке[159] [Гамкрелидзе, Иванов,

[158] Признак *глоттализации*, по мнению О. Н. Трубачева, является отражением типологически неиндоевропейских звуковых систем: «в области наиболее продвинувшейся – формально-фонетической реконструкции – индоевропейская теоретическая мысль ушла рискованно далеко, ища, например, истоки индоевропейского звонкого консонантизма в типологически неиндоевропейских звукотипах (глоттальная теория)» [Трубачев, 1993: 17].

[159] В целом, соотношение лексем на шумные согласные подчиняется определенным закономерностям, обнаруженным лингвистами в конце 20 в. В системах с противопоставлением смычных по признаку *звонкости / глухости* звонкая лабиальная фонема [b] является функционально более сильной единицей, чем звонкая велярная смычная [g]. Это соотношение устанавливается на основе более высокой относительной текстуальной частоты фонемы [b] по сравнению с велярной [g] в различных языковых системах с противопоставлением смычных по признаку *звонкости* / *глухости*. Иными словами, признак *лабиальности* в условии одновременного соединения с признаком *звонкости* является **немаркированным** (функционально обычным, естественным) и распространенным, характеризующимся более высокой текстуальной частотой, сильным), противостоящим признаку *велярности* в сочетании со *звонкостью*, выступающему в качестве **маркированного** признака (менее обычного, менее распространенного, более сложного и текстуально более ограниченного, функционально слабого). В классе глухих смычных, наоборот, велярная смычная [k] (и соответственно [k^h] и [k’], являясь немаркированным членом оппозиции, характеризуется большей функциональной силой, чем лабиальная

1984; см. Хлебникова, 1996: 35]. При этом в качестве гипотезы признак *глоттализованности* можно фоносемантически связать с идеей *неодушевленности*, и поэтому считать данный «сектор» лексики «непродуктивным» с точки зрения номинации значимых для мифопоэтического мышления реалий и понятий действительности. *Глоттализация* (*абруптивность*) считается в языковых сообществах древности признаком неживой природы, неодушевленной материи. Отсутствие древнейших лексем с семантикой *одушевленности* является фактором, который обусловливает отсутствие источника грамматикализации: известно, что типологически процессы грамматикализации связаны с общераспространенной (хотя и не универсальной[160]) тенденцией трансформации лексем, обозначающих одушевленные объекты или явления, в слова или форманты, передающие предельно абстрактные понятия.

Таким образом, многие данные свидетельствуют о том, что существует определенная семантическая и грамматическая «ущербность» лексики с инициальными [p], [t], [k]. Причины этой «ущербности» следует искать в характере этих звуков. Существует единая тенденция соотносить с

смычная [p] (и соответственно [p^h], [p’]), выступающая в качестве маркированного, функционально более слабого члена. В лабиальном ряду частотность звонкой фонемы выше частотности незвонкой (глухой), тогда как в велярном ряду частотность глухой фонемы выше частотности звонкой. Таким образом, *велярность* + *глухость* и *лабиальность* + *звонкость* образуют оптимальные сочетания [k] и [b], а соединения *глухость* + *лабиальность* и *звонкость* + *велярность* создают функционально слабые единицы [p] и [g] [Гамкрелидзе, 1974: 10 - 11]. Пробелы (пустые клетки) в парадигматических системах распределяются в соответствии с устанавливаемыми функциональными соотношениями маркированности признаков. Системы с пробелами в классе взрывных, противопоставленных по признаку *звонкости* / *глухости*, имеют в основном следующий вид:

B	**–**	**b**	**p**	**b**	**–**
D	**t**	**d**	**t**	**d**	**t**
G	**k**	**–**	**k**	**–**	**k**

Дентальный ряд противостоит лабиальному и велярному как имеющий самую высокую общую частотность и характеризующийся тем самым как немаркированный по отношению к двум остальным рядам. Однако, возможность таких систем, как указано ниже, с пробелами на месте звонких смычных как в велярном, так и в дентальном рядах (в американдских языках группы Мая), указывает на большую маркированность звонкого дентального смычного по сравнению со звонким лабиальным и на меньшую маркированность по сравнению с велярным.

B	**p**	**p’**
–	**t**	**t’**
–	**k**	**k’**

С точки зрения сочетания с признаком *звонкости* / *глухости* локальные признаки места образования создают определенный иерархический ряд. *Звонкость* наилучшим образом сочетается с *лабиальностью*, *глухость* – с *велярностью*, а *дентальность* занимает промежуточное положение [Гамкрелидзе, 1974: 12].

[160] Хотя подавляющее большинство древнеанглийских лексем с инициальным [k] обозначают неодушевленные понятия, лексика этого фрагмента включает слова, называющие одушевленные объекты, например, восходящую к раннеиндоевропейскому лексему cwen *женщина, жена*.

глоттализованной серией звуков образы неодушевленных объектов и абстрактных понятий, которая, без сомнений, не может считаться универсальной, поскольку «прерывается» исключениями из общего ряда. Вместе с тем, системное распределение заимствованной лексики по фрагментам с некогда «глоттализованными» инициальными согласными свидетельствует об особом предназначении древнеанглийской лексики с инициальными [p], [t], [k] – служить несамостоятельным «довеском» лексики со звонкими смычными инициалями и инициалями на глухой спирант – лексики, потенциально «способной» к грамматикализации.

Лексика с инициальными глоттализованными является «жизненно» необходимой на этапе раннеиндоевропейской языковой общности, маркирует стадию активной типологии, будучи системно обусловленной контенсивной доминантой *актив / инактив*. На стадии номинативной типологии (флективный древнеанглийский) эта информация, вследствие перераспределения типологических значимостей, оказывается избыточной и, вследствие этого, лишней. В качестве таковой она и входит в систему англосаксонского лексикона, являясь функциональным и семантическим «пережитком» эпохи языка активного строя.

Следует подчеркнуть, что изложенная идея остается в рамках гипотетических построений. Наиболее важный факт, между тем, говорит сам за себя: лексика с инициальными [p], [t], [k] наименее частотна, не содержит грамматических структур или содержит их в небольшом количестве (единицы с инициальным [t]) и включает подавляющее большинство заимствований.

В **среднеанглийский период,** как показывают подсчеты, ранг единиц с инициальным [w], дентальными [s] и [þ] ([ð]), велярным [h] и, соответственно, объем фрагментов лексикона с этими инициалями остается неизменным (см. рис. 4.6). Вместе с тем, объем фрагмента лексикона с велярным [g] резко уменьшается, что свидетельствует о минимальной семантической и функциональной нагрузке префикса ge- и выходе его из состава словаря как

непродуктивного средства словообразования [Stratmann]. Закономерен рост лексем с инициалью [þ] ([ð]) в связи с оформлением в среднеанглийский период категории определенного артикля. Показателен количественный рост словоупотреблений с инициалями [p], [t], [k],[161] что связано с редистрибуцией смысловых отношений и корреляций согласных-инициалей в среднеанглийский период. Примечательно, что ранг единиц с инициалями [b], [f] остается примерно неизменным. При этом древние заимствованные слова подвергаются адаптации и полностью усваиваются «словарем», а вновь образовавшуюся нишу заполняют новые пласты французской лексики.[162] В **ранненовоанглийский период**, как показывает срез, сделанный на материале произведений У. Шекспира (см. рис. 4.6), ситуация сходна. Преобладающими вновь оказываются признаки, связанные с фрагментами [w], [h], [s], [þ]-лексики. Подобное равновесие не случайно.

Можно рассматривать фрагмент, объединяющий лексику с данными инициалями, как наиболее релевантный, нагруженный весьма сложным когнитивным содержанием, связанным с эпистемой *родового человека*. На

[161] «По мере исторического развития английского языка [p] как начальный звук приобретает прогрессирующую частотность за счет многочисленных заимствований в средне- и новоанглийский период. Так, количество слов на [p] в новоанглийском выросло примерно в 10 раз по сравнению с др. а. Этот факт непосредственно связан с количественным потенциалом и. е. фонем. Такой большой процент заимствований в английском обусловлен высокой частотностью [*p] в и. е.» [Хлебникова, 1996: 36].

[162] Особенности развития английского языка и английской литературы в период с XI в. по XIII в. связаны с норманнским завоеванием 1066 г. (о хронологии и интенсивности французских заимствований с 1250 по 1400 гг. см. [Baugh, 1935: 90 - 93]). На протяжении почти двух веков господствует ситуация диглоссии [Покровская, 2002: 60 - 61]. При этом французский язык является языком общения представителей феодальной знати, «обслуживает» сферу государственного управления, судебные учреждения, церковь, сферу образования, в значительной степени потеснив латынь. Английский язык, напротив, используется в сфере обиходно-бытового общения коренного населения Англии. К XIV в. изменившаяся политическая обстановка и бурное развитие городов дают толчок для расширения сферы употребления английского языка, происходит переход от диглоссии к ситуации двуязычия, а затем и к полному вытеснению французского языка. При этом нижний ярус занимают различные городские койне и территориальные диалекты. Особое место продолжает занимать латынь. Верхний ярус занимает лондонский диалект, приобретающий наддиалектные признаки. Длительное господство французского языка как государственного обрывает древнеанглийскую письменную традицию, заменяя ее франко-норманнской. Французский язык используется во многих сферах коммуникации, зачастую оказывается основным источником языковых средств для заполнения лакун в системе английского языка, например, в государственно-бюрократической сфере. Английская традиция, представленная, в частности, в англосаксонских судебниках, прерывается, а в том типе судопроизводства и парламентской деятельности, которые были насаждены норманнами, английский язык не имеет традиции и ориентируется на терминологию, заимствованную из французского языка [Покровская, 2002: 60 - 61]. Хотя заимствования способствуют увеличению словарного состава английского языка (появляется большое количество новых лексем для обозначения новых понятий; исконные лексемы вытесняются и заменяются заимствованными; исконные и заимствованные лексемы сосуществуют первоначально как синонимы с последующей дифференциацией значений), их рост приводит к **радикальным преобразованиям лексической системы** и разрушает сложившееся иконическое пространство языка этого этапа развития.

сложность информации, передаваемой фрагментами с инициальными [s] и [w], указывает факт малой встречаемости согласных [s] и [w] в период детского лепета (до 15 месяцев) [Locke J. L. Phonological acquisition and change. – N. Y.: Academic Press, 1983. Цит. по: The Cambridge Encyclopedia of Language, 1998: 239] (см. табл. 4.2). Данный факт, как представляется, свидетельствует о сложности смыслов анализируемых фрагментов: по данным лексики с инициальным [w], в этом фрагменте лексикона актуализирована семантика прототипического *начала* и *итогов жизни*; лексика с инициальным [s] передает содержание *сотворения мира*, несет семантику *формирования социального стержня личности*. Возможно, в детском лепете отсутствует именно то, что недоступно ребенку и может быть связано только с развитием личности.

Вполне вероятно, что последующая эволюция расставит иные акценты. Так, в частности, **предварительный анализ** словарного материала современного английского языка указывает на происходящую структурную перестройку исследуемых фрагментов: преобладающими по количеству входящих лексем и по их частотности оказываются именно фрагменты с инициальными [p], [t], [k], а также лексемы на [s].

Фрагменты лексики с инициальными [w], [h], [s] являются базой тесного взаимодействия лексических и грамматических структур. Наиболее продуктивными в процессе формирования грамматизованных единиц, деривационных и грамматических формантов (в категориальной сфере имени и местоимения) являются иконические фрагменты лексики с «неглоттализованными» инициалями и сонантами. По данным древнеанглийского языка, преобладающими в этом случае являются фрагменты лексики с инициальными [w], [s] ([þ] ([ð]), [h], [f], [g].

Таблица 4.2

Наиболее частотные согласные в период детского лепета (0 - 15 месяцев)

(по Locke J. L.)

Язык	**Возраст в мес.**	**Частотные английские согласные**											
		h	**d**	**b**	**m**	**t**	**g**	**s**	**w**	**n**	**k**	**j**	**p**
Африкаанс	11 - 12	*	*	*	*	*		*		*	*		*
Майян	9	*	*	*	*	*				*			*
Луо	12	*	*	*	*		*			*		*	
Тай	10 - 11		*	*	*	*				*		*	*
Японский	9 - 12		*	*	*	*	*		*		*		*
Хинди	9 - 10	*		*	*	*	*	*			*		*
Китайский	8 - 11	*		*	*	*	*			*	*	*	*
Словенский	11		*	*	*	*	*		*	*			*
Голландский	11	*		*	*		*		*		*		*
Испанский	9	*	*	*	*	*			*	*			*
Немецкий	10 - 12		*	*	*	*				*	*	*	*
Арабский	6 - 10	*	*	*	*				*			*	*
Норвежский	0 - 12	*	*	*	*	*	*	*		*	*	*	*
Латвийский	6 - 12	*	*	*	*	*	*		*	*	*	*	*
Английский	1 - 15	*	*	*	*		*		*	*	*		

Семантика иконических фрагментов, их объем, частотность лексем, входящих в определенный фрагмент лексикона, обнаруживают зависимость, согласно которой наиболее объемные иконические фрагменты содержат наиболее частотные лексемы, отражают информацию, наиболее релевантную для древнего мышления и являются источником формирования **продуктивных** (в категориальной сфере имени и местоимения) грамматизованных единиц и морфологических формантов.

Комплексная зависимость между переменными древнеанглийского лексикона может быть определена следующим образом: иконические фрагменты с наиболее частотными лексемами отражают информацию, наиболее релевантную для древнего мышления, включают только исконную лексику (не содержат заимствований), они наиболее «протяженны» по объему словаря и являются источником формирования наиболее продуктивных (в категориальной сфере имени и местоимения) грамматизованных единиц, грамматических и деривационных (словообразовательных) формантов. Существование открытых фрагментов лексикона – своего рода каналов для

заимствований – наряду с закрытыми фрагментами лексикона является проявлением периферийных тенденций в процессах самоорганизации лексических структур, связанных с разрушением иконического пространства языка.

В целом, схема синергетического цикла Р. Келера может быть расширена: в тот фрагмент схемы, который изображает зависимость между переменными *частотность (frequency), число фонем (phoneme (number)), объем лексикона (lexicon size),*[163] вносятся такие поправки, как собственно *фонема-инициаль* слова, выход слова, начинающегося с определенного звука, на некоторое *значение* и взаимозависимость между *объемом лексикона, частотностью* лексем и *звукосимволической семантикой* (см. рис. 4.7).

В результате длительной эволюции происходит упрочение иконического пространства **древнеанглийского языка**: оно оказывается сформированным самоорганизующимися фрагментами, которые объединяют лексические и морфологические единицы. Каждый фрагмент тяготеет к интегративному концепту, который формировался в далекой древности: оставаясь константными в определенных смыслах, в ходе развития языка интегративные концепты обогащаются новыми признаками, тяготеющими к доминантным смыслам.

В целом иконическое пространство древнеанглийского языка отражает:

1) различную звукосимволическую семантику;

2) различное лексическое и грамматическое содержание;

3) различные прототипические ситуации и эпистемы;

4) различные доминантные смыслы, интегративные концепты;

5) различные фрагменты концептуальной картины мира.

Иконический фрагмент велярной зоны совмещает семантику лексем и морфологических единиц лабиальной / дентальной зон.

[163] Зависимость между *длиной* слова, *полисемией* и *инвентарем* фонем в настоящей работе не рассматривается.

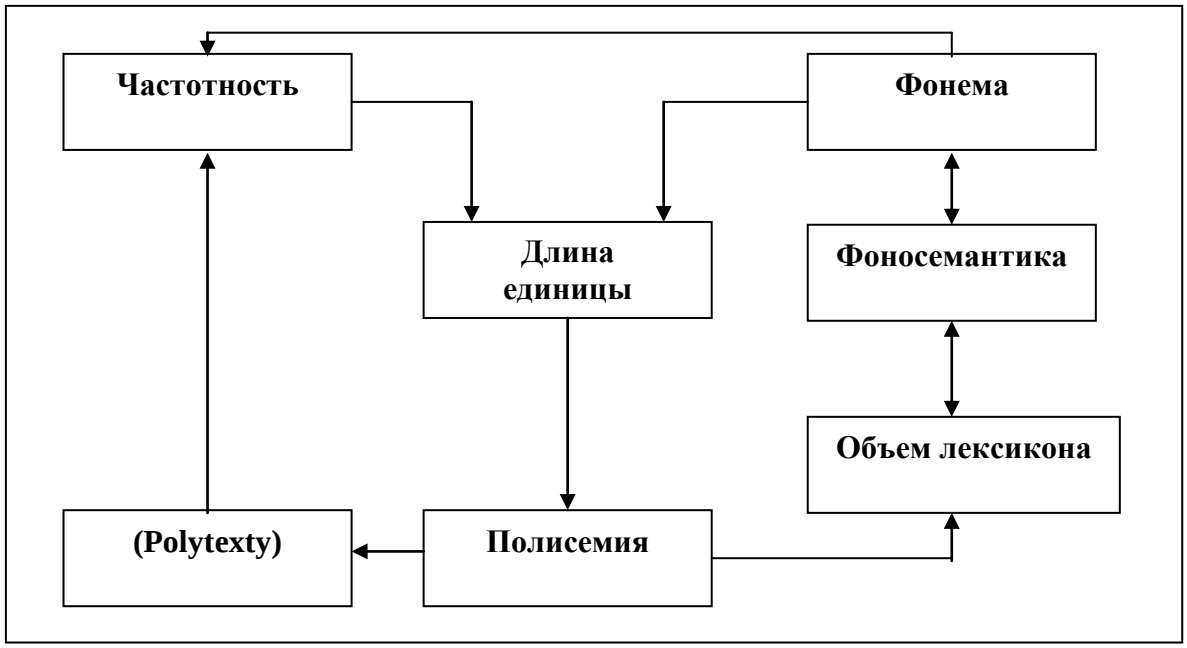

Рис. 4.7. Синергетический цикл Р. Келера (с поправками)

Подобная – иконическая – организация языковых подсистем отражается в гармоничном структурировании текста, в частности, древнеанглийских текстов аллитерирующего характера. Анализ древнеанглийского эпоса «Беовульф», а также многочисленных текстов аллитерирующего характера показывает, что «движение мысли» автора текста и, соответственно, ответное движение мысли читателя подчиняется определенной закономерности.

Мы выявили, что при разбиении текста «Беовульфа» на законченные смысловые и сюжетные эпизоды (составляющие отрывки примерно от 20 до 30 строк) выявляется особая структура текста. При этом осуществляется регулярное чередование моделей с доминирующими инициалями и смыслами: модель [h]-лексики чередуется с моделью лексики на инициали [s], [w], [g], [f], [m]. Это не случайно: форма текста как универсалия существует до порождения текста. Она слита с первоначально смутным замыслом и предощущением целого, вписана в готовый текст и выполняет функцию гармонизации ритмов читателя / автора. Алгоритм гармонизации целого заложен в пропорционально-ритмических параметрах текста. Каждая область текста имеет свою функцию в оптимизации общения через текст [Москальчук, 2003]. Посредством

активизации определенных областей смысла, заложенных в лексике, поэт воздействует на читателя, передает историю сотворения мира и человека.

Целостный лексикон, как и текст, является порождением человека как биологического и социального существа. Человек, являясь частью этого мира, неизбежно подчиняется его физическим и биолого-физиологическим закономерностям, что не может не накладывать отпечаток на характер структуры продуцируемого текста [Москальчук, 2003] и организацию лексикона и грамматикона. Таким образом, уточняя высказывание Г. Г. Москальчук, не только текст рассматривается как результат интегративного синергетического процесса, запечатленного в его структуре вследствие ограниченности физико-биологических параметров восприятия, свойственных человеку, но и лексическая и морфологическая подсистемы предстают как результат стихийной деятельности языка, ограниченного психифизической базой его носителей.

Проходя последовательно различные этапы развития (см. табл. 4.3), иконическое пространство языка приобретает каждый раз новые характеристики.

Таблица 4.3

Эволюция иконического пространства языка хронологически разных периодов развития

	протоязык	ностр. праязык	индоевр. праязык	древнеангл. язык	среднеангл. язык
центральные тенденции	семантический, категориальный синкретизм	определенное содержание привязано к определенной форме, но архаизмы в виде семантического и категориального синкретизма на уровне слова и фрагментов лексикона	формирование иконических фрагментов лексикона, соответствующих фрагментам архаической картины мира	формирование иконического пространства лексикона с жестко коррелированными связями и отношениями (закрытые фрагменты, наиболее древние)	начало распада иконической системы (проникновение заимствований в закрытые фрагменты, феномен гипероткрытости фрагментов)
периферийные тенденции	тенденция привязки определенного содержания к определенной форме	тенденции к формированию системных зон с четкой структурацией формы / значения	тенденции аттракции – втягивания в системные зоны схожих элементов	тенденции распада иконической системы (существование открытых фрагментов, через которых осуществляются заимствования)	

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

1. В процессе самоорганизации иконического пространства общеиндоевропейского праязыка формируются максимально дифференцированные *диагностические* зоны с четкой закрепленностью одно-однозначного соотношения формы / значения на уровне лабиальной, дентальной, велярной лексики. Эволюция лексикона, обусловленная появлением новых объектов и явлений и новых понятий для них, приводит к коренной трансформации лексико-семантической системы, которая проявляется на этапе самостоятельного развития индоевропейских диалектов.

2. Сценарии, по которым развивается иконическое пространство ностратического праязыка, в общеиндоевропейском праязыке претерпевают трансформацию, связанную с развитием концептуальной картины мира. Эволюция иконического пространства приводит к формированию **закрытых** и

открытых фрагментов лексики, через которые транслируются только определенные виды информации. Формируются *интегративные концепты*, отражающие возросшую сложность кодируемых отношений реальности. Этап общеиндоевропейской языковой древности предстает как своеобразная «точка бифуркации», которая маркирует переход к новой концептуальной картине мире.

3. Под давлением доминантного смысла в результате аттракции происходит выравнивание значений отдельных слов и лексико-семантических групп. При этом большая часть лексем, которые входят во фрагменты лексики лабиальной, дентальной и велярной зон, составляет ядро иконического пространства, поскольку принимает участие в формировании симметричных оппозиций. Выявляется симметрия и интеграция смысла на уровне целостных языковых подсистем. В рамках отдельных моделей лексемы и морфологические единицы стремятся к максимальной *дифференциации* и *гомогенности* доминантного смысла, а на уровне языковых подсистем происходит их *интеграция*: лексикон и грамматикон предстают не как хаотический набор единиц, а как упорядоченные целостные системы, передающие смыслы, релевантные для древнего мышления. Подобная организация возникает спонтанно, без внешних упорядочивающих воздействий на систему, т. е. является *самоорганизацией*.

4. Процессы самоорганизации структур в древнеанглийском языке приводят к интеграции иконических единиц и смыслов во фрагментах лексем и морфологических единиц лабиальной, дентальной и велярной зон, изоморфных фрагментам мифопоэтической картины мира германцев. Семантика единиц адаптируется к доминантному смыслу, что способствует формированию зон интеграции иконических единиц с новыми содержательными (*эмерджентными*) свойствами (*интегративные концепты*), которых не было в простом наборе слов.

5. Посредством лексики лабиальной зоны отражен важнейший фрагмент концептуальной картины мира, связанный: 1) с *началом* и *итогом жизни;* 2) *материальными* и *духовными ценностями;* 3) отношениями *привязанности, заботы, любви родителей к детям, старших к младшим, с творческими устремлениями, плодами любви и творчества;* 4) *жизнью как биологическим феноменом*; 5) *родом* и *коллективом,* не выделяющим личность как самостоятельное начало.

6. Лексика дентальной зоны актуализирует оппозитивный фрагмент концептуальной картины мира, связанный: 1) с *самостью человека, индивида;* 2) *установлением, творением, деятельностью, социальной властью, судейством, созиданием;* 3) *традициями рода, предками, домом, отношениями свойствá;* 4) *жизнью и рождением человека как социальным феноменом; личностью*, *отделенной от общества.*

7. Лексика велярной зоны вербализует систему связей и отношений, отражающую важнейший фрагмент концептуальной картины мира, связанный: 1) с *кровным родством*, *родственными отношениями*; 2) *знанием*, *информацией*; 3) *собирательными группировками* людей и предметов; 4) достижением *порядка* через *разделение* / *соединение*.

8. Указанная информация транслируется посредством фрагментов, которые характеризуются как *закрытые* фрагменты (лексика и морфологические единицы с инициалями [w], [f], [b] / [s], [þ] ([ð]), [d]). Интегративные фрагменты единиц с глухими инициальными [p], [t], [k] представляют канал, открытый для иноязычных «вливаний», который в среднеанглийский период обнаруживает *гипероткрытый* характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе смоделирован процесс *самоорганизации* (*интеграции*) разноуровневых *иконических единиц*, объединенных по формальному критерию – общности инициали – и передающих единое содержание, архаическую систему представлений о генезисе и последующем развитии мира, общества и человека.

Интеграция, возникающая в результате сильных взаимодействий категорий, рассматривается как *процесс приобретения* группами лексем и грамматических единиц, связанных общим формальным элементом, новых качеств целостной подсистемы, отсутствующих у изолированных единиц, и одновременно выступает как *результат* этого процесса – смысловая целостность языковых объединений, базирующаяся на их формальном единстве. Движение частей системы образует поле (информатор), которое отдельные элементы могут изменять, двигаясь в сторону наибольшей концентрации в поле. Возникает новый смысл – *синергетическая информация* – новая структура распределения концентрации элементов, которая направляет элементы к центру «скопления».

В иконическом пространстве языка синергетическое движение соположенных фонетических, лексических и грамматических единиц приводит к продуцированию интегративных смысловых полей. К их возникновению ведет *топологическая взаимосвязь* лексических концептов (а также лексических и структуральных концептов). *Топологическая взаимосвязь* интерпретируется как взаимообусловленность смыслов, выражаемых языковыми единицами относительно инвариантного набора признаков в рамках определенной сценарной структуры. При этом смысловое разнообразие сопровождается подчинением элементов низших уровней доминанте смысла, или параметру порядка. Доминантный смысл «без вмешательства извне» выравнивает и синхронизирует негармонизированные до этого структуры и процессы. В самом

общем виде механизм топологической взаимосвязи можно определить как *метафорическое (метонимическое) расширение смысла*.

Самоорганизующаяся система лексических и морфологических единиц, объединенных начальным согласным и передающих континуальный спектр значений, изоморфно закрепленных за определенными означающими, предстает как *иконическое пространство языка.* В качестве механизмов самоорганизации этого пространства выступают принципы *иконического кодирования* действительности и *топологичности смысла*. Совместное действие разноуровневых единиц и категорий приводит к их интеграции, согласованному функционированию «языкового организма», к самопорождению непрерывного смысла.

Рассмотренное как автопоэтическая система, иконическое пространство соответствует важнейшим синергетическим принципам: *нелинейности, неустойчивости, открытости, подчинения элементов целому, нелокальности, полевости.*

Иконическое пространство *нелинейно*, поскольку сформировано элементами разных иерархически подчиненных (и одновременно соположенных) уровней; *неравновесно***,** т. е. находится в постоянном движении; *открыто*, потому что составляет часть открытой языковой системы; *нелокально*, в нем связаны воедино разностатусные элементы различных уровней и подсистем; *континуально*, характеризуется особыми свойствами иконичности формы и топологичности содержания, позволяющими объединить элементы в целое и направить развитие системы к предустановленным образцам – *аттракторам***.**

В качестве *аттракторов* – смысловых «энергетических» центров иконического пространства лексикона – выступают фрагменты лексики трех артикуляционных зон и их доминантные смыслы.

Интегративные фрагменты, входящие в иконическое пространство лексикона, *самоподобны*. Они включают в свою структуру один и тот же повторяющийся, *интегральный* элемент – инициаль слова.

Интеграция разноуровневых единиц в формальном плане (*иконичность* фонемы-инициали); *перетекание* смысла внутри лексических объединений и между объединениями лексических / морфологических единиц (*топологичность* и *континуальность смысла*); формирование эволюционирующих смысловых полей в зонах интеграции языковых единиц (*интегративный концепт*); появление *упорядоченности, согласованности, когерентности, коллективного поведения* элементов при синхронизации пространственно разделенных элементов в зонах интеграции (*синергетический эффект*) являются признаками *самоорганизации* иконического пространства языка.

Предпосылки самоорганизации иконического пространства языка коренятся в исходной психофизической данности человека и обусловлены действием наиболее общих *когнитивных* принципов – принципа *соответствия* структуре мира и принципа *экономии* (E. Rosh).

Принцип *соответствия* структуре мира требует, чтобы звуковые подсистемы были максимально приближены к структурам мира, т. е. объектам, отношениям, действиям и т. д., которые объективируются и вербализуются в языке. В процессе коммуникации отбираются и сохраняются лишь те звуки и звуковые системы, которые являются наиболее релевантными, отражают необходимые для успешной коммуникации свойства, обеспечивают максимум информации. *Соответствие* структуры артикуляторов структуре окружающей действительности обеспечивает легкость кодирования / декодирования информации. Таковыми являются *прототипы* звуков дентальной, лабиальной и велярной артикуляционных зон.

В процессе самоорганизации иконического пространства языка происходит формирование диагностических зон: значения *активного* типа

распределяются в **дентальной** зоне и, наоборот, значения *инактивного* типа – в противоположной **лабиальной** зоне (с дополнительной дистрибуцией значений лексем **велярной** зоны к семантике лексем дентальной и лабиальной зон). Наличие диагностических концептуальных зон, закрепленных за лексикой разных артикуляционных зон, вскрывает материал «всемирных этимологий». Последние включают оппозиции *инферентных* концептов *часть / множество; прямой / округлый, кривой.* Базой для формирования указанных концептов являются *феноменологические* концепты, связанные с частями тела, непосредственно наблюдаемыми объектами и действиями.

Звуки дентальной и лабиальной зон максимально дифференцированы, они включены в первичную фонологическую оппозицию *коронарные / некоронарные* звуки. При артикуляции *коронарных* звуков, которые формируются посредством передней части языка (the blade of the tongue), тратится минимум энергии. Минимальное расстояние между кончиком языка и местом артикуляции, присущей этой категории звуков, мы связываем с лексическими и структуральными концептами *прямой, указание, часть, индивид, узкая родовая группа (эксклюзивная множественность), локация, указательность***,** сопряженными с когнитивной схемой *сужения***.**

На артикуляцию *некоронарных* звуков, в частности, лабиальных звуков, затрачивается больше артикуляторной энергии, поэтому существует возможность связать произносительные фреймы лабиальной зоны с актуализацией противоположных концептов *округлый, кривой, множество, родовая личность, широкая родовая группа (инклюзивная множественность), вопросительность***.** Данные концепты связаны с когнитивной схемой *расширения*.

В качестве прототипических значений иконического пространства языка закрепляются фоносемантические значения *указательного жеста* и *округлости*, связанные с когнитивными схемами *сужения* и *расширения*.

В лексиконе ностратического праязыка развивается сложившаяся ранее тенденция *соответствия* определенной формы (означающего) определенному содержанию (означаемому). Сформировавшиеся еще в древнейшей системе произносительные фреймы звуков различных артикуляционных зон соответствуют определенным концептам.

Формирование концептов **лабиальной** зоны разворачивается в рамках Сценария *Аугесцентный переход в природе и организмах*. Ностратическая лексика лабиальной зоны стремится к выражению эпистемы *родового человека*, неразрывно связанного с природой, общиной, матриархатом. Здесь же выражены специфические для лабиальной зоны концепты *женский, слабый, дальний, периферийный, желание, обладание, соединение* и некоторые другие**.** Эти концепты, как правило, отсутствуют в сценарии дентальной зоны. При этом отражен фрагмент концептуальной картины мира, связанный с непроизводящим типом хозяйствования.

Если представить диагностическую зону лабиальной лексики при помощи когнитивной схемы *расширения*, она окажется сопряженной со звукосимволическим жестом *округлости* (губ) и с признаками *округлого, круглого*. В основе этой схемы лежит представление об **увеличении** (размера, объема) объектов, явлений и т. п.

В Сценарии **дентальной** зоны *Созидание* вскрываются представления о предметах, явлениях, процессах, связанных с идеями *действия, труда, порядка, орудийной общественной и индивидуальной деятельности, созидания.* Деятельность, которая приводит к удовлетворению потребности через общественные связи, представляет собой целенаправленное действие, в котором важны цель (объект деятельности) и общественно значимый результат (продукт деятельности).

Диагностическая зона дентальной лексики, если представить ее в виде концептуальной схемы *сужения*, формируется *указательным* пространственным координатным вектором – *прямой линией* – и объектами

вытянутой формы; сопряженным с ним указательным жестом *прикасания, касания, ощупывания* и признаками *деяния, созидания, порядка, трудовой деятельности.* Здесь же представлены специфические концепты дентальной зоны: *ближний, центральный, сильный, мышление, обязанность, указание.*

Интеграция лексических и морфологических единиц лабиальной / дентальной зон иконического пространства ностратического праязыка состоит в том, что грамматические структуры, относящиеся посредством инициали к **лабиальной** зоне, стремятся к выражению структуральных концептов, «продолжающих» семантику лексических концептов.

При этом комплекс лексических концептов лабиальной зоны, базовыми из которых являются *округлый, кривой, рост, множество, пустой, полый, вода, тепло, цикл, бытие, рождение, женский, слабый, дальний, периферийный, желание, обладание, соединение, коммуникация,* интегрируется с основными структуральными концептами категориальной сферы существительного и местоимения *родовая личность* (1 лицо ед. ч.), *широкая родовая группа (инклюзивная множественность), вопросительность* (преобладают *инактивные* признаки**).**

Напротив, морфологические единицы **дентальной** зоны стремятся к передаче содержания структуральных концептов *индивид* (2 лицо ед. ч.), *узкая родовая группа (эксклюзивная множественность), локация, указательность,* будучи связаны с лексическими концептами *часть, прямой, указание, действие, разделение, мужской, сильный, острый, ближний, центральный, мышление, обязанность, отдача /* (*обладание*) (в основном представлена семантика *активности*).

Диагностическая зона, реконструированная для ранних этапов развития языка, в лексиконе ностратического праязыка значительно расширяется. Тенденции аттракции – давления системы на новые формирующие структуры – приводят к втягиванию в иконическое пространство схожих по значению лексем и морфологических единиц.

В иконическом пространстве ностратического праязыка наблюдается четкая дифференциация доминирующего смысла дентальной / лабиальной артикуляционных зон. Стремление к бинарности и однородности содержания, представленного в рамках лексикона в виде матрицы коррелирующих дифференциальных признаков, обеспечивает оптимальное равновесие иконического пространства. Ряд признаков, представленных в рамках одной зоны, оказывается полностью противоположен ее семантике и сближает данную зону с противоположной зоной. Наличие такого рода каналов, через которые поступает «энергия» противоположной зоны, представляет собой *компенсаторные*, *саморегулирующиеся* явления в лексике, необходимые для поддержания оптимального равновесия в системе. Архаические тенденции развития системы в виде пересечения полярной семантики в рамках одной зоны сохраняются на всех этапах развития языка. Они, в известной мере, обусловливают возникновение *интегративных концептов*.

Центральные тенденции в процессах самоорганизации иконического пространства общеиндоевропейского праязыка сводятся к формированию максимально дифференцированных *диагностических зон* с четкой закрепленностью одно-однозначного соотношения формы / значения на уровне лабиальной, дентальной, велярной лексики. Эволюция лексикона и морфологической подсистемы, обусловленная появлением новых объектов и явлений и новых понятий для них, приводит к коренной трансформации данных подсистем, которая проявляется на этапе самостоятельного развития индоевропейских диалектов.

Концептуальные отношения, сложившиеся в иконическом пространстве ностратического праязыка, в общеиндоевропейском праязыке подвергаются дальнейшей специализации. При этом каждый фрагмент лексикона, начинающийся на определенную инициаль, ориентируется на означаемое, присущее только данному фрагменту. В результате концептуальных трансформаций прежние содержательные связи внутри фрагментов лексикона и

между его фрагментами коренным образом преобразуются. Старые связи распадаются, но формируются новые. Сценарии, по которым развивается иконическое пространство ностратического праязыка, в общеиндоевропейском праязыке претерпевают трансформацию, связанную с развитием концептуальной картины мира. Эволюция иконического пространства лексикона приводит к формированию *закрытых* и *открытых* фрагментов лексики, через которые транслируются только определенные виды информации.

В конечном счете, топологическая взаимосвязь лексических и структуральных концептов, взаимодействие с концептами противоположной зоны, переход концептов из одной зоны в другую, а также интеграция концептов приводят к возникновению *согласованности, когерентности, коллективного поведения* хронологически разделенных единиц, функционально разных лексических и морфологических единиц, *синхронизации* процессов концептуального развития. Начинается процесс самоорганизации *интегративных концептов*, отражающих возросшую сложность кодируемых отношений реальности.

Наиболее ярко феномен *интегративности* концептов прослеживается в иконическом пространстве «потомков» общеиндоевропейского праязыка, в частности, в древнеанглийском языке.

В диссертации проведен анализ фрагментов [w], [s], [h]-лексики. В них аккумулируется информация, содержащая полный синергетический цикл *хаос* > *порядок* > *хаос* и систему представлений человека о мире и этапах его развития: *Хаос*, *рост*, *сотворение мира*, *космизация Вселенной*. Интегративные фрагменты можно рассматривать как своего рода «*диаграммы*» в лексиконе.

В лексике с инициальным [w] осуществляется топологическая взаимосвязь концептов *женский, желание, соединение, рост, становление, бытие, Хаос, пустота, война, чужой, магия, сильный, власть, движение* и структуральных концептов *неопределенно-обобщенная множественность,*

*двойственность***.** Формируется интегративный концепт. Это концептуальная область, связанная с семантикой *физической* и *духовной силы, власти, рождения, становления*, *обмана, преступления, вины, наказания, антагонизма*, ведущего к *смерти*. Это та сфера, где мироздание начинается и заканчивается, это *начало* и *итог жизни*, *Хаос, смерть* и *возрождение, Судьба* и *Рок*, *переход от хаоса к порядку*, *родовая личность*, не отделенная от Природы и Рода, *родовой Космос*, *возникающий* из *Хаоса*.

На фоне древнеанглийской [s]-лексики осуществляется топологическая взаимосвязь лексических концептов *действие, творение, созидание, установление, пространство-время, суд, правило, закон, истина, свой, определенный, известный***,** *выделенный* и структуральных концептов *определенность, единичность, указательность, дискретная множественность, возвратность, притяжательность, состояние, положение.* Формируется интегративный концепт, в котором сополагаются *работа, труд, созидание, упорядочение* через *разделение, действие*, *социальная жизнь личности*; *род, родство,* отношения *своих* в роде, *долг, истина.* Здесь раскрывается «*самость*» человека, *индивида*, противопоставленного коллективу. Это *творение, деятельность, созидание* в целом; жизнь и рождение человека как *социальный* феномен; *сотворение* мира, установление *пространственно-временных* координат.

Лексика с инициальным [h] обнаруживает топологическую взаимосвязь лексических концептов *часть / целое; лицо / предмет; разделение / соединение; верх / низ; множество, обладание, коммуникация* и структуральных концептов *состояние, положение, собирательность, обобщенность, 1 лицо / 3 лицо, указательность, определенность / неопределенность, вопросительность* и других. Данный фрагмент лексикона реализует интегративный концепт, связанный с *иерархией, анализом / синтезом, разделением / соединением* элементов.

Определенные сферы лексической и морфологической подсистем в тот или иной период развития оказываются наиболее слабым звеном языковой системы по степени «спаянности» связей и продуцирования словообразовательных, морфологических и грамматизованных единиц. Так, в частности, древнеанглийская лексика с инициалями [p], [t], [k] представлена наименьшим инвентарем лексем с минимальной частотностью элементов. При этом большинство лексем указанных сфер в древнеанглийском языке представляют заимствования. Объем исконной лексики здесь минимален. Фрагменты лексики с этими инициалями фактически дублируют содержание фрагментов с инициалями той же зоны. Такого рода фрагменты лексики превращаются в *открытые* фрагменты, в наибольшей мере взаимодействующие со средой.

Напротив, иные сферы лексики оказываются наиболее *закрытыми* (устойчивыми) в смысле объективирования в них обширной системы взаимосвязей лексических единиц, с одной стороны, и словообразовательных, морфологических и грамматизованных единиц, с другой стороны. Так, например, в сфере лексики с шумными инициалями и сонантами [w], [b], [f] / [s], [d], [þ], [ð] / [g], [h], [j], восходящей к индоевропейской древности, отчетливо представлена система взаимосвязей лексических и грамматических структур.

Особо значимы фрагменты лексики с инициальными [w], [h], [s]. Они нагружены весьма сложным когнитивным содержанием, связанным с эпистемой *родового человека*. В этом фрагменте актуализирована семантика прототипического *начала и конца сущего, перехода от хаоса к порядку, начала* и *итогов жизни*. Лексика с инициальным [s] передает космогенетическое содержание *сотворения мира*, *установление порядка*, несет семантику *формирования социального стержня личности*.

Вскрытые в иконическом пространстве языка закономерности не случайны. Они представляют смену *эпистем* – от эпистемы *родового человека*

([w], [h], [s], [þ] ([ð])-лексика) – через эпистему *социального человека* ([n], [m], [l], [k], [f] ([p]), [d] ([t])-лексика) – к эпистеме *индивида* ([g], [b], [r]-лексика).

Подсистемы лексикона и грамматикона и объединяющие их элементы фонетической подсистемы рассматриваются как результат интегративного синергетического процесса, результат стихийной деятельности языка, ограниченного психифизической базой его носителя. В качестве наследственной структуры (*фрактала*) выступают произносительные фреймы лабиальных, дентальных и велярных звуков-инициалей. Это неустойчивая структура, находящаяся в постоянном изменении, но сохраняющая, вместе с тем, в ходе языковой эволюции информацию о генезисе мира и человека. И хотя связи *денотат – концепт – инициаль*, т. е. наиболее древние и устойчивые элементы социального опыта в современных языках не осознаются, переходят в глубины интуиции, существование неосознаваемых человеком процессов самоорганизации лексикона (грамматикона), обусловленных биолого-физиологическими факторами, может быть эксплицировано путем вероятностно-статистического анализа лексем и морфологических единиц, объединенных консонантной инициалью. В качестве формы наиболее общей теории самоорганизации, рассматриваемой в рамках синергетической лингвистики, является построение вероятностных моделей различных процессов и их анализ.

Модель интеграции иконических единиц разных уровней показывает, что таким сложным открытым неравновесным системам, как язык, физический мир, общество, культура и мышление человека присущи единые механизмы порядкообразования.

Иконическое пространство языка является порождением человека как биологического и социального существа. Человек, являясь частью этого мира, неизбежно подчиняется его физическим и биолого-физиологическим закономерностям, что отражается в организации лексической и морфологической подсистем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аветян Э. Г. Смысл и значение. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1979. – 411 с.
2. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. – 238 с.
3. Адмони В. Г. Регенерация морфологических форм в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. – М.: Наука, 1972. – С. 158 - 171.
4. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. – М.: Высшая школа, 2001. – 318 с.
5. Алексеев И. С. Взаимосвязь // Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. – Т. 5. – С. 8.
6. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. – 561 с.
7. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 218 с.
8. Андреев Н. Д. Периодизация истории индоевропейского праязыка // Вопросы языкознания. – 1957. – № 2. – С. 3 - 18.
9. Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык / Отв. ред. Э. Г. Туманян. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 328 с.
10. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37 - 67.
11. Арапов М. В. Изменение словаря во времени (математическая модель и экспериментальные данные): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1974. – 27 с.

12. Арапов М. В. Квантитативная лингвистика. – М.: Наука, 1988. – 184 с.
13. Арапов М. В., Херц М. М. Математические методы в исторической лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 167 с.
14. Арнольд И. В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 118 - 126.
15. Арутюнова Н. Д. Вступление. О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. Космос и Хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 3 - 10.
16. Аршинов В. И., Буданов В. Г., Войцехович В. Э. Принципы представления процессов становления в синергетике // Тр. XI международной конф. «Логика, методология, философия науки». Секция 8. Методологические проблемы синергетики. – М.; Обнинск, 1995. – Т. VII. – С. 3 - 7.
17. Аршинов В. И., Войцехович В. Э. Синергетическое знание // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 107 - 120.
18. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления: Сб. статей / Отв. ред. И. А. Акчурин, В. И. Аршинов. – М.: ИФ РАН, Арго, 1994. – С. 34 - 48.
19. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
20. Бабаев К. Структурная изменяемость индоевропейской морфологии. 2000 // http://language.babaev.net/sinus.html
21. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 35 - 42.
22. Бабайцева В. В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 446.
23. Бадер Ф. Области индоевропейской реконструкции // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 21. – С. 202 - 223.

24. Базылев В. Н. Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 180 с.

25. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки. Знаковые системы, коммуникация. – М.: Изд-во «Спорт и культура – 2000», 2002. – Ч. 1: Базовые понятия. Эволюционная теория происхождения языка. – 464 с.; Ч. 2: Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). – 402 с.

26. Бауер В., Дюмоц И., Головин С. Энциклопедия символов. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 512 с.

27. Белозерова Н. Н., Чуфистова Л, Е. Когнитивные модели дискурса: Учеб. пособие. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 2004. – 256 с.

28. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – Т. I: Хозяйство, семья, общество. Т. II: Власть, право, религия. – М.: Прогресс, Универс, Б. г., 1995. – 452 с.

29. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного ун-та, 2000. – 123 с.

30. Бондарко А. В. Взаимодействие грамматических категорий в языке и речи: Тез. докл. конф. Вологда, 27 - 29 сентября 1996 г. / РАН, Институт лингвистических исследований, Вологодский государственный педагогический университет. – Вологда: Русь, 1996. – 80 с.

31. Бродович О. И. Межуровневые связи в языке и речи // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка): Сб. статей / Отв. ред. проф. В. В. Бурлакова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. – С. 146 - 160.

32. Бруннер К. История английского языка: В 2 т. – 2-е изд. – М.: Едиториал, УРСС, 2003. – 720 с.

33. Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений // Вопросы языкознания. – 1973. – № 1. – С. 3 - 15.

34. Буданов В. Г. Принципы синергетики и управление кризисом // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 86 - 98.
35. Булыгина Т. В. О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц // Вопросы языкознания. – 1967. – № 5.
36. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Категория // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 215 - 216.
37. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 432 с.
38. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа. Изд-во при Киевском ун-те, 1979. – 263 с.
39. Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 408 с.
40. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). Сер. «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – 480 с.
41. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
42. Взаимодействие единиц и категорий в языковых подсистемах: Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Дрожащих. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 2002. – 192 с.
43. Виноградов В. А. Именные классы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 173 - 174.
44. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. исправленное. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.
45. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 133 с.

46. Войцехович В. Э. Синергетическая концепция фракталов // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 141 - 156.
47. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
48. Воронин С. В. Германские итеративные RL-форманты и звукосимволизм (звукосимволизм в грамматике) // Взаимодействие языковых структур в системе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – Вып. 4. – С. 125 - 131.
49. Воронин С. В. Звукоподражание. Звукоподражания теория // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 165 - 166.
50. Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
51. Воронин С. В. Фоносемантика и этимология // Диахроническая германистика: Межвузовский сборник / Отв. ред. Л. П. Чахоян. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 131 - 169.
52. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и другие. – Минск: Харвест, 1999. – 864 с.
53. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
54. Газов-Гинзбург А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? – М.: Наука, 1965. – 183 с.
55. Гак В. Г. Асимметрия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 47.
56. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. – М.: Высшая школа, 1979. – 304 с.
57. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка: Пособие по курсу общего языкознания. – М.: Высшая школа, 1974. – 175 с.
58. Гамкрелидзе Т. В. «Принцип произвольности» и проблема произвольности языкового знака. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 15 с.

59. Гамкрелидзе Т. В. К проблеме «произвольности» языкового знака // Вопросы языкознания. – 1972. – № 6. – С. 33 - 40.
60. Гамкрелидзе Т. В. Соотношение смычных и фрикативных в фонологической системе (к проблеме маркированности в фонологии) // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1974. – Вып. 52. – С. 3 - 52.
61. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та. 1984. – Ч. 1. – 428 с. Ч. 2. – 1328 с.
62. Герман И. А. Лингвосинергетика. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 168 с.
63. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 1999. – 130 с.
64. Герценберг Л. С. Предыстория индоевропейских языков в работах А. Эрхарта // Вопросы языкознания. – 1979. – № 2. – С. 41 - 47.
65. Гилярова К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 2002. – 26 с.
66. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. – М., 1977. – 50 с.
67. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997. – 220 с.
68. Грамматика русского языка: В 2 т. / Ред. кол. акад. В. В. Виноградов и другие. Изд. исправленное. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1: Фонетика и морфология. – 719 с.
69. Григорян С., Манасян Н. О некоторых квантитативно-лингвистических особенностях основного словарного фонда армянского языка // Квантитативная

лингвистика и автоматический анализ текстов: Ученые записки Тартуского государственного ун-та. – Тарту, 1988. – Вып. 827. – С. 62 - 73.

70. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике.– М.: Прогресс, 1970. – Вып. V: Языковые универсалии. – С. 114 - 162.

71. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Сост., общ. ред. и вступительные статьи А. В. Гулыги и Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

72. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

73. Гуревич В. В. О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. – 1998. – № 1. – С. 27 - 35.

74. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. – М.: Наука, 1981. – 249 с.

75. Гухман М. М. О стадиальности в развитии строя индоевропейских языков // Известия АН СССР. ОЛЯ. – 1947. – Т. VI. – Вып. 2. – С. 108 - 109.

76. Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках: (Историко-семантическое исследование). – Ростов н / Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1982. – 320 с.

77. Дементьева И. А. Динамика взаимодействия лексико-семантических микросистем в аспекте диахронии (на материале глаголов механического воздействия и передвижения в пространстве в английском языке): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1985. – 23 с.

78. Демьянков В. З. Сценарий. Фрейм. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.; Под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – С. 181 - 182; 187 - 191.

79. Добродомов И. Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 158 - 159.

80. Дрожащих Н. В. Когнитивный и текстовый аспекты собирательности // Диалектика текста: В 2 т. / Отв. ред. А. И. Варшавская. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – Т. I. – С. 180 - 204.

81. Дрожащих Н. В. Топологические аспекты языковых подсистем // Вестник Тюменского государственного ун-та. – Тюмень, 2001. – № 4. – С. 131 - 134.

82. Дыбо В. А. Язык – этнос – археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы: Тез. докл. международной научн. конф. Москва, 22 - 24 января 2003 г. – М.: МГУ, 2003. – С. 65 - 79.

83. Дыбо В. А., Терентьев В. А. Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. – М.: Наука, 1984. – Ч. 5: Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. – С. 3 - 20.

84. Дыбо В. А., Терентьев В. А. Ностратические языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 338 - 339.

85. Дьяконов И. М. Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. – М.: Наука, 1984. – Ч. 2. – С. 3 - 20.

86. Евсюков В. В. Мифы о мироздании // Мироздание и человек. – М.: Политиздат, 1990. – С. 8 - 122.

87. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с.

88. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык: Теоретический курс грамматики. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 350 с.
89. Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. – М.; Л.: Наука, 1964. – 316 с.
90. Журавлев А. П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1981. – 158 с.
91. Журавлев В. К. Корреляция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 243 - 244.
92. Журинский А. Н. Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания // Проблемы африканского языкознания. Типология, компаративистика, описание языков. – М.: Наука, 1972. – С. 95 - 124.
93. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
94. Зернов Б. Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 126 с.
95. Зернов Б. Е. Взаимодействие частей речи. Статика и динамика (на материале английского языка): Автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Л., 1988. – 31 с.
96. Зимова М. Д. Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Пятигорск, 2005. – 17 с.
97. Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Фонема и ее место в системе языка и речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 1989. – № 6. – С. 29 - 38.
98. Иванов Вяч. Вс. Контакты языковые // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 237 - 238.
99. Иванов Вяч. Вс. О предполагаемых соотношениях между восточно-ностратическими (алтайские, уральский, дравидский) и западно-

ностратическими (индоевропейский, картвельский, афразийские) языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. – М.: Наука, 1984. – Ч. 5.– С. 21 - 29.

100. Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). – М.: Наука, 1965. – 298 с.

101. Иванов Вяч. Вс. Сравнительно-исторический анализ категории определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Под ред. Т. М. Николаевой. – М.: Наука, 1979. – С. 11 - 63.

102. Иванов Вяч. Вс. Типология и сравнительно-историческое языкознание // Вопросы языкознания. – 1958. – № 5. – С. 34 - 42.

103. Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. – М.: Высшая школа, 1976. – 319 с.

104. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). – М.: Наука. – Введение. Сравнительный словарь (b - K). – 1971. – 370 с.; Т. 2: Сравнительный словарь (l - g). – 1976. – 56 с.; Вып. 3: Сравнительный словарь (p - q) (по картотекам автора). – 1984. – 136 с.

105. Ильиш Б. А. История английского языка. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 367 с.

106. История Европы. С древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1992. – Т. 2: Средневековая Европа. – 808 с.

107. Исхаков А. И. О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 1. – С. 103 - 111.

108. Капитан М. Е. О закономерностях сохранности латинской лексики в современных романских языках: Автореф. … дисс. канд. филол. наук. – М., 1995. – 20 с.

109. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3 - 16.

110. Карцевский С. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд., доп. – Ч. II. – М., 1965. – С. 85 - 90.

111. Категории «закон» и «хаос» / Парнюк М. А., Лазоренко Б. П., Причепий Е. Н. и другие. – Киев: Наукова думка, 1987. – 295 с.

112. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 298 с.

113. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое общение. – Л.: Наука, ленинградское отделение, 1972. – 216 с.

114. Керлот Х. Э. Словарь символов. – М.: Refl-book. 1994. – 608 с.

115. Кларк Е. В. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1984. – С. 221 - 240.

116. Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1979. – 155 с.

117. Климов Г. А. Типология языков активного строя. – М.: Наука, 1977. – 320 с.

118. Климова С. В. Глаголы «неясного происхождения» в Сокращенном Оксфордском словаре (элементы этимологической фоносемантики): Дисс. … канд. филол. наук. – Л., 1986. – 222 с.

119. Князева Е. Н. Синергетическая модель эволюции научного знания // Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 102 - 128.

120. Князева Е. Н. Синергетический стиль мышления: Историческое место, мировоззренческие основания, перспективы // Культура и развитие научного знания / Отв. ред. И. П. Меркулов. – М.: ИФАН, 1991. – С. 36 - 58.
121. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М.: Наука, 1994. – 236 с.
122. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.
123. Козлова Л. А. Функциональное сближение частей речи в английском языке: сущность, формы, механизмы и последствия: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. – М., 1999. – 49 с.
124. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – 720 с.
125. Конецкая В. Н. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. – М.: Высшая школа, 1993. – 201 с.
126. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – Вып. III. – С. 143 - 346.
127. Космическое жертвоприношение // Мирча Э. Священные тексты народов мира. – М.: Крон-Пресс, 1998. – С. 222 - 224.
128. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1992. – 212 с.
129. Кравченко А. В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний // Когнитивные аспекты языкового значения: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А. В. Кравченко. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 1997. – С. 3 - 16.
130. Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 18 - 28.

131. Кубрякова Е. С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. Сб. статей / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. – М.: Наука, 1995. – С. 218 - 224.

132. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике. О концепции контейнера и формах его объективации в языке // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1999. – № 5 - 6. – С. 3 - 12.

133. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 116 с.

134. Кубрякова Е. С., Мельников Г. П. О понятиях языковой системы и структуры языка // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1972. – С. 8 - 91.

135. Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика – теория самоорганизации: Идеи, методы, перспективы. – М.: Знание, 1983. – 64 с.

136. Кушнина Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 32 с.

137. Кушнина Л. В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003. – 232 с.

138. Лапкина Л. З. Английские и башкирские ономатопы. (Опыт типологического исследования): Дисс. … канд. филол. наук. – Л., 1979. – 218 с.

139. Лаптева О. А. Самоорганизация языка: внутренние источники преобразований (статья первая) // Вопросы языкознания. – 2003. - № 6. – С. 15 - 29.

140. Левицкий В. В. Фонетическая мотивированность слова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 26 - 37.

141. Лекомцев Ю. К. Коммутация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 233.

142. Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 140 с.

143. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – 3-е изд. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.

144. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. Введение в психологию // yurpsy.by.ru/biblio/leontev/13.htm

145. Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара / Отв. ред. В. А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2001. – 136 с.

146. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской АН. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3 - 9.

147. Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М: Индрик., 2003. – 640 с.

148. Лосев А. Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 144 - 152.

149. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 17 - 246.

150. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных элементов и терминоэлементов. – М.: Наука, 1982. – 142 с.

151. Лукин М. Ф. Переход частей речи или их субституция? // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1982. – № 2. – С. 78 - 80.

152. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты: Научные труды Центроконцепта. – Архангельск: Изд-во Поморского государственного ун-та, 1997. – Вып. 1. – С. 11 - 35.

153. Майданов А. С. Механизм и структура процесса развития знания // Культура и развитие научного знания / Отв. ред. И. П. Меркулов. – М.: ИФАН, 1991. – С. 58 - 96.

154. Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 56 - 79.

155. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Наука, 1969. – 309 с.

156. Макаев Э. А. К вопросу об изоморфизме // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5.

157. Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 47 - 52.

158. Макарова Л. И. Взаимодействие лексико-семантических групп как выражение системной организации словаря (на материале английского и немецкого языков): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1975. – 21 с.

159. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. – М.: Издательский дом «Диалог», 1999. – 416 с.

160. Маковский М. М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. – 189 с.

161. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. – М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. – 329 с.

162. Маколей Т. Б. Общий взгляд на древнейший период английской цивилизации (1848 г.) // История Средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб.: ООО «Изд-во Полигон»; М.: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1999. – С. 252 - 255.

163. Марр Н. Я. Избранные работы. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое Изд-во, 1934. – Т. 3: Язык и общество. – 423 с.

164. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – Вып. III. – С. 366 - 558.

165. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.

166. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

167. Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 230 с.

168. Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 149 - 189.

169. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. – М.: Наука, 2003. – 393 с.

170. Мельникова Е. А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. – М.: Мысль, 1987. – 203 с.

171. Меркулов И. П. Архаическое мышление: вера, миф, познание // Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 14 - 43.

172. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с.

173. Мещанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. – Л.: Учпедгиз, 1940. – 260 с.

174. Милитарев А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. – М.: Наука, 1984. – Ч. 2. – С. 35 - 53.

175. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – 671 с. Т. 2. – 719 с.

176. Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля. – Краснодар: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического ун-та, 1995. – 213 с.

177. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. – М.: УРСС, 2003. – 296 с.

178. Москальчук Г. Г. Структурная организация и самоорганизация текста. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 1998. – 240 с.

179. Мышкина Н. Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Уфа, 1999. – 43 с.

180. Немировский М. Я. Удвоение как «архиархаичный» способ слово- и формообразования // Тр. кабинета им. Н. Я. Марра Ереванского ун-та. – Ереван, 1945. – № 1. – С. 127 - 171.

181. Никитин М. В. Развернутые Тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 53 - 64.

182. Николаева Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания. – 1984. – № 3. – С. 111 - 119.

183. Николаева Т. М. Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 535 - 536.

184. Николаева Т. М. Функции русского «я» в индоевропейской перспективе // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей: Коллективная монография / Отв. ред. Т. М. Николаева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 167 - 177.

185. Николис Дж. Динамика иерархических систем: Эволюционное представление. – М.: Мир, 1986. – 488 с.

186. Николис Дж. С. Хаотическая динамика лингвистических процессов и образование паттернов в поведении человека. Новая парадигма селективной передачи информации // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 426 - 433.

187. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. – 896 с.

188. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1972. – 565 с.

189. Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 21. – С. 24 - 121.

190. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 3-е изд., стереотипное. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

191. Павлина С. Ю. Переходные зоны в области функционирования абстрактных и конкретных существительных: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Нижний Новгород., 1997. – 18 с.

192. Павлов В. М. К разработке психолингвистической теории знака // Семинар по психолингвистике: Тез. докл. и сообщений (30 мая - 1 июня 1966 г.). – М. Наука, 1966. – С. 63 - 67.

193. Павловская И. Ю. Фоносемантические аспекты речевой деятельности: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. – М., 1999. – 56 с.

194. Пак Г. А. Изобразительные слова в корейском языке: Автореф. … канд. филол. наук. – Л., 1958. – 15 с.

195. Панкина М. Ф. Семантическое пространство языка и подходы к его изучению // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 146 - 149.

196. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.

197. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1998. – 371 с.

198. Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: Прометей МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. – 267 с.

199. Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001. – 464 с.

200. Петухова Е. В. Морфологическое и конверсионное словообразование от звукоподражательных основ в английском языке: Дисс. … канд. филол. наук. – Курск, 2001. – 220 с.

201. Пешков И. В. Риторика мифа в жанре поэтики // Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1997. – С. 434 - 445.

202. Пешковский А. М. Десять тысяч звуков (Опыт звуковой характеристики русского языка как основы для эвфонических исследований) // Пешковский А.

М. Методика русского языка, лингвистика, статистика, поэтика. – М.; Л.: ГИЗ, 1925. – С. 167 - 191.

203. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Государственное учебно-педагогическое Изд-во, 1938. – 452 с.

204. Пизани В. Этимология. История – проблемы – метод. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – 188 с.

205. Пименова М. В. Антропоморфная парадигма признаков в структуре концепта Ум // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер. лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2004. – № 2. – С. 32 - 35.

206. Пиотровский Р. Г. Информационные измерения языка. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. – 116 с.

207. Пищальникова В. А. Психопоэтика. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 1999. – 176 с.

208. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.

209. Плоткин В. Я. Очерк диахронической фонологии английского языка. – М.: Высшая школа, 1976. – 152 с.

210. Плоткин В. Я. Эволюция систем грамматических оппозиций в истории германских языков // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. – М.: Наука, 1972. – С. 109 - 118.

211. Пойзнер Б. Н. Хаос, порядок, время в древних картинах мира // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 507 - 519.

212. Покровская М. Е.. Изменение лексической системы английского языка в среднеанглийский период под влиянием французских заимствований // Языковые подсистемы: стабильность и динамика. – Тверь: Изд-во Тверского государственного ун-та, 2002. – С. 60 - 64.

213. Поликарпов А. А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов // Ученые

записки Тартуского государственного ун-та. – Тарту, 1987. – Вып. 774. – С. 135 - 154.

214. Поликарпов А. А. Проблемы эволюционной лингвистики. 2002 // http://www.philol.msu.ru/~lex/evol_ling.htm

215. Попова З. Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер. 1. Гуманитарные науки. – Воронеж, 1996. – № 2. – С. 64 - 70.

216. Попова З. Д. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2004. – № 2. – С. 27 - 31.

217. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

218. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1999. – 30 с/

219. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и другие. – М.: Наука, 1988. – С. 8 - 69.

220. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и конца 20 в.: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 342 - 420.

221. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. – М.: Наука, 1985. – 327 с.

222. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.

223. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1954. – 380 с.

224. Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1990а. – 24 с.

225. Проскурин С. Г. О значениях «правый – левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания. – 1990б. – № 5. – С. 37 - 49.

226. Пушина Н. И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. – 170 с.

227. Пушина Н. Н. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Ижевск, 2001. – 31 с.

228. Рабинович Е. Г. Богиня-мать // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 179 - 180.

229. Расторгуева Т. А. Очерки по исторической грамматике английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 160 с.

230. Ревзин И. И. Модели языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 191 с.

231. Решетникова Н. В. «Собирательность» и «обобщенность» в системе категориальных отношений древнеанглийского языка // Лексические единицы в различных функциях. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1992а. – С. 25 - 30.

232. Решетникова Н. В. К вопросу о взаимодействии собирательных имен существительных типа mankind и местоимений all и any в современном английском языке // Вестник Ленинградского ун-та. – 1991. – № 3. – С. 102 - 104.

233. Решетникова Н. В. Собирательность существительных и неопределенность / обобщенность местоимений в английском языке: аспекты взаимосвязи (синхрония и диахрония): Дисс. … канд. филол. наук. – СПб., 1992б. – 267 с.

234. Рябова М. Ю. Временная референция в английском языке. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 165 с.

235. Савченко А. Н. Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском языке. – Ростов н / Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1960. – 23 с.

236. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1974. – 412 с.

237. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское книжное Изд-во, 1989. – 398 с.

238. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

239. Сигал К. Я. Проблема иконичности в языке // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 100 - 120.

240. Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов: Сб. статей / Отв. ред. В. И. Аршинов и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 535 с.

241. Слоницкая Е. П. Звукосимволизм обозначений округлого (опыт типологического исследования): Дисс. … канд. филол. наук. – Л., 1987. – 292 с.

242. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. – М.: МГУ, 1998. – 318 с.

243. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 1600 с.

244. Солнцев В. М. Типология и тип языка // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 26 - 41.

245. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

246. Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. – 143 с.

247. Спиркин А. Г. Взаимодействие // Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. – Т. 5. – С. 7.

248. Спиркин А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. – М.: Изд-во политической литературы, 1957. – С. 3 - 72.

249. Сравнительная грамматика германских языков: В 5 т. / Глав. ред. М. М. Гухман. – М.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. – 1962. – 204 с.; Т. 2. – 1962. – 402 с.; Т. 3. – 1963. – 455 с.; Т. 4. – 1966. – 496 с.

250. Старостин С. А. Современное положение дел в макрокомпаративистике // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы: Тез. докл. международной научн. конф. Москва, 22 - 24 января 2003 г. – М.: МГУ, 2003. – С. 163 - 166.

251. Старостин С. А., Бурлак С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 272 с.

252. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

253. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

254. Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры: Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993. – 158 с.

255. Степанов Ю. С., Эдельман Д. И. Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира / Отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1976. – С. 203 - 282.

256. Сусов И. П. Космические мотивы в науке о языке и в философии языка // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1998. – Вып. 1. – С. 99 - 111.

257. Сухачев Н. Л. О семиотике Ч. С. Пирса: тройственный знак в универсуме репрезентаций. – СПб.: Наука, 2003. – 106 с.

258. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.

259. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – Январь - февраль. – С. 91 - 115.

260. Тамбовцев Ю. А. Компендиум основных статистических характеристик функционирования согласных фонем в звуковой цепочке английского, немецкого, французского и других индоевропейских языков. – Новосибирск: Новосибирский классический институт, 2001а. – 131 с.

261. Тамбовцев Ю. А. Функционирование согласных фонем в звуковой цепочке урало-алтайских языков. – Новосибирск: Новосибирский классический институт, 2001б. – 130 с.

262. Тацит К. К. Политическая и общественная жизнь древнейших германцев // История Средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб.: ООО «Изд-во Полигон»; М.: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1999. – С. 81 - 87.

263. Титов В. Т. Принципы квантитативной лексикологии: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Тверь, 2005. – 36 с.

264. Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 1. – С. 11 - 20.

265. Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии IV (1). И.-е. eg’h-om (*He-g’h-om): *men-. 1 Sg. Pron. Pers. // Этимология 1988 - 1990: Сб. научных трудов. – М.: Наука, 1992. – С. 128 - 153.

266. Топоров В. Н. Индоевропейские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 186 - 189.

267. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М.: Радикс, 1994. – 190 с.

268. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: Фаир-Пресс, 1999. – 448 с.

269. Тронский И. М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Ученые записки Ленинградского ун-та. – Л.: Изд-во Ленинградского государственного ун-та, 1946. – Вып. 10. – Т. 69. – С. 54 - 72.

270. Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология 1988 - 1990: Сб. научных трудов. – М.: Наука, 1993. – С. 12 - 27.

271. Тулдава Ю. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. – Тарту: Изд-во Тартуского государственного ун-та, 1987. – 204 с.

272. Успенский Б. А. Структурная типология языков. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965. – 286 с.

273. Уфимцева А. А. Знак языковой // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 167.

274. Фазылов М. Ф. Изобразительные слова в таджикском языке. – Сталинабад: Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1958. – 189 с.

275. Филиппов К. А. К вопросу о референциальной неопределенности высказывания // Функционально-текстовые аспекты языковых единиц: Сб. статей / Отв. ред. Л. Р. Зиндер. – СПб.: СПбГУ, 1995. – С. 70 - 77.

276. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1997. – 448 с.

277. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad: АОЗТ «Талисман», 1994. – 405 с.

278. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. – М.: Мир, 1991. – 240 с.

279. Хакен Г. Основные понятия синергетики // Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 28 - 55.

280. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – 404 с.

281. Хелимский Е. А. Проблема границ ностратической макросемьи языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. – М.: Наука, 1984. – Ч. 5. – С. 31 - 48.

282. Хлебникова И. Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка (фонология, морфология). – М.: Высшая школа «ЧеРо», 1996. – 146 с.

283. Хлебникова И. Б. О равновесии исторических изменений фонологических и морфологических систем германских языков // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. – М.: Наука, 1972. – С. 119 - 135.

284. Холодович А. А. Категория множества в японском языке в свете общей теории множества в языке // Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – С. 173 - 195.

285. Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа) // Вопросы языкознания. – 1990. – № 5. – С. 18 - 35.

286. Чернавский Д. С. О генерации ценной информации // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 363 - 381.

287. Шапошникова И. В. Системные изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 1999. – 243 с.

288. Шатобриан Ф.-Р. Общая картина жизни варваров в эпоху великого переселения народов (1831 г.) // История Средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб.: ООО «Изд-во Полигон»; М.: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1999. – С. 88 - 104.

289. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – М.; Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

290. Шахнарович А. М. Проблемы мотивированности знака в онтогенезе речи // Общая и прикладная психолингвистика. – М., 1973. – С. 81 - 87.

291. Шведова Н. Ю. Грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 113 - 115.

292. Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исходное смысловое строение языка и его смысловых категорий. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – 120 с.

293. Шеворошкин В. В. К истории индоевропейского генитива // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 89 - 90.

294. Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам: (К проблеме формирования английского народа). – М.: Наука, 1988. – 237 с.

295. Шилдс К. Заметки о происхождении основообразующих формантов в индоевропейском // Вопросы языкознания. – 1990. – № 5. – С. 12 - 17.

296. Шилдс К. Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 21. – С. 224 - 250.

297. Шишкина Л. С. Язык как естественная модель становления целого // Синергетика и методы науки. – СПб.: Наука, 1998. – С. 260 - 277.

298. Шмальштиг В. Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 21. – С. 262 - 330.

299. Штерн А. С. Объективные критерии выявления эффекта «звуковой символики» // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака / Отв. ред. В. М. Павлов. – Л.: Наука, 1969. – С. 69 - 73.

300. Шушков А. А. Семантическое поле порядок / хаос в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – СПб, 1999. – 20 с.

301. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд., доп. – Ч. II. – М., 1965. – С. 361 - 373.

302. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / И. П. Меркулов, И. А. Бескова, В. С. Черняк и другие. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 197 с.

303. Эйхбаум Г. А. Прономинативы и назывные слова: их сходство и различие (на материале немецкого языка) // Системное описание лексики германских языков. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – С. 7 - 18.

304. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

305. Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов, верований. – М.: ВГБИЛ «Рудомино»; СПб.: Университетская книга, 1997. – 415 с.

306. Юдин Э. Г. Связь // Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1976. – Т. 23. – С. 93.

307. Якобсон Р. Лингвистика и теория связи // // Звегинцев В. А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд., доп. – Ч. II. – М., 1965. – С. 435 - 444.

308. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика / Сост., вступит. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 102 - 117.

309. Якобсон Р. О. Звук и значение // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 30 - 91.

310. Яковенко И. Г. Циклы развертывания цивилизаций // Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2003. – С. 80 - 111.

311. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 344 с.

312. Яношка Ш. Об этимологических пластах венгерского словарного состава // Slavica. Debrecen. Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis De Ludovico Kossuth Nominatae, 1967. – № VII. – С. 59 - 67.

313. Allot R. The Motor Theory of Language Origin. – Sussex: The Book Guild Ltd., 1989. – 109 p.

314. Altmann G. On Diversification in Language // What is Language Synergetics? Seminar on the International Language Synergetics Project. Oulu, 5-6 October, 1990 / Saukkonen P. (Ed.). Acta Universitatis Ouluensis. Series B. Humaniora. – Oulu, 1992. – № 16. – P. 23.

315. Altmann G. On the Dynamic Approach to Language // Linguistic Dynamics: Discources, Procedures and Evolution / Ballmer T. T. (Ed.). – B.; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1985. – P. 181 - 189.

316. Altmann G. The Levels of Linguistic Investigation // Theoretical Linguistics. – 1987. – Vol. 14. – P. 227 - 239.

317. Altmann G., Lehfeldt W. Allgemeine Sprachtypologie: Prinzipien und Meβverfahren. – München: Fink, Cop., 1973. – 142 S.

318. Anderson S. R. On the development of morphology from syntax // Trends in Linguistics. Studies and Monographs / Winter W. (Ed.). – The Hague; P.; N. Y.: Mouton Publishers, 1978. – Vol. 17. Historical Morphology: Papers prepared on the International Conference on Historical Morphology held at Boszkowo, Poland, 15 - 18 March / Fisiak J. (Ed.). – P. 51 - 69.

319. Anttila R. Historical and Comparative Linguistics // Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Ser. 4. Current issues in linguistic theory. – Amsterdam: John Benjamins, 1989. – Vol. 6. – 460 p.

320. Approaches to the Evolution of Language / Hurford J. R., Studdert-Kennedy M., Knight Ch. (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 442 p.

321. Ballmer Th. T. Introduction // Linguistic Dynamics: Discources, Procedures and Evolution / Ballmer T. T. (Ed.). – B.; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1985. – P. 1 - 25.

322. Ballmer Th. T. Linguistic Dynamics. A Physio-phenomenologic Treatise of Linguistic Theory // Empirical Semantics / Rieger B. B. (Ed.). – Bochum: Brockmeyer, 1981. – Vol. I. – P. 2 - 58.

323. Bally Ch. L'arbitraire du signe, valeur et signification // Français Moderne. – 1940. – № 3. – P. 193 - 206.

324. Baugh A. C. The Chronology of French Loan-Words in English // Modern Language Notes. – 1935. – Vol. 50. – № 2. – P. 90 - 93.

325. Beekes R. S. P. The origins of the Indo-European Nominal Inflection // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft d. Univ., 1985. – Bd. 46. – 251 p.

326. Bichakjian B. H. Language Evolution: Evidence from Historical Linguistics // Language Origin: A Multidisciplinary Approach / Wind J., Chiarelli B., Bichakjian B. H., Nocenti A. (Eds.). – Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1992. – P. 507 - 526.

327. Bickerton D. Catastrophic evolution: the case for a single step from protolanguage to full human language // Approaches to the Evolution of Language / Hurford J. R., Studdert-Kennedy M., Knight Ch. (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 341 - 358.

328. Bickerton D. Origin and Evolution of Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ascher R. E. (Ed.). – Oxford: Pergamon Press, 1994. – Vol. 5. – P. 2881 - 2883.

329. Biese Y. M. Some Notes on the Origin of the Indo-European Nominative Singular // Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ. Katara P. (Ed.). – Helsinki, 1950. Ser. B. – T. 63. – № 5. – P. 3 - 15.

330. Bolinger D. L. The sign is not arbitrary // Bolinger D. L. Forms of English Accent, Morpheme, Order. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1965. – P. 231 - 239.

331. Bomhard A. R. Toward Proto-Nostratic. A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic // Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Ser. IV. Current issues in linguistic theory / Koerner E. F. (Ed.). – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1984. – Vol. 27. – 356 p.

332. Briscoe T. Macro and Micro Models of Linguistic Evolution // The Evolution of Language. 3rd Conference April 3rd – 6th 2000. Paris // http://www.infres.enst.fr/confs/evolang/

333. Britain and Ireland in Early Christian Times AD 400 - 800. – L.: Thames and Hudson, 1971. – 144 p.

334. Browman C. P., Goldstein M. N. Articulatory phonology: an overview // Phonetica. – 1992. – № 49. – P. 155 - 180.

335. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. – Stuttgart: Fischer, 1965. – 434 S.

336. Bybee J. Morphology: A study of the relation between meaning and form. – Amsterdam: John Benjamins, 1985. – 234 p.

337. Chafe W. L. Language as Symbolization // Language. – 1967. – Vol. 43. – № 1. – P. 57 - 91.

338. Chickering H. D. Jr. Introduction // Beowulf: a Dual-Language Edition / Translated with an Introduction and Commentary by H. D. Chickering, Jr. – N. Y.: Doubleday, 1989. – P. 1 - 46.

339. Chomsky N. Language and Mind. Enlarged edition. – N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. – 194 p.

340. Contemporary Linguistics. An Introduction / Grady W. O., Dobrovolsky M., Katamba F. (Eds.). – Harlow: Pearson Education, 1996. – 755 p.

341. Croft W. Explaining Language Change: an Evolutionary Approach. – Harlow: Pearson Education, 2000. – 287 p.

342. Crystal D. A First Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Cambridge: Andre Deutsch, 1980. – 390 p.

343. De la Cruz J. M. F. Old English Pure Prefixes: Structure and Function // Linguistics. – 1975. – Vol. 145. – P. 47 - 81.

344. Dictionary of Semiotics / Bronwen M., Ringham F.L. (Eds.). – N. Y.: Cassell, 2000. – 177 p.

345. Dixon R. M. W. Noun Classes and Noun Classification in typological Perspective // Noun Classes and Categorization / Craig C. (Ed.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1986. – P. 105 - 112.

346. Dolgopolsky A. B. Nostratic // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ascher R. E. (Ed.). – Oxford: Pergamon Press, 1994. – Vol. 5. – P. 2838.

347. Dressler W. U. Word formation (WF) as part of natural morphology // Leitmotifs in natural morphology. – Amsterdam: John Benjamins, 1987. – P. 99 - 126.

348. Erhart A. Studien zur Indoeuropäischen Morphologie // Opera Universitatis Purkyianae brunensis. Facultas Philosophica. – Brno: Universita J. E. Purkyně, 1970. – № 148. – 183 p.

349. Erhart A. Zur i.e. Nominalflexion // Sbornik Praci Filosoficke Fakulty Brněnské University. 1967. – P. 7 - 26.

350. Ertel S. Psychophonetic. Untersuchungen über Lautsymbolic and Motivation. – Göttingen: Verlag für Psychologie, 1969. – 230 S.

351. Fischer O. Iconicity in Language and Literature. Language Innovation and Language Change // Neuphilologische Mitteillungen. – Helsinki, 1997. – Vol. XCVIII. – P. 63 - 87.

352. Fischer-Jorgensen E. On the Universal Character of Phonetic Symbolism with special Reference to Vowels // Studia Linguistica. – 1978. – Vol. XXXII. – № I - II. – P. 80 - 90.

353. Folklore, myths and legends of Britain. – L.: Reader's digest association Ltd., 1973. – 552 p.

354. Fónagy J. Communication in poetry // Word. – 1961. – Vol. 17. – № 2. – P. 194 - 218.

355. Foster M. L. Language as analogic strategy: Suggestions for evolutionary research // Studies in Language Origins / Wind J., Jonker A., Allott R., Rolfe L. (Eds.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994. – Vol. 3. – P. 179 - 204.

356. Foster M. L. Symbolic origins and transitions in the Paleolithic // The emergence of modern humans: An archaeological perspective / Mellars P. (Ed.). – Edinburgh: Edinburgh University, 1990. – P. 517 - 539.

357. Foster M. L. The Growth of Symbolism in Culture // Symbol as sense. New Approaches to the Analysis of Meaning / Foster M. L., Brandes S. H. (Eds.). – N. Y.; L.: Academic Press, 1980. – P. 371 - 397.

358. French P. L. Toward an Explanation of Phonetic Symbolism // Word. – 1977. – Vol. 28. – № 3. – P. 305 - 322.

359. Fromkin V. The concept of «naturalness» in a universal phonetic theory // Glossa. – 1970. – № 4. – P. 29 - 45.

360. Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe 7000 to 3500 BC. Myths, Legends and Cult Images. – L.: Thames and Hudson, 1974. – 303 p.

361. Givón T. Historical syntax and synchronic morphology: An archeologist's fieldtrip // Papers from the Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. – Chicago: Linguistic Society, 1971. – Vol. 7. – P. 394 - 415.

362. Givón T. Iconicity, isomorphism, and non-arbitrary coding in syntax // Iconicity in Syntax / Haiman J. (Ed.). – Amsterdam: John Benjamins, 1985. – P. 187 - 219.

363. Greenberg J. H. A Quantitative Approach to Morphological Typology of Language // International Journal of American Linguistics. – 1954. – Vol. 26. – P. 178 - 194.

364. Greenberg J. H. Indo-European and its closest relatives: The Eurasiatic language family. – Stanford, CA.: Stanford University Press, 2002. – Vol. 2. Lexicon. – 216 p.

365. Greenberg J. H. Some universals of language, with particular reference to the order of meaningful constituents // Universals of Language. – 2nd ed. / Greenberg J. H. (Ed.). – Cambridge, MA.: MIT Press, 1966. – P. 73 - 113.

366. Gudshinsky S. The ABC's of lexicostatistics (glottochronology) // Word. – 1956. – Vol. 12. – № 2. – P. 175 - 210.

367. Haiman J. Iconicity and Syntactic Change // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ascher R. E. (Ed.). – Oxford: Pergamon Press, 1994a. – Vol. 3. – P. 1630 - 1637.

368. Haiman J. Natural Syntax: Iconicity and Erosion. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 285 p.

369. Haiman J. Ritualization and the Development of Language // Perspectives on Grammaticalization / Pagliuca W. (Ed.). – Amsterdam: John Benjamins, 1994b. – P. 3 - 28.

370. Haiman J. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation // Language. – 1980. – Vol. 56. – № 3. – P. 515 - 540.

371. Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. From Cognition to Grammar – Evidence from African Languages // Typological studies in language. – 1991. – Vol. 19. – № 1. – P. 149 - 187.

372. Heine B., Kuteva T. Word Lexicon of Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 387 p.

373. Heller L. The I.E. so- / to- Demonstrative Suppletion or Phonetic Differentiation? // Word. – 1956. – Vol. 12. – № 1. – P. 7 - 8.

374. Hockett C. F., Ascher R. The Human Revolution // Current Anthropology. – 1964. – Vol. 5. – № 3. – P. 135 - 147.

375. Hodge C. T. Indo-European and Afroasiatic // Sprung from Some Common Source. Investigations into the Prehistory of Languages / Lamb S. M., Mitchell E. D. (Eds.). – Stanford: Stanford University Press, 1991. – P. 141 - 165.

376. Hodge C. T. The Linguistic Cycle // Language Sciences. – 1970. – № 13. – P. 1 - 7.

377. Hopper P. On Some Principles of Grammaticization // Typological studies in language. – 1991. – Vol. 19. – № 1. – P. 17 - 35.

378. Hřebiček L. Text as a Construct of Aggregations // What is Language Synergetics? Seminar on the International Language Synergetics Project. Oulu, 5 – 6 October, 1990 / Saukkonen P. (Ed.). Acta Universitatis Ouluensis. Series B. Humaniora. – Oulu, 1992. – № 16. – P. 33 - 39.

379. Jakobson R. Quest for the essence of language // Diogenes. – 1965. – № 51. – P. 21 - 37.

380. Jakobson R., Waugh L. R. The Sound Shape of Language. – Bloomington, IN.; L.: Indiana University Press, 1979. – 308 p.

381. Jenkins L. Exploring the Biology of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 264 p.

382. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. – L.: G. Allen and Unwin, 1954. – Part II. – 516 p.

383. Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel i // Philologica. – L., 1922. – Vol. 1. – P. 1 - 19.

384. Justice D. B. Iconicity and association in phonology, morphology and syntax // Romance philology. – Berkeley, 1980. – Vol. 33. – № 4. – P. 480 - 489.

385. Kaiser M., Shevoroshkin V. Nostratic // Annual Review of Anthropology. – 1988. – Vol. 17. – P. 309 - 329.

386. Kastovsky D. Semantics and Vocabulary // The Cambridge History of the English Language / Hogg R. M. (Ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Vol. 1. The Beginnings to 1066. – P. 290 - 408.

387. Kohler K. J. The development of sound systems in human language // Approaches to the Evolution of Language / Hurford J. R., Studdert-Kennedy M., Knight Ch. (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 265 - 278.

388. Köhler R. Synergetic Linguistics // Contributions to Quantitative Linguistics. Proceedings of the First International Conference on Quantitative Linguistics, QUALICO, Trier 1991 / Köhler R., Rieger B. B. (Eds.). – Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1993. – P. 41 - 51.

389. Köhler R. Synergetic Linguistics // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ascher R. E. (Ed.). – Oxford: Pergamon Press, 1994. – Vol. 8. – P. 4454 - 4455.

390. Köhler R. System Theoretical Linguistics // Theoretical Linguistics. – 1987. – Vol. 14. – № 2 - 3. – P. 241 - 257.

391. Kronasser H. Handbuch der Semasiologie. – Heidelberg: Carl Winter, 1952. – 204 S.

392. Kuryłowicz J. The Inflectional Categories of Indo-European. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1964. – 246 p.

393. Kuryłowicz J. The Role of Deictic Elements in Linguistic Evolution // Semiotica. – 1972. – Vol. 5. – № 2. – P. 174 - 183.

394. Lakoff G. Classifiers as a reflection // Noun Classes and Categorization / Craig C. (Ed.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1986. – P. 13 - 51.

395. Lane G. S. Review of Kretschmer's Objective Konjugation im Indogermanischen and Biese's Some Notes on the Origin of the Indo-European Nominative Singular // Language. – 1951. – № 27. – P. 370 - 374.

396. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. – B.; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1990. – 394 p.

397. Lee N. Emergence of Languages as Complex Adaptive Systems. PhD. – Los Angeles, 2003. – 160 p.

398. Lehmann W. P. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection // Language. – 1958. – Vol. 34. – № 2. – P. 179 - 202.

399. Mayerthaler W. Morphologische Ikonismus // Zeitschrift für Semiotik. – 1980. – № 2. – S. 19 - 37.

400. Mowrey R., Pagliuca W. The reductive character of articulatory evolution // Rivista di Linguistica. – 1995. – Vol. 7. – № 1. – P. 37 - 124.

401. Nöth W. Handbuch der Semiotik. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000. – 667 S.

402. Nöth W. Systems Theoretical Principles of the Evolution of the English Language and Literature // Current Topics in English Historical Linguistics / Davenport M., Hausen E., Nielsen H. F. (Eds.). – Odense: University Press, 1983. – P. 103 - 122.

403. Pei M. A., Gaynor F. A Dictionary of Linguistics. – N. Y.: Philosophical Library, 1954. – 238 p.

404. Peirce Ch. S. Logic as Semiotic: The Theory of Signs // Philosophical Writings / Büchler S. – Dover, NY., 1955. – P. 98 - 119.

405. Pike K. L. Language as particle, wave and field // The Texas Quarterly. – 1959. – Vol. 2. – № 2. – P. 37 - 54.

406. Polikarpov A. A. A Model of the Word Life Cycle // Contributions to Quantitative Linguistics. Proceedings of the First International Conference on Quantitative Linguistics, QUALICO, Trier 1991 / Köhler R., Rieger B. B. (Eds.). – Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1993. – P. 53 - 63.

407. Popper K. R. Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Pollard J. W. (Ed.). – L.: John Wiley & Sons Ltd., 1984. – P. 612 - 628.

408. Reconnecting language: Morphology and syntax in functional perspectives // Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Ser. 4. Current issues in linguistic theory. – Amsterdam, Philadelphia, 1997. – Vol. 154. – 336 p.

409. Rhodes R. Aural Images // Sound Symbolism / Hinton L., Nichols J., Ohala J. (Eds.). – Cambridge: Cambridge University, 1994. – P. 276 - 292.

410. Rosh E. Principles of categorization // Cognition and categorization / Rosch E., Lloyd B. B. (Eds.). – Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum associates, Publishers, 1978. – P. 27 - 48.

411. Ruhlen M. Nostratic-Amerind Cognates // Reconstructing Languages and Cultures. Abstracts and materials from the First International Interdisciplinary symposium on Language and Prehistory. Ann Arbor, 8 - 12 November, 1988 / Shevoroshkin V. V. (Ed.). – Bochum: Studienverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1989. – P. 75 - 87.

412. Ruhlen M. On the Origin of Languages: Tracing the Evolution of the Mother Tongue. – N. Y.: John Wiley & Sons, 1996. – 256 p.

413. Schmidt J. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. – Weimar: Hermann Böhlau, 1889. – 456 S.

414. Seppänen J. Synergy, Emergence and Complexity in Mind, Language and Culture. A System View of Cognitive, Linguistic and Cultural Evolution // What is Language Synergetics? Seminar on the International Language Synergetics Project. Oulu, 5 - 6 October, 1990 / Saukkonen P. (Ed.). Acta Universitatis Ouluensis. Series B. Humaniora. – Oulu, 1992. – № 16. – P. 118 - 159.

415. Shevoroshkin V. The Mother Tongue: How Linguists Have Reconstructed the Ancestor of All Living Languages // The Sciences. – 1990. – May - June. – P. 20 - 27.

416. Shevoroshkin V. V., Ramer A. M. Some Recent Work on the Remote Relations of Languages // Sprung from Some Common Source. Investigations into the Prehistory of Languages / Lamb S. M., Mitchell E. D. (Eds.). – Stanford: Stanford University Press, 1991. – P. 178 - 199.

417. Smith B. L., Oller D. K. A comparative study of pre-meaningful vocalizations produced by normally developing and Down's syndrome infants // Journal of Speech and Hearing Disorders. – 1981. – № 46. – P. 46 - 51.

418. Specht F. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1947. – 432 S.

419. Steels L. Synthesizing the origins of language and meaning using coevolution, self-organization and level formation // Approaches to the Evolution of Language / Hurford J. R., Studdert-Kennedy M., Knight Ch. (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 384 - 404.

420. Stern W., Stern C. Die Kindersprache. Eine psychologische und sprachtheoretische Untersuchung. – Lpz.: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1922. – 434 S.

421. Swadesh M. Linguistics as an Instrument of Prehistory // Southwestern Journal of Anthropology. – 1959. – Vol. 15. – P. 20 - 35.

422. Swadesh M. The Origin and Diversification of Language. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1971. – 350 p.

423. Sweet H. A New Grammar Logical and Historical. – Oxford: The Clarendon Press, 1940. – Vol. 1. – Part 1. – 499 p.

424. Tai J. Temporal sequence and Chinese word order // Iconicity in Syntax. Haiman J. (Ed.). – Amsterdam: John Benjamins, 1985. – P. 49 - 72.

425. Talmy L. Rubber-sheet cognition in language // Articles from the Thirteenth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. – Chicago: Linguistic Society, 1977. – Vol. 13. – P. 612 - 628.

426. Tanz C. Sound Symbolism in Words Relating to Proximity and Distance // Language and Speech. – 1971. – Vol. 14. – Part 3. – P. 266 - 276.

427. The Anglo-Saxons / Campbell J. (Ed.). – L.: Penguin Books, 1991. – 272 p.

428. The Cambridge Encyclopedia of Language / Crystal D. (Ed.). – 2nd. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 480 p.

429. The Cambridge History of the English Language / Hogg R. M. (Ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Vol. 1. The Beginnings to 1066. – 609 p.

430. Topology // Reader's Digest Library of Modern Knowledge. – L.: Reader's Digest Association Lmt., 1978. – Vol. 2. – P. 910 - 911.

431. Traugott E. C., Heine B. Introduction // Typological studies in language. – 1991. – Vol. 19. – № 2. – P. 1 - 14.

432. Tuldava J. Symmetrie und Asymmetrie in der Sprache // What is Language Synergetics? Seminar on the International Language Synergetics Project. Oulu, 5 – 6 October, 1990 / Saukkonen P. (Ed.). Acta Universitatis Ouluensis. Series B. Humaniora. – Oulu, 1992. – № 16. – P. 40 - 43.

433. Voronin S. V. Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: (Sundry Papers). = Иконичность. Глоттогенез. Семиозис: (Из работ разных лет). – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. – 148 с.

434. Vries Ad de. Dictionary of Symbols and Imagery. – Amsterdam; L.: North-Holland Publishing Company, 1974. – 515 p.

435. Wallman J. Comment // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34. – № 1. – P. 44 - 45.

436. Waugh L. R. The Relevance of Research into the Sound Shape of Language for Semiotic Studies // Semiotic unfolding. – 1983. – Vol. 2. – P. 1255 - 1261.

437. Werner H., Kaplan B. Symbol formation. An Organismic-Developmental Approach to Language and the Expression of Thought. – N. Y.; L.; Sydney: Clark University. John Wiley and Sons, Inc., 1963. – 530 p.

438. Wierzbicka A. ‘Oats’ and ‘wheat’: The fallacy of arbitrariness // Iconicity in Syntax / Haiman J. (Ed.). – Amsterdam: John Benjamins, 1985. – P. 311 - 342.

439. Wildgen W. Archetypal Dynamics in Word Semantics. An Appreciation of Catastrophe Theory // Words, Worlds and Contexts. New Approaches to Word Semantics / Eikmeyer H. J., Riser H. (Eds.). – B.: Mouton de Gruyter, 1981. – P. 234 - 296.

440. Wildgen W. Basic Principles of Self-Organization in Language // Synergetics of Cognition. – L., P., Tokyo, Hong Kong: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 1990. – P. 415 - 426.

441. Wildgen W. The Paleolithic origins of art, its dynamic and topological aspects, and the transition to writing // http://www.fb10.uni-bremen.de/homepages/wildgen/pdf/palelethic_origin_groningen.pdf.

442. Wray F. Protolanguage as a holistic system for social interaction // Language and Communication. – 1998. – № 18. – P. 47 - 67.

443. Wright R. Quest for the Mother Tongue // Atlantic Monthly. – 1991. – April. – P. 39 - 68.

444. Zipf G. K. Selected Studies of the Principle of Relative Frequency in Language. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1932. – 52 p.

445. Zipf G. K. The Psycho-Biology of Language; An Introduction to Dynamic Philology. – Cambridge, MA.: The MIT Press, 1968. – 336 p.

СОКРАЩЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – ИСТОЧНИКОВ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПРИМЕРОВ

Велюспа	Скандинавское сказание о творении и пророчестве о конце света (Велюспа) / Пер. А. Корсуна // Элиаде М. Священные тексты народов мира. – М.: Крон-Пресс, 1998. – С. 120 - 126 (при цитировании указывается страница).
Законы Ману	Индийская космогония («Законы Ману», I, 5 – 16) // Элиаде М. Священные тексты народов мира. – М.: Крон-Пресс, 1998. – С. 112 - 113.
Речи Вафтруднира	Речи Вафтруднира // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. А. Корсуна. Сер. Библиотека Всемирной литературы. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 9. – С. 204 - 209 (при цитировании указывается номер стиха).
Ригведа, X, 90	Космическое жертвоприношение (Ригведа, X, 90) / Пер. А. Н. Коваля // Элиаде М. Священные тексты народов мира. – М.: Крон-Пресс, 1998. С. 222 - 223.
Теогония	Теогония и космогония Гесиода («Теогония», 116 - 210) // Элиаде М. Священные тексты народов мира. – М.: Крон-Пресс, 1998. – С. 115 - 117.
Шветашватара-упанишада, III, V, VI	Мудрость, освобождение, бессмертие («Шветашватара-упанишада», III, V, VI) // Элиаде М. Священные тексты народов мира. – М.: Крон-Пресс, 1998.- С. 593 - 595.
ASChr	The Anglo-Saxon Chronicle // Old English Prose and Verse. An Annotated Selection with Introductions and Notes by R. Fowler. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. – P. 3 - 14 (при цитировании указывается номер строки).
Beow.	Beowulf: diacritically-marked text and facing translation //

	http://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html
Beowulf	Beowulf: a Dual-Language Edition / Translated with an Introduction and Commentary by H. D. Chickering, Jr. – N. Y.: Anchor Books, Doubleday, 1989. – 416 p. (при цитировании указывается номер строки).
Bl. Hom.	The Blickling Homilies / Morris R. (Ed.). – E. E. T. S., 1874 - 1876 (при цитировании указывается номер страницы).
Cædm.	Bede's Account of the Poet Cædmon // Old English Prose and Verse. An Annotated Selection with Introductions and Notes by R. Fowler. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. – P. 18 - 22 (при цитировании указывается номер строки).
Chaucer	Chaucer G. The Canterbury Tales // http://www.hti.umich.edu/cgi/c/cme/cme-idx?type=header&byte=15487225
Dream	The Dream of the Rood // Old English Prose and Verse. An Annotated Selection with Introductions and Notes by R. Fowler. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. – P. 97 - 102 (при цитировании указывается номер строки).
Genesis	Genesis A. Liber 1. // http://sunsite.berkeley.edu.cgi-bin/imagemap/omac (При цитировании указывается номер строки).
Romeo and Juliet	Shakespeare W. Romeo and Juliet // http://www-tech.mit.edu/Shakespeare/romeo_juliet/index.html
Vafþrúðnismál	Vafþrúðnismál // http://www.snerpa.is/net/kvaedi/vafthrud.htm
Völuspá	Völuspá // http://etext.old.no/Bugge/voluspa/voluspa6.html (при цитировании указывается номер стиха).
Wanderer	The Wanderer // Old English Prose and Verse. An Annotated Selection with Introductions and Notes by R. Fowler. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. – P. 102 - 106 (при

цитировании указывается номер строки).

Will. A Portrait of William the Conqueror // Old English Prose and Verse. An Annotated Selection with Introductions and Notes by R. Fowler. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. – P. 12 - 14 (при цитировании указывается номер строки).

Wulf. Wulfstan's Address to the English // Old English Prose and Verse. An Annotated Selection with Introductions and Notes by R. Fowler. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. – P. 37 - 43 (при цитировании указывается номер строки).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

А Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык / Отв. ред. Э. Г. Туманян. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 328 с.

Гамкр. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та. 1984. – Ч. 1. – 428 с.; Ч. 2. – 1328 с.

И Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). – М.: Наука. – Введение. Сравнительный словарь (b - K). – 1971. – 370 с.; Т. 2: Сравнительный словарь (l - g). – 1976. – 56 с.; Вып. 3: Сравнительный словарь (p - q) (по картотекам автора). – 1984. – 136 с. (при использовании материала указывается номер корня / лексемы).

$Л_{1-3}$ Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: В 3 т. – Черновцы: Рута, 2000. – Т. 1. – 262 с.; Т. 2. – 260 с.; Т. 3. – 236 с.

М Макаев Э. А. Список 3. Индоевропейские корни в германском //

Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. – М.: Наука, 1970. – С. 82 - 117 (при использовании материала указывается номер корня).

Мак. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

B Bosworth J., Toller T. An Anglo-Saxon Dictionary. – N. Y.: Oxford University Press, 1996. – 1302 p. (при использовании материала указывается номер страницы).

Buck Buck C. D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. – Chicago: The University of Chicago Press, 1949. – 1515 p. (при использовании материала указывается номер страницы).

Corpus The British National Corpus // http://www/natcorp.ox.ac.uk/

Holt. Holthausen F. Etymologisches Wörterbuch der Englischen Sprache. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1949. – 228 S. (при использовании материала указывается номер страницы).

Lehmann Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. – Leiden: E. J. Brill, 1986. – 712 p. (при использовании материала указывается инициаль и номер лексемы).

N. The Early Reconstructions of Nostratic by V. M. Illič-Svityč // Reconstructing Languages and Cultures. Abstracts and materials from the First International Interdisciplinary symposium on Language and Prehistory. Ann Arbor, 8 - 12 November, 1988 / Shevoroshkin V. V. (Ed.). – Bochum: Studienverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1989. – P. 131 - 176.

Skeat Skeat W. W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford: At the Clarendon Press, 1936. – 664 p. (при использовании материала указывается номер страницы).

OED_{VII} The Oxford English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1933. – Vol. VII. – 1050 p. (при использовании материала указывается номер страницы).

OED_{XI} The Oxford English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – Vol. XI. – 1141 p. (при использовании материала указывается номер страницы).

Onions The Oxford Dictionary of English Etymology / Onions C. T. (Ed.). – Oxford: At the Clarendon Press, 1969. – 1025 p. (при использовании материала указывается номер страницы).

Ruhlen Ruhlen M. Nostratic-Amerind Cognates // Reconstructing Languages and Cultures. Abstracts and materials from the First International Interdisciplinary symposium on Language and Prehistory. Ann Arbor, 8 – 12 November, 1988 / Shevoroshkin V. V. (Ed.). Bochum: Studienverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1989. – P. 78 - 81 (при использовании материала указывается номер лексемы).

Stratmann Stratmann F. H. A Middle-English Dictionary containing words used by English writers from the twelfth to the fifteenth century. – A new ed., re-arranged, revised, and enlarged. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 708 p.

$Walde_{1-3}$ Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. – B., Lpz.: Walter de Gruyter & Co. – Bd. I. – 1930. – 877 S.; Bd. II. – 1927. – 716 S.; Bd. III. Register. – 1932. – 269 S. (Unveränderter photomechanischer Nachdruck 1973).

Wat. Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. – 2nd ed. – Boston, N. Y.: Houghton Mifflin Company, 2000. – 149 p. (при использовании материала указывается номер страницы).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЯЗЫКОВ

авест.	авестийский язык
америнд., AMERIND	(пра)америндский язык
арм.	армянский язык
валл.	валлийский язык
герм., PG	(пра)германский язык
готск.	готский язык
греч.	греческий язык
гэл.	гэльский язык
др.-англ., OE	древнеанглийский язык
др.-вн.	древневерхненемецкий язык
др.-инд.	древнеиндийский язык
др.-ирл.	древнеирландский язык
др.-исл.	древнеисландский язык
др.-прус.	древнепрусский язык
др.-сакс.	древнесаксонский язык
др.-фриз.	древнефризский язык
и.-е., IE	(пра)индоевропейский язык
исл.	исландский язык
кирг.	киргизский язык
кит.	китайский язык
корн.	корнский язык
кушит.	кушитские языки
лат., Lat.	латинский язык
латыш.	латышский язык
лит.	литовский язык
морд.	мордовский язык
нем.	немецкий язык

нид.	нидерландский язык
нило-сах.	нило-сахарские языки
ностр., NOSTR.	(пра)ностратический язык
перс.	персидский язык
р.н.-англ.	ранненовоанглийский язык
русск.	русский язык
синокавк.	синокавказские языки
скр.	санскрит
слав.	славянский язык
совр. англ.	современный английский язык
ср.-вн.	средневерхненемецкий язык
ср.-англ.	среднеанглийский язык
ср.-ирл.	среднеирландский язык
ср.-нн.	средненижненемецкий язык
ст.-слав.	старославянский язык
ст.-франц.	старофранцузский язык
тох.	тохарский язык
турецк.	турецкий язык
фрак.	фракийский язык
франц.	французский язык
хетт.	хеттский язык
чукот.	чукотский язык
японск.	японский язык
AA	(пра)афразийский язык
Alt.	(пра)алтайский язык
Drav.	(пра)дравидийский язык
Corn.	корнский язык
Gael.	гаэлльский язык
Gr.	греческий язык

Kart.	(пра)картвельский язык
OI	древнеирландский язык
Ural.	(пра)уральский язык
W.	уэльский язык

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РАЗЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

вин. п. (акк., acc.)	винительный падеж (аккузатив)
дат. п.	дательный падеж
диал.	диалектное образование
ед. ч.	единственное число
ж. р.	женский род
именит. п.	именительный падеж
косв.	косвенный
л.	лицо
м. р.	мужской род
мн. ч.	множественное число
неодушевлен.	неодушевленный
одушевлен.	одушевленный
осн.	основа
род. п. (gen.)	родительный падеж
ср. р.	средний род
суфф.	суффикс

ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЙ

[N.: 175 - 176]

NOSTR.	IE	Alt.	Ural.	Drav.	Kart.	AA
смычные						
*p□	p, sp-	pʿ-, p-	p-, -pp-	p-, -pp- / -v-	p□ , p	p
*p	p, b	pʿ- / b- -p- / -b-	p-, -p-	p-, -pp- / -v-	p / b	p(l) / b
*b	bh	b	p-, -w-	p-, -v-	b	b
*t□	t	tʿ-, -t-	t-, -tt-	t-, -t(t)- / -t□ (t□-)	t□	t□
*t	d	t-, -d-	t-, -t-	t-, -t(t)- / -t□ (t□-)	t	t
*d	dh	d	t-, -ð-	t-, -t(t)- (?) / -t□ (t□-)	d	d
*k□	ḱ, k, kᵘ	kʿ-, -k-	k-, -kk-	k-, -kk- / -k-	k□ , k□ w	k□ , k□ᵘ
*k	ǵ, g, gᵘ	k-, -g-	k-, -k-	k-, -kk- / -k-	k, kw	k, kᵘ
*g	gh́, gh, gᵘh	g	k-, -ɣ-	k-, -ø-	g, gw	g, gᵘ
*q□	ḱ, k, kᵘ	kʿ-, -k-	k-, -?-	k-, -?-	q□ , q□ w	k□ , k□ᵘ
*q	H, Hᵘ, (?H´)	ø-, -ø-	ø-, -ɣ-	ø-, -ø-	q, qw	h
*ɡ	H, Hᵘ, (?H´)	ø-, -ø-	?-, -ɣ-	ø-, -ø-	ɣ, ɣw	ɡ
щелевые						
*s	s	s	s	c	s(l)	š
*ś	s	s	ś	c	s	š
*z	s	ž	s	?	z	z
*š	s	s, -š-	s	c	s(l)	š
*ś	s	s	´š	?	?	ś
аффрикаты						
*c□	(ś)k- (?(s)k), -s-	č	ś (?)	?	c□	s□
*c	(s)k- (?(ś)k), -?-	č	ś	c	c	s
*ʒ	?	ž	ś	?	ʒ	z
*ć□	?-, -s-	č	ć	c	c(l)	ś
*ʑ	?	ž	?	?	ʒ(l)	d
*č□	(s)t-, -s-	č	?	?	č□	t□
*č	(s)t-, -s-	č	č	c	č	t
*ž	(s)t-, -?-	?	č	?	ž	d

Окончание таблицы соответствий

ларингалы						
***h□**	**H, H´, (?H$^{u}_{.}$)**	**ø-, -ø-**	**?**	**?**	**x**	**h□**
***h**	**H (?H´, H$^{u}_{.}$)**	**ø-, -ø-**	**ø-, -?-**	**ø-, -?-**	**?**	**h**
***ɣ**	**H (?H´, H$^{u}_{.}$)**	**ø-, -ø-**	**?-, -ø-**	**ø-, -ø-**	**ɣ, ?ø**	**ʃ**
сонанты						
***m**	**m**	**m-, b-, -m-**	**m**	**m**	**m**	**m, b (?)**
***n**	**n**	**n**	**n**	**n-, -n-, -n-, -n□-**	**n**	**n**
***ń**	**n, j**	**ń**	**ń**	**ñ-, n-, -n□-**	**n**	**n**
***ñ**	**kn-, -?-**	**n, ń**	**ñ**	**?**	**?**	**?**
***r**	**r**	**?-, -r-, -r´-**	**r**	**?-, -r-, -r□ □ □, -r-**	**r**	**r**
***l**	**l**	**l-, -l-, -l´-**	**l**	**n-, -l-, -l□-**	**l, r**	**l**
***l´**	**l**	**?-, -l´-**	**l´**	**?-, -l□-**	**r**	**l**
***ɬ**	**l**	**t-, -l-**	**ɬ**	**t-, -l- / -l□-**	**dl- (?), -l-**	**l**
***λ**	**l**	**d-, -l-**	**δ´**	**?-, -t□ (t□□)/ -t(t)-**	**l**	**l**
***w**	**w**	**b, ø**	**w**	**v**	**w, ø**	**w, ?b**
***j**	**j**	**j**	**j**	**j-, ø-, -ø-**	**j, ø**	**j, ø**
гласные						
***a**		**a**	**a**	**a**		
***o**		**o, (a)**	**o, (a)**	**o, a**		
***u**		**u / ü, ö**	**u / ü**	**u**		
***ä**		**ä, ö**	**ä**	**a**		
***e**		**e, ö**	**e**	**e, i**		
***i**		**i / y**	**i / y, a (?)**	**i**		

ПРИЛОЖЕНИЕ